Н. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

(ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ (АГРАРНЫЙ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ) КАПИТАЛИЗМ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И ВНЕЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

„КНИГА"
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

ЦЕНТРАЛЬН. ТИП.
НАРКОМВОЕНМОРА
ЛЕНИНГРАД,
площ. Урицкого, 10.

Ленинградский
Областлит № 12951.
Тираж 1.200—23 п. л.
Заказ № 1179.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Английский производственный капитализм.

I.

Промышленный переворот в Англии.

Первый момент в истории английского производственного капитализма—с конца XVII века до 50-х годов XVIII включительно—был временем, когда сельскохозяйственный капитализм почти всецело господствовал, капитализм же в индустрии имел по преимуществу еще торговый характер. Мы не выделяем его поэтому для особого изучения: нового в смысле социальном и политическом он после революции 1688 г. и билля о правах 1689 г., утвердившего гражданское равноправие, не дал. Мы будем говорить о сельскохозяйственном развитии Англии за этот первый момент в связи с теми переменами в индустрии, которые обнаружились во второй половине XVIII века, особенно в 60-х годах, т.-е. во второй момент развития производственного капитализма в Англии, длившийся с половины XVIII до конца первой трети XIX столетия.

Итак: в каком же положении находилось английское сельское хозяйство, начиная концом XVII века и кончая первой третью XIX века?

Исходный пункт здесь, основное явление, характеризующее эпоху,—это процесс „огораживания", присвоения лордами, крупными землевладельцами пустырей, выгонов, лесов, всех вообще общинных угодий и скупки ими крестьянских участков, иными словами—уничтожение класса иоменов—свободных крестьян - собственни-

ков. Иомены помогли джентри совершить для торжества сельскохозяйственного капитализма великую английскую революцию. Теперь джентри и старая феодальная аристократия, переродившиеся одинаково в сельскохозяйственную буржуазию, уничтожили иоменов, причем, разумеется, и многие богатые иомены тоже успели превратиться в сельскохозяйственных предпринимателей.

Этот процесс первостепенной важности характеризуется рядом конкретных фактов, из которых важнейшим, наиболее показательным и ярким является тот, что уже с 1700 по 1760 год было огорожено 300 тысяч акров, а с 1760 по 1843 г.—7 миллионов акров [1]): процесс шел, очевидно, с головокружительно усиливавшейся быстротой. В царствование одного только Георга I было издано 12 биллей об огораживании в разных графствах, но, кроме того, огораживания производились и помимо парламента [2]).

Непосредственно в связи с огораживанием, исчезновением крестьян - собственников земли (иоменов) совершился и другой важный процесс—исчезновения прежней мелкой аренды и замены ее арендой крупной, капиталистической. Мелкие арендаторы—фригольдеры и копигольдеры, — по словам Артура Юнга, исчезли в Англии уже к 70-м годам XVIII века, и вместо них появились крупные фермеры-капиталисты. Фермы таким образом консолидировались, сделались крупными: там, где раньше было 30 ферм, стало две, где было 14, осталось одна; соответственно этому удлинились и сроки аренды—иногда до 19 лет [3]).

Третьим явлением, характеризующим сельскохозяйственный капитализм Англии до 40-х годов XIX века, было улучшение техники сельскохозяйственного производства, совершавшееся рука об руку в земледелии и скотоводстве. В земледелии это означало большие успехи в XVIII века плодосмена и травосеяния, особенно в графствах Норфок, Сёффок, Эссекс и Кент. Так как

---

[1]) *Тойнби,* Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии, М. 1898, стр. 129.

[2]) Там же, стр. 30, 32.

[3]) Там же, стр. 130, 131.

плодосменно - травопольный севооборот был впервые применен в графстве Норфок, то он и носит название норфокского. Он заключил в себе такое чередование растений: 1) репа, 2) ячмень, 3) клевер, 4) пшеница. Пар здесь заменен обработкой земли под репу, с ее удобрением навозом—всем, какой имеется в хозяйстве. При этом и репа идет на корм скоту, и клевер один раз косится на сено, а затем на клеверное поле выгоняют для подножного корма скот [1]). Таким образом ясно, что улучшение земледельческой техники приводит также к техническому под'ему скотоводства. Изобретен был во второй половине XVIII века паровой плуг, стали основываться сельскохозяйственные общества [2]). В 1770 г. сборы хлеба в Англии достигли уже 25 бушелей с акра, т.-е. почти на 40% больше, чем в то же время во Франции [3]). Стала улучшаться порода скота: в 1700 г. вес туши рогатого скота равнялся 370 фунтам, а овцы 28 фунтам, а к 1800 году вес первой дошел до 800 фунтов, второй до 80 фунтов [4]).

В результате всего этого получилось четвертое характерное явление—сильное обогащение сельскохозяйственной буржуазии, поддерживавшееся к тому же покровительственной системой, высокими пошлинами на иностранный привозный хлеб, повышавшими цену на хлеб внутри страны. Средняя цена на пшеницу в 1795—1805 годах была 81 шиллинг за квартер, а в 1805—1815 годах даже 97 шиллингов 6 пенсов за квартер [5]). Господствующее положение сельскохозяйственной буржуазии в парламенте давало ей возможность поддерживать в течение всего XVIII века высокие, покровительственные пошлины на хлеб, а в 1815 году был издан даже закон, запрещавший ввоз в страну пшеницы раньше, чем цена ее на внутреннем рынке не превысит 80 шиллингов за квартер.

---

[1]) *Ден*, Очерки по экономической географии, часть первая, Спб. 1908, стр. 226.
[2]) *Тойнби*, Промышленный переворот в Англии, стр. 131.
[3]) Там же, стр. 37.
[4]) Там же, стр. 34.
[5]) Там же, стр. 157—158.

Но, несмотря на господство сельскохозяйственного капитализма, в народном хозяйстве Англии уже в первой половине XVIII века подготовлялся, а во второй его половине окончательно совершился промышленный переворот.

Это видно прежде всего из данных о росте населения. В первой половине XVIII века оно увеличилось на 18%, во второй—уже на 52%. При этом уже между 1700 и 1750 годами население особенно сильно возросло в Ланкашире и Вест-Ридинге—центрах хлопчатобумажной и шерстяной мануфактуры, а также в Стаффордшире и Варвикшире, где существовали гончарное и металлическое производства, и, наконец, в каменноугольных районах — Дёргеме и Нортумберланде. Уже в половине XVIII века половина всего населения Англии жила в городах, причем население Шеффильда и Бирмингама увеличилось всемеро, Ливерпуля в 10 раз, Манчестера в пять [1]).

В первой половине XVIII века важнее всего было шерстяное производство, дававшее четверть всего английского вывоза заграницу [2]). Потом большое значение имело железоделательное производство: около 1737 г. в Англии было 59 доменных печей, которые производили 17.350 тонн железа ежегодно [3]). Хлопчатобумажное производство тогда было малозначительно: в 1760 г. в нем занято было всего 60 тысяч человек, и ценность производства не превышала 600 тысяч фунтов стерлингов. Однако, вывоз хлопчатобумажных изделий в течение 60-ти первых лет XVIII века увеличился почти в девять раз [4]).

Тем не менее, все это время производство было мелким—кустарным и ремесленным и руководилось лишь торговым капиталом в форме домашней индустрии, бравшим на себя обмен, обслуживание обширного национального и международного рынка [5]). Такими ку-

---

[1]) Там же, стр. 15, 19—21.
[2]) Там же, стр. 38.
[3]) Там же, стр. 45.
[4]) Там же, стр. 45.
[5]) *Гельд,* Развитие крупной промышленности в Англии. Спб. 1899, стр. 170, 182.

старями были, например, суконщики близ Галифакса и ланкаширские ткачи, зависящие от манчестерских купцов, которые снабжали их полотняной основой и сырым хлопком [1]). Однако, местами появились уже мануфактуры в городах, насчитывавших до 150 рабочих; манчестерские купцы собирали иногда 30—40 станков в городских фабричных зданиях [2]).

Соответственно всему этому техника тогда была слаба: только вместо прялки и веретена введена была самопрялка, и для уплотнения сукна вместо того, чтобы мять его в воде, действовала сукновалка. Впрочем, в 1738 году Кэй изобрел самодвижущийся челнок, что привело к ускорению работы вдвое [3]).

Вторая половина века принесла крупные технические нововведения, произведшие целый огромный переворот в индустрии, заменившие кустарную избу, ремесленную мастерскую и мануфактуру фабрикой, работающей при помощи машин. Машина состоит из трех частей: двигателя, передаточной части и рабочей части, причем основная отличительная черта машины заключается в том, что двигатель в ней механический,—паровой или электрический.

Поэтому основой промышленного переворота в Англии было изобретение парового котла Джемсом Уаттом в 1769 году. Результатами этого открытия были изобретения прядильной машины Харгривса в 1770 году, ватер-машины (т. е. более сильной прядильной машины) Аркрайта в 1769 г., мюль-машины (еще более сильной прядильной машины) Кромптона в 1779 г., особенно же механического ткацкого станка Картрайта в 1785 г. и сельфактора Келли, впервые открытого в 1792 г., но введенного в употребление только после усовершенствования его Робертсом в 1825 году. Благодаря большей части этих изобретений огромный скачек вперед сделала хлопчатобумажная фабричная промышленность: производство в ней с 1788 г. по 1803 год утроилось [4]).

---

[1]) *Тойнби*, Промышленный переворот, стр. 52—54.
[2]) Там же, стр. 53, 54.
[3]) Там же, стр. 48—49.
[4]) Там же, стр. 133; *Гельд*, Развитие крупной пром. в Англии, стр. 206, 208.

В железоделательном и чугуноплавильном производстве технический переворот произведен был в 1784 г. изобретением так-называемого пудлингования, которое сделано Кортом. Сущность пудлингования заключается в замене кричного производства железа, т.-е. выделки его в доменных печах в виде больших кусков или криц при помощи древесного топлива, а с 1735 г., благодаря Дерби, и каменного угля,—производством в так-называемых пламенных или отражательных печах. В таких печах металл, именно чугун, не находится в непосредственном соприкосновении с топливом: топливо сжигается в особой топке, пламя переходит из топки в печь и раскаляет свод печи, а жар, являющийся результатом этого, отражается на лежащем в печи чугуне, расплавляет его, превращает по мере сгорания углерода в железо, которое и получается в тестообразном виде; при этом нужно перемешивать (to puddle) расплавленную массу чугуна, откуда получил название и весь процесс такого производства. Выгоды тут получаются, во-первых, в большей и скорейшей производительности, во-вторых, в большей чистоте и плавкости железа, в третьих, в более высокой температуре, получаемой в отражательных печах, т.-е. в экономии топлива, в четвертых, в возможности и необходимости употреблять минеральное топливо—каменный уголь—вместо древесного,—дров, т.-е. сохранять леса. Все это поставило Англию на исключительное место в железоделательном и чугуноплавильном производстве, и в 8 лет—с 1788 г. по 1796 г.—производство железа в стране удвоилось. Содействовало этому, особенно процветанию Шеффильда, также изобретение Хентсменом производства литой стали, однообразной, не сварочной, путем очищения этой сварочной стали, переплавки ее в тиглях [1]).

Так Англия первая из всех стран мира стала страной производственного капитализма и в индустрии.

---

[1]) *Липин*, Металлургия чугуна, железа и стали, т. I, Спб. 1904 *Eherenberg*, Grosse Vermögen, ihre Entstehung und ihre Bedeutung, Jena, 1902; *Ден*, Каменноугольная и железоделательная промышленность, Спб. 1907.

Это имело весьма многообразные и чрезвычайно важные последствия прежде всего в сфере чисто экономической.

Сюда прежде всего относится быстрый и сильный рост внешней торговли Англии,—ее ввоза и вывоза. Общие обороты внешней торговли Англии в начале XVIII в. составляли $16^1/_2$ милл. ф. ст., в 1760 г. 25 милл., в 1800 г. 65 милл., в 1850 г. 190 милл. ф. ст. [1]).

Затем, постепенно отменена была старая регламентация промышленности: цехи заглохли в Англии в XVIII в.; в 1765 г. парламент ослабил техническую регламентацию суконного производства, в 1808 г.—кожевенного производства, в 1798 г. работы золотых дел мастеров, в 1825 г. ирландских ткачей; таксировка цен была фактически отменена в начале XIX в., особенно в 1815 г. [2]). Ремесло и кустарные промыслы в Англии падали и исчезали безвозвратно. Они уничтожались фабрикой, беспощадно губившей их посредством новой машинной техники, своей могущественной, непреоборимой конкуренцией.

В то же время, однако, оказывалось всяческое, притом усиленное, покровительство новой фабричной промышленности. Пошлины на иностранные товары и премии на вывозные английские были обычным проявлением экономической политики парламента в то время. Продолжалось покровительство суконной промышленности. В 1711 и в 1720 годах были установлены высокие пошлины на ввозимые ткани—льняные и полотняные. В XVIII в. и в первой четверти XIX действовали запрещение вывоза машин и наказание за эмиграцию обученных, квалифицированных рабочих [3]).

Дальнейшим результатом возникновения промышленного капитализма было появление в Англии промышленных кризисов. Первым типичным для промышленно-капиталистического хозяйства был кризис 1825 года. Уже в нем сказались основные причины кризисов,—то, что орудия и средства производства составляют достояние не непосредственных производителей, а капиталистов, и что, при организованности производства в отдельных

---

[1]) *Гобсон*, Эволюция современного капитализма, Спб. 1898, стр. 13.
[2]) *Гельд*, Разв. круп. пром. в Англии, стр. 79—88, 105.
[3]) Там же, стр. 107—135.

предприятиях, все народное и тем более мировое хозяйство оказывается неорганизованным, нет согласованности производства с потреблением, господствует экономическая анархия, хозяйственная безурядица [1]). В 1823 году объявлена была независимость государств южной и центральной Америки. Английские капиталы хлынули на этот новый рынок. В 1824—1825 годах государства южной и центральной Америки заняли в Англии 20 милл. фунтов стерл.; на английской бирже появился ряд новых акций, выпущенных вновь основанными компаниями для разработки естественных богатств южной и центральной Америки, развилась сильная спекуляция. Наступило сильное оживление промышленности: вывоз в южную и центральную Америку с 1821 по 1825 год вырос вдвое, в Ланкашире появились новые фабрики, цена на хлопчатобумажные ткани увеличилась на 23%; вырос и ввоз хлопка на 53%, шерсти на 96%, табака на 81%, дерева на 21%. Но со второй половины 1825 г. начинается кризис: ввоз превысил ценность вывоза, торговый баланс оказался неблагоприятным, золото стало отливать из страны и из Английского банка, спрос на товары оказался меньшим, чем предполагали, цены пали, спекулянты стали разоряться, начались банкротства банков, сокращение производства, массовая безработица. Английский банк не прекратил, однако, размена кредитных билетов на золото, как было сделано во время борьбы с Наполеоном и держалось с 1797 по 1821 год, а направил свои усилия на поддержку солидных банков и прочно поставленных промышленных предприятий кредитом. Так продолжалось четыре года, пока длился промышленный застой, сменивший собою острое состояние кризиса. В это время улучшена была техника производства: всюду введены были паровые двигатели. Цены на фабрикаты понизились, потребление их расширилось, и кризис кончился [2]).

Грюндерство, спекуляция, введение машин, сокращавшее расход на заработную плату, менявшее строение

---

[1]) *Туган-Барановский*, Промышленные кризисы, изд. 2-е, Спб. 1900, стр. 157.

[2]) Там же, стр. 64—77.

капитала, увеличивавшее относительную долю постоянного капитала (машин, материалов), сравнительно с капиталом переменным (заработной платой), естественно, сильно повышали капиталистическую прибыль, давали огромные барыши предпринимателям. Конечно, кризисы губили наименее приспособленных, разоряли отсталые и дутые предприятия, но солидные предприниматели выживали и в конечном счете сильно наживались, богатели, несмотря на временные потрясения. Совершенно иным оказался после промышленного переворота уровень заработной платы; известно, что она всегда понижается, когда прибыль повышается. Накануне переворота, в первой половине 60-х годов XVIII в. положение рабочих, казалось, улучшилось сравнительно с XVII веком: в XVII в. средний дневной заработок рабочего составлял $10^1/_4$ пенса при средней цене хлеба в 38 шилл. 2 п., а в первой половине 60-х годов XVIII столетия средний дневной заработок дошел до одного шиллинга, а цена хлеба упала до 32 шиллингов; значит, за это время цена хлеба понизилась на 16%, а заработная плата поднялась на 16%. Но с 70-х годов получается иная картина: рост заработной платы не поспевает за ростом хлебных цен; дорожают сильно не только хлеб, но и мясо, масло, сыр, мыло, кожа, свечи, тогда как заработная плата к концу XVIII в. почти не увеличивается [1]); реальный заработок рабочего, занятого на фабрике, таким образом уменьшается. Еще хуже обстоит дело с заработной платой в ремесле и кустарном производстве, неудержимо падающих, погибающих, но часто медленной смертью, потому что кустари и ремесленники судорожно цепляются за свое старое положение. В Ланкашире было 80 тысяч кустарей-ткачей, и, когда между 1813 и 1833 годами число механических ткацких станков там увеличилось с 2.400 до 100.000, заработок их пал с $13^1/_2$ шиллингов до $4^1/_2$ шиллингов в неделю при 12—16-часовой работе в день. Питались они исключительно картофелем и овсянкой. В таком же положении были кустари и ремесленники всей Англии: ноттингемские чулочники, шелкопрядильщики в Ковентри и Спитль-

---

[1]) *Тойнби*, Пром. перев., стр. 81, 157—158.

фильдсе, слесаря в Клэркенуэле, шерстопрядильщики на западе и т. д. [1]).

Наконец, успехи фабричной промышленности оказывали могущественное влияние на другие отрасли хозяйства. Мы уже видели, как они оживляли торговлю. Но они приводили также к под'ему банкового дела, к успехам финансового капитала. В 1694 г. основан был Английский банк как частное акционерное учреждение. В 1709 г. расширено было данное ему с самого начала право выпуска банкнот. В 1751 г. он получил исключительное право управлять английским государственным долгом, а с 1780 г. стал частично ведать управление и английской государственной кассой. На-ряду с Английским банком уже в XVIII и в первой трети XIX в. действовали отдельные частные банкиры трех разрядов: сити-банкиры, вест-эндские банкиры и банкиры провинциальные. В 1810 году было 46 сити-банкиров, которые, как и вест-эндские банкиры, обслуживали богатейшую аристократию и буржуазию, открывая им текущие счета, принимая вклады, производя дисконт. Провинциальные банкиры обслуживали среднюю и мелкую буржуазию и рядом незаметных ступеней сливались с ростовщиками. В 1695 г. основан был Шотландский банк. Два других банка в Шотландии основаны были в половине XVIII века. После 1815 года Лондон на смену Амстердаму становится главным центром международного денежного рынка, и так-называемые „торговые банки“ (Merchant-Bankers) особенно повлияли на развитие английского экономического могущества [2]). Уже в начале XIX века появились маклера в качестве представителей провинциальных банков, и еще с 1775 г. появился Clearing-House—учреждение, делающее возможными миллионные расчеты в день без металлических денег: расплаты производятся при этом между входящими в это учреждение банками и их клиентами посредством векселей, чеков, купонов, переводных квитанций банков и банко-

---

[1]) *Ротштейн*, Очерки по истории рабочего движения в Англии, М. 1923, стр. 25.

[2]) *Edgar Jaffé*, Das englische Bankwesen, Leipzig, 1910, 2-te Aufl., стр. 8—9, 63—65, 72, 77—79.

вых билетов Английского банка. С конца 20-х и начала 30-х годов в Англии начинают широко распространяться чеки [1]).

Таким образом, промышленный переворот содействовал развитию финансового, кредитного, банкового капитала. Финансовый капитализм получил от него сильный толчек, двинувший его вперед.

Конечно, развитие индустрии, переход ее в фабричную форму расширял рынок и для сельского хозяйства, способствовал развитию также сельскохозяйственного капитализма. Тем не менее, промышленный капитализм явился соперником капитализма сельскохозяйственного. С промышленным капитализмом кончилось безраздельное господство сельскохозяйственного капитализма в Англии. Возник вопрос: будет ли Англия страной вместе и аграрной и индустриальной, или ей придется превратиться в страну чисто промышленного типа? Ответ на этот вопрос в значительной степени определился в зависимости от социальных и политических перемен, пережитых Англией непосредственно вслед за промышленным переворотом, в связи с ним, под его влиянием.

---

[1]) Там же, стр. 107, 119, 137, 164.

II.

Социальные и политические перемены в Англии первой трети XIX века.

В предшествующем отделе настоящей главы была уже отмечена и иллюстрирована цифрами одна из важнейших социальных перемен, совершившихся в Англии XVIII века и первых десятилетий XIX—именно исчезновение класса иоменов и мелких арендаторов—фригольдеров и копигольдеров, иначе говоря, пролетаризация массы сельского населения Англии. Это важное явление, служащее предпосылкой широкого развития производственного капитализма, было главным образом следствием развития капитализма сельскохозяйственного. Но и промышленный капитализм, особенно после переворота 60-х годов XVIII века, сыграл здесь свою роль: он ускорил процесс пролетаризации сельского населения, лишив крестьян дополнительного кустарного заработка. Кроме того, промышленный переворот пролетаризировал и массы городского ремесленного населения. Таким образом крупнейшим явлением социальной истории Англии в XVIII в. и первой трети XIX в. надо признать образование и развитие пролетариата—класса общества, не имеющего ни земли, ни других средств производства (орудий, материалов и т. д.) и обладающего лишь возможностью продавать на рынке свою рабочую силу. Сословность в Англии в области гражданского права исчезла еще в 1689 году. Теперь быстро пошло зато классовое расчленение общества.

Оно не ограничилось образованием и быстрым ростом одного только пролетариата: и в буржуазии появились важные новообразования и чреватые крупными последствиями социальные группировки.

Между ними прежде всего обращает на себя внимание образование и усиление финансовой, банковой буржуазии, денежной классовой (не сословной) аристократии, haute finance, весьма влиятельной в капиталистическом обществе вследствие того, что она держит в своих руках один из основных его нервов—кредит. Нет сомнения, что эта денежная аристократия была одною из важнейших опор партии вигов, которая в течение XVIII века была главной правящей партией в Англии, особенно при Роберте Уольполе.

Другой опорой этой партии явилась новая промышленная, индустриальная буржуазия, которая, однако, была так заинтересована в победе над Наполеоном и его континентальной блокадой, что поддерживала и тори во главе с Питтом Младшим, непримиримым врагом Наполеона. Впрочем, Питт потому и получил преобладание и власть, что к нему перешли такие виги, как Бёрк, противники французской революции, да и все вообще виги, даже Фокс, не отказывали тогда в поддержке правительству: вся английская буржуазия заинтересована была в победе над конкурентом, появившимся в лице французской буржуазии.

К тому же партия тори сильно эволюционировала в XVIII веке. Долгое время с начала века она состояла из элементов, с трудом поддававшихся процессу перерождения дворянства в сельскохозяйственную буржуазию и потому стоявших за Стюартов, старую абсолютистскую династию. Сторонники Стюартов—„якобиты",—конечно, не могли быть у власти, особенно когда на престол в лице Георга I вступила ганноверская династия. И сельскохозяйственная буржуазия поэтому до 40-х годов XVIII века поддерживала вигов и Уольполя. Но к этому времени и особенно позднее, к концу XVIII столетия и в начале XIX, процесс социального перерождения землевладельческого дворянства в сельскохозяйственную буржуазию закончился. С промышленным переворотом сильно выросла новая индустриальная буржуазия, и скоро обнаружилось сильное расхождение интересов между этой новой промышленной буржуазией и буржуазией сельскохозяйственной. Эти обстоятельства, с одной стороны, содействовали перерождению партии тори, с дру-

гой—перемене в партийной ориентации сельских хозяев Англии: тори из якобитов превратились в партию аграриев, а сельскохозяйственные предприниматели—и капиталисты-арендаторы и землевладельцы—отказали в поддержке вигам, стоявшим теперь главным образом за интересы промышленной буржуазии, и примкнули к тори. Отсюда и появился новый торизм Питта Младшего и особенно в 20-х годах XIX века Каннинга, от которого не в силах был повернуть назад даже герцог Веллингтон, сам, впрочем, не бывший уже якобитом и в очень смягченном виде отстаивавший реакционную политику, в крайних своих проявлениях свирепствовавшую на материке Европы после падения Наполеона.

Наконец, в 1793 г. сложилась мелкобуржуазная радикальная партия, одна из ответвлений вигов.

Все эти явления в их многообразии и изменениях, сейчас отмеченных, нашли себе яркое отражение в политической истории Англии XVIII века.

Ближайшими последствиями революции были несколько законов и обычаев, обезоруживавших старый абсолютизм: в 1695 году была уничтожена в Англии цензура; в 1707 году в последний раз проявило себя и потом „заснуло" королевское вето по законодательным вопросам; в 1711 году провозглашен был принцип неответственности короля и полной ответственности министров.

Но, за исключением этих мер обезоружения абсолютизма, Англия, несмотря на господство вигов, длившееся с 1715 по 1742 год, причем Роберт Уольполь был первым министром с 1721 по 1742 год, была страной господства олигархии, главным образом крупной сельскохозяйственной буржуазии. Это проявлялось и в местном, и в центральном управлении.

Англия XVIII века знала два областных деления—графство и приход. В графстве власть принадлежала шерифу и заведывавшему милицией лорду-лейтенанту. Оба они назначались правительством из крупных землевладельцев. В приходе полицию, суди, распределение налогов ведал мировой судья, назначаемый правительством из местных землевладельцев, капиталистов или духовных лиц. Присяжные заседатели—большое джюри

из 24-х лиц, участвовавшее в производстве следствия по преступлениям и решавшее вопрос об обвинении подозреваемого в преступлении, об его аресте и предании суду, и малое джюри из 12-ти лиц, решавшее вопрос о виновности и невиновности на суде,—назначались из землевладельцев.

Парламент всецело находился в руках землевладельцев. Палата лордов вся сплошь представляла собою наследственных законодателей из крупнейших землевладельцев. Палата общин составлялась следующим образом: из всех 658 ее членов 5 выбирались университетами, 186 собраниями графств, 467 корпорациями городов и местечек; при этом только те города и местечки пользовались избирательными правами, которые обладали ими в средние века, так что многие новые большие промышленные города избирательных прав не имели, а, с другой стороны, их имели старые города, превратившиеся теперь в пустыри или в мелкие поселки: в числе их были 34 „гнилых местечка“ совсем или почти совсем без жителей и много других, в которых жило не более 50-ти избирателей. Все это открывало широкую возможность прямого назначения членов палаты общин правительством или крупными землевладельцами и подкупа немногочисленных избирателей. В конце-концов оказывалось, что из 658 членов палаты общин 424 назначались правительством или 252-мя крупными землевладельцами. Наконец, и пассивное избирательное право—право быть членом палаты общин — обусловливалось землевладельческим цензом, притом очень высоким: по статуту 1711 года депутаты от графств должны были иметь доход с недвижимости не меньше 600 фунтов стерлингов в год, а от городов не меньше 300 фунтов стерлингов.

Это полное господство землевладельческой, вообще сельскохозяйственной, буржуазии стало нетерпимым, недопустимым для новой промышленной буржуазии после переворота второй половины XVIII века.

Недовольство существующими порядками стало находить себе выражение в прессе, в периодической печати, которая с этого времени начинает развиваться в Англии. Появились первые большие газеты: в 1769 году „Morning Chronicle“; в 1772 году „Morning Post“: в 1785 году „Times“;

в 1808 году возник политический журнал, выражавший мнения партии вигов—„Edinbourg Review“; в 1808 году и тори должны были последовать этому примеру и основали „Quarterly Review“. Новая общественная сила, появившаяся в лице печати, тревожила господ положения и вызывала их противодействие: отсюда вышли установленный в 1789 году особый гербовый или штемпельный сбор в 2 пенса с каждого экземпляра газеты, увеличенный в 1815 году до 4-х пенсов, и особый налог на бумагу, существовавший до 1816 года; все это делало газеты и журналы дорогими, недоступными широкой читательской массе; кроме того, публицистам того времени грозили тюрьма и ссылка за неуважение к королю, королевской фамилии, правительству и религии. Правда, в 1792 году дела печати стали подсудны присяжным, но присяжные все набирались из среды господствующего класса, и, следовательно, интересы последнего были вполне ограждены.

Финансовая система покоилась главным образом на косвенных налогах: в Англии XVIII века существовало еще 20 разных акцизов [1]), нам уже известны покровительственные пошлины на иностранный хлеб и заграничные фабрикаты; еще в 1831 году всех налогов поступило 47 миллионов фунтов стерлингов, из которых $35^1/_2$ миллионов или $75{,}5^0/_0$, более трех четвертей, приходились на налоги косвенные [2]). Правда, во время борьбы с Наполеоном, когда под вопросом стояли английская монополия по сбыту фабрикатов и снабжение Англии достаточным количеством дешевого сырья, был введен подоходный налог, который и существовал с 1797 по 1816 год, но как только опасность миновала, подоходный налог был отменен.

Под знаком наполеоновской опасности и протекали конец XVIII и начало XIX в. Кроме подоходного налога, для ее предотвращения заключен был ряд займов, так что государственный долг Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, составлявший в 1791 году 237 милл. ф. ст., дошел в 1815 г. до 861 милл. ф. ст. [3]).

[1]) *Янжул*, Основные начала финансовой науки. Спб. 1890, стр. 281.
[2]) *Ротштейн*, Очерки по ист. раб. движ. в Анг., стр. 24.
[3]) *Сеньобос*, Пол. ист. совр. Евр., I.

И, однако, уже конец XVIII в. поставил на очередь три важных вопроса: вопрос об уничтожении протекционизма и о замене его свободной торговлей, вопрос о положении рабочих и вопрос о реформе избирательного права.

Первым провозвестником свободы торговли, фритрэдерской экономической и финансовой политики был Адам Смит в своем „Богатстве народов“, появившемся в 1776 г. Затем в 1792 г. в собрании ливерпульской биржи были приняты фритрэдерские резолюции [1]). Передовые слои промышленной буржуазии уже начинали понимать, что свободная торговля для них выгоднее, так как дешевле становилось сырье, исчезала контрабанда, и таможенные пошлины часто тормазили развитие промышленности и друг друга уничтожали [2]). Но особенно тори типа Каннинга и Пиля, новые тори, опиравшиеся на всю массу сельскохозяйственной буржуазии, из соперничества с промышленной буржуазией, поддерживавшей вигов, стали уничтожать промышленный протекционизм: в 1825 году отменены были запрещение вывоза машин и наказание за эмиграцию обученных рабочих, и положен конец покровительству суконной промышленности; в 1831 г., уже при министерстве вигов, уничтожены были пошлины на льняные и полотняные ткани [3]). Тори вынуждены были сделать уступку и в отношении хлебных пошлин; в 1823 году разрешен был ввоз иностранного хлеба уже при цене пшеницы в 66 шиллингов за квартер [4]). Тем не менее, хлебные пошлины сохранились в Англии до второй половины 40-х годов, когда, как увидим, отмена их помогла английской буржуазии в деле борьбы с рабочим движением.

Рабочий вопрос давал себя чувствовать очень сильно и не только во время огромного кризиса 1825 года, нам уже известного, но и раньше, под влиянием промышленного переворота. Старая торгово - капиталистическая Англия знала патриархальные отношения между масте-

---

[1]) *Гельд*, Разв. круп. пром. в Англии, стр. 147.
[2]) Там же, стр. 144, 145.
[3]) Там же, стр. 119, 123, 135.
[4]) *Сеньобос*, Пол. ист. совр. Евр., I.

ром и его подмастерьями и учениками, регулировавшиеся ремесленным уставом королевы Елизаветы; подмастерья и ученики жили в доме хозяина, обедали за общим столом с его семьей, мастер работал вместе с ними в мастерской. Поэтому противоположность классовых интересов смягчалась и прикрывалась, и в первоначальных рабочих организациях—промышленных клубах XVIII в., этом зародыше, предшественнике профессиональных союзов (трэд-юнионов),—участвовали одинаково и мастера и подмастерья, не было особых правлений, дела решались на общем собрании, и часто столкновения, стачки предотвращались непосредственным сговором мастеров и их рабочих [1]). Теперь, с введением машин, наступил конец патриархальным отношениям. Фабрикант далеко ушел от рабочих. Многие рабочие лишились работы. Кустари и ремесленники невыносимо страдали и погибали от конкуренции машинного производства. К тому же рабочие подвергались грубо-хищнической эксплоатации: получали ничтожную заработную плату, имели слишком продолжительный рабочий день, жили или в казармах, или в коечно-каморочных помещениях, спали на постелях, никогда не остывающих, так как двое сменяли друг друга на одной постели, получали увечья от неогражденных опасных частей машин, фабриканты расплачивались с ними товарами, наживаясь на этом, наконец, профессиональные союзы преследовались, так что приходилось устраивать собрания и собирать членские взносы по ночам [2]). Все это до крайности озлобляло рабочих. Малосознательные, слабоорганизованные, они во время частых волнений разрушали машины и фабричные здания, вели разрушительную, экономически-реакционную и потому безнадежную в отношении результатов борьбу. При промышленной монополии Англии на мировом рынке это было очень невыгодно фабрикантам. Репрессии мало помогали. И среди передовых элементов индустриальной буржуазии зародилась мысль о легализации профессиональных союзов для того, чтобы со-

---

[1]) *Сидней и Беатриса Вэбб*, Теория и практика английского тред-юнионизма, т. I, Спб. 1900, стр. 5.

[2]) *Маркс*, Капитал, т I; *Engels*, Die Lage der arbeitenden Klassen in England.

здана была возможность для обеих сторон встретиться, сговориться и таким образом предотвратить разрушения. Но большинство фабрикантов, преданные рутине. не пошло бы на это долго, если бы не помогло соперничество сельскохозяйственной буржуазии: именно она и ее представители—новые тори, Коннинг и Питт, провели в 1824 году признание законом профессиональных рабочих союзов. Пока, правда, это были союзы, не имевшие еще прав юридического лица, но все же легальные, имевшие правильную открытую организацию, вбиравшие в себя верхи рабочего класса и имевшие выборные правления. Это ослабляло и уничтожало разрушения машин и зданий.

Рабочему вопросу предстояло занять первое место несколько позднее. Во втором и третьем десятилетиях XIX века больше всего внимания привлекал вопрос об избирательной реформе.

Начало его возбуждения принадлежит радикалам— этому крайнему ответвлению вигов. Теоретиком радикалов в XVIII в. был главным образом Бентам, а практиком выступил сначала в особенности Коббет, крестьянин по происхождению; издававший с 1816 г. дешевую газету „Weekly Register" и воздействовавший через ее посредство на рабочих и мелкую буржуазию. Радикалы еще в 1793 г. высказались за всеобщее избирательное право. Но агитация радикалов встретила ожесточенное сопротивление правящих классов и выражавшего их интересы правительства; особенно сопротивлялись ей сельскохозяйственная буржуазия и представлявшая ее партия тори. Когда в 1816 г. состоялось огромное собрание в Спафильде, где оратором выступил радикал Уатсон, то оно было разогнано военной силой. Парламент приостановил действие Habeas Corpus Act'a, и в 1817 г. издан был закон, грозивший участникам незаконных собраний смертной казнью. В Ноттингэме произошло восстание, за руководство которым, после его подавления, был осужден Брандрет. От имени радикалов Бёрдет формулировал в палате общин требования всеобщего избирательного права, равных округов и ежегодных выборов. В 1819 г. на митинге в Ланкашире программа радикалов была развернута еще более: к лозун-

гам Бёрдета прибавлены тайное голосование, вознаграждение членам парламента и уничтожение всякого избирательного ценза. Эта программа особенно развита была Гёнтом на митинге в Петерлоо. Этот митинг был разогнан гусарами, причем были убитые и раненые, а Гёнт, провозгласивший еще отмену хлебных пошлин, был предан суду. Когда в ответ на это начались митинги протеста, были изданы шесть репрессивных законов: об ускорении процедуры предания суду, о запрещении военных упражнений, о разрешении обысков мировым судьям, об аресте богохульных и революционных книг и об изгнании их авторов, о запрещении собраний и об установлении гербового сбора и залога при издании политических сочинений свыше двух печатных листов. В 1820 году открыт был заговор радикалов, и пятеро из них повешены [1]).

Это было концом агитации радикалов: всеобщего избирательного права им провести не удалось. Инициативу избирательной реформы у них перехватывают умеренные виги во главе с Рёсселем и Греем, которые придают ей и характер, соответствующий интересам промышленной буржуазии; речь идет уже не о всеобщем избирательном праве, а только об уничтожении парламентской монополии сельскохозяйственной буржуазии. И когда в 1831 г. пало торийское министерство Веллингтона, и у власти оказались виги, они, понимая первенствующее значение местного управления, пробили прежде всего здесь большую брешь в твердыне землевладельческой монополии: провели учреждение областного деления промежуточного между графством и приходом,— юниона, и построили там самоуправление на основе участия в нем всех плательщиков налогов на равных правах. А затем был внесен проект парламентской реформы, уничтожавший избирательные права гнилых местечек, сокращавший представительство малых поселков городского типа, дававший избирательные права новым промышленным городам, так что избирателями в графствах должны были быть все владельцы недвижимых имуществ с годовым доходом не меньше 18 фун-

[1]) *Сеньобос*, Пол. ист. совр. Евр., I.

тов стерл. и арендаторы имений стоимостью не ниже 50 фунтов стерлингов, а в городах все собственники и наниматели домов, дающих 10 ф. ст. годового дохода. Таким образом, не только крупная промышленная буржуазия, но и фермеры и вся почти мелкая буржуазия получали избирательные права, но большинство рабочих по условиям их жизни в то время исключались из участия в выборах попрежнему. Несмотря на это, билль, принятый палатой общин, был отвергнут палатой лордов.

Тогда рабочие начали агитацию за всеобщее избирательное право. С этою целью Ловетт основал в Лондоне „Национальный союз рабочего класса и других“ (под „другими“ разумелись радикалы), собиравшийся в Ротунде, как называлась зала его заседаний, почему члены его назывались еще ротундистами. Разбогатевший портной Плэс противополагает этой организации или по крайней мере ставит рядом с ней основанный им „Национальный политический союз“, в котором всеобщее избирательное право подменяется неопределенной формулой „действительного и пропорционального представительства средних и рабочих классов народа в палате общин“. Организация Плэса, созданная для поддержки умеренных вигов, имела огромный успех. На новых выборах виги победили. Однако, палата лордов еще два раза отвергала билль. Тогда Плэс организовал массовые митинги и создал панику на бирже и в торговых сферах, устроив массовые требования вкладчиками их вкладов в банки. Ротундисты тщетно боролись против урезанных лозунгов Плэса. О‘Брайен в своей газете „Poor Man’s Guardian“ напрасно изобличал Плэса и его тактику. Массы шли за Плэсом и помогли вигам заставить лордов в 1832 году принять новый избирательный закон. Число избирателей, составлявшее прежде $^{1}/_{32}$ населения страны—465 тыс. чел., повышено было до 662 тыс.—$^{1}/_{22}$ населения [1]). Промышленная буржуазия достигла своей цели: парламентская монополия сельскохозяйственной буржуазии была уничтожена.

Во время всей этой борьбы проведены были также и некоторые другие реформы. Важнейшей из них была

---

[1]) Там же; *Ротштейн*, Оч. раб. дв. в Англии, стр. 16—22.

эманципация католиков 1829 года—возвращение им политических прав. Еще в 1788 г. Вильберфорс внес в парламент билль о запрещении торговли неграми, но принят был этот билль только 27 лет спустя, в 1815 г., а в 1833 г. отменено было невольничество в английских колониях, причем рабы выкуплены государством за 20 милл. фунт. стерл. В 1821—22 г. отменена была смертная казнь за маловажные преступления. В 1836 г. понижен до 1 пенса гербовый сбор с газет (он совершенно был уничтожен в 1855 г.). Наконец, в 1834 г., когда король Вильгельм IV уволил в отставку министерство вигов и поручил составление торийского министерства сначала Веллингтону, потом Пилю, и министерство Пиля четыре раза осталось в меньшинстве,—Пиль вышел в отставку и формулировал ответственность кабинета перед палатой общин, заявив королю, что „на основании практики, принципов и буквы конституции правительство не должно настаивать на своем праве руководить делами государства после законной попытки к этому, раз против него ясно высказалась палата общин, даже в том случае, если она, как ныне, пользуется доверием монарха и большинства палаты лордов“ [1]).

---

[1]) *Сеньобос*, Пол. ист. совр. Евр., I.

III.

Английская духовная культура XVIII и первой трети XIX века.

Мы видели, таким образом, насколько интересен и сложен первый момент в развитии материальной культуры английского капитализма, охватывающий время с 1688 по 1835 год. В нем приходится различать несколько отдельных частей, каждая из которых характерна по своему. Первая часть—с 1688 года до 60-х годов XVIII столетия. Это—время полного и исключительного господства сельскохозяйственного капитализма в Англии и окончательного образования сельскохозяйственной буржуазии, составившейся из переродившегося в нее дворянства, части старой торговой крупной и средней буржуазии (купцы приобретали землю) и более зажиточных элементов крестьянства, причем сельскохозяйственная буржуазия распадалась на два слоя—землевладельцев и более или менее капиталистических фермеров—и держала в своих руках и на местах и в центре руль государственного корабля.

Вторая часть того же первого момента в развитии английского капитализма длится с 60-х годов XVIII в. до половины 30-х годов XIX столетия. Это время промышленного переворота, борьбы с внешним конкурентом в промышленности—Францией и завоевания индустриальным капитализмом экономического и политического равенства с капитализмом сельскохозяйственным, даже начала перевеса первого над вторым, индустриализации Англии. Под конец, когда французская конкуренция была сломлена, проявились и некоторые признаки перехода от грубохищнического, элементарного производственного капитализма к капитализму культурному, отличающемуся

не меньшей, даже большей эксплоататорской энергией, но придающему этой энергии более утонченные формы и приемы. Важнейшими признаками здесь были легализация профессиональных союзов, ослабление протекционизма, отмена невольничества, уменьшение стеснений печати и т. д.

Все эти черты, отличающие развитие материальной культуры, нашли себе яркое проявление в культуре духовной.

Для обозрения ее возьмем сначала время с 1688 по 1760 год.

Художественная литература и искусство ярче всего отражают чувства и настроения господствующих классов. К ним прежде всего и надо обратиться. Здесь первыми характерными фигурами являются Поп, Стиль и Аддисон в литературе и Рен в искусстве. Все они знаменуют собою перерождение дворянства в буржуазию, духовно-культурное образование сельскохозяйственной буржуазии.

Кристоф Рен, строитель церкви св. Павла в Лондоне, находится еще во власти дворянского классицизма, следует в общем его правилам. Но уже в его творчестве чувствуется стремление к чему-то новому,—к буржуазной морали и уравновешенной, рассудочной религии, необходимой для поддержания буржуазной государственности.

Таков же по существу Поп, теоретически верный заветам Буало, однако, уже частично отступающий от трех единств в своих критических опытах, переводчик Гомера, издатель и толкователь Шекспира, подражатель Буало в поэзии („Похищение локона"), но вносящий уже в свое творчество элементы народной поэзии и, главное, новую буржуазную мораль и зародыши сентиментализма („Пасторали") [1]).

И Стиль и Аддисон заплатили дань прошлому: Стиль—в набожном рассуждении „Христианский герой", Аддисон в лакейском, „шинельном", пользуясь выражением князя Вяземского о патриотических стихах Жуковского, стихотворении по поводу победы Мальборо при Гохштедте и в своей классической драме „Катон" [2]). Но они оба

---

[1]) *Геттнер,* История всеобщей литературы XVIII в., I, стр. 195—199; *Вейзер,* История английской литературы, стр. 104—106.

[2]) *Вейзер,* Ист. англ. лит., стр. 110—113.

уже новые буржуазные публицисты в своих журналах „Болтун“, „Зритель“ и „Опекун“. У них были предшественники, начиная еще с конца XVII века [1]). Но они первые создали буржуазную юмористическую, сатирическую и нравоучительную публицистику. У них, особенно у Стиля, был и политический элемент в сатире, заостренный еще соперничеством с журналом „Examiner“, где душой дела был Свифт: последний стоял за тори, а Стиль и Аддисон за вигов. Но главное в их публицистике—изображение нравов и характеров, сатира на пороки и недостатки в семейной жизни и общежитии, насаждение новой буржуазной морали [2]).

Рен, Поп, Стиль, Аддисон стояли еще на рубеже дворянской и буржуазной культуры, делая первые шаги за этот рубеж. Совсем новыми людьми, знаменовавшими собою второй этап совершившегося социального перерождения, являлись Свифт и Дефо.

Свифт был величайшим сатириком и памфлетистом. Выше было упомянуто, что он был душой политической сатиры в торийском журнале „Examiner“. Но в сущности он не был верен торизму и очень скептически, язвительно обличал английскую политическую действительность XVIII в.—одинаково и тори и вигов—в своем „Путешествии Гулливера“, полном метких намеков на живых лиц и существующие порядки. Не менее замечательна и его „Сказка о бочке“, где обличается догматическая, религиозная нетерпимость [3]).

Даниэль Дефо был сын мясника-диссентера, как звали в XVIII в. пуритан, и сам диссентер, горячо убежденный демократ, участник восстания Монмута и армии Вильгельма Оранского в 1688 г. В 1698 г. он составил книгу „Essay on projects“, где развил план грандиозной банковой системы, организации страхования разного рода и проч. Темперамент политического борца вдохновил Дефо в 1703 г. на резкую сатиру по поводу преследования диссентеров под заглавием „Кратчайший способ разде-

---

[1]) *Лазурский*, Английская журналистика XVII в.: „Журнал Нар. Пр.“ за 1907 г., февраль.

[2]) *Геттнер*, Ист. вс. лит. XVIII в., I, стр. 221—236

[3]) Там же, I, стр. 258—279.

латься с диссентерами“: с убийственной иронией он указывал здесь, что этот способ—виселица и каторга. За эту сатиру он был присужден к штрафу, тюремному заключению и к выставлению у позорного столба, но, выставленный у столба, он был засыпан цветами. Наконец, в 1719 г. Дефо написал „Робинзона Крузо“—картину натурального хозяйства и образец инициативы и индивидуализма [1]). Несомненно, по настроению, взглядам и деятельности Дефо был буржуазный демократ.

Наконец, в художественной литературе первой половины XVIII века началась и сентиментальная идеализация буржуазии, особенно ярко проявившаяся у Лилло в его мещанской драме „Лондонский купец“, в романах Ричардсона „Памела“, „Клариса“ и „Грандисон“ и в юмористических и нравоучительных романах и повестях Фильдинга, главным произведением которого был „Том Джонс“ [2]).

Так, уже в первой половине XVIII в. в художественной литературе наметились различные проявления буржуазных настроений. В то же время начинало складываться и новое миросозерцание, развивался по наследству от Локка деизм, философски-рационалистическая религия. Он виден у Коллинза в его „Рассуждении о свободном мышлении“, и у Лайонса в книге „О непогрешимости человеческого разума“; у обоих этих писателей видим полное отречение от откровения. Толанд в своем „Христианстве без тайн“ об‘явил таинства остатками язычества и под конец жизни примкнул к пантеизму Спинозы. Наконец, философскими деистами были Болингброк и Тиндаль. Первый из них признавал, однако, религию удобным средством управления массами, а второй признавал христианство религией лишь в той степени, в какой оно согласно с „естественной религией“, с деизмом [3]).

Иное течение—рафинированного эстетизма—представлял собою Шефтсбери. Для него не добро на первом плане, а красота: осуществить надо прекрасное, а добро само приложится; жизнь и искусство—одно и то же; и

---

[1]) Там же, I, стр. 239—247.
[2]) Там же, I, стр. 372—386, 415.
[3]) Там же. I, стр. 139—145, 285—290, 320

жизнь—искусство. Религия обещает за добродетель награду и тем ее ослабляет и ведет на ложный путь, по Шефтсбери. Добродетель—нравственная красота, жизненная гармония [1]).

Но и деизм и эстетизм были достижениями избранных, интеллигентских верхов буржуазного общества. Его масса, низы оставались верными традиционной религии: недаром Стиль и Аддисон, эти выразители массовых буржуазных настроений, нападали в своих журналах на деистов. Но была еще середина, представленная масонством, развившимся также в Англии первой половины XVIII в. Мы не будем, однако, здесь останавливаться на английском масонстве, так как в VII томе нашего труда, при характеристике масонства в России, шла уже об этом речь.

Капиталистическое хозяйство невозможно без научного, об'ективного в известной мере, по суб'ективным заданиям и целям, исследования действительности. Поэтому, буржуазное общество воспитывает вкус, интерес и стремление к научному исследованию. Это проявилось в Англии первой половины XVIII в. в трудах Петти, Норта и Давенанта, посвященных политической экономии, и в деятельности гениального математика и естествоиспытателя Исаака Ньютона.

Ньютон одновременно с Лейбницем открыл исчисление бесконечно-малых, а также дифференциальное и интегральное исчисление. В механике ему принадлежит развитие динамики. Он приложил также законы динамики к движению планет и формулировал закон всемирного тяготения. В физике Ньютон открыл спектр и об'яснил цвета и их происхождение от различного отклонения разных лучей. Строгость, широкие обобщения, простота и ясность—вот основные научно-методологические достижения Ньютона [2]).

Переходя к духовной культуре второй половины XVIII в. и первой трети XIX, мы будем рассматривать параллельно родственные, аналогичные явления художественной литературы и искусства.

---

[1]) Там же, I, стр. 155—169.

[2]) См. о Ньютоне статью Жуковского, Столетова, Цераского и Цингера в „Русской Мысли“ за 1888 г., кн. II.

Здесь мы найдем прежде всего писателей и художников, продолжавших те течения, которые сложились в первой половине XVIII в. Таковы, с одной стороны, Гольдсмит, Стерн, Рейнольдс, Лауренс, с другой—Смоллет, Шеридан, Гогарт.

У Гольдсмита в его „Векфильдском священнике" и у Стерна в „Тристраме Шэнди" и „Сентиментальном путешествии" мы встречаемся снова с сентиментальной идеализацией буржуазии, но, во-первых, идеализируется здесь обычно мелкая буржуазия, буржуазная демократия, из которой и вышла большая часть новых промышленных предпринимателей, а, во-вторых, нравоописательный, реалистический элемент представлен и выражен у них очень сильно[1]). То же надо сказать о таких художниках, как Рейнольдс и Лауренс. Рейнольдс является виднейшим и изящнейшим представителем сентиментальной живописи. Это—английский Грёз. Вот, напр., его картина „Головки ангелов": в сущности это портрет маленькой дочери одного лорда, повторенный несколько раз en face, в профиль, в три четверти и т. д.; прекрасный рисунок и нежный колорит вполне соответствует наивному и невинному детскому личику, изображенному на этой картине. Но, кроме того, Рейнольдс был замечательным портретистом буржуазии XVIII в., усвоившим и переработавшим художественные достижения Тициана, Мурильо, Винчи[2]). Лауренс был его талантливым продолжателем, причем в его живописи, отражающей уже победу, торжество промышленной буржуазии, характерную черту составляет культ изящного туалета[3]).

Смоллет так же жолчен и саркастичен в своих романах, как Гогарт в картинах[4]). Пером первого и кистью второго водили негодование, отвращение, ядовитый и горький сарказм главным образом по адресу старой торговой и землевладельческой буржуазии. Характерны в этом отношении особенно картины Гогарта. Так, в его „Удовольствиях общества" изображена пьянствующая

---

[1]) *Геттнер*, Ист. вс. лит. XVIII в., I, стр. 393—395, 406—408.

[2]) *Chesnau*, La peinture anglaise. P. 1882, стр. 30, 31.

[3]) Там же, стр. 56.

[4]) *Геттнер*, Ист. вс. лит., I, стр. 400—401; *Chesnau*. La peinture anglaise, стр. 9—25.

компания богатых буржуа с посоловевшими глазами, бессмысленными и тупыми лицами; одни уже свалились, другие спят сидя, третьим дурно, четвертые, хотя уже совершенно пьяны, но с жадностью поглощают алкоголь. Или вот целая серия из шести картин под названием „Модный брак". Первая картина—помолвка: отец жениха, граф, весь преисполнен аристократической спесью; отец невесты, богатый купеческий старшина, мысленно высчитывает, во что ему обойдется замужество дочери; жених и невеста на диване, но он смотрит в ручное зеркало на свое потасканное лицо, а она любуется на дорогое кольцо и слушает любезности красивого советника. Вторая картина: лакеи убирают комнату после ночной картежной игры в доме молодых; муж полупьян, в растерзанном костюме, шпага сломана, из кармана торчит женский чепчик; жена, сонная и усталая, смотрится в зеркальце и зевает. Третья картина—кабинет врача; врач выдал девице, присутствующей тут вместе с хозяйкой-сводней, свидетельство, что она здорова, и пришедший к нему граф, от нее заразившийся, грозит врачу палкой. Четвертая картина: в доме молодых поет модный тенор; женщины — одни в похотливом восхищении, другие дремлют; хозяйка принимает приглашение советника на свидание. Пятая картина: граф застает любовников, но советник убивает его; является полиция и застает графиню полураздетой у трупа мужа. Шестая картина: советник повешен; графиня отравляется; ее отец снимает с ее пальца дорогой перстень.

Шеридан, особенно в своих „Соперниках" и „Школе злословия", является уже создателем настоящей буржуазной комедии в Англии [1]).

Таким образом, уже прежде существовавшие течения и настроения приобрели сообразно вновь слагавшейся хозяйственной и социальной обстановке новые оттенки, заблистали новыми красками.

Но этого мало: в художественной литературе и живописи самого конца XVIII века и начала XIX столетия появилось и совершенно новое направление. Это—романтизм.

---

[1]) *Вейзер*, История англ. литер., стр. 139—140.

Английский романтизм возник гораздо раньше, чем романтизм континента Европы. Как впоследствии и на континенте, он имел два оттенка—сентиментально - романтический и совершенно новый, боевой. Первый был представлен в литературе озерной школой („лакистами")—Вардсвортом, Соути, Муром, Кольриджем, Вальтером Скоттом с его стихами и особенно историческими романами. Второй—двумя великими гениями, Байроном и Шелли в поэзии и также гениальным Генсборо в живописи.

Лэкисты, особенно Вордсворт и Соути, очень скоро обнаружили свою реакционную социальную природу: то было прикрытие сентиментально-нежными формами, жестами и ужимками, притворной мягкостью и слащавой чувствительностью старого буржуазного грубого хищничества. Но уже занималась заря культурного капитализма. Ее яркими предвестниками, боевыми романтиками нового типа и явились Байрон, Шелли и Генсборо.

До какой степени они были новаторами, пионерами,—это показывает лучше всего биография Байрона [1]).

Байрон родился в 1788 г. в Лондоне. И сестра его и сам он признавали, что его натура была двойственной, что в ней боролись два начала—индивидуалистическое и моральное. „Мать и няня, ревностные кальвинистки, способны были прививать ему суровую сектантскую доктрину, нетерпимую ко всему мирскому". Но Байрон этому не подчинился вследствие „чувства независимости и страстного влечения изведать жизнь". Но он вынес из детства прекрасное знание священного писания и долго смотрел традиционно на жизнь и грядущее возмездие. Скептицизм и свободомыслие проявляются у него впервые в 19 лет в полной сомнений и тоски его „Молитве природы" („Prayer of Natur"). Начальная школа Боуэрса в Эбердине, где начал учиться Байрон, была прототипом тех уродливых школ, которые обличал впоследствии Диккенс: Боуэрс был невежда, драчун и требовал бессмысленного зубрения. Потом Байрон перешел в обучение к ласковому педагогу-пастору, который при-

---

[1]) Биография Байрона изложена по *Jeaffreson*, The real lord Byron, Lond., 1883 и *Алексею Веселовскому*, Этюды о Байроне. Анализ его сочинений произведен непосредственно по первоисточнику.

учил его к историческому чтению и грезам о прошлых временах и привязал к себе. Но мать перевела его к степенному и серьезному латинисту и, наконец, в „грамматическую школу“ в Гарроу, где царила рутина и не было ни одного учителя, которого можно было бы вспомнить добром. Уже в школе Байрон выказывал себя „живым, подвижным, страстным, чутким, в высшей степени предприимчивым и бесстрашным“. „Чувство собственного достоинства, верность своему слову были заметны в нем на-ряду с замкнутостью внутреннего мира, куда он не допускал ничьего вмешательства“. В письме к матери из школы в Гарроу он жаловался на своего тутора: пусть лучше он отнимет у меня жизнь, но не оскорбляет моей личности“. Смерть предмета его отроческой любви Маргариты Паркер (от чахотки) и некоторых товарищей сильно на него повлияла: „по словам товарищей, он в Гарроу любил уединяться на кладбище всегда у одного и того же памятника, и проводил там в раздумье целые часы иногда после оживленных игр и атлетических упражнений“. Уже тогда зародилась его скорбь, меланхолия.

Даже получение наследства от деда и титул пэра Англии были для него не радостью, а источником горести и забот: Байрон был беден, а наследство, Ньюстэдское аббатство, было обременено долгами, между тем, обычай предписывал представительство рода, образование и другие дорогие вещи.

Со школьных лет у Байрона возник культ дружбы: в своих „Детских воспоминаниях“ он добром поминает многих школьных товарищей. За первой детской любовью последовала вторая—к Мэри Чэворт, о которой он вспоминал еще в 1816 г. в стихотворении „Сновидение“. В университете в Кембридже он сам характеризовал свою жизнь как беспутство, „которое я ненавижу“, пишет он. Ни один профессор не привлек его. Оттуда он ездил в Лондон—тоже для пиров и развлечений и в 19 лет каялся и строго осуждал свою жизнь от 16-ти до 19-ти летнего возраста. В нормальном состоянии Байрон был робок, застенчив, сосредоточен, задумчив.

После университета он проводил время так же весело и разгульно с друзьями у себя, в Ньюстэде: устраивались попойки, были и женщины. В то время у Байрона не

было ни подготовки к политике, ни определенных политических убеждений, а только смутное недовольство застоем, сословное тщеславие, соединенное, впрочем, с мыслью о культурной миссии дворянства, и увлечение Руссо, его протестом против растлевающей цивилизации и призывом уйти в природу, на волю[1]). В 1807 г. Байрон написал и напечатал „Часы досуга"—первый сборник стихов; то были обращения к товарищам, пародии экзаменов, переводы римских поэтов, воспевание природы Шотландии, любовные элегии—о Маргарите Паркер и Мэри Чэворт. В это время у Байрона слагается безрадостное и скептическое миросозерцание[2]): презрение к свету, склонность к уединению, зависть к славе политиков, мысль о смерти. Всего сильнее выражено настроение Байрона в „Молитве природы" (1806 г.); это—вопль отчаяния, душевный мрак, мольба к богу, чтобы указал путь к правде, удержал от гибели и греха; но тут уже не традиционная религиозность, а деизм.

Редактор „Эдинбургского Обозрения" Джефри заказал лорду Бруму и напечатал в журнале резкую критику на „Часы досуга": здесь резко отрицался у Байрона всякий поэтический талант, и давался совет бросить поэзию. Этот отзыв пробудил в Байроне настоящего поэта, и он в 1809 г. излил свой гнев и месть в „Английских бардах и шотландских журналистах", где выразил ту мысль, что по обществу и литература: недаром общество проводит время в разврате в сомнительных притонах. Здесь обличается и наука, политика, университеты, реакционное большинство парламента, весь строй. Выраженные Байроном горячность, мужество, искренность убеждений, мастерский контраст величия и пошлости, призыв к возрождению на основе естественности, изучения природы и психологической правды заставили всех—в том числе и Джефри—признать за автором первостепенное поэтическое дарование.

Но все же у Байрона от критики Брума остался горький осадок, к тому же при вступлении его в палату лордов, вопреки обычаю, никто его не захотел ввести,—

---

[1]) *Schmidt*, Rousseau und Byron, Oppeln. 1890.
[2]) *Donner*, Lord Byrons Weltanschauung, Helsingfors, 1897.

он вошел сам, один,—и, наконец, продолжали тяготеть над ним материальные невзгоды. Байрон старался забыться за карточной игрой и много проигрывал, удручали его и преувеличенные сплетни о его ньюстэдской жизни. Поэтому он решил уйти надолго „из этой проклятой страны“ и под влиянием призывов Руссо к дикости—на восток. В путешествии его сопровождал сначала его друг Гобгоуз. В Португалии и Испании Байрон нашел материал для „Чайльд-Гарольда“ и для первой песни „Дон-Жуана“, но, встретив следы гнета бонапартовской солдатчины, чуть было не встал в ряды испанцев в борьбе их против Наполеона. На Мальте он испытал любовь к „Флоренсе“—платоническое, по его собственным словам, увлечение миссис Спенсер Смит, женой посланника в Виртемберге. В Янине Байрон познакомился с Али-пашой и вывел его во 2-й песни „Чайльд-Гарольда“ и под именем Джаффара потом в „Абидосской невесте“. В Афинах Байрон испытал чувство протеста против порабощения греков турками, спас одну женщину, которую турки хотели, зашив в мешок, утопить и ввел впоследствии этот эпизод в своего „Гяура“ и пережил любовь к гречанке Макри. В Смирне он закончил первую песнь „Чайльд-Гарольда“. Байрон вплавь переплыл Геллеспонт, был в Константинополе, затем, по возвращении Гобгоуза в Англию, странствовал один по Пелопоннесу, написал в 1811 г. „Проклятие Минервы“, бичевавшее расхищение англичанами художественных античных памятников, и, вероятно, вследствие недостатка денег, вернулся в Англию. 10 марта 1812 г. вышли в свет первые две песни „Чайльд-Гарольда“. Потом Байрон вспоминал: „в одно прекрасное утро я проснулся и увидел себя знаменитым“.

И не даром: первые две песни „Чайльд-Гарольда“ были художественным манифестом нового, боевого романтизма. Общий взгляд на их содержание лучше всего это показывает.

Первая песнь начинается характеристикой Чайльд-Гарольда который „оргии любил, над добродетелью смеялся, разгулу ночи посвящал“, жил, „не зная дела и трудов“, „заразился навсегда ужасной скукой пресыщенья“; „о многих женщинах вздыхал, одну лишь

только он любил. Увы! успехами балуем, он ею лишь не обладал". „Порой кипели в нем рыданья, но он их скоро подавлял". „Кидая берег свой родимый, Гарольд, всегда любивший мать, не обнял матери любимой и не пришел сестру обнять", потому что „кто любил, тот знает муку, как бесконечно тяжело лобзать любимое чело, предвидя долгую разлуку". „Чайльд-Гарольд чуть не признался, что край родной покинуть жаль", „арфу в руки взял, которой радости и горе в уединеньи поверял" и пропел прощальную песнь, основная тема которой—тоска одиночества. Новый романтический герой таким образом сразу завладевал вниманием читателя своей таинственностью, тоской, несчастиями, странствованиями и своеобразными чувствами, ярко окрашенными активным боевым индивидуализмом. Далее следовало восторженное описание португальской природы, красоты и страстности испанок в романтической обстановке „местного колорита"—испанских нравов и боя быков—и в контраст этому воспоминание об английских воскресных поездках за город.

Вторая песнь начинается лирическими излияниями, свидетельствующими о неверии в загробную жизнь—„бесполезно небесам курить ненужный фимиам"—трогательными воспоминаниями об умерших друзьях и горьким и негодующим порицанием лорду Эльджину за расхищение афинских развалин. И тут же нота нежности и глубокой скорби: „среди страданий неизменных у нас у всех на дне души есть много образов священных, и мы лелеем их в тиши. О них мы память сберегаем и сколько-б жить нам ни пришлось, немало теплых, чистых слез, благоговейных слез роняем". Потом поэт возвращается к своей любимой теме—об одиночестве; он не чувствует его среди природы, но чувствует в людском обществе—среди „льстецов холодных и ханжей бесчувственных"; „природа мать! ты нам всего дороже". Песнь кончается тем же, чем началась; „о, суеверие людское! как ни меняй ты свой наряд, ни обновляй его покроя—весь этот пестрый маскарад их идолов разнообразных доходом служит для святош и для ханжей корыстно-грязных", и, наконец, дается описание рамазана, картины характеров и нравов народов Турции.

Смесь картин юга и востока со смелыми и новыми лирическими излияниями, с мотивами мировой скорби и индивидуалистических порывов поразила читателей своей яркостью и необычайностью и сделала Байрона сразу знаменитостью. Его успехи в светском обществе были громадны. Он стал идолом общества и женщин, подружился с Муром, Вальтером Скоттом и озерным поэтом Кольриджем, увлекся лэди Оксфорд, но разорвал с ней вследствие ее неверности, глубоко его потрясшей. Потом он имел связи с лэди Уэбстер и с Каролиной Лэмб, взбалмошной, неуравновешенной и страстной. Байрон несколько раз выступал в палате лордов и очень радикально, необычно для этой палаты; между прочим, он защищал ноттингэмских ткачей, подвергшихся суровым репрессиям за разрушение машин. В это время Байроном был написан, по собственным словам, с целью отвлечься от действительности, „Гяур“, напечатанный в 1813 г. и имевший огромный успех. Сюжет этой поэмы сводится к тому, что турок Гассан убил и бросил в море свою жену Лейлу за ее связь с гяуром; гяур бежал и потом отомстил Гассану: убил его и ушел в монастырь. Перед смертью в монастыре он исповедуется: „то между дев, то средь мечей играл я жизнию своей; то пир друзей, то вражий бой: я презирал всегда покой“; „я не для знаний был рожден, меня манил не блеск честей и я ненавидел и любил“ Он не раскаивается в том, что убил Гассана, а страдает от тоски по любимой женщине и слагает восторженный гимн облагораживающему влиянию любви: она—„неба светлый, чистый дар“; в ней „сами небеса нисходят в душу, как роса“; „я раз любил, иной не ведая любви“; просит передать привет другу и слагает также гимн дружбе.

Тогда же напечатана была „Абидосская невеста“, написанная в четыре ночи, опять-таки с целью рассеяться от угара. Это—повесть любви и смерти; паша Джафар хочет выдать свою дочь Зюлейку замуж за старого пашу Османа; но Зюлейка, и племянник Джафара, сын убитого им брата, Селим, любят друг друга; Джафар боится мести Селима, держит его вдали от военного дела, но Селим убегает и становится атаманом разбойников; узнав о предполагаемом браке Зюлейки, он уго-

варивает ее бежать, но Джафар его убивает; Зюлейка умирает от разрыва сердца. Зюлейка здесь живая женская фигура, Джафар—янинский Али-паша, Селим—порывистая, непокорная, властная натура, выражающая разбойничеством протест против общества.

Этот же протест виден и в „Корсаре“, изданном в 1814 г. И здесь месть людям и любовь к женщине все для героя: „он создан был для нег и мирных наслаждений, он увлечен был злом в пучину преступлений. Он слишком рано яд предательства узнал и слишком много зла и горя испытал“; душа его „много зла вмещала“, но в ней „одна святая страсть царила и сияла“. Характеры героев этой поэмы—Конрада, Сеида, Гюльнары, Медоры—строго выдержаны. К изданию „Корсара“ были приложены 8 стихов с намеком на принца-регента, в дневнике 1813 г. Байрон высказывается за республику, при занятии Парижа союзниками пишет: „воры в Париже“; „как якобинец“ отказывается чествовать Людовика XVIII.

Наконец, к лондонскому периоду жизни Байрона относится его женитьба на мисс Мильбэнк. Он женился на ней не по любви, а потому, что видел в ней олицетворение чистоты, покоя и серьезности; возбудило его внимание к ней и то, что она не увлекалась им и на первое его предложение отвечала отказом. Но они совершенно не сошлись характерами: Байрон питал прямо страсть к путешествиям и хотел уехать из Англии, а его жена не хотела этого; она любила, чтобы он завтракал и обедал с ней, а он держал строгую диэту, чтобы не пополнеть и не лишиться красоты; она подозревала его в сношениях с Лэмб; наконец, она мешала ему работать, и он несдержанно ей об этом сказал. Ей он казался сумасшедшим, и она уехала к матери, а потом, узнав о его связи с актрисой Джен Клэрмонт, разорвала с ним окончательно, оставив при себе родившуюся у них дочь. Во время жизни с женой Байрон написал еще „Осаду Коринфа“ и „Паризину“, а несколько раньше „Лара“.

В „Лара“ Байрон, по его собственным ироническим словам, поужинал ужасами, но и в „Осаде Коринфа“ и „Паризине“ видно потрясенное душевное состояние, выражающееся в мрачных сюжетах и ужасах. Лара, вла-

делец обширных имений, скрылся куда-то по смерти отца, и когда вернулся с молодым пажем, оказалось, что его невеста вышла замуж за другого. „Его душа в минувшие года была дика, заносчива, горда, но злой виной свершенных преступлений была одна лишь жажда наслаждений“. Но Лара был „и лучше, и честней, чем большинству бездушному казался“. Он одиноко жил в замке с пажом. На балу он встретил человека—по имени Эззелина,—при виде которого „холод смерти Лару оковал“, и тот просил у него по поводу чего-то об‘-яснения, но Лара отказал в нем. Дело отложено, по просьбе хозяина бала, Оттона. Но на другой день Эззелин исчез бесследно. За его честь вступился Оттон и был ранен Ларой в поединке, но выздоровел и стал обвинять Лару в убийстве Эззелина. Лара был к тому же за отмену рабства, „помышлял возвысить бедняков и тем смирить богатых гордецов“, и потому восстановил против себя всех. Лара поднял восстание, но был побежден и убит, простившись трогательно перед смертью с пажем Каледом. Паж оказался женщиной и умер через неделю на могиле Лары.

В „Осаде Коринфа“ клевета и препятствие в соединении с любимой девушкой Франческой, дочерью коменданта Коринфа, доводят Альпа до ренегатства из мести. Накануне взятия города турками, Франческа напрасно просит его вернуться в христианство. Во время штурма Альп убит, Франческа умерла перед взятием города, а комендант взорвал себя в церкви.

Наконец, сюжет „Паризины“ не менее мрачен: Азо слышит, как его жена Паризина повторяет во сне имя Уго, его побочного сына, с которым она находится в связи. Азо осуждает Уго на казнь и приказывает Паризине присутствовать при этой казни. Уго был казнен, но заявил перед казнью, что мстил Азо за мать и за Паризину, которая предназначалась ему, Уго. Паризина затем исчезла бесследно. Жизнь Азо после того была горька и печальна: в бессонные ночи и длинные дни он неотступно думал о прошлом.

Все восстановляло английское великосветское общество против Байрона: и его литературные и светские успехи, и сатирическое и ироническое отношение его

к старым литературным авторитетам, и религиозное и политическое вольномыслие, и разрыв с женой. Его осыпали клеветами и сплетнями. „Я чувствовал“, писал Байрон, „что, если то, что говорилось обо мне шопотом или вполголоса, было справедливо, то я не годился для Англии, если же ложно, то Англия не годилась для меня“. Байрон уехал в Швейцарию, встретился там с Шелли, с которым подружился еще в Англии, и с Джен Клэрмонт и написал там „Шильонского узника“, в котором тоска узника о цепях и тюрьме после избавления от них символизирует, конечно, собственную тоску Байрона по родине.

С осени 1816 г. Байрон переехал в Италию, где жил больше всего в Венеции, часто, впрочем, выезжая на более или менее продолжительное время в Рим, Феррару, Равенну и другие города. Здесь у него были успехи и любовные истории и в аристократических кругах, и в буржуазных. Одно время Байрону все опротивело, и он отдался самому грубому разврату. Наконец, он сошелся с графиней Гвиччиоли, и это была наиболее продолжительная из всех его связей. В то же время Байрон много времени посвящал политике: был в сношениях с карбонариями Романьи, помогал им деньгами, наконец, поехал в Грецию, принял там участие в греческом восстании, командуя отрядом сулиотов, и умер 19 апреля 1824 года.

Последний период жизни Байрона был богат литературным творчеством не менее прежних. Им написаны были в это время 3-я и 4-я песни „Чайльд-Гарольда“, „Беппо“, „Мазепа“, „Бронзовый век“, „Каин“, „Манфред“ „Дон-Жуан“.

Третья песнь „Чайльд-Гарольда“—одно из лучших, наиболее ярких творений Байрона. Любовь к дочери выражена очень колоритно на фоне общей скорби и тоски, когда „позади стоят без солнца, без святыни года бесплодные; в груди, как посреди немой пустыни, где зарождается река, нет ни единого цветка“. Характерен мотив рейнской песни Гарольда: „не пел бы я песни унылые, если-б была ты со мной, моя милая“; „эти виды мне лучше-б казалися, ожило все бы вокруг, если бы взоры мои здесь встречалися вместе с твоими, мой друг“

Сильно звучит свободолюбивый мотив в восхвалениях генерала Марсо, павшего за свободу, и Руссо и в пророчестве: „настанет час, и в новой силе зажжется гнев“ народа. И все это завершается таким гениальным аккордом: „О, если бы мог я вылить звуком все сокровенное во мне, дать выраженье думам, мукам,—всему, что есть в душе, в уме, всем снам, сомнениям суровым, всю силу знаний, страсти жар мог передать единым словом,—то был бы громовой удар“.

В четвертой песни особенно выступают любовь к родине и жажда свободы: „но все же ты жива, свобода, твой стяг, изорванный кругом, стоит святынею народа“. Автобиографические строфы написаны человеком усталым, разбитым: все отравлено; везде зло, страдание и смерть.

В том же духе и роде „Каин“ и „Манфред“. Понятно, почему Каин привлекал художественное вдохновение Байрона: боевой бунт против традиции, авторитета и мягкой покорности был близок сердцу поэта, как и грех, неискупимый раскаянием. И не менее ярко это выразилось в „Манфреде“. Манфред „утратил даже горькую отраду оправдывать себя в своих глазах“. Он пытался кончить жизнь в горах самоубийством, но его спас охотник за сернами. На увещания последнего, что спасение в смирении, терпении и молитве, Манфред отвечает: „терпение! не для хищных птиц придумано терпенье: для мулов! прибереги его себе подобным,—я из другой породы“. „Я только тех губил, кем был любим, кого любил всем сердцем. Врагов я поражал, лишь защищаясь, но гибельны мои об'ятья были“. „От самых юных лет ни в чем с людьми я сердцем не сходился и не смотрел на землю их очами; их цели жизни я не разделял, их жажды честолюбия не ведал. Мои печали, радости и страсти им были непонятны. Я с презреньем взирал на жалкий облик человека“. „С людьми имел я слабое общенье, но у меня была иная радость, иная страсть: пустыня“, уединение, занятия наукой, „и знания мои во мне будили жажду новых знаний“. „Я не назвал ни друга, ни матери, ни милой, никого из тех, с кем нас связуют цепи жизни. Я их имел, но был им чужд душою, и лишь одна, одна из всех... Она была похожа на меня, черты лица, цвет

глаз, волос и даже тон голоса—все родственно в нас было, хотя она была прекрасна. Нас сближали одинаковые думы, любовь к уединению, стремленья к таинственным познаниям и жажда обнять умом вселенную, весь мир; но ей нечуждо было и другое: участье к людям, слезы и улыбки, которых я не ведаю,—смиренье, моей душе несродное,—и нежность, что только к ней имел я; недостатки ее натуры были и моими, достоинства лишь ей принадлежали. Я полюбил и погубил ее!“, но не рукою,— „сердцем, которое ее разбило сердце: оно в мое взглянуло и увяло“. „Я больше одиночества не знаю, я окружен толпою фурий“. „Безумия, как милости, просил я, но небеса мольбам не внемлют; к смерти стремился я, но средь борьбы стихий передо мною волны отступают и прочь бегут; какой-то злобный демон на волоске меня над бездной держит, и волосок не рвется; в мире грез, в фантазии пытался я сокрыться, но, как волну в отлив, меня уносит из мира грез в пучину темной мысли; с людской толпой сливался я—забвенья искал везде, но от меня сокрыты пути к нему“. Манфред просит вызвать из могилы предмет своей любви—„в земле непогребенную Астарту“ и говорит ей: „безумною любовью любили мы; нам жизнь была дана не для того, чтоб мы терзались вечно, хотя любить, как мы с тобой любили,—великий грех. Скажи, что ты меня простила за страданья, что терплю я, мученье за обоих, что за гробом тебя ждет рай, и что умру и я“. Но она ограничивается тем, что предрекает ему смерть завтра. В день смерти „мир снизошел“ в душу Манфреда: „и я мечтал на утре юных дней, мечтал быть просветителем народов“; „все прошло, и все был сон“; „я обуздать себя не мог; кто хочет повелевать, тот должен быть рабом; кто хочет, чтоб ничтожество признало его своим властителем, тот должен уметь перед ничтожеством смиряться, повсюду проникать и поспевать и быть ходячей ложью. Я со стадом мешаться не хотел, хотя бы мог быть вожаком. Лев одинок,—я тоже“. „Я всегда гнушался жизни. Я не жесток, но я—как жгучий вихрь, как пламенный самум: он никого не ищет, но погибель грозит всему, что встретит он в пути. Так жил и я и тех, кого я встретил на жизненном пути, я погубил“. Умирая, Манфред говорит: „смерть вовсе не страшна“

„Манфред“ был последней и, может быть, наиболее совершенной поэмой Байрона, выражавшей его основную духовную природу, о которой жена его говорила: „в глубине души ты самый меланхолический из всех людей часто даже тогда, когда ты кажешься наиболее веселым“. „Беппо“, „Бронзовый век“ и „Дон-Жуан“—в другом роде и притом каждый в своем.

„Беппо“—юмористическая поэма, иронически веселое изображение интимной связи втроем—двоих мужчин и одной женщины. Попутно здесь описан карнавал в Венеции, воспета красота венецианок и сделано несколько иронических замечаний об английских мисс: они слишком стыдливы и молчаливы, от них „всегда немножко пахнет буттербродом“.

„Бронзовый век“—политическая сатира на веронский конгресс 1822 г. и реакцию, главным образом на Веллингтона и Шатобриана. Бичующей смелостью отличаются в устах англичанина следующие стихи: „о, Ватерло, кроваво, бестолково ты доказать сумело только нам, что достается счастье и глупцам, что возвышаться может род презренный чужой ошибкой пополам с изменой“. Язвительно и глубоко замечание, обличающее классовую подкладку английского патриотизма; „зачем живут все наши патриоты? для голосов подачи, для охоты, иль для под‘ема цен на хлеб?“ По конгрессу и его участникам больно хлещет бич байроновской сатиры: о Людовике XVIII говорится: „но где-ж король? обедает ли он иль платит долг тяжелый несваренью? от пирожков в опасности ли трон? тюремному ль подвергнут заключенью желудок королевский? Иль в войсках наклонности замечены к броженью? Иль горе в том, что нет его в кишках?“ Убийственно для Людовика XVIII заключение: „хоть стал ты королем,—твое призванье только за столом“. Но по адресу монархов и монархии Байрон посылает далее только одно презрительное и вместе глубокое по своему смыслу замечание: „здесь речь не о владыках, куклы эти все, как одна, как лица на монете, но те, кто ими движет, те пестрей своих смертельно скучных королей“. Однако, именно только пестрей, но не достойней, не лучше их: „льстит Меттерних, вельможный паразит,

наш Веллингтон о битвах забывает“ с „своим орлиным носом, на коем мир подвешен“, „о мучениках книги сочиняет Шатобриан“.

Остается вкратце характеризовать „Дон-Жуана“. В первой песни „Дон-Жуана“ Байрон дал едва ли не лучшую любовную историю из всех, им рассказанных. Но потом поэма превращается в политическую и социальную сатиру. По предположению Байрона, поэма должна была кончиться гибелью Дон-Жуана за народное благо во время великой французской революции. Жуан, по Байрону, увлекающийся человек, ветренник, юморист, но умный и наблюдательный. Щедрой рукой всюду в поэме рассыпаны сатирические замечания, причем особенно меткие и сильные удары направлены против английских реакционеров—Кэстльри и Веллингтона. Много глубоких и тонких психологических наблюдений; напр.: „честолюбие было моим идолом, но я принес его в жертву на алтарях страдания и наслаждения“ (песнь I, строфа 217); „все существа, рожденные с стремлением к свободе; любят уединение“ (IV, 28); „радость ищет взаимности, счастье—двойня“ (II, 172); „несчастье—первый шаг к познанию истины“ (XII, 50).

Другой гениальный английский романтик того времени, безвременно погибший в кораблекрушении, Шелли[1]) сам в своей поэме „Юлиан и Маддало“ изобразил превосходно разницу между собою и Байроном, с которым его связывала искренняя дружба. Байрон (Маддало)— мрачен и горд, честолюбив и обуреваем большими страстями, которые помогают ему стать гением высшего порядка. Шелли (Юлиан) серьезен, религиозно-индифферентен, но беззаветно верит в добро и его торжество и победу. Шелли—светлый, радостный, юный гений весь— порыв и увлечение. Из всех сочинений Шелли мрачностью, отчаянием звучит лишь одно небольшое, но превосходное стихотворение „Вопль“, вызванное безнадежной любовью. Но все остальные мотивы поэзии Шелли— жизнерадостные и боевые, свободолюбивые, революционные. Это сквозит даже в „Аласторе или Духе уединения“, где поэт стремится найти родственное существо, идеал,

[1]) См. его биографию и перевод его соч. Бальмонта

но не находит его и умирает: при всем этом поэт „радостен и спокоен“, и кровь его находится „в мистическом согласии с природой“. Цель поэмы „Лаон и Цитна“, по словам самого Шелли, зажечь воодушевление идеями свободы и справедливости. Та же идея в поэме „Розалинда и Елена“, где Лионель—сам Шелли. „Беатриче Ченчи“ — превосходная трагедия с ярким реализмом, и глубиной психологического анализа; между прочим Беатриче искренно считает себя невинной, жаждет жизни после перенесенных ею страданий, спокойно спит, мужественно идет на смерть. Лирическая поэма „Освобожденный Прометей“ изображает страдания и твердость Прометея, веру его в свою правоту и конечную победу; его поддерживают Океаниды—Иона (дух стремления, по Бальмонту) и Пантея (дух мудрости); Пантея дает Прометею возможность общения через свое посредство с третьей Океанидой Азией (духом любви); потом Демогорган (дух мировой справедливости) возвещает Юпитеру его падение, которое и совершается; Прометей освобожден, и на земле воцаряется добро, которое преображает природу и людей. Поэма „Царица Маб“ и переделанный отрывок из нее—„Демон мира“—горячее обличение „тиранов, завоевателей, ханжей и крючкотворов“. Блестяща, ярка и светла лирика Шелли. Характерен, напр., следующий отрывок из „Песни к британцам“: „хлеба вы взростили, — другой их пожнет; богатства нашли вы, — другой их возьмет; вы платья соткали — кому? для чужого; оружье сковали—для власти другого. Растите хлеба,—но не наглым глупцам; ищите богатства—не дерзким лжецам, и тките одежду,—но смерть паразиту! и куйте оружье—себе на защиту!“ Превосходны „Философия любви“ и „Мимоза“ с ее заключительным аккордом: „счастье, любовь, красота,—вам привет! Нет перемены вам, смерти вам нет! Только не можем мы вас сохранить, — рвем вашу тонкую светлую нить“. А вот „Призыв“: „уйдем от пыльных городов, уйдем с тобою в мир цветов, туда, где мощные леса, где ярко искрится роса, где новый мир, особый мир поет звучнее наших лир, где ветерок бежит спеша, где раскрывается душа и не боится нежной быть, к другой прильнуть, ее любить, с природой жить и с ней мол-

чать и гармонически звучать. И если кто ко мне придет, на двери надпись он найдет: прощайте, я ушел в поля, где в нежной зелени земля; хочу вкусить блаженный час, хочу уйти, уйти от вас; а ты, рассудок, погоди, здесь у камина посиди, тебе подругой будет грусть, читайте с нею наизусть свой утомительный рассказ о том, как я бежал от вас. За мной, надежда, не ходи, нет слов твоих в моей груди, я не хочу грядущим жить, хочу мгновению служить".

Романтизм вообще всегда реалистичнее классицизма и сентиментализма. Поэтому реалистичны в большей мере, чем у Рейнольдса и Лауренса, замечательные портреты, писанные Генсборо [1]). Но и в его портретах и в пейзажах видно боевое отрицание всех традиций [2]), новое творчество смелой, культурной индивидуальности, отражающей себя в живописи не в меньшей степени, чем в поэзии Байрона и Шелли. Генсборо—гениальнейший художник рассматриваемого времени.

Но духовная культура Англии получила новые оригинальные уклоны, свидетельствовавшие о большом социальном переломе, не только в литературе и искусстве, а также и в философии, науке и общественной мысли.

В философии Англии XVIII века Беркли (1685—1753) явился, правда, запоздалым представителем чистого умозрения. Беркли полагал, что единственным источником познания является собственное сознание, мышление человека. Однако, уже в его теории познания были новые элементы; он был убежден, что человек не может ничего познать, кроме состояний собственного своего сознания, что это состояние строго очерчивает пределы человеческого познания. Новость здесь заключалась в том, что учение об ограничении наших знаний пределами нашего собственного сознания должно было повести, при последовательном его развитии, к признанию невозможности познать субстанцию. Но Беркли не был последователен и потому остался на почве старой умозрительной философии. Он рассуждал следующим образом: в нашем сознании есть представление о других людях и о том, что их сознание

---

1) *Chesnau*, La peinture anglaise, стр. 41—43.

2) . *auli*, Gaisborough, Bielef. und Leipz. 1904, стр. 11.

аналогично нашему; есть также в нашем сознании мысль о боге; отсюда Беркли делал вывод, что наше сознание убеждает нас в существовании духовного мира, творцом которого является бог, причем бог творит его, соединяя сознание отдельных людей, поддерживая порядок и гармонию в этом духовном мире. Вся жизнь в ее сущности представлялась таким образом для Беркли как сплошное, постоянно повторяющееся чудо.

В общем и целом, как было уже сказано, философия Беркли была запоздалым отголоском прошлого. Новая буржуазия нуждалась в другом миросозерцании.

Она уже победила, овладела властью. Поэтому даже материалистическая философия Пристли не вполне ее удовлетворяла. Философская критика, свобода критической мысли—вот что теперь было своевременно. Поэтому в Англии и появился настоящий творец критической философии Давид Юм (1711—1776). Юм развил до конца критическую теорию познания, зародыши которой были заметны у Локка и отчасти у Беркли. Опираясь на естествознание и рассматривая вопрос о том, как происходит человеческое познание, Юм пришел к выводу, что единственно только из ощущений получаются человеком знания, и что, следовательно, нельзя познать никакую субстанцию—ни бога, ни дух, ни материю. Мало того: в сущности, по мнению Юма, даже и нет никакой субстанции, понятие же о ней образуется в нашем уме от соединения различных впечатлений, т.-е. от ассоциации идей. Точно так же и причинность—результат ассоциации идей, т.-е. соединение в уме нашем двух постоянно следующих одно за другим впечатлений: причинность—просто постоянная последовательность двух явлений. И нравственность, этика, мораль основывается на ассоциациях идей (соединениях в уме представлений о своих чувствах с представлениями о чувствах других людей). Главное тут—сочувствие или симпатия, способность переноситься мысленно в положение другого человека, представлять себе его чувства, страдания и радости [1]).

---

[1]) См. *Юм*, Исследования о человеческом уме.

Метафизические вопросы таким образом были сняты с очереди философией Юма. Во второй половине XVIII в. на почве этого отрицания метафизики и стремления построить новую научную философию взросло радикально мелкобуржуазное, буржуазно-демократическое миросозерцание Бентама. Практическая философия—вот его главная задача. Основное положение выдвинуто в теории так-называемого утилитаризма. Личная польза или выгода, этот буржуазно - индивидуалистический принцип, лежит, по Бентаму, в основе человеческого поведения. Но рассудок, здравый смысл подсказывает, что личная польза в здоровом обществе совпадает с наибольшей пользой наибольшего числа людей, с пользой большинства. Отсюда выводились и все идеи и тенденции буржуазной демократии. Из последователей Бентама в XIX в. особенно замечателен Джон Стюарт Милль, разработавший новую индуктивную логику как общее учение о научном методе.

Из отдельных наук обращает на себя внимание прежде всего развитие истории в трудах Робертсона, Гиббона и Джонсона. Научное исследование исторической действительности особенно ярко выразилось как цель в „Истории упадка и разрушения Римской империи“ Гиббона. Джонсон был не столько историком, сколько филологом и литературным критиком, но его „Словарь английского языка“, первое хорошее издание Шекспира и „Жизнеописания английских поэтов“ ставят его в ряд исследователей истории литературы и языка [1]).

Математика и естествознание дали также ряд выдающихся ученых. В математике особенно известны в XVIII в. Тейлор и Маклорен, в первой трети XIX Грин и Гамильтон. В биологии Джон Рай в XVIII в. установил понятие о виде. Ляйель в 1832 г. опроверг старую теорию катастроф в истории земли и тем основал новую геологию.

Все это развитие науки естественно и понятно: производственный капитализм для своего развития нуждается в об‘ективном исследовании действительности, в научном ее понимании еще в большей мере, чем капитализм

---

[1]) *Геттнер,* Ист. вс. лит. XVIII в., I стр. 350—362.

торговый. Но, конечно, это стремление к об'ективной истине, добросовестное исследование действительности в сильнейшей степени зависит от новых общественных условий и классовых интересов, которые создают социальную среду, подчиняющую себе отдельных исследователей. Они, эти исследователи, сознательно стремятся к об'ективной истине, полагают, что обрели ее, но бессознательно отражают влияние социальных условий и господствующих интересов, являясь плотью от плоти и костью от костей современного им общества. Это ярче всего выразилось в основании и развитии такназываемой классической школы политической экономии— Смита, Рикардо и Мальтуса.

Адам Смит родился в 1723 г. в Шотландии, получил высшее образование в глазговском и оксфордском университетах и в 1748 г. в Эдинбурге начал свою университетскую преподавательскую деятельность, причем тесно, дружески сблизился с Давидом Юмом. В 1759 г. Смит опубликовал свою „Теорию нравственных чувств", во многом приближавшуюся к построениям Бентама, утилитаристов, буржуазных радикалов и демократов. В то же время он познакомился с работами французских энциклопедистов и физиократов, в 1763 г. побывал во Франции и в Италии, причем дольше всего жил в Париже, где познакомился с д'Аламбером, Гельвецием, Мармонтелем, Кенэ, Дюпон де-Немуром, Тюрго. В 1776 г. был закончен главный труд Смита „Богатство народов". Умер в 1790 г. [1]).

Давая определение народного хозяйства, различая потребительную и меновую ценность, выясняя значение разделения труда, Смит устанавливает, что главный источник богатства—годовой труд, и что труд является мерилом меновой ценности. В цене товаров он различает три элемента—заработную плату, прибыль на капитал и земельную ренту. Затем Смит обращается к исследованию законов каждого из этих элементов и устанавливает, что заработная плата является результатом борьбы интересов работников и предпринимателей, в среднем равняется средствам содержания работника

---

[1]) *Kautz*, Geschichte der Politischen Oekonomie.

4*

и его семьи и должна быть выше с ростом богатства и благосостояния страны. Относительные размеры прибыли зависят от высоты богатства страны и от высоты заработной платы: прибыль понижается с увеличением конкуренции и с ростом заработной платы. Правительство своим вмешательством в экономическую жизнь стесняет или, напротив, чрезмерно увеличивает конкуренцию и затрудняет обращение труда и капитала между разными отраслями хозяйства и между разными местностями и тем создает пертурбации в естественной закономерности хозяйственных отношений. Рента определяется арендной платой за землю. Затем Смит определяет хозяйственные запасы общества, различая в них запасы потребительные и производительные или капитал,—основной и оборотный—и трактует вопрос о деньгах, в которых видит лишь меновое средство, опровергая здесь старую меркантилистскую теорию; специально рассматривается значение и роль бумажных денег и кредита. Рассмотрев вопросы об обмене и распределении, Смит заканчивает свой труд опровержением меркантилизма, критикой протекционизма и учения физиократов [1]).

Таково в главных чертах содержание замечательного труда Адама Смита. Основная его мысль может быть выражена следующим образом: богатство народа состоит из материальных предметов, служащих к достижению целей человеческой жизни, и основным источником своим имеет человеческий труд, который, в соединении с естественными силами и результатами сбережения или капиталом, производит постепенные успехи наций в благосостоянии и промышленности и бывает всего плодотворнее и действительнее при свободном беспрепятственном сношении и при целесообразном разделении и комбинации отраслей хозяйства. Отсюда вытекали два основные вывода: 1) идея об экономическом человеке, его естественном и законном эгоизме, защите им своих материальных интересов, свободной игре экономических сил, неограниченной конкуренции, что

---

[1]) *Адам Смит,* Исследования о природе и причинах богатства народов, перев. Бибикова. Спб. 1866.

все обеспечивает высшее богатство, благосостояние и общественный прогресс, создает гармонию хозяйственных интересов, 2) идея фритрэдерства, свободы и равенства, ограждаемых государством, которое не должно вмешиваться в экономические отношения, создавать монополии и привилегии [1]).

Буржуазно-капиталистический характер учения Смита не подлежит сомнению: сознательно стремясь исследовать хозяйственную жизнь и ее законы, Смит идеализировал свободную конкуренцию и классовый строй, возвел их в нерушимые, вечные принципы, воплощающие общественное благо и богатство, т.-е. содействовал защите интересов новой капиталистической, главным образом промышленной, буржуазии, завоевывавшей тогда власть в Англии.

Понятно, что книга Смита имела колоссальный успех и огромное влияние. Несомненно также, что многое в законах буржуазной экономики было понято Смитом правильно, и метод его во многих отношениях был ценен. Поэтому Адам Смит явился основателем целой школы в политической экономии—так-называемой классической школы.

Талантливейшим из представителей этой школы в Англии того времени был Давид Рикардо (1772—1823). Главные заслуги Рикардо, представителя торжествующей промышленной буржуазии, заключаются в научной разработке трудовой теории ценности и теории земельной ренты. Меновая ценность, по Рикардо, резко отличается от потребительной, хотя предметы, не имеющие потребительной ценности, не имеют и меновой. Меновая ценность всех предметов, за исключением предметов редких, определяется количеством труда среднего рабочего, потраченным на их производство, причем на ценность предметов влияет и труд, потраченный на производство орудий, машин и зданий, т.-е. постоянного капитала. Чем прочнее постоянный капитал, тем ниже относительная ценность товаров и наоборот: чем менее прочен постоянный капитал, тем выше относительная ценность товара, так как в последнем случае

---

[1]) Там же.

постоянный капитал по свойствам своим приближается к оборотному, и потребляется много труда для поддержания такого непрочного постоянного капитала. Земельная рента, по Рикардо,—та часть земледельческого продукта, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неистощимыми силами почвы. Рента зависит, во-первых, от различий в качестве земель, во-вторых, от различий в их положении относительно рынка или места потребления: земли, лучшие по качеству и более близкие к рынку или месту потребления, дают большую ренту. Земельные улучшения, дополнительные траты капитала на обработанную уже землю служат также источником рентного дохода [1]).

Третий представитель классической школы политической экономии в Англии—Мальтус известен главным образом своим „Опытом о законе народонаселения“.

Опираясь на статистические данные о росте населения в Соединенных Штатах Америки, Мальтус вывел свою формулу, по которой население растет в геометрической прогрессии, тогда как средства продовольствия только в арифметической прогрессии, т.-е. несравненно медленнее населения. Отсюда с логической необходимостью следовал вывод о необходимости сокращения деторождения, особенно для рабочих и вообще малоимущих классов общества. Отсюда же выводилась потом бесполезность борьбы за улучшение условий труда: естественный, непреложный закон народонаселения обрекал такую борьбу на совершенное бесплодие, на полную безрезультатность. Понятно, как сильно укрепляла эта теория буржуазно-капиталистический порядок: она подводила под него основание, имевшее вид непреложного, необходимого, неустранимого закона природы.

Рассмотренное нами блестящее развитие новой духовной культуры Англии, развернувшееся на почве промышленного переворота, венчалось, как конечным результатом, появлением новых общественных учений. Выше мы уже встретились с мелкобуржуазным, демократическим радикализмом. Противовесом ему и всякого рода революционным тенденциям было учение Бёрка

---

[1]) *Д. Рикардо*, Собрание сочинений

о важности и ценности исторической национальной традиции—консервативная теория, параллельная позднейшей немецкой исторической школе Савиньи, Нибура и др. и русскому славянофильству. Но производственным капитализмом в Англии развит был умственный пролетариат, передовые элементы которого пошли дальше буржуазного радикализма. Они остро почувствовали гнет капиталистической эксплоатации и продолжили дело своих предшественников эпохи торгового капитализма и демокритической революции—таких, как Томас Мор и Винстэнли. Три имени здесь приковывают наше внимание—Годвин, Оуэн и Томпсон.

Вильям Годвин родился в 1756 г., учился в Оксфордском университе, по специальности был богословом, по профессии священником. В 1782 г. он вышел из состава духовенства и стал заниматься писательским, литературным трудом; много писал по философии, политической экономии, истории, был также автором рассказов, трагедий и составителем книг для юношества. Умер в 1836 г. В 1793 г. появилось его главное сочинение, обосновывавшее его анархическую доктрину, под заглавием „Исследование о справедливости в политике и об ее влиянии на всеобщую добродетель и счастье“. По Годвину, высший закон жизни—всеобщее благо. Усвоив это положение, мы тем самым устанавливаем всеобщее сотрудничество: личное благо, очевидно, тогда равняется всеобщему благу. Во имя интересов общего блага Годвин отрицаст право и закон, как противоречащие этому общему благу. Зло от законов и права он усматривает в целом ряде обстоятельств: во-первых, законов слишком много и не может быть иначе; во-вторых, законы всегда неясны; в-третьих, право—следствие страстей, робости, умственной ограниченности и честолюбия и потому нарушает вечную справедливость. Всеобщее благо проистекает из самосознания человеческой личности и потому оно требует, чтобы не право и закон, а человеческая личность была высшим началом жизни; человеческий разум важнее и ценнее права и закона. Если право—зло, то зло и государство, которым право освящается. Государство выводится по своему происхождению или из силы, или из божественного права, или из

договора. Все эти основания ложны: сила есть несправедливость; от бога не может быть зла, так что, принимая происхождение государства от божественного права, нельзя было бы отличать добрые и злые правительства; договор означал бы, что человек дает другому право руководить своей совестью и критиковать свои обязанности, т.-е. отказывается от своей самобытности и самостоятельности, что противоречит общему благу. Таким образом, всякое правительство и государство— зло. Всеобщее благо требует, чтобы государство было заменено совместной и дружной жизнью людей, основанной на велениях общего блага. Общество—не государство, оно существует для взаимной помощи и исключает принуждение. Основа общества—участие в общинном имуществе. Общества должны быть небольшими и должны иметь возможно меньше сношений между собою: только при этих условиях исключено будет властолюбие и утвердятся умеренность, справедливость, безопасность и мир. Личные обиды будет разбирать суд присяжных по разуму, не по закону. При редкости взаимных сношений между обществами или общинами не будет раздоров и войн, и все разногласия будут разрешаться на рбщих народных собраниях. Собственность противооечит общему благу, так как она неравномерна, а неgавномерность мешает умственному развитию личности. рогатства следует распределять по потребностям. Единственным средством распространения этого коммунистического анархизма, по Годвину, является убеждение, мирная пропаганда [1]).

Роберт Оуэн родился в 1771 г., в городе Ньютоне в Уэльсе. Он был сыном ремесленника-седельника, содержавшего в то же время почтовую контору. Пяти лет он поступил в школу и к семилетнему возрасту взял уже от нее все, что она могла ему дать, и стал помощником учителя. Мальчик сильно увлекался чтением книг самого разнообразного содержания. Одно время он увлекался методизмом—этим обломком старого пуританства. 10-ти лет Оуен поступил приказчиком в лавку торговца сукном в Стамфорде в графстве Линкольн и,

---

[1]) *Эльцбахер*, Сущность анархизма, I.

пользуясь свободным временем—он был занят в лавке только от 10 ч. утра до 4-х часов дня—и хорошей библиотекой хозяина, продолжал усиленно читать и таким образом путем самообразования достиг высокой степени умственного развития и понимания задач времени. Юноша Оуэн при таких условиях не мог долго усидеть в глухой провинции. Он провел в Стамфорде только четыре года, посетил потом брата в Лондоне и родителей на родине и, наконец, поступил в Лондоне в оптовый склад шерстяных изделий на хорошее жалованье, но пробыл там недолго: служба требовала у него всего времени и всех сил, а он рвался продолжать свое самообразование. Поэтому он перешел в приказчики в склад шерстяных изделий в Манчестере, где и служил до 18-летнего возраста. Потом в компании с Джонсоном Оуэн открыл собственную небольшую прядильную фабрику в Манчестере в 1789 г. Скоро он разошелся с Джонсоном и остался один владельцем небольшой бумагопрядильни, которая давала ему хороший доход. Дело это, однако, его не удовлетворяло: оно казалось ему слишком ничтожным, он желал крупной работы и большой ответственности, носился с планами новой, не грубо-хищнической, а культурно-капиталистической постановки фабричного дела. Поэтому он поступил заведующим фабрикой Дринквагера в Манчестере, где было 500 рабочих. Однако, простора для своих хозяйственно-реформаторских планов Оуэн здесь не нашел, но зато жизнь в Манчестере укрепила его в них: здесь он встретился и сошелся с кружком ученых и литераторов, в числе которых был знаменитый физик Дальтон и поэт Кольридж. Выезжая часто по делам фабрики Дринкватера в Глазго, Оуэн познакомился там с дочерью фабриканта Деля, по предложению которой осмотрел фабрику ее отца в Нью-Ланарке. Оуэн женился на мисс Дель и стал одним из компаньонов Деля. Там было до 2.000 рабочих, ведших жалкое существование вследствие грубой эксплоатации хозяев, лавочников и кабатчиков. В числе рабочих было до 500 детей. Оуэн начал с того, что освободил детей от работ и устроил для рабочих дешевые и хорошие квартиры, а также лавку, из которой продавал товары рабочим дешево.

Систему надсмотрщиков и штрафов Оуэн заменил товарищеским судом рабочих. Около восьми лет усердно работал Оуэн в Нью-Ланарке, насаждая приемы культурно-капиталистической эксплоатации взамен грубо-хищнических методов, и имел блестяший успех: и рабочие стали культурнее и осмысленнее, и фабрика стала давать большие доходы. Но Оуэна все это не удовлетворяло: он выработал план большого детского дома при фабрике для воспитания и образования детей рабочих, для чего требовалась затрата 5.000 фунтов стерлингов. Компаньоны не согласны были на такой расход, и Оуэн, получив взаймы деньги с помощью Бентама и других радикалов, с которыми он сблизился, купил фабрику в единоличное свое владение за 120 тысяч ф. ст. Тогда Оуэн осуществил свой план устройства детского дома при фабрике. Результатами своего опыта культурно-капиталистической эксплоатации, для торжества которой приближалось время в Англии, Оуэн поделился с публикой в 1814 г. в книге „Очерки образования характера". Здесь он рекомендует правящим классам капиталистической Англии свою систему. Пока, таким образом, Оуэн был не чем иным, как культурным капиталистом. И его деятельность в этом направлении сопровождалась таким успехом в чисто-экономическом смысле, что он стал миллионером.

Другой на его месте почил бы на лаврах. Но Оуэн недаром вышел из среды демократии и отличался духом инициативы и морального недовольства существующим общественным строем. Пауперизм, бедствия и волнения рабочего класса вызвали в 1817 г. учреждение особой комиссии для рассмотрения рабочего вопроса. Оуэн в качестве члена этой комиссии выступил с предложением употребить те 7 милл. ф. ст. в год, которые, по закону о бедных, тратились на пособия инвалидам труда и содержание рабочих домов, подобных каторжным тюрьмам, на учреждение особых общин, промышленных и земледельческих производительных товариществ с количеством членов не более 1.500 чел. в каждом. Оуэн был убежден в успехе этих товариществ и видел в их постепенном распространении разрешение социального вопроса. Таким образом, в 1817 г. Оуэн впервые ясно и

отчетливо формулировал социалистический план, причем так как план этот основан был на частичном насаждении социалистических островков в капиталистическом море, то он имел, очевидно, утопический характер.

Конечно, план Оуэна не встретил сочувствия. В 1818 г. с таким же неуспехом Оуэн предложил его ахенскому конгрессу европейских держав, потом совету графства Ланарк. Тогда в 1823 г. Оуэн уехал в Америку, чтобы там осуществить свой план производительной ассоциации. В штате Индиана он купил 30 тысяч акров и устроил там поселок „Гармония". В 1825 г. здесь открыто было на его средства производительное товарищество из 900 чел., сошедшихся отовсюду по его призыву. Основы организации сводились к полному равенству, общности имущества, всеобщему труду и полному отсутствию денег. Но два года спустя община Оуэна распалась вследствие внутренних раздоров и желания многих ее членов поживиться на чужой счет. Оуэн попытался было основать другую такую же общину в Мексике, но не встретил там сочувствия и вернулся в Англию. Он задумал тогда там организацию банка для обмена труда, так чтобы через его посредство трудящиеся менялись продуктами своего труда, не пользуясь деньгами. Оуэн видел в таком банке новое средство для перехода к социализму. Все свои средства Оуэн затратил на этот банк и снова потерпел полную неудачу: вследствие того, что невозможна была планомерная организация производства, банк оказался заполненным продуктами, не встречавшими спроса. Оуэн окончательно разорился. В 30-х годах, в эпоху чартизма, о которой у нас пойдет еще речь и которая отличалась иным, революционным характером, Оуэн остался верен своим мирно-утопическим планам и основал рабочий союз, отвергавший революционные методы борьбы и долженствовавший об'единить все союзы Англии в политическом и экономическом отношениях. В 1836 г. Оуэн издал книгу, излагавщую его воззрения под заглавием „Новый нравственный мир". Умер Оуэн у себя на родине в 1857 году [1]).

---

[1]) *Добролюбов*, Роберт Оуэн; *Sargant*, *R.* Owen and his social philosophy.

Оуэн был самым ярким представителем утопического социализма. Он воплощал в себе все основные черты этого направления общественной мысли: и веру в возможность частичного насаждения социализма в капиталистическом обществе, и убеждение, пропаганду, мирные средства, как основу тактики и уверенность, что стоит только убедить сильных мира сего в благодетельности социализма, и они его введут, и идеалистический энтузиазм. Неудачи показали, как далек был утопический социализм Оуэна от жизни. Но нельзя сказать, чтобы деятельность Оуэна была бесплодна. Важно уже то, что он был первым провозвестником необходимости культурного капитализма. А затем Оуэн практически проложил дорогу для развития кооперации и для национального об'единения профессионального движения.

Промышленный переворот в Англии был настолько крупной переменой в материальной культуре, что он в последнем счете повлек за собою появление социалистического учения, являвшегося уже переходным от утопического социализма к социализму научному. Представителем этого нового течения социалистической мысли был Вильям Томпсон. Он родился в 1785 г., умер в 1833 г. Жизнь его, в противоположность жизни Оуэна, была бедна событиями, однообразна. Он был типическим теоретиком, ученым. В 1824 г. вышло его основное сочинение „Исследование основных начал распределения богатства". Сочинение это, изложенное с необыкновенною ясностью, содержит в себе ряд мыслей, являющихся зародышами научного социализма.

Томпсон является сторонником трудовой теории ценности. Труд для него основа богатства. „Без труда нет богатства". Ценность определяется средним количеством работы. Улучшение машин и орудий требует меньшего количества труда, увеличивает его производительность. Томпсон указывает и на частичные отклонения от трудового мерила ценности [1]).

Когда же может быть достигнута наибольшая производительность труда? На этот вопрос Томпсон отвечает

---

[1]) *Thompson*, Untersuchung über die Grundsatze der Verteilung des Reichtums, Berl., 1903, I, стр. 31—48.

определенным образом: тогда, когда рабочему обеспечено право на полный продукт труда, так как это является сильнейшим мотивом к увеличению производительности.

Рабочими создается прибавочная ценность, которая и отнимается у них капиталистами, присваивающими себе большую часть, по крайней мере половину всего продукта труда. Капитализм в своем развитии приводит к росту пауперизма. Столкновение противоположных интересов составляет сущность капиталистического общества [1]).

Из всего этого следует вывод „естественных законов распределения“: капитализм — препятствие к всеобщему счастью, от него проистекает и зло материальное — недостаточная производительность труда, — и зло политическое—классовое государство, и зло нравственное, так как он извращает истину, честь и все нравственные понятия; необходимо распространение знания науки в массах населения, так как наука увеличивает производительность; необходимо и кооперативное производство, отстаиваемое Оуэном. Но в то же время Томпсон требует и свободного развития индивидуального производства [2]).

Томпсон во многом опередил свое время, был провозвестником будущего. Поэтому его теория не имела успеха, прошла почти незамеченной в свое время.

---

[1]) Там же, I, стр. 81, 146 и след.

[2]) Там же, I, стр. 281, 285, 293—294, 302—308, II, стр. 1 и след. 178 и след., 186, 541.

IV.

Торжество культурного капитализма в Англии.

С половины 30-х годов XIX в. начинается и к началу 70-х годов заканчивается новый момент в развитии английского капитализма. Этот момент следует характеризировать, как время торжества культурного капитализма в Англии, пришедшего на смену капитализму грубо-хищническому.

Остановимся сначала на чисто-экономической характеристике этого времени, прежде всего на фактах, показывающих, как рос и развивался тогда капитализм в Англии, рассматриваемый с точки зрения размеров или широты производства и обмена хозяйственных благ.

Ценность английского вывоза возросла в пятидесятых годах сравнительно с сороковыми на 85%, а в шестидесятых сравнительно с пятидесятыми еще на 56%[1]); весь оборот английской внешней торговли достиг в 1870 г. колоссальной суммы в 502 миллиона фунтов стерл. (свыше 5 миллиардов золотых рублей), причем только за 6 лет—с 1864 г.—он увеличился на $15^1/_2$%.

В 1846 г. в хлопчатобумажной промышленности Англии, Шотландии и Ирландии работали уже $17^1/_2$ миллиона веретен; в 1856 г. — 28 милл. веретен[2]), т.-е. за 10 лет процент увеличения равнялся 60-ти. В 1850 г. добыто было 3 миллиарда 38 миллионов пудов каменного угля, а в 1870 г. 6 миллиардов 848 миллионов пудов[3]), т.-е. больше на 125,4%. Чугуна выплавлено было в 1830 г. 42,2 миллиона пудов, в 1850 г. 140,1 миллио-

---

[1]) *Туган-Барановский*, Промышл. кризисы, стр. 48.
[2]) *Гобсон*, Эволюция соврем. капит., стр. 82, 95.
[3]) *Радциг*, Каменноугольная промышл. всего света, стр. 3.

нов пуд. (на 232% больше), в 1870 г. 369,6 миллионов пуд.[1]), т.-е. почти на 164% больше, чем за 20 лет до того времени и почти в девять раз больше, чем в 1830 г.

Чрезвычайно важны были технические усовершенствования в железоделательном и чугуноплавильном производстве. Именно в изучаемое нами сейчас время применены были изобретения, сделанные в 1828 г. Нильсоном, в 1837 г. Фабром де Фором и в 1850 г. Бессемером. Сущность изобретения Нильсона заключалась в том, что он стал поднимать температуру доменной печи вдуванием в фурмы (отверстия в нижней части печи) не холодного, а горячего воздуха, чем очень сильно сокращен был расход на топливо; Фабр де Фор изобрел аппарат для улавливания и использования в качестве горючего материала газов, выходящих из доменной печи, причем эти газы и нагревают как раз воздух, вдуваемый в печь. Изобретение Бессемера было наиболее важным из всех трех; сущность его заключается в том, что сквозь жидкий чугун, помещаемый в так-называемом конвертере, продувается снизу множеством тонких струй сжатый воздух, отчего сгорают углерод, кремний и марганец — эти примеси расплавленного металла, почему температура конвертера поднимается весьма быстро и до чрезвычайной высоты, продукт получается чистый и в жидком виде, удобном для дальнейшего производства, и производительность достигает огромного напряжения. Бессемерование особенно распространяться стало в Англии с 60-х годов XIX в. и опять-таки дало английской железоделательной и чугуноплавильной промышленности огромные технические преимущества над промышленностью других стран[2]).

Параллельно росту торговли и промышленности развивалось и банковое дело. С 1834 года появляются в Лондоне депозитные банки, главные из которых были основаны именно в 30-х годах XIX в. То были солидные банки, созданные для крупной торговли и haute

---

[1]) *Jeans*, The british iron and steel industries; *Aeshley*, British industries, Lond. 1903, стр. 3.

[2]) *Липин*, Металлургия железа, чугуна и стали, т. I, Спб. 1904; *Ден*, Каменноугольн. и железоделат. промышленность.

finance[1]). Они не вели и не ведут рискованной спекуляции, а дают небольшой сравнительно, но вполне обеспеченный доход, отличаются солидностью, прочностью. Появление и развитие депозитных банков имело большое значение главным образом в двух отношениях: во-первых, оно содействовало усвоению Английским банком функции банка банков, потому что депозитные банки с конца 40-х годов стали хранить свои резервы именно в Английском банке; во-вторых, появление депозитных банков положило начало как исчезновению отдельных банкиров—устарелой, примитивной формы финансового капитализма,—так и специализации банков, разделению труда между ними. Вот почему вслед за депозитными банками появились и другие. Так, возникли в 30-х и 40-х годах вест-эндские банки — для землевладельцев и богатых рентьеров, подгородные банки (suburban-banks) для сбережений средних классов общества, провинциальные банки для кредитования сельского хозяйства, индустрии и торговли отдельных провинций[2]).

Чтобы закончить чисто-экономическую характеристику английского капитализма с 30-х по 60-ые годы, остается отметить наличность и в это время чередования под'емов, кризисов и угнетенного состояния, застоя хозяйства. Важнейшими кризисами были в это время промышленные кризисы 1836—1837, 1847, 1857 и 1866 годов, денежный кризис 1839 г., биржевой 1845 г. и хлопковый голод 1861 — 1862 г. Последний был вызван недостатком подвоза хлопка из Америки вследствие возникшей там междоусобной войны, и потому мы на нем останавливаться не будем. Денежный кризис 1839 г. вызван был предыдущим промышленным кризисом, а биржевая паника 1845 г. явилась следствием спекуляции железнодорожными акциями[3]). Остается, следовательно, рассмотреть остальные четыре промышленных кризиса.

В 30-х годах XIX в. в Англии наступило промышленное оживление, вызванное хорошими урожаями, увели-

---

[1]) *Jaffé*, Das englische Bankwesen, стр. 10, 45, 48.
[2]) Там же, стр. 14, 48, 54, 57.
[3]) *Туган-Барановский*, Пром. кризисы, стр. 91, 95, 108.

чившими емкость внутреннего рынка, и усиленным вывозом английских фабрикатов, особенно железа и стали, в Соединенные Штаты, где строились в то время железные дороги и каналы. Но усиленный вывоз английских фабричных изделий в Америку, с одной стороны, поднял их цену внутри страны, т.-е. с‘узил их внутренний сбыт, с другой—превысил потребность в них в Америке. Отсюда и вышел кризис. В 1837 г. вывоз хлопчатобумажных тканей из Англии упал на 26%, количество банкротств увеличилось сравнительно с 1836 годом на 64%[1]) Все это сопровождалось, конечно, огромными бедствиями рабочего класса и массовой безработицей, явившимися экономической подкладкой чартистского движения, о котором речь у нас пойдет особо ниже. Угнетенное состояние английской промышленности после кризиса длилось до 1842 года включительно, причем 1842 год был высшей точкой промышленного застоя, и только урожаи 1843—44 годов, открытие к 1843 году китайского рынка для английских товаров после войны с Китаем и расширение вывоза, в особенности хлопчатобумажных изделий в 40-х годах, повели к ликвидации застоя и к новому промышленному под‘ему[2]).

Неурожай хлеба в Англии в 1846 и 1847 годах понизил покупательную способность массового потребителя внутри страны. Происшедший в то же время неурожай хлопка повысил цены на хлопчатобумажные ткани, т.-е. еще более уменьшил их потребление. Тогда разразился промышленный кризис 1847 года. Он был слабее предыдущих кризисов и подготовлялся постепенно[3]), но тем не менее также больно поразил рабочий класс, что и выразилось, как увидим, в новом обострении чартистского движения.

Кризис 1857 г. протекал при своеобразных сравнительно с предыдущими кризисами английских и мировых экономических условиях. Для Англии своеобразие заключалось в том, что она окончательно перестала быть земледельческой страной, промышленность в ней

---

[1]) Там же, стр. 83—88.
[2]) Там же, стр. 93—95.
[3]) Там же, стр. 97—106.

перестала зависеть от туземного урожая. С другой стороны, с точки зрения международной, кризис 1857 года был первым мировым, не только английским, но и американским промышленным кризисом [1]).

Промышленному под'ему всей первой половины и начала второй половины 50-х годов способствовали огромные мировые урожаи хлеба, понизившие хлебные цены и расширившие потребление фабрикатов. Кризис начался в Соединенных Штатах, потом перешел в Англию и, наконец, распространился на страны европейского континента, поскольку в них установился или только еще устанавливался промышленный капитализм. Биржевая, а затем и промышленная паника и ряд банкротств больше всего фирм, имевших дела с Америкой, характерны для английского кризиса 1857 года. Этот кризис именно в Англии не был продолжителен, и последствия его стали сглаживаться уже в 1859 году. Причина слабости кризиса заключалась по преимуществу в том, что спекуляция в Англии была слабее, чем в предшествующие кризисы [2]): это—один из ярких признаков перехода британского капитализма к более культурным формам эксплоатации. Другим не менее ярким признаком перехода и культурному капитализму, наступления высшей степени развития промышленного капитализма в Англии было то обстоятельство, что кризис 1857 г. постиг главным образом не хлопчатобумажную промышленность, а железоделательную: это произошло по той причине, что Англия стала производить в очень большой мере не только предметы потребления, но и средства производства, а сильно развитое производство средств производства, как известно, именно и характерно для высшей стадии развития индустриального капитализма [3]).

Наконец, кризис 1866 г. был самым слабым из всех предшествующих, хотя и он сопровождался довольно продолжительным угнетенным состоянием промышленности [4]).

---

[1]) Там же, стр. 109.
[2]) Там же, стр. 109—121.
[3]) Там же, стр. 121.
[4]) Там же, стр. 130—131.

Таким образом изучение чисто-экономических условий, слагавшихся в Англии между тридцатыми и шестидесятыми годами XIX в., с 1835 г. по 1870 г., т.-е. за 35 лет, уже показывает с достаточною ясностью, что рост английского капитализма за эти годы был не простым количественным изменением, что количество здесь переходило уже в качество, что грубо-хищнический капитализм окончательно сменился капитализмом культурным, первые зародыши которого наблюдались нами в предшествующую эпоху.

Процесс этого перехода, этой смены полон глубокого интереса, привлекает к себе пристальное внимание. Определение и установление его закономерности—важная научная задача. Пытаясь решить эту задачу, мы прежде всего встречаемся с весьма интересным и полным глубокого значения явлением в области социальных движений,—с революционным движением английского пролетариата, известным под названием чартизма.

Смысл и значение чартистского движения известны и установлены с бесспорной точностью. Это была попытка рабочего класса завоевать политическую власть, или по крайней мере участие в политической власти, путем установления в Англии всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, годичного срока депутатских полномочий и введения вознаграждения за исполнение депутатских обязанностей.

Как и почему произошло это стремление рабочего класса Англии к участию в политической власти—вот первый вопрос, привлекающий внимание исследователя истории чартизма.

Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от знакомства с положением и настроением английских рабочих 30-х и 40-х годов XIX в. Нам уже известно, что промышленный переворот, явившийся следствием введения паровых машин на фабриках, вызвал стихийное, массовое разрушительное стачечное движение рабочих, которое сопровождалось разрушением машин и фабричных зданий и стремлением рабочих восстановить старый ремесленный строй; известно и то, что бесплодность, безрезультатность этого движения, обусловленная его экономически-реакционным характером, соперничество

сельскохозяйственной буржуазии с буржуазией промышленной и, наконец, признание самой этой промышленной буржуазией невыгодности для нее разрушительных стачек и вообще остановок работы при мировой индустриальной монополии Англии привели к уступкам со стороны капиталистов и к легализации профессиональных рабочих союзов в 1824 году. То был крупный шаг вперед в процессе превращения грубо-хищнического капитализма в капитализм культурный. Но союзы пока были еще слабы, их развитие пошло вперед только в 30-х и 40-х, особенно в 50-х годах XIX в., и направить движение в русло трэд-юнионизма, частичного улучшения экономического положения рабочего класса они пока не могли. Они только ослабили, даже уничтожили разрушительные, реакционные формы стачечной борьбы. Однако, бедствия рабочих, связанные с развитием капитализма, продолжались и обострялись. При таких условиях рабочие пошли по линии наименьшего, как им казалось, сопротивления: они стали засыпать парламент петициями о вмешательстве государства для их защиты от капиталистов. Всецело царившая в парламенте буржуазия отвечала на все эти петиции отказом, мотивируя его основными принципами буржуазных гражданского права и политической экономии: вмешательство государства в экономические отношения с этой точки зрения, нарушало гражданскую свободу и свободу промышленности, необходимую для ее процветания [1]). Уже этот отказ, ярко подчеркивая классовый состав парламента, будил политическое сознание рабочих, подсказывал им идею необходимости демократического состава парламента. Борьба за парламентскую реформу, как мы видели, уже выдвинула принцип всеобщего избирательного права.

Но это было еще не все. Сильнее всего рабочие страдали от массовой безработицы, этого неизбежного спутника развивающегося промышленного капитализма. Буржуазия понимала огромную опасность безработицы и принимала против нее свои меры, продиктованные ее

---

[1]) *Ротштейн*, Очерки по истории рабочего движения в Англии, стр. 8—13.

классовыми интересами: то был „акт о бедных 1834 года". По старому закону Елизаветы, изданному в 1601 г., приходы обязаны были призревать в богадельнях всех инвалидов—больных, престарелых и нетрудоспособных—и давать работу или материал для работы безработным, способным к труду. Уже в XVIII в. некоторые приходы стали устраивать для безработных особые работные дома. Теперь, в 1834 г., эти работные дома сделаны были обязательными для всех приходов, причем в них была введена настоящая каторжная дисциплина и очень продолжительный рабочий день, а питание было очень скудно. В результате началось повальное бегство безработных из работных домов, и хотя таким образом цель правящей буржуазии—сократить расходы на общественное призрение—и осуществилась: эти расходы с $6^1/_2$ милл. ф. ст. в год понизились до $4^1/_2$ милл., но бедствия рабочего класса от безработицы не только не уменьшились, но увеличились [1]).

Последней каплей, переполнившей чашу, был известный уже нам промышленный кризис 1837 года. В этот именно год под влиянием толчка, данного кризисом, огромного обострения безработицы, и родился чартизм.

Его рождению помогла одна рабочая организация, составленная известным уже нам разбогатевшим портным Плэсом и последователем Оуэна Ловеттом: то была Лондонская ассоциация рабочих, учрежденная в 1836 году. Оба основателя этой ассоциации не были революционерами. Плэс преследовал прямо консервативные цели—хотел направить рабочее движение в мирное русло,—а Ловетт, как сказано, был последователем Оуэна, т.-е. мирным утопическим социалистом. Целью ассоциации было достижение всеми классами общества „равных политических и социальных прав", а средства должны были быть только законными, главным образом сводились к просвещению, пропаганде. Жизнь, однако, была сильнее мирных тенденций основателей Лондонской ассоциации. Бедствия кризиса 1837 года заставили ассоциацию, важ-

---

[1]) Там же, стр. 26—29; *Гаммедж,* История чартизма. Спб. 1907, стр. 5; *Боркгайм,* Чартистское движение в Англии, М. 1915, стр. 16—18.

нейшим вождем которой в провинции был Винсент, поручить секретарю ее Ловетту составление петиции, в которой впервые были формулированы требования, включенные впоследствии в хартию (чартер), от которой все движение получило свое название: всеобщее избирательное право, отмена имущественного ценза, годичные парламенты, равные избирательные округа, жалованье депутатам, тайная подача голосов [1]).

Петиция, составленная Ловеттом, не была внесена в парламент вследствие ряда случайных обстоятельств. Но она была той искрой, которая зажгла целый пожар. конечно, потому что все горючие материалы давно уже были готовы в более, чем достаточном количестве. Начались массовые митинги и демонстрации в разных частях страны. На двухсоттысячном митинге в Глазго Аттвуд, сам по себе мирно настроенный, провозгласил программу, которая при последовательном ее развитии несомненно повела бы к насильственной революции: он предложил созыв общего с'езда, рабочего конвента, массовую петицию в парламент и, в случае ее отклонения, всеобщую политическую забастовку. В Бирмингаме на столь же многолюдном митинге Аттвуд повторил свои предложения, а О'Коннор, начавший в Лидсе издание газеты „Северная Звезда", агитировал прямо за революцию и, явившись вождем крайней левой в чартизме, повторил свои тактические предложения в Иоркшире. В лондонской демонстрации выступили и Ловетт и О'Коннор. В Ланкашире действовал методистский священник Стефенс, в своих зажигательных проповедях заявлявший: „народ достаточно чуток к правде и вполне способен с мечом в руках добиться этой правды"; „если мы не можем больше жить работой своих рук, то бог хочет, бог приказывает, чтобы мы брали там, где можем. И если дело доходит до этого, я буду с вами, я первым пойду впереди, но не с кинжалом под платьем, а с блестящим ружьем за плечами. Долой это проклятое правительство! Долой палату общин! Долой палату лордов! Долой трон!

---

[1]) *Гаммедж*, Ист. чарт., стр. 13 и след.; *Ротштейн*, Очер. по ист. раб. дв. в Англии, стр. 35—38; *Боркгайм*, Чарт. движ. в Англии, стр. 19—20.

Да, долой престол! Жгите церкви! Долой всякие ранги! Долой всякие почести, всякие титулы, всякую власть! Долой все, кроме честных бедных людей и хорошей платы за хороший труд!“ С осени 1838 г. митинги приняли грозный характер: появились угрожающие надписи и мертвые головы на знаменах, митинги собирались по ночам при свете факелов. Правительство об‘явило незаконными ночные собрания с факелами; Стефенс за призывы к вооруженной борьбе был арестован. Тем не менее митинги продолжались в течение всего 1838 года и в начале 1839-го; везде подписывалась петиция и выбирались делегаты в конвент [1]).

Таково было в главных чертах течение событий в первый момент развития чартистского движения. В то время движение об‘единяло различные по социальному составу и настроению элементы, совершалось на более или менее широкой социальной базе. В нем участвовали рабочие и мелкие буржуа; рабочие были разных направлений: и революционно-настроенный пролетариат севера, и более умеренные рабочие Бирмингама и Лондона, и буржуазные радикалы, и методистские священники, и буржуазные оппортунисты типа Плэса, и оуэнисты. Однако, уже в 1838 г. началось расхождение различных элементов движения, а позднее этот процесс развернулся до конца, во всю ширь, социальные противоречия вполне обнажились.

Из общей массы чартистов постепенно таким образом выделились следующие группы и направления: 1) последователи Оуэна во главе с Ловеттом: они были за мирные средства и за производительную кооперацию; 2) бирминга цы—ремесленники, рабочие полуфабричного—полуремесленного типа и буржуа вроде Аттвуда: они стояли также за мирную тактику, были противниками революции и дальше демонстратиной стачки не шли; 3) якобинская группа Харнея—ег „Демократическая ассоциация“, выделившаяся из „Лондонской ассоциации“ Ловетта, и его газета „Лондонский Демократ“; всеобщее поравнение в якобинском духе было их идеалом, все-

---

[1]) *Гаммедж*, стр. 55—116; *Ротштейн*, стр. 38—41; *Боркгайм*, стр. 72, 78—79.

общее избирательное право казалось им мостом к этому, восстание—лучшим средством для завоевания всеобщего избирательного права, но Харнею и его товарищам чужда была идея эволюции восстания из всеобщей стачки; 4) революционеры - народники двух оттенков, представленных один О'Коннором, другой О'Брайеном; оба оттенка об'единялись в стремлении к стачечной и повстанческой, вообще революционной тактике и в ненависти к капитализму, причем одинаково имели в виду возврат к докапиталистическим отношениям, уничтожение пролетариата, возвращение рабочих к земле, но они отличались друг от друга тем, что О'Коннор и его единомышленники имели в виду возрождение мелкой крестьянской собственности, наделение каждого пролетария своим участком земли, а О'Брайен был социалистом, имел в виду уничтожение частной собственности. Таковы были главные течения в чартизме; кроме них были еще попутчики, временно и частично примыкавшие к движению. Таков был отчасти уже Аттвуд, и еще в большей степени таковы были тори старого типа, враги капитализма, подобные нашим славянофилам—Остлер, Стивенс, Фильден [1]).

Вскрытие указанных сейчас разногласий и различных течений в чартизме и перевес умеренных в ущерб крайним революционерам—характерные черты второго момента в развитии чартистского движения, нашедшего себе яркое выражение в действиях и решениях чартистского конвента, собравшегося в Лондоне в феврале 1839 г.

Первое, с чем встретился конвент, был недостаток подписей на петиции: их набралось всего до полумиллиона. Решено было поэтому послать для раз'ездов по стране и собирания подписей под петицией делегатов конвента—по 15 чел. разом, выбираемых по жребию. Умеренное большинство конвента провело предложение учредить комиссию для переговоров с членами парламента с целью обеспечить их поддержку во время обсуждения парламентом петиции. Тогда якобинская крайняя левая, возглавляемая Харнеем, предложила

---

[1]) Ср. *Ротштейн*, Очерки по истории рабочего движения в Англии, стр. 42—54.

учредить другую комиссию—для обсуждения дальнейших мер, в случае, если петиция будет отвергнута парламентом. Большинство конвента, однако, отклонило это предложение: против него высказались не только умеренные во главе с бирмингамскими делегатами, принципиально отвергавшими революционные методы борьбы, но и многие революционеры, в том числе и О'Брайен, так как они находили преждевременной, тактически нецелесообразной постановку этого вопроса в данный момент. Скоро затем умеренные одержали и другую победу: делегатам конвента, отправленным в провинцию для агитации за подписание петиции, запрещено было рекомендовать революционные методы борьбы. Однако, революционная агитация крайней левой в конвенте и вне его испугала бирмингамских делегатов, и они сложили свои полномочия, что, впрочем, не ослабило умеренную партию конвента, так как бирмингамские избиратели послали новых делегатов того же направления.

Но правительство боялось и агитации умеренных, видя в ней зерно революционности, и своими заявлениями против „незаконных речей и действий", особенно против вооруженных митингов, в значительной мере отклонило тактику чартистского конвента влево. Правда, даже О'Коннор и О'Брайен высказались за отказ от вооруженных митингов, на котором настаивал Ловетт, но конвент на этот раз выбрал комиссию для обсуждения дальнейшей тактики в случае неудачи петиции в парламенте, и постановил, по предложению О'Коннора и О'Брайена, переехать в Бирмингам: этим он перемещался из Лондона ближе к центру рабочего движения на случай обострения положения. В Бирмингаме принято было даже в конце-концов предложение комиссии в случае неудачи петиции брать вклады из банков, воздерживаться от потребления спиртных напитков с целью сократить поступление акциза в казну, бойкотировать торговцев—противников чартизма, вооружиться и осуществить всеобщую забастовку в течение месяца („священный месяц"). Правительство разогнало большой митинг в Бирмингаме, причем полиция и войска избивали народ. Конвент принял резолюцию протеста, подписанную Ловеттом в качестве секретаря, за что Ловетт

был потом арестован и приговорен к тюремному заключению. Ряд митингов протеста устроен был в других местах. В Уэльсе в Ньюпорте предпринята была попытка освободить из тюрьмы арестованного Винсента, кончившаяся неудачей и раздутая правящей буржуазией в восстание, почему руководители попытки—Фрост, Джонс и Вильямс—были присуждены к смертной казни, замененной, впрочем, пожизненной ссылкой. В Бирмингаме произошли пожары и разгром лавок торговцев—противников чартизма. Но все эти вспышки так и не вылились в восстание. В июле 1839 г. хартия, подписанная 1 миллионом 250 тыс. человек и представленная палате общин Аттвудом, была отвергнута огромным большинством против 48 радикалов. Конвент, вновь собравшийся в Лондоне, должен был признать, что всеобщая забастовка не может быть пока осуществлена, и в сентябре разошелся. Правительство арестовало за призывы к восстанию О'Коннора, О' Брайена и других вождей чартизма. С прекращением промышленного кризиса движение утихло. Политическим его ближайшим последствием было только то, что на выборах в парламент чартисты, поскольку они обладали избирательными правами, голосовали против вигов, за тори, и тем содействовали поражению вигов, стоявших до того времени у власти, и появлению торийского министерства [1]).

Второй момент в истории чартизма, нами сейчас рассмотренный, повел к социальному самоопределению движения: от него отошли буржуазные элементы, ранее к нему примыкавшие; даже Аттвуд после неудачи петиции перестал быть чартистом; потом ушли и умеренные, оуэнисты вроде Ловетта; движение стало чистопролетарским, но временно замерло с прекращением кризиса.

Чартистское движение вновь стало разгораться в 1842 г., когда промышленный застой, наступивший вслед за кризисом 1837 года, достиг высшей точки своего напряжения, и особенно в 1847 году, когда

---

[1]) *Гаммедж,* Ист. чартизма, стр. 124—227; *Ротштейн,* Оч. по ист. раб. движ. в Англии, стр. 55—72: *Боркгайм,* Чарт. движ. в Англ., стр. 23—29.

английскую промышленность постиг новый экономический кризис. В этот третий момент окончательно определились природа и исход движения, а также причины его неудачи.

1842 год, казалось, открыл возможность осуществления всеобщей забастовки. Угнетенное состояние промышленности вызывало всеобщую тревогу и недовольство. У власти было торийское—сельскохозяйственно-капиталистическое—министерство Пиля. Промышленная буржуазия, еще в 1838 г. основавшая в Манчестере лигу против хлебных законов во главе с депутатом Вильером и под фактическим руководством Кобдена и Брайта, ставила своей задачей фритрэдерство и в первую очередь отмену пошлин на иностранный хлеб. Она напрасно еще раньше пыталась привлечь к этой платформе рабочий класс. Теперь, по плану Брайта, решено было прибегнуть к локауту, как средству давления на правительство. Фабриканты Ланкашира об'явили локаут—временный расчет рабочих и понижение заработной платы вследствие промышленного застоя, причиной которого они выставляли хлебные пошлины. Но частичный локаут и понижение расценков вызвали стачку в Ланкашире на расстоянии 50-ти миль вокруг Манчестера. 12 августа 1842 г. собрание делегатов стачечников большинством 320 голосов против 38-ми решает об'явить „священный месяц"—всеобщую стачку за хартию и за повышение заработной платы. Чартисты во главе с О'Коннором выпустили воззвание с призывом к всеобщей стачке. Однако, и здесь дело не приняло всенародного характера, всеобщая забастовка не удалась. С одной стороны, тори пошли на уступки: Пиль в 1842 г. понизил пошлины на хлеб и провел подоходный налог. С другой—и фабриканты, напуганные возможностью всеобщей забастовки, возобновили работу на фабриках, повысив расценки. К тому же и угнетенное состояние промышленности после 1842 г. пошло на убыль и затем сменилось промышленным под'емом [1]).

---

[1]) *Гаммедж,* Ист. чарт., стр. 227—273; *Ротштейн,* Оч. раб. дв. в Англ., стр. 70—72; *Боркгайм,* Чарт. дв. в Англ., стр. 32—36.

Кризис 1847 года и последняя вспышка чиртисткого движения в этом и следующем годах, протекали при существенно изменившихся экономических и социальных условиях. Правда, и экономический кризис и февральская революция 1848 г. во Франции революционизировали массы, но, во-первых, кризис был слабее предыдущих, во-вторых, июньские дни в Париже, поражение там рабочих ослабляли надежду на успех и в Англии; в третьих, культурный капитализм в Англии становился все более внушительным и осязательным фактом, что выразилось и в отмене хлебных пошлин, проведенной Пилем в 1846 г. и несомненно ослабившей нужду рабочего класса, и в фабричном законодательстве, и в новом трэд-юнионистском и кооперативном движении. Необходимо остановиться на этих новых признаках торжества культурного капитализма в Англии, чтобы понять судьбы чартизма.

Отмена хлебных пошлин, означавшая окончательную победу индустриализма в Англии, одновременно с мировой промышленной монополией Англии в 40-х, 50-х и 60-х годах располагала фабрикантов к уступчивости и повела к удешевлению предметов питания. Реальная заработная плата за это время выросла, несомненно, даже еще больше, чем номинальная денежная, рост которой также нельзя оспаривать [1]). Все это успокаивало массы и исключало возможность революционного под‘ема.

Землевладельцы-тори из соперничества с вигами-индустриалами стояли за фабричное законодательство вместе с Оуэном и его последователями, с такими умеренными представителями рабочего движения, как Остлер, и, наконец, с христианскими социалистами—Эшли и Кингсли, по существу вовсе не социалистами, а представителями культурного капитализма. Уже в 1833 г. запрещена была работа на фабриках детей младше 9-ти лет, для детей от 9-ти до 12-ти лет установлен восьмичасовой рабочий день; ночной (между $8^1/_2$ ч. вечера и $5^1/_2$ утра) труд запрещен детям от 9 до 12 л. и подросткам от 12 до 18 лет; для подростков от 12 до 18 лет установлен дневной труд не больше 12 часов;

---

[1]) *Ротштейн*, Очерки раб. движ. в Англии, стр. 84.

для наблюдения за исполнением этого первого по времени фабричного закона учреждена была фабричная инспекция. В 1844 г. издан был второй закон, по которому дети могли работать только одну смену—или только до обеда, или лишь после обеда, всего не более семи часов, а максимальный рабочий день женщин определен был в 12 часов, причем ночная их работа была запрещена. Закон 1847 г. установил десятичасовой рабочий день для женщин и подростков. Законом 1850 года для работы детей определено было время от 6 ч. утра до 6 ч. вечера с перерывом для принятия пищи в $1^1/_2$ часа для всех рабочих одновременно. Наконец, в 1867 г. законодательная охрана труда распространена была и на ремесленные мастерские [1]). Фабричное законодательство—один из наиболее ярких признаков торжества культурного капитализма: оно выгодно именно для передовых капиталистических предприятий, стоящих на высоте развития техники производства, потому что освобождает их от конкуренции предприятий технически и экономически отсталых. Но помимо этого оно ставит в лучшее положение и рабочих, и тем придает рабочему движению мирные формы.

Нам уже известно, что 1824 год сделал эпоху в истории английского профессионального движения. С этого времени стали возможны и правильная организация профессиональных рабочих союзов, и выработка ими обширной программы рабочих требований, и развитие тактики профессиональной классовой борьбы. Во всех этих отношениях 30-е, 40-е, 50-е и 60-е годы XIX в. принесли много нового и важного.

В организационном отношении важна выработка форм организации и действия как отдельных союзов, так и их национальных об'единений. Именно необходимость создания национальных федераций местных обществ рабочих каждой отрасли, вроде соединенного общества машиностроителей, основанного в 1851 г.. продиктовала новые организационные формы. Здесь важно прежде всего появление собрания делегатов местных обществ, секций всей федерации. Сначала они были редки, созы

---

[1]) *Маркс*, Капитал, т. I; *Plener*, Die englische Fabriklegislation.

вались обычно только для утверждения уставов федерации или для их изменений. Что касается других общих дел, касающихся целой данной федерации, то они ставились сначала на голосование поголовных собраний членов по секциям, т.-е. на референдум. Но референдум слишком затягивал решения, создавал общую слабость администрации, вел к опасным финансовым ошибкам и к большому непостоянству решений. Поэтому к 80-м годам (мы здесь заходим несколько вперед, чтобы не дробить без нужды истории английского трэд-юнионизма) везде установилось собрание представителей, делегатов как решающий, распорядительный орган федерации [1]).

Параллельно этому реорганизован был и исполнительный орган национальных рабочих об‘единений. Сначала выбиралась одна местная секция для управления всеми общими делами всей федерации, исполнявшая таким образом обязанности центрального правления. Условия экономической борьбы, делавшие необходимой особую осведомленность секции-правления в хозяйственной обстановке, заставили затем обычно передавать правленские функции той местной секции данной федерации, которая находилась в крупном промышленном центре. Но когда развились делегатские собрания федерации,— пришлось связать правления федераций с ними, поставить последние в органическую связь с первыми. Отсюда вышел выбор правления делегатским собранием. Наконец, нужен оказался и специальный технический аппарат, выборный и наемный секретариат, профессиональная бюрократия. И она, зависевшая первоначально от референдума, затем стала выбираться по рекомендации правления делегатским собранием [2]).

Программа, фунциии трэд-юнионов в их национальных об‘единениях также сложились главным образом в изучаемое время. Издавна трэд-юнионы знали цели взаимного страхования членов на случай, когда они лишались заработка и, следовательно, средств существования; с этою целью выдавались пособия во время болезни, в случае

---

[1]) *С.* и *Б. Вебб,* Теория и практика английского трэд-юнионизма, т. I, Спб. 1900, стр. 5, 9, 13—29.

[2]) Там же, I, стр. 10—11, 41.

вечья и старости, а также во время безработицы. Эти функции теперь широко развиты были профессиональными об'единениями. Затем развиты были также третейские суды и посреднические комиссии для переговоров с предпринимателями. Далее, трэд-юнионы выработали метод коллективных договоров об условиях труда и тем предотвратили развитие конкуренции между рабочими в их отношениях к работодателями. Этим, между прочим, создана была возможность для рабочих союзов оказывать воздействие на улучшение техники фабричного производства: при введении новых способов производства и новых машин профессиональные союзы путем коллективных договоров добивались права наличных рабочих обучиться работать новыми способами и на новых машинах; мало того: в интересах сохранения рабочими своего положения рабочими союзами при этом требовалось распространение новых технических усовершенствований на все предприятия данной отрасли промышленности и заключение нового коллективного договора с целью воспрепятствовать усилению эксплоатации труда [1]). Наконец, техника самой стачечной борьбы, основанной на изучении экономической кон'юнктуры и промышленной техники, а также общественной атмосферы и политической обстановки доведена была национальными профессиональными об'единениями до высокой степени совершенства. Прочно установлено и проверено практикой, что не надо быть в постоянной, непрерывной борьбе: осторожностью и бдительностью может быть достигнуто многое. Неправильно выставлять борьбу за заработную плату как орудие для возбуждения и привлечения равнодушных, индиферентных, не состоящих еще в союзе. Особенную осторожность профессиональные союзы предписывали в оборонительной борьбе: как общее правило, предприниматели только тогда нападают, стремятся ухудшить положение рабочих, когда чувствуют перевес экономических условий на своей стороне, т.-е. когда победа им обеспечена. Рекомендуется устраивать забастовки преимущественно не во всей отрасли производства, а в *одном* чувствительном месте производства

[1]) Там же, I, стр. 121—333.

или системы производств: эффект отсюда будет не меньший, потому что фактически все остановится, а расходов будет меньше, потому что забастовщиков будет меньше, помогающих же им товарищей окажется большее число. Наконец, даже при возникновении конфликта считается необходимым исследовать его обстоятельно в союзе, прежде чем решиться на него окончательно. Для этого требуется обычно месяц, два, даже три, и дело должно пройти ряд стадий: прежде всего дело обсуждается в местной секции, потом в правлении местного отдела, далее в особой комиссии рабочих, потом пред‘являются требования работодателям, далее вопрос рассматривается в комиссии центрального союза, наконец, в палате соглашения. В каждой из этих инстанций предполагаемая забастовка может быть ликвидирована. Но если такой ликвидации не произошло, забастовка считается решенной. Однако, момент решения забастовки не совпадает еще с моментом ее об‘явления: в промежутке между этими обоими моментами идет приготовление к борьбе, и им руководит уже особо выбранный стачечный комитет вместе с правлением центрального союза. Они составляют в это время забастовочный фонд в помощь стачечникам, определяют время об‘явления забастовки и состав бастующих.

Во время самого ведения забастовки стачечный комитет ведает общее ведение стачки, составляет списки забастовщиков и работающих, делает контрольные отметки, выдает пособия и управляет кассой [1]).

Вся эта обстоятельная техническая подготовка повела к важным экономическим завоеваниям рабочего класса.

Сюда относятся уже изложенные выше факты, касающиеся развития рабочего законодательства в Англии до 70-х годов XIX в. Мы видели при этом, что это фабричное законодальство не касалось положения взрослых рабочих-мужчин. Зато в этом отношении многое было достигнуто путем борьбы самих профессиональных союзов с предпринимателями и посредством вытекавших из нее условий коллективных договоров. Уже в 30-х годах таким путем завоеван был десятичасовой рабочий день

---

[1]) *Швиттау*, Промышленные конфликты.

в хлопчатобумажной промышленности Ланкашира. В последовавшие затем 30 лет во многих отраслях промышленности рабочие завоевали девятичасовой рабочий день. В 50-х годах начата была усиленная агитация за уголовную и гражданскую ответственность предпринимателей за несчастные случаи во время работы [1]).

Успешность экономической борьбы рабочих до 70-х годов в значительной мере обусловливалась не только их организованностью и планомерностью действий союзов, но и промышленной монополией, остававшейся в то время за Англией: предпринимателям было выгоднее уступать, чем вызывать продолжительную приостановку работы. Но эта успешность приводила к развитию того, что принято называть трэд-юнионизмом, — к перенесению центра тяжести рабочего движения с политической борьбы на борьбу экономическую. Трэд-юнионизм естественно таким образом отвлекал рабочие массы от чартизма.

Наконец, в том же направлении действовало и развитие английского кооперативного движения. Нам уже известна выдающаяся роль Оуэна в насаждении производительной кооперации в Англии. Его банк, так же не удавшийся, как и его производительные ассоциации, был зародышем кооперации кредитной. Но всего важнее здесь было основание новой потребительной кооперации рочдэльскими пионерами в 1844 году. Принципы, ими установленные, сводились к продаже товаров потребителям по рыночной розничной (не оптовой) цене, за наличные деньги (не в кредит), в продаже товаров только хорошего качества, в распределении прибылей не только в виде дивиденда на паи, но и в виде премий на забор товаров и в демократической организации всего дела, так что каждый пайщик имел в общем собрании только один голос, сколькими бы паями он ни обладал. Рочдэльская потребительная кооперация была зерном, из которого развилось целое огромное движение, опять-таки ослабившее чартизм, отвлекшая внимание рабочих масс Англии от политики к экономике.

---

[1]) *С.* и *Б. Вебб,* Теория и практика англ. трэд-юнионизма, т. I, стр. 283, 297.

В сороковых годах были осуществлены и отмена хлебных пошлин и фабричное законодательство, стали развиваться и трэд'юнионизм и кооперативное движение. Ясно было, что при таких условиях чартизм с его чисто политической программой и нерешительно-революционными методами ее осуществления не может удовлетворить широкие рабочие массы. И вот О'Коннор в 1845 г. дополняет программу чартизма своим проектом земледельческих поселений для рабочих. Он полагал, что, собрав некоторую сумму, можно купить на нее имение, а доходы с этого имения и залог его могут дать средства для покупки другого имения и так далее, до тех пор, пока весь промышленный пролетариат не сядет на землю. Это была утопия, как справедливо утверждал О'Брайен, предлагавший национализацию земли и дешевый кредит для мелких производителей после введения всеобщего избирательного права. Тем не менее утопический план О'Коннора был принят чартистским с'ездом 1845 года. В 1847 г. О'Коннор успел приобрести два имения для осуществления своего плана и был выбран в палату общин. В 1848 г. неорганизованные массы митинговали, вступали в столкновения с полицией, но профессионально-организованные рабочие уже не шли за чартистами. О'Коннору удалось только представить 10 апреля 1848 г. новую хартию, имевшую так же мало успеха, как и раньше Чартистский конвент попытался было созвать в Лондоне национальное собрание, которое, по его предположениям, должно было захватить власть, но это собрание, назначив исполнительный комитет, разошлось. В марте 1851 г. созван был последний чартистский с'езд, который выработал целую программу политических и социальных реформ, но то была последняя конвульсия умиравшего чартистского движения [1]).

Было бы, однако, большой ошибкой думать, как обыкновенно думают, что чартизм—это широкое и продолжительное рабочее движение—кончился совершенно безрезультатно, умер без следа. Чартизм умер как конкретная форма движения, типичная, характерная для

---

[1]) *Гаммедж*, Ист. чартизма, стр. 288—456; *Ротштейн*, Оч. по ист. раб. дв в Англии, стр. 77—91; *Боркгайм*, Черт. движ. в Анг., стр. 44—66

времени, когда он развивался, но он все же остался первым звеном в цепи, приведшей Англию к культурному капитализму в политическом смысле. Мы и должны теперь познакомиться с тем, как эта цепь продолжалась после чартизма.

Продолжение ее вышло из английского профессионального рабочего движения,—из того самого трэд-юнионизма, развитие которого было одною из важных причин, может быть даже самой важной причиной гибели чартизма. Среди вождей тред-юнионизма с начала 60 х годов крепнет сознание необходимости для рабочего класса избирательных прав и участия в парламентской работе. Представителями этого течения были тогда Аллан, генеральный секретарь союза машиностроительных рабочих Англии, Эппльгарт, составивший об'единенный национальный союз английских плотников, и Оджер, секретарь лондонского профессионального совета — центральной организации всех профессиональных союзов Англии. Этот профессиональный совет в 1861 и 1862 г.г. развил во всей стране широкую агитацию за избирательную реформу, причем самым важным практическим мотивом служили те опасности, которые угрожали английским профессиональным союзам вследствие неудовлетворительности закона 1824 года, дозволявшего союзы как общества взаимопомощи, но не признававшего за ними прав юридического лица, почему и не ограждавшего их финансовые средства и вообще материальное положение. Глава либерального министерства Гладстон находился в сношениях с Оджером и, сознавая необходимость уступок рабочим, внес билль о реформе избирательного права в палату общин в 1866 г. Палата отвергла билль Гладстона, и власть перешла в руки торийского министерства, которое не хотело проводить реформу. Тогда начались массовые митинги рабочих, из которых особенно замечательны были два грандиозных митинга в Лондоне—на Трафальгар-сквере и в Гайд-парке. Движение разрослось и в провинции, где требование избирательной реформы особенно отчетливо и громко прозвучало в Бирмингаме, Лидсе, Глазго, Эдинбурге. Большую помощь движению оказал основанный в 1864 г. Интернационал, генеральный совет которого состоял наполовину

из английских рабочих и играл роль руководящего учреждения британской секции этого первого международного об‘единения рабочих. Английские члены Интернационала имели огромное влияние в „Лиге реформы“, и этой лиге был предоставлен оффициальный печатный орган Интернационала „Республика“ („Commonwealth“). Все это колоссальное движение заставило тори пойти на уступки. В торийском министерстве лорда Дерби перевес приобрел новый торизм, готовый итти на уступки демократии; во главе этого течения стоял Дизраэли. Он принудил сторонников старого торизма оставить министерство и внес в парламент и провел через обе палаты избирательную реформу 1867 года, по которой большинство рабочих получило избирательные права. По этой реформе право голоса при выборах членов палаты общин получили все, кто в графствах имел собственный дом с годовым доходом не менее 12 фунт. стерл. (120 золотых рублей), или нанимал такой дом; в местечках все, кто нанимал дом, записанный в податной список, а в городах всякий квартиронаниматель, плативший за квартиру не менее 10 ф. ст. в год (100 зол. р.), при непременном условии года оседлости в данном месте [1]).

Забегая несколько вперед, отметим, что в 1872 году глава министерства вигов Гладстон провел закон о тайной подаче голосов на выборах в палату общин, а в 1885 г. уничтожил неравенство избирательных округов. Совершены были и реформы в местном управлении: еще в 1835 г. проведен был закон о городском самоуправлении, по которому все плательщики податей получили избирательные права при выборе городских советов, состоявших из мэра, старшин и советников; в 1888 г. торийское министерство Сольсбери провело через парламент закон о выборном управлении графствами: всеми делами местного управления в графстве стал заведывать совет графства, выбираемый на три года всеми плательщиками податей; в 1894 г. Гладстон провел реформу управления приходами: приходские советы стали выбираться всеми плательщиками податей.

---

[1]) *Иекк*, Интернационал, Спб. 1906, стр., 5, 49—51; *Сеньобос*, Политич. ист. соврем. Европы, I.

Выше было уже указано, что Пиль в 1842 г. восстановил в Англии подоходный прогрессивный налог. Позднее Гладстоном был уничтожен ряд косвенных налогов, так что, напр., акцизов в Англии осталось только три. Подоходный налог сделался основой всей английской финансовой системы. В основу его положены собственные показания плательщика, проверяемые местными и центральными учреждениями. Все доходы делятся на пять отделов или шедул, обозначаемых буквами *A*, *B*, *C*, *D* и *E*. Шедула *A*—доходы с недвижимой собственности—земли и домов, *B*—с арендованной недвижимости, *C*—доходы с капиталов, *D*—от свободных профессий, промышленности и торговли, *E*—от жалований и пенсий [1]).

Наконец, в 1871 и 1875 г.г. английские профессиональные союзы получили права юридического лица, и в 1878 и 1901 годах были изданы два свода английского фабричного законодательства, а в 1897 г. Чемберлэн провел закон о вознаграждении рабочих за увечья независимо от того, произошло ли увечье от неосторожности самого рабочего или без его вины, от небрежности администрации.

Таким образом, английский капитализм, особенно к концу XIX в., принял все формы культурного капитализма.

---

[1]) *Янжул*, Основные начала финансовой науки; *Озеров*, Подоходный налог в Англии.

V.

Сельскохозяйственный капитализм с теоретической точки зрения.

Мы должны теперь перейти к характеристике английского капитализма за последние 30 лет XIX века. И в первую очередь необходимо остановиться на положении английского сельскохозяйственного капитализма. Прежде чем перейти к этой теме, необходимо, однако, сделать теоретический экскурс, так как в специальной экономической литературе довольно твердо держится мнение, что сельскохозяйственный капитализм вообще невозможен, что в сельском хозяйстве процесс идет не так, как в индустрии.

В политической экономии давно уже сделалось ходячей, общеизвестной, бесспорной истиной, что крупное производство в индустрии имеет огромные преимущества перед производством мелким. Преимущества эти многообразны и касаются как экономии в средствах производства и большей легкости кредита, покупки материалов и сбыта товаров, так и в особенности технического превосходства крупного производства над мелким. Можно ли то же сказать и о сельском хозяйстве?

Буржуазные экономисты и историки, а также социалисты-ревизионисты, особенно Давид в своей книге „Социализм и сельское хозяйство", отвечают на этот вопрос отрицательно, по целому ряду соображений и обстоятельств. Все эти обстоятельства и соображения удобнее рассмотреть в ином порядке, чем это сделано у Давида: их можно свести к трем разрядам или группам. Одна группа будет содержать в себе рассмотрение вопроса о земле, как средстве сельскохозяйственного производства, другая—о машинах и их значении в сельском хозяйстве,

третья о труде в сельскохозяйственном производстве. Начнем с первой группы.

Земля представляет собою, несомненно, важнейшее средство производства в сельском хозяйстве. Не составляет ли это обстоятельство особенности сельского хозяйства, препятствующей в нем развитию крупного производства?

Давид и его последователи отвечают на этот вопрос утвердительно по трем основным причинам: во-первых, вследствие того, что существует так-называемый закон убывающего плодородия почвы, во-вторых, потому что земледелие—органическое, а не механическое производство, в третьих, потому что покупка земли, или ее аренда, поглощает слишком большую долю капитала, требует чрезмерных затрат.

Что такое закон убывающего плодородия почвы? Это—закон, гласящий, что с увеличением затрат на плодородие почвы затраты эти постепенно все в меньшей мере окупаются увеличением урожая. Допустим, что на улучшение каждой десятины затрачивалось 5 рублей, и урожай был 100 пудов с десятины; положим, затрата была увеличена вдвое, на 100%—до 10 руб. на десятину, а урожай увеличился до 150 пудов, т.-е. не вдвое, а только на 50%; вот наглядное выражение закона убывающего плодородия почвы.

Давид справедливо указывает, что разные экономисты, признающие закон убывающего плодородия почвы, различным образом его понимают. Он отмечает два понимания этого закона: по мнению одних, закон убывающего плодородия почвы проявляется при переходе от одной системы земледелия к другой, напр., при переходе от парового трехполья к многопольному плодосмену; по другим, закон убывающего плодородия почвы действителен только для тех случаев, когда не совершается перехода от одной системы к другой, а сельские хозяева, оставаясь при прежней системе, стараются достигнуть в ней частичных улучшений и производят для этого дополнительные затраты. Давид опять-таки совершенно правильно отвергает первое понимание, потому что оно всецело опровергается опытом и наблюдением: при переходе от одной системы земледелия к другой дополнительные

затраты на улучшение почвы всегда окупаются с большим избытком. Сам Давид присоединяется поэтому ко второму толкованию. Посмотрим, насколько оно основательно и что оно собственно означает.

Заметим прежде всего, что если сельские хозяева, вместо того, чтобы перейти к высшей из всех существующих систем земледелия — многопольному плодосмену, — упорствуют и остаются при старом трехполье, когда оно уже отжило свое время и производят только дополнительные затраты, то, конечно, скоро наступит время, когда эти затраты не будут в той же мере окупаться. Но является ли это особенностью земледелия сравнительно с индустрией? Очевидно, нет: тут мы просто наблюдаем неумелое, дурное, нерациональное ведение хозяйства, нашивку заплат на тришкин кафтан, все равно что упорное нежелание фабриканта купить новые машины вместо обветшавших и устарелых или приобрести лучший материал вместо прежнего плохого. Везде—и в сельском хозяйстве и в индустрии—дурное ведение хозяйства сопровождается и дурными последствиями.

Итак, о законе убывающего плодородия почвы может итти речь только тогда, когда достигнута и развивается высшая многопольно-плодосменная система полевого хозяйства. Замечательно, однакоже, что на практике, в действительности до сих пор не удалось ни в одном хозяйстве точно, статистически выразить закон убывающего плодородия почвы. Но допустим, что это лишь временное явление, зависящее от того, что земледельческая техника и при плодосмене и многополье не достигла еще такой высоты, что закон убывающего плодородия почвы ясно себя проявил. Допустим, что он все-таки существует, и что возможен такой примерно предполагаемый случай: в имении, в котором при плодосмене удобрение каждой десятины стоит 10 руб., и урожай получается 200 пуд. с десятины, при увеличении затрат на удобрение до 20 р., т.-е. вдвое, на 100%, урожай увеличивается только до 250 пудов, т.-е. на 20%; вот предполагаемое проявление закона убывающего плодородия почвы.

Для того, чтобы уяснить себе истинный смысл этого закона, надо прежде всего устранить соображение о том, что здесь, в земледелии, мы имеем дело с творчеством

природы, чего в индустрии нет. Это не так и притом вдвойне не так: во-первых, и в обрабатывающей промышленности, как и в земледелии, с законами природы считаться приходится—из горсти хлопка также нельзя сделать целый кусок ситца, как из одного зерна нельзя вырастить 100 колосьев,—так что здесь опять-таки нет разницы между земледелием и индустрией; во-вторых, и в земледелии мы имеем тут перед собой не только явление жизни природы, но и явление хозяйственной жизни, организации хозяйства, как то наблюдается в соответствующем случае и в индустрии.

В самом деле: какую роль играет в земледельческом производстве земля? Земля в полевом хозяйстве является, во-первых, орудием производства, так как она не исчезает при сборе одного урожая, не превращается целиком в продукт; во-вторых, она отчасти и материал производства, так как часть ее производительных сил переходит в продукт, в урожай при его сборе. Следовательно, затраты на землю при земледельческом производстве соответствуют затратам отчасти на материалы и отчасти на орудия производства в индустрии.

Затраты на материалы и орудия,—это по Марксу, постоянный капитал, затраты на заработную плату—переменный капитал. Отношение между постоянным и переменным капиталом—строение капитала. Строение капитала, как показал Маркс, изменяется с развитием капитализма в том направлении, что постоянный капитал растет быстрее переменного, т.-е. составляет все большую часть всего капитала. Положим, раньше весь капитал предприятия был 100 тысяч рублей, из которых половина—50 тысяч—составляла постоянный капитал, а другая половина—тоже 50 тысяч—переменный капитал. Затем весь капитал увеличился вдвое—до 200 тысяч, причем постоянный капитал возрос до 125 тысяч, увеличился в $2^1/_2$ раза, на $150^0/_0$, а переменный возрос только до 75 тысяч, т.-е. увеличился лишь на $50^0/_0$.

Прибыль каждого предприятия создается трудом рабочих, потому что труд этот оплачивается не всеми продуктами, им созданными, а только частью этих продуктов, составляющею заработную плату. Если вычесть заработную плату и стоимость материалов и

износившейся части орудий из всех продуктов производства в данном предприятии, то получится прибавочная ценность. Если разделить прибавочную ценность на ценность переменного капитала (заработной платы) или, что то же, определить, какой процент переменного капитала составляет она, то получится норма прибавочной ценности. Разделив прибавочную ценность на весь капитал—постоянный и переменный, или определив, какой процент всего капитала составляет прибавочная ценность, мы получаем норму прибыли. Положим, мы имеем предприятие, весь капитал которого равняется 10 тысячам рублей; из них 6 тысяч—постоянный капитал, 4 тысячи—переменный; допустим, что прибавочная ценность—2 тыс. руб. Тогда норма прибавочной ценности будет $\frac{2000}{4000} = {}^{1}/_{2}$ или 50%, а норма прибыли $\frac{2000}{10000} = {}^{1}/_{5}$ или 20%.

В третьем томе своего „Капитала“ Маркс установил закон падения нормы прибыли, заключающейся в том, что с развитием капиталистического хозяйства норма прибыли, при неизменности нормы прибавочной ценности, понижается. Причина этого—известное уже нам явление,—более быстрый рост постоянного, нежели переменного, капитала при развитии капитализма. Вот пример, наглядно раз'ясняющий дело: положим, мы имеем предприятие, в котором весь капитал—10 тысяч, из них 6 тысяч руб. (60% всего капитала) постоянный капитал, 4 тыс. (40% всего капитала) переменный, а норма прибавочной ценности 50%, т.-е. сумма ее—2000 р.; тогда норма прибыли будет $\frac{2000}{10000} = {}^{1}/_{5}$ или 20%; положим, что через некоторое время весь капитал этого предприятия увеличился до 20 тыс. р., из которых на постоянный капитал приходилось 14 тыс. (70% всего капитала), а на переменный 6 тыс. (30% всего капитала), так что постоянный капитал увеличился более, чем переменный, но норма прибавочной ценности неизменна—50%, т.-е. сумма ее 3 тыс. р.; тогда норма прибыли будет $\frac{3000}{20000} = {}^{3}/_{20}$ или 15%. Итак,

норма прибыли пала, потому что, при неизменности нормы прибавочной ценности, изменилось строение капитала.

Понятно, такое падение нормы прибыли невыгодно для капиталистов, для хозяев предприятий, и они стараются как-нибудь его устранить, уничтожить. Единственное средство для этого—увеличение нормы прибавочной ценности. Этого можно достигнуть только увеличением эксплоатации рабочих, а увеличить эксплоатацию рабочих можно двумя способами—прямо или косвенно: прямо, т.-е. уменьшив их заработную плату или увеличив продолжительность их рабочего дня, косвенно, т.-е. введя улучшенные машины и улучшенные материалы без соответственного повышения заработной платы или уменьшения рабочего дня. Можно себе представить, однако, что будет достигнута такая высота техники, т.-е. такое увеличение производительности машин и такое улучшение качества материалов, что всякие дальнейшие улучшения в том и другом отношениях окажутся не в состоянии в такой же степени увеличить количество продукта. И если, с другой стороны, окажется невозможным уменьшение заработной платы и увеличение рабочего дня, то падение нормы прибыли будет неизбежным. Однако, повидимому, до сих пор в обрабатывающей промышленности такая высота техники не достигнута, и является еще вопросом, будет ли она когда-нибудь достигнута.

Возвратимся к земледелию. Так как затраты на землю—не что иное, как затраты на улучшение материалов и орудий, на увеличение постоянного капитала, то они должны сопровождаться теми же последствиями в земледелии, какие наблюдались нами в соответствующих случаях в индустрии, т.-е. при этом может произойти увеличение эксплоатации труда, и сообразно этому норма прибавочной ценности увеличится в пользу капиталиста. При этом главное заключается именно в том, что увеличивается производительность труда—урожай, сбор хлеба—без увеличения заработной платы. И если техника земледельческого производства дойдет до чрезвычайной высоты, то может оказаться, что дальнейшее ее улучшение не поведет к соразмерному улучшению урожайности. Практически, однако, это до сих

пор не наблюдалось. Во всем полное сходство с индустрией. Вывод совершенно ясен и бесспорен: закон убывающего плодородия почвы—не что иное, как частный случай закона падения нормы прибыли, притом случай только предполагаемый и возможный, до сих пор в действительности не наблюдавшийся.

Итак, так-называемый закон убывающего плодородия почвы не представляет собою особенности, отличающей сельское хозяйство от индустрии и тем препятствующей росту капиталистического сельского хозяйства [1]).

Давид указывает, однако, как на важную особенность земледелия, затрудняющую рост крупного земледельческого хозяйства, на то, что земледелие—органическое производство, а индустрия механическое, т.-е. в индустрии все зависит от механических усилий, от машин и труда, работающих непрерывно, тогда как в земледелии после посева приходится ждать урожая, производимого силами природы, органическим процессом, совершающимся в земле. Различие подмечено верно, существование его несомненно, но, как сейчас увидим, во-первых, не следует преувеличивать его экономическое значение, во-вторых, нельзя видеть в этом различии, вопреки Давиду, что-либо существенно затрудняющее рост крупного земледельческого хозяйства.

Прежде всего не надо забывать, что земля, служащая, как мы видели, и материалом, и орудием земледельческого производства, не создана трудом человека, а дана природой, на производство ее не приходится затрачивать время, тогда как материалы и орудия индустрии требуют такой затраты времени. Ясно, что значительная часть того времени, какая требуется для органического процесса произрастания и созревания, вполне соответствует той затрате времени, которая необходи-

---

[1]) Соображения, выше изложенные, представляют собою развитие тех мыслей, которые были впервые высказаны пишущим эти строки в статье, помещенной в сборнике „Вопросы дня“, вышедшем в 1906 г. Одновременно с этой статьей в печати появилась книга М. И. Оленова „Так-называемый кризис марксизма“, в которой автор довольно близко подошел к той же точке зрения. Когда двое исследователей независимо друг от друга приходят к одинаковым выводам,—это является лишним признаком того, что вывод правилен.

ма для производства орудий и материалов, употребляемых в индустрии. Поэтому, строго говоря, с экономической точки зрения здесь важно только то, что земледелие—сезонное производство, продолжающееся не непрерывно круглый год. Но ведь такие сезонные производства существуют и в индустрии,—таково, напр., свеклосахарное производство, и это нисколько не мешает там быстрому росту крупных предприятий; скорее даже напротив, как раз в сезонных производствах крупный капитал и торжествует полнее, потому что тут требуются единовременные и срочные большие усилия и большие затраты. Значит, и развитию крупного земледельческого хозяйства сезонность, прерывистость, органический характер производства нимало не мешают.

И это тем более верно, что и в индустрии есть отрасли производства, в которых наблюдается такой же органический процесс производства, как и в земледелии. Сюда относится, напр., виноделие: известно, что только старые виноградные вина отличаются высшими достоинствами и что, следовательно, приходится ждать долгие годы, пока совершится необходимый органический процесс брожения. И это опять-таки возможнее для крупного, чем для мелкого капитала, почему в виноделии крупное капиталистическое производство сильно развивается. Точно также в мебельном производстве необходимо, чтобы сначала совершился органический процесс сушки дерева, а между тем или, вернее, именно поэтому крупные фабрики хорошей мебели всюду растут.

Правда, и в производстве изделий из дерева и даже в виноделии в последнее время стараются механически, искусственно ускорить органические процессы высыхания и брожения. Но это именно только ускорение, а не уничтожение органического производства, и в этом отношении земледелие не отличается ни от деревообделочного производства, ни от виноделия: и в земледелии путем оросительных и осушительных работ (ирригации и дренажа), путем улучшенного удобрения, вообще тщательного ухода за почвой, можно ускорить органический процесс произрастания и созревания; уже теперь такими способами достигают того, что хлеба созревают

недели на две раньше. Возможны в этом отношении и дальнейшие успехи. Их особенно можно ожидать от применения в будущем электрической энергии к земледельческому производству. Что это не мечта, не утопия, видно из новейших успехов электризации растений. Так, Сюльван получил чрезвычайно быстрый рост картофеля, поставив на картофельном поле высокие деревянные мачты с приемниками на верхних концах и соединив их между собою и с землей проводами; в России электричество к земледелию применял Наркевич-Иодко, в Финляндии Лемстрен, на острове Эльбе Фукс приложил его с большим успехом к разведению виноградника. Ясно, что все это мыслимо и осуществимо в широких размерах, главным образом, в крупных предприятиях, что дает им весьма большое преимущество перед мелкими.

В конце-концов таким образом подмеченное Давидом различие между органическим и механическим производством по меньшей мере не препятствует росту крупных сельскохозяйственных предприятий, а может быть правильнее было бы сказать, что оно прямо этому росту содействует, поскольку речь идет о земледелии.

Но вот еще и третья особенность сельского хозяйства сравнительно с индустрией, указываемая не только Давидом и его единомышленниками, но и Каутским в его „Аграрном вопросе“; это—необходимость в сельском хозяйстве значительных затрат на землю, чего в индустрии нет. В сельском хозяйстве приобретение земли поглощает иногда три четверти всего капитала, часто около половины, в лучших случаях около трети, так что сравнительно мало остается на приобретение и улучшение машин и орудий, тогда как в индустрии затраты на землю под фабричные здания сравнительно ничтожны.

Очевидно, однако, что расход на покупку земли в сельском хозяйстве нельзя ни в каком случае сопоставить с расходом на покупку земли, находящейся под фабричными зданиями: земля в сельском хозяйстве является и материалом и орудием производства, чего нельзя сказать о земле под фабриками и заводами. Расходам на землю в сельском хозяйстве соответствуют, следовательно, в индустрии не только расходы на землю под

фабричными зданиями, но и часть расходов на материалы и орудия производства. Значит, разница здесь в весьма значительной мере уменьшается.

Но этого мало: если и есть все-таки разница, то она специально возмещается в сельском хозяйстве земельной рентой—и не только дифференциальной рентой, дающей землевладельцу лишний доход сравнительно с другими землевладельцами в том случае, если его земля плодороднее или ближе к рынку, чем у других, но и рентой абсолютной, вытекающей из земельной монополии,—из того, что пространство земли нельзя произвольно увеличить, что оно ограничено, а между тем земля составляет предмет частной собственности. Таким образом, и здесь исчезает всякая тень какого-либо препятствия развитию крупного сельского хозяйства.

Притом же покупку земли можно заменить ее арендой, и тогда единовременная затрата на землю уменьшится в несколько раз. Так и бывает обыкновенно при развитом капиталистическом сельском хозяйстве. На этом основано, между прочим, и то положение Маркса, доказываемое им в III томе „Капитала“, что при сильном повышении цен на землю и земельной ренты национализация земли является реформой, необходимой и полезной именно для развития капиталистического сельского хозяйства.

Надо, наконец, заметить, что земля стоит дороже, и арендная плата за нее бывает выше, когда она покупается и арендуется мелкими, а не крупными участками, так что здесь мы имеем в сущности преимущество крупного сельского хозяйства над мелким, а не наоборот.

Мы рассмотрели, таким образом, все различия между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью, вытекающие из того обстоятельства, что земля является средством сельскохозяйственного производства, и убедились, что эти различия нимало не препятствуют развитию крупного сельскохозяйственного производства в ущерб мелкому, скорее даже способствуют этому развитию. Но, рассматривая землю как средство сельскохозяйственного производства, можно сделать еще некоторые наблюдения, показывающие, что крупное сельскохозяйственное производство имеет преимущества над

мелким... Преимущества эти хорошо указаны Каутским в его книге „Аграрный вопрос“. Их два: во-первых, экономия в земле при крупном хозяйстве, получающаяся на межах, изгородях и дорогах, во-вторых, гораздо большая при крупном, чем при мелком, хозяйстве возможность оросительных и осушительных работ; здесь речь идет не о сравнительной легкости для крупного капитала больших затрат на эти работы, а о физическом их удобстве в крупных владениях: не надо соглашать разные интересы и стремления, учитывать состоятельность и добросовестность всех соучастников и т. д.

Оригинальность земли, как части постоянного капитала в сельском хозяйстве, явилась причиной, заставившей выделить вопрос о ее значении для особого рассмотрения. Теперь нам предстоит познакомиться с значением других частей постоянного капитала в сельском хозяйстве,—построек и особенно машин.

Что касается построек, то Давид подчеркивает ограниченность их размеров в сельском хозяйстве сравнительно с размерами фабричных зданий. Последние многоэтажны, тогда как сельскохозяйственные постройки— риги или овины, сараи для машин и т. д.—не могут быть более двух этажей. Следовательно, в сельском хозяйстве нет одного из важных преимуществ крупного производства, свойственных индустрии и дающих возможность в последней большей экономии и большей производительности при крупнейших размерах предприятий.

Несомненно, однако, что и двухэтажные постройки в крупных хозяйствах дают последним важное преимущество перед хозяйствами мелкими, где постройки имеют один этаж и притом являются менее обширными по площади, ими занимаемой. Вот почему, если бы делаемое Давидом сопоставление сельскохозяйственных построек с фабричными зданиями и было вполне правильно, то можно было бы говорить только о меньших преимуществах крупного производства над мелким в сельском хозяйстве, чем в индустрии. Но в том-то и дело, что сопоставление Давида далеко неправильно: сельскохозяйственные постройки по своему значению в производстве вовсе не соответствуют фабричным зданиям,

потому что в последних происходит само производство, совершается работа, а в первых большею частью этого нет,—они предназначены для хранения материалов, орудий, машин и продуктов. Другими словами, сельскохозяйственные постройки соответствуют не фабричным зданиям, а фабричным и торговым складам. Фабричным же зданиям соответствуют в сельском хозяйстве постройки в малой степени, а еще больше площадь хозяйства, земля. И если эта площадь обширна, то она вполне соответствует многоэтажному фабричному корпусу, обширной же она может быть лишь в крупном капиталистическом сельскохозяйственном предприятии. Следовательно, опять различие между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью оказывается мнимым, несуществующим.

Далее Давид и его единомышленники указывают на слабую производительность сельскохозяйственных машин, как на невыгодную для крупного производства особенность сельского хозяйства сравнительно с индустрией. Нет спора: техника сельскохозяйственного машиностроения долгое время отставала от техники машиностроения индустриального, что об'ясняется промышленной горячкой и усиленным ростом фабричного производства. Однако, это стало сглаживаться уже к концу XIX в. Сам Давид признает огромную производительность новейших американских сельскохозяйственных машин, и эта производительность новых машин в сельском хозяйстве растет все более и более [1]). Теоретически равенство сельского хозяйства с индустрией в данном отношении не подлежит сомнению, и практически, если оно еще не осуществлено вполне, то недалеко уже до его осуществления. Некоторая отсталость сельского хозяйства тут была временной и вовсе не является принципиально-необходимой. Это лучше всего видно из того, что в передовых капиталистических странах сельскохозяйственная машинная техника развивается часто быстрее, чем машинная техника в индустрии: в Германии с 1879 по 1897 год в сельском хозяйстве число машин увеличилось на 470%, а коли-

---

[1]) *Шиндлер,* Учение о земледельческих машинах и орудиях.

чество лошадиных сил в них на 546%, тогда как в горной, обрабатывающей и перевозочной промышленности (кроме железных дорог и паровых судов) число машин в то же время возрасло только на 209%, а количество лошадиных сил в них лишь на 320%[1]).

Но, говорит Давид, машины в сельском хозяйстве отличаются от машин в индустрии еще тем, что вторые действуют все одновременно и, следовательно, непрерывно, тогда как первые чередуются в своем действии: сначала идет пахота, действует паровой плуг, а сеялки, жнейки или жатвенные машины и молотилки бездействуют; потом наступает очередь сеялок, а остальные машины опять остаются без дела и т. д.; значит, машины в сельском хозяйстве имеют меньше значения, дают меньшую экономию, требуют бо́льших затрат, чем машины в обрабатывающей промышленности. По этому поводу надо опять заметить, что изложенное наблюдение долгое время было совершенно правильно, что и сказалось в более медленном росте сельскохозяйственного капитализма сравнительно с капитализмом промышленным. Однако, позднейшая практика показала, что и здесь различие между сельским хозяйством и индустрией было временным: сам же Давид указывает на американскую универсальную машину, в которой двигатель и передаточный механизм едины и действуют непрерывно, различны же только рабочие части, представляющие собою соединение парового плуга, сеялки, жнейки и молотилки: одну из этих четырех рабочих частей по желанию и можно приводить в движение при помощи общих, единых для всех их двигателя и передаточного механизма. Таким образом с точки зрения не только теории, но даже современной практики не может быть речи и в данном случае о сколько-нибудь существенном различии между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью.

Та же склонность придавать преувеличенное значение временным, преходящим, далеко не необходимым различиям между этими двумя отраслями хозяйства видна и в следующих двух замечаниях Давида, касаю-

---

[1]) *Каутский*, Аграрный вопрос, изд. „Петровс. библ.", стр. 43.

щихся того, что, во-первых, в сельском хозяйстве приходится не доставлять материал к машинам, как в индустрии, а подвозить машины к материалу, и, во-вторых, в сельском хозяйстве нет центрального двигателя, составляющего незаменимое и очень важное преимущество машинного производства в индустрии. Самый факт подвоза сельскохозяйственных машин к материалам, а не обратно, несомненен, но он не существен, так как трата времени и усилий тут является вовсе не большей, чем при доставке материалов к машинам, особенно если принять во внимание новейшие изменения в сельскохозяйственной технике—полевые железные дороги и применение электрических двигателей. Так как притом и то и другое доступно только крупным сельскохозяйственным предприятиям и совершенно невозможно для мелких, между тем как в обрабатывающей промышленности одинаково и в крупном и в мелком производствах материал доставляется к орудиям, то ясно, что при достижении высших ступеней техники производства крупное сельское хозяйство имеет в данном отношении гораздо бо́льшие преимущества перед мелким, чем крупные индустриальные предприятия перед мелкими. Что же касается центрального двигателя, то он с применением электрической энергии становится в сельском хозяйстве не только теоретически мыслимым, но и практически осуществимым; так, Каутский приводит пример имения Пра в департаменте Тарн во Франции, где существует такой центральный электрический двигатель, от которого по всему имению идут провода; с них и берется ток там, где нужно.

Наконец, Давид и его единомышленники утверждают, что машины не имеют вообще большого значения в сельском хозяйстве, так как настоящее интенсивное земледельческое производство основано не на машинном, а на ручном труде: таково, напр., огородническое хозяйство Китая и Японии. Это замечание грешит двумя недостатками, в корень подрывающими все его значение: во-первых, хозяйство Китая и Японии именно огородническое не только по способам обработки, но и по роду продукта: производится не зерновой хлеб, а рис и бобы, так что мы имеем тут перед собой не дальнейшую стадию

7*

развития зернового хозяйства, а особую отрасль сельскохозяйственного производства; во-вторых, в случае применения огороднической культуры к производству зернового хлеба мы имели бы (отчасти и имеем в действительности в Китае) перед собой типический пример нерасчетливой растраты трудовой энергии, избытки которой, будучи заменены в земледелии машинным производством, могли бы с гораздо большей экономической выгодой быть направлены на другие отрасли хозяйственной деятельности, напр., на обрабатывающую промышленность.

Итак, все наблюдения Давида и исследователей, держащихся одинаковых с ним взглядов, не дают никаких теоретических оснований предполагать, что крупное производство в сельском хозяйстве имеет с точки зрения приложения постоянного капитала меньшие преимущества над мелким, чем то наблюдается в обрабатывающей промышленности. Эти наблюдения указывают только — и в этом их ценность—на причины некоторой временной замедленности развития сельскохозяйственного капитализма сравнительно с капитализмом промышленным. В то же время, несомненно, что при достижении высших ступений развития земледельческой техники крупное сельскохозяйственное производство имеет даже иногда больше преимуществ над мелким, чем то наблюдается в индустрии. Поэтому, с теоретической точки зрения есть все основания предполагать, что временная замедленность сельскохозяйственного капиталистического развития в прошлом заменится в будущем ускоренным его ходом.

Это тем более вероятно, что крупное земледельческое хозяйство сохраняет все технические преимущества перед мелким, существующие и в индустрии, и по тем же причинам, как там,—потому что в крупных хозяйствах делаются огромные сбережения в инвентаре и рабочем скоте, и в торговле и кредите крупные хозяйства всегда имеют преимущества перед мелкими. Это нетрудно показать на примерах. Каутский справедливо указывает, что в мелких хозяйствах почти незаметно применение машин за исключением молотилок, и что для полного использования конного плуга надо самое меньшее

30 гектаров пашни (гектар—$^9/_{10}$ десятины), для полного использования рядовой сеялки, жнейки и молотилки—70 гектаров, паровой молотилки—250 гектаров, парового плуга 1.000 гектаров. По словам Карышева, в России у бедных крестьян расход на инвентарь доходит до 20 р. на десятину, а у богатых только до 5 р. Покупка машин, искусственного удобрения, скота в больших количествах обходится сравнительно дешевле, чем в малых. Крупному хозяину всегда легче продать хлеб по выгодной цене, чем мелкому. Наконец, первому всегда и везде легче сделать заем, чем второму: недаром большая часть ипотечных долгов, т.-е. долгов, обеспеченных залогом земли, приходится именно на крупное землевладение.

Разбирая, наконец, вопрос о труде в сельскохозяйственном производстве, мы встречаемся у Давида и его единомышленников прежде всего с тем основным соображением, что труд крестьянина на себя, в своем собственном хозяйстве всегда производительнее, плодотворнее труда наемного рабочего в помещичьем или фермерском (арендаторском) имении. В этом видят одно из главных преимуществ мелкого сельскохозяйственного производства перед крупным.

Нет сомнения, что плохооплачиваемый наемный рабочий работает гораздо хуже крестьянина. Но не надо забывать, что плохая оплата труда несовместима с развитым, культурным сельскохозяйственным капитализмом и свойственна лишь полукапиталистическим — полукрепостническим хозяйственным предприятиям. При хорошей же оплате труда наемный рабочий в одну и ту же единицу времени, напр., в час, исполняет не меньше работы, чем крестьянин. Не надо при этом забывать, что хороший и хорошо оплачиваемый рабочий трудится не только непосредственно из-за платы, но является обыкновенно мастером своего дела, проникнутым чувством профессионального самолюбия. Правда, однако, что производительность труда наемного рабочего не уступает производительности труда крестьянина лишь в том случае, если мы возьмем тот и другой труд в пределах одинаковой продолжительности времени; если же взять весь рабочий день того и другого, то окажется, что наемный рабочий в хорошо поставленном, пра-

вильно устроенном капиталистическом хозяйстве работает меньше времени, чем крестьянин в своем хозяйстве. Но здесь-то мы и встречаемся с весьма важной отрицательной стороной мелкого крестьянского хозяйства — с чрезмерным удлинением рабочего дня, которое подрывает силы и здоровье крестьянина, и с крайней эксплоатацией женского и детского труда: в горячую страдную пору вся семья крестьянина от мала до велика положительно выбивается из сил. А это означает не что иное, как непроизводительную растрату хозяйственной энергии, далеко не окупающуюся получаемыми результатами и приводящую к увеличению смертности и к вырождению. Давид рисует идиллическую картину деревенской жизни с „краснощекими", здоровыми крестьянскими ребятишками. Он забывает, что эти краснощекость и здоровье — следствие выживания наиболее приспособленных при громадной детской смертности в деревне, и что, кроме того, они скоро пропадают от непосильной, изнурительной работы.

Эти соображения о расточительной растрате трудовой энергии, о крайней эксплоатации женского и детского труда сохраняют вполне свое значение и по отношению к другому, выдвигаемому Давидом, Гертцем („Аграрные вопросы") и другими исследователями, положению, которое гласит, что крестьянское мелкое хозяйство никогда не испытывает нужды в рабочих, тогда как крупные капиталистические сельскохозяйственные предприятия нередко сильно в них нуждаются в самую горячую страдную пору. Это будто бы мешает развитию сельскохозяйственного капитализма.

Конечно, нет спора: крестьянин, до крайности напрягая трудовую энергию свою и своей семьи, может быть всегда уверен, что его поле не останется необработанным, но с общественно-экономической точки зрения совершенно не безразлично, какими жертвами покупается такой результат, и, несомненно, в данном случае жертвы не окупаются. Это во-первых. А во-вторых, только хищнические, грубо-эксплоататорские хозяйства с дурно-оплачиваемым трудом и плохой техникой испытывают временами острую нужду в рабочих, чего нельзя сказать о правильно поставленных капиталистических

предприятиях: запасная армия безработных всегда достаточно велика для них и останется таковой, пока будет существовать капиталистическое хозяйство.

Давид указывает, однако, еще на третью черту, отличающую труд в сельском хозяйстве от труда в обрабатывающей промышленности: в последней рабочие в самом ходе производства друг друга контролируют,— например, для ткача важно, чтобы пряжа была хороша, и он тем самым поверяет, хорошо ли работает прядильщик, — тогда как этого взаимного контроля в сельском хозяйстве нет.

По этому поводу нельзя не заметить, что противоположение, делаемое Давидом, слишком уж безусловно: без сомнения, при посеве, например, далеко не безразлично, как вспахано поле, и опытный сеятель сразу это заметит. Правда, особенностью земледелия является как раз то, что одни и те же сельскохозяйственные рабочие обыкновенно исполняют все отдельные части земледельческой работы — и пашут, и сеют, и жнут, и молотят,—но, во-первых, это не всегда так, а во-вторых, с этим именно как раз в крупных предприятиях совместим взаимный контроль: стоит только, например, ставить на работу по посеву рабочих не на те участки, которые ими вспаханы, а на участки, вспаханные другими рабочими.

Таким образом, разбирая вопрос о труде в сельскохозяйственном производстве, мы вновь убеждаемся, что в менее выгодном сравнительно с крупными фабриками положении капиталистические сельскохозяйственные предприятия находятся лишь временно, в период первоначального развития капитализма в сельском хозяйстве, почему в этот период сельскохозяйственный капитализм и развивается медленнее капитализма индустриального; с достижением же известной высоты развития все различия между сельским хозяйством и индустрией сглаживаются и теряют всякое значение.

К сказанному остается только прибавить, что и в сельском хозяйстве, как и в обрабатывающей промышленности, крупные предприятия имеют в отношении труда то преимущество, что дают возможность более широкого разделения труда: здесь особенно важно вы-

деление труда по управлению хозяйством, труда умственного. При высокой технике производства труд управляющего превращается в работу ученого практика, требующую обширных научных знаний, делового чутья и большой энергии. Все это возможно и выгодно только в крупных сельскохозяйственных предприятиях.

Сводя воедино все, что сказано о крупном и мелком сельскохозяйственном производстве с точки зрения экономической теории, мы получаем следующие общие выводы:

1) все указываемые в экономической литературе, обусловленные значением земли, как средства сельскохозяйственного производства, различия между сельским хозяйством и индустрией — закон убывающего плодородия почвы, органический характер земледельческого производства, высокие затраты на землю, — поскольку все эти различия существуют в действительности, нимало не препятствуют развитию крупного сельского хозяйства насчет мелкого;

2) особенности сельского хозяйства сравнительно с индустрией, обусловленные значением построек и машин в производстве, — сравнительно небольшой размер построек, слабая производительность сельскохозяйственных машин, прерывистость их работы, необходимость доставлять их к материалам, отсутствие центрального двигателя, замена машин ручным трудом — отчасти оказываются мнимыми, несуществующими в действительности, как то надо сказать о первой и последней из этих особенностей, отчасти, как необходимо сказать о всех остальных, лишь временно, в начале развития сельскохозяйственного капитализма, замедляют это развитие и сильно содействуют его ускорению при достижении высших ступеней земледельческой техники;

3) бо́льшая производительность крестьянского труда сравнительно с трудом наемного батрака, нужда в рабочих, испытываемая крупными хозяйствами, и отсутствие самоконтроля рабочих в сельском хозяйстве — черты, отличающие труд в сельском хозяйстве от труда в фабричнозаводской промышленности, — замедляют отчасти также лишь первоначальное развитие сельскохозяйственного капитализма и теряют всякое задерживающее влияние с достижением известной высоты развития;

4) крупные капиталистические предприятия в сельском хозяйстве имеют те же преимущества перед мелкими, что и в индустрии: экономию в средствах производства, быстрый рост техники, выгоды в торговле и кредите, бо́льшее разделение труда.

Преимущества крупного сельского хозяйства над мелким настолько несомненны даже в глазах Давида и его единомышленников, что в сущности они прямо или косвенно их признают [1]) и, настаивая лишь на необходимости трудового, крестьянского крупного производства на собственной земле, выдвигают с этой целью план распространения и развития крестьянских производительных товариществ.

Таким образом, нет теоретических оснований отрицать развитие сельскохозяйственного капитализма, напротив, есть все основания его утверждать. Отюда вытекает возможность и необходимость исследования этого процесса в его развитии и установления его типов. Первым из этих типов и является развитие сельскохозяйственного капитализма в Англии в последние 30 лет XIX века.

---

[1]) В русской литературе безусловным последователем Давида является Булгаков в своей книге „Капитализм и земледелие". Но даже Маслов („Аграрный вопрос") признает закон убывающего плодородия почвы. Во многом примыкает к Давиду, хотя частично уже и отступает от него Огановский („Закономерность аграрной эволюции"); почти совершенно освободился от его влияния Суханов („К вопросу об эволюции сельского хозяйства").

VI.

Сельское хозяйство в Великобритании в последние 30 лет XIX века.

Изучая положение сельского хозяйства в Великобритании (Англии и Шотландии) в последнюю треть XIX века, необходимо прежде всего учесть относительное значение сельского хозяйства в ряду других отраслей хозяйственной деятельности. Чтобы составить себе правильное и обоснованное представление об этом, надо принять во внимание целый ряд данных.

Прежде всего важно то, какая часть населения страны имела в то время отношение к сельскому хозяйству. По данным 1881 г., во всем Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии эта часть не провышала 17% всего населения, а если исключить отсюда земледельческую Ирландию, слабо, впрочем, населенную, то и того меньше [1]).

Но в капиталистическом обществе вес и влияние отдельных лиц, групп населения, классов определяются главным образом, тем, каким капиталом они обладают. Важно поэтому отметить число фермеров и число землевладельцев. Ферм в 1895 г. было 521 тысяча. Из них 11% было в руках самих землевладельцев, так что фермеров было 464 тысячи. Землевладельцев считалось не более трехсот тысяч человек [2]), Не надо при этом забывать, что подавляющее большинство землевладельцев не только сами не вели сельскохозяйственных предприятий, но и основной доход свой получали не от земли, а с принадлежавших им фабрик и заводов, торговых заведений, пароходов и железных дорог и, наконец, более всего от банкового дела, финансового капитала, так что в сущности не сильно были заинтересованы в сельском

---

[1]) *Янсон*, Статистика народонаселения.
[2]) Statistical Abstract of the United Kingdom за 1895 г.

хозяйстве. Остальную же массу населения, имеющего отношение к сельскому хозяйству, составляли батраки, совершенно лишенные какого бы то ни было капитала.

Но особенно ясным становится малое относительное значение сельскохозяйственного производства в народном хозяйстве Великобритании, если обратить внимание на то, какую долю народного дохода дает сельское хозяйство. В 1887 году сумма всех, подлежавших подоходному налогу, т.-е. превышавших 150 ф. ст. в год, доходов в Великобритании составляла 630 миллионов фунтов стерлингов, из которых на фермерский доход приходилось всего 63 миллиона, т.-е. 10% [1]).

В сельском хозяйстве Англии и Шотландии земледелию вовсе не принадлежит такая преобладающая, господствующая роль сравнительно со скотоводством, какая наблюдается в большинстве других капиталистических стран. Скотоводство очень важно и сильно распространено, тогда как под пашней находятся только лучшие, наиболее плодородные почвы. И притом значение скотоводства по сравнению с земледелием все более увеличивается. Целый ряд наблюдений подтверждает эти выводы.

Во-первых, площадь лугов и пастбищ между 1873 и 1895 г. увеличилась в Великобритании с 13 мил. 136 тыс. акров до 16 мил. 473 тыс. акров, т.-е. на 25,3%, а пашня в то же время сократилась с 18 мил. 126 тыс. до 16 мил. 1.852 тыс. акров или на 10,3% [2]). Приведенные цифры показывают, что площадь пашни в 1895 г. была уже меньше площади пастбищ и лугов.

На рост значения скотоводства указывает и тот факт, что хотя площадь пашни вообще падала, но площадь, занятая овсом, росла; в 1873 г. овсом было засеяно 2 мил. 645 тыс. акров, а в 1895 г. 3 мил. 124 тыс. акра [3]), т.-е. на 18% более.

---

[1]) *Янжул*, Основные начала финансовой науки, Спб. 1890, стр. 357; заметим кстати, что цифры фермерского капитала, равные будто бы в 1880 г 51,6 мил. ф. ст., в 1890 г. 42 мил., а в 1896 г.—39,4 мил., приводимые. в книге Булгакова „Капитализм и земледелие", I, стр. 272, означают не *капитал*, а *доход* фермеров, притом не во всей Великобритании, а в одной только Англии.

[2]) Stat. Abstr. of the Un. Kingd.

[3]) Там же.

Наконец, численность скота в Великобритании с 1873 по 1895 г. выросла почти на 9% [1]).

Этот рост скотоводства и параллельное ему сокращение земледелия очень важны не только сами по себе: сопоставление их указывает и на причину падения британского земледелия. Она заключается в том, что с конца 70-х годов XIX века возникла и широко развилась заокеанская конкуренция: привозный из-за океана, особенно из Соединенных Штатов Америки, Аргентины, южной Африки, Австралии, дешевый хлеб сбил цены на европейское зерно, уменьшил земельную ренту—в частности в Англии на 30%, — понизил цены на землю. Произошел сельскохозяйственный кризис. Он постиг не скотоводство, а именно земледелие. Не надо, однако, преувеличивать значение этого кризиса, как то делает Каутский в своем „Аграрном вопросе“, считая этот кризис хроническим, постоянным. Отметим, забегая несколько вперед, что он уже к концу XIX века стал ослабевать и в XX веке отошел в прошлое, кончился. Это видно из того, что цены на хлеб на мировом рынке в промежуток между 1894 и 1910 г.—за 16 лет—поднялись на 66%: в 1894 г. квартер пшеницы стоил 18 шиллингов 2 пенса, а в 1910 г. 30 шиллингов 1 пенс.

Кризис даже и тогда, когда он существовал, был не единственной причиной сокращения земледельческой площади в Великобритании. Была еще другая причина, коренившаяся в развитии промышленного и финансового капитализма. Английская аристократия, владеющая землей, давно уже превратилась в банкиров, владельцев железных дорог, пароходовладельцев и фабрикантов. Огромные прибыли от этих промышленных и кредитных предприятий сосредоточили в ее руках несметные богатства, сравнительно с которыми доход от земледелия и арендная плата за землю имели ничтожное значение.

---

[1]) Там же, Булгаков („Капитализм и земледелие“, т. I, стр. 272) указывает, что количество скота росло с 1888 по 1892 г., а между 1892 и 1898 г. уменьшилось. Но в 1898 г. в Великобритании скота было больше, чем в 1888 г.: количество лошадей возросло с 1 мил. 90 тыс. до 1 мил. 160 тыс., рогатого скота с 4 мил. 350 тыс. до 4 мил. 670 тыс., овец с 15 мил. 790 тыс. до 15 мил. 890 тыс. голов.

Владение землей для многих крупных землевладельцев стало не столько серьезным источником дохода, сколько признаком хорошего тона и источником особых удовольствий. С ним соединялся любимый спорт английских аристократов—охота. И вот богатые землевладельцы стали превращать часть пахотных земель в охотничьи угодья. Это также повело к сокращению площади пашни, к некоторому падению земледелия в Великобритании.

И все-таки даже и о некотором только падении земледелия в Великобритании можно говорить лишь с большими оговорками и ограничениями. Это лучше всего видно из того, на какой высоте держалась там в изучаемое время техника земледелия. Машины электрические и особенно паровые были во всеобщем и повсеместном употреблении. Искусственное удобрение, улучшенные семена, травосеяние, многополье и плодосмен—неизбежная принадлежность всякого хозяйства. Сборы хлеба в Англии превышали 31 гектолитр с гектара и даже во всей Великобритании и Ирландии доходили в среднем до 28 гектолитров с гектара [1]). Еще интенсивнее английское плодоводство, вообще промышленное садоводство и огородничество, которые неизменно росли и развивались: площадь под ними в 1873 г. занимала всего 201 тыс. акров, а в 1895 г. составляла уже 296 тыс. акров [2]), т.-е. увеличилась на 47,3⁰/₀. Весьма интенсивна была также и техника скотоводства. Исследователи указывают, что английские пастбища подготовляются весьма тщательно, на что требуется по отношению к единице площади даже больше затрат, чем на такую же единицу пашни при плодосмене: пастбища подвергаются дренажу, очистке, особенному унавоживанию [3]). Естественно поэтому, что Англия является поставщицей племенного скота на мировой рынок: с 1876

---

[1]) Карышев („Из литературы вопроса о крупном и мелком хозяйстве“, стр. 109) вслед за Гёртцем („Аграрные вопросы“, стр. 125—127) утверждает, что урожайность хлебов в Англии падает. Фортунатов (в послесловии к книге Карышева, стр. 239—240) справедливо указал, однако, что это—ошибка: данные Гертца относятся к 1875—1880 гг., неблагоприятным по погоде, в действительности же в 80-х и 90-х гг. урожаи в Великобритании нимало не понизились.

[2]) Stat. Abstr. of the Unit. Kingdom.

[3]) *Goldstein*, Berufiederung und Reichtum, Stuttgart. 1897, стр. 65—66

по 1900 год вывоз племенного скота из Англии вырос в несколько раз,—вывоз лошадей в девять раз, рогатого скота впятеро, овец более, чем втрое [1]).

Известно, какое важное значение приписывается так-называемой индустриализации сельского хозяйства, т.-е. посевам таких растений, которые, как лен, конопля, свекловица, перерабатываются в индустриальные изделия, или переработке зерна и картофеля в спирт. Каутский видит в индустриализации главное, даже чуть ли не единственное средство для развития капитализма в земледелии. В Англии индустриализация минимальна; производство спирта не так велико, посевы льна уменьшились за последнюю четверть XIX в. более чем на 30%, сахарная свекловица не сеется и сахароварения нет. Английский сельскохозяйственный капитализм мало связан с индустриализацией сельского хозяйства.

Важной чертой английского сельского хозяйства является то, что со второй половины XIX в. оно ведется главным образом на арендованной земле: землевладелец и капиталист-предприниматель большею частью не совмещаются в одном лице. В 1895 г. в Великобритании только 11% всех хозяйств велись самими землевладельцами на собственной земле, остальные 89%—велись фермерами. Впрочем, землевладельцы, даже и сдавая свою землю в аренду, не ограничиваются простым получением ренты, а всячески содействуют улучшению техники производства, не только обязывая улучшениями фермеров в арендных договорах, но и вкладывая собственные капиталы в затраты, поднимающие производительные силы имения. По английскому выражению, в аренду сдают „фермы, а не землю", т.-е. не голую землю, а целое, правильно поставленное капиталистическое предприятие.

Все эти данные необходимо иметь в виду при статистическом учете размеров хозяйств в Великобритании. Величайшая опасность всякого статистического исследования заключается в фетишизме цифры. Необходимо тщательно анализировать каждую цифру с точки зрения ее соответствия данным реальной действительности,—

---

[1]) *Levy*, Entstehung und Rückgang d r landrwirtschaftlichen Grossbetriebs in England, стр. 101.

тому, что она на самом деле выражает. Поэтому ошибочно было бы для всех времен и всех стран устанавливать одинаковые нормы крупного, среднего и мелкого хозяйства. Все здесь зависит от условий производства, от его техники. Положим, мы имеем два хозяйства: одно в 300 десятин пашни, другое в 100 дес. Если в первом земледелие ведется по системе парового трехполья, то засевается ежегодно хлебом только две трети всей пашни—200 десятин, а остальная треть—100 десятин—остается под паром. Урожай при таких условиях не может превышать 50-ти пудов с десятины, следовательно, с двухсот десятин составит 10 тыс. пудов, причем типичным хлебом будет рожь. Считая рожь по 50-ти коп. пуд., мы получаем валовой доход в 5 тыс. руб., по 16—17 р. на десятину. Если, с другой стороны, в хозяйстве со 100 десятинами пашни существует плодосменная система, то урожай легко может достигнуть 200 пудов с десятины, причем характерным хлебом будет пшеница. При цене ее в 1 р. за пуд и при сборе в 20 тыс. пуд. валовой доход будет равняться 20 тыс. руб., по 200 р. на десятину. Конечно, экономически второе хозяйство более крупное, более капиталистическое, а между тем по внешности, при фетишизме цифры, оно втрое мельче первого.

Сообразно высоте техники английского сельского хозяйства уже фермы свыше 100 акров (акр=$^{1}/_{3}$ десятины) считаются крупными. Удобнее всего распределить хозяйства Великобритании по их размерам на пять разрядов: 1) мельчайшие—ниже 5 акров, 2) мелкие—от 5 до 20 акров, 3) средние—от 20 до 50-ти акров, 4) близкие к крупным—от 50 до 100 акров, 6) крупные—свыше 100 акров. Основное значение имеют термины „крупное“, „среднее“, „мелкое хозяйство“: обыкновенно мелким считают такое хозяйство, в котором хозяин может обойтись без наемного труда, работая сам со своей семьей; крупное хозяйство—то, в котором возможно и выгодно руководство делом наемного управляющего; все хозяйства, заключающиеся между этими пределами,—хозяйства средние [1]).

Посмотрим теперь, каково было числовое отношение ферм разных разрядов в Великобритании в 1885 и

[1]) *Каблуков,* Об условиях развития сельск. хоз. в России, стр. 71.

1895 годах. Об этом дает понятие следующая таблица, показывающая в процентах число ферм каждого разряда в отношении к общему числу ферм[1]):

	До 5 акров.	5—20 акр.	20—50 акр.	50—100 акр.	Свыше 100 акр.
В 1885 г.	25,5%	27,9%	15,8%	12,2%	18,6%
В 1895 г.	22,6%	28,7%	16,4%	12,8%	19,5%

А вот таблица, показывающая в процентах отношение площади под фермами каждого разряда к общей площади, занятой в Великобритании сельскохозяйственными предприятиями:

	До 5 акров.	5—20 акр.	20—50 акр.	50—100 акр.	Свыше 100 акр.
В 1885 г.	1,2%	5,1%	8,7%	14,5%	70,5%
В 1895 г.	1,1%	5,1%	8,8%	15,0%	70,0%

Из сопоставления этих таблиц получаются следующие важные выводы: 1) мельчайшее хозяйство сокращается, падает как по числу ферм, так и по площади, им занимаемой; 2) мелкое увеличивается по числу ферм, но остается прежним по площади, им занимаемой, т.-е. мельчает, также падает лишь в меньшей степени, чем мельчайшее; 3) среднее и близкое к крупному хозяйство увеличивается и по числу ферм и по площади, очевидно, насчет мелкого и мельчайшего, т.-е. здесь происходит типичная для процесса развития капиталистического хозяйства концентрация; 4) наконец, крупнейшее хозяйство растет по количеству ферм, но, несколько уменьшается по площади. Чтобы понять, что значит последний вывод, надо еще добавить[2]), что уменьшение площади относится собственно к огромным по английским условиям фермам свыше 300 акров—здесь капитализация или интенсификация хозяйства ведет лишь к внешнему уменьшению площади, превращая хозяйства в более капиталистические по существу; что же касается ферм от 100 до 300 акров—настоящих культурных капиталистических хозяйств,—то они процветают и по числу

---

[1]) Цифры в акрах см. у Каутского „Агр. вопрос“. Таблица Булгакова („Капит. и землед.“, т. I, стр. 308—309), непригодна, в ней совершенно произвольно не значатся фермы до 5 акров, а они именно и погибают.

[2]) См. цифры у Каутского, „Аграрн. вопрос“.

ферм и по площади, ими занимаемой. Если принять, наконец, во внимание, что площадь крупных хозяйств громадна—занимает $^{7}/_{10}$ всей сельскохозяйственной площади,—а число их немногим менее $^{1}/_{5}$ всех ферм, т.-е. также очень велико, то окажется, что мы имеем перед собой в Великобритании яркую и характерную картину развития капиталистического сельского хозяйства, ничем не отличающуюся по существу от капиталистического развития индустрии: и здесь и там ярко выражены типичные для капитализма процессы капитализации и концентрации производства.

Развитию крупного сельского хозяйства содействует, между прочим, и правительство, покровительствуя крупному винокурению как для облегчения контроля за поступлением акциза с алкоголя, так и в особенности вследствие большого социального веса и влияния богатых винокуров: в Англии всего несколько сот винокуренных заводов, но все очень крупные.

Насколько глубоки корни крупного сельского хозяйства в Англии, видно из результатов применения в 1908—1910 годах изданного в 1907 году закона о насаждении крестьянских хозяйств в Англии и Уэльсе. По этому закону советы графств должны снабжать землей безземельных, подающих об этом прошения и гарантирующих серьезность своего желания заняться сельским хозяйством. Земля покупается советами, в случае нужды, даже принудительно и сдается в аренду на льготных условиях, так что это своего рода муниципализация части земли и насаждение на муниципализованной земле хозяйства не крестьян-собственников, а крестьян-арендаторов. И оказывается, что общие условия английского сельского хозяйства настолько неблагоприятны для крестьянского мелкого производства, что за три года по этому закону устроено было только 7.535 новых мелких хозяйств, и—это особенно знаменательно—вся эта политика не помешала общему уменьшению числа английских мелких хозяйств, которых в 1907 г. было 289.093, а в 1910 г., после применения закона и насаждения новых хозяйств, только 288.802.

К этому можно прибавить, что соответственно росту сельскохозяйственного капитализма пробуждалось и раз-

вивалось классовое сознание батраков, сельскохозяйственного пролетариата, что ясно выражалось в организации и деятельности профессионального союза сельскохозяйственных рабочих. Правда, союз этот насчитывал даже в начале XX в. всего 40 тыс. членов—цифра, по английским условиям, сравнительно с союзами промышленных рабочих, скромная; правда и то, что батраки далеко уступали по сознательности промышленным рабочим, что доказали выборы в палату общин в 1910 году: большинство батраков голосовало на этих выборах за тори, идя на известную удочку сельскохозяйственной буржуазии,—на обещание земельного надела. Английская консервативная лига, проповедующая принцип „три акра земли (около одной десятины) и корова“ для каждого батрака, видит в этом будущем карликовом батрацком хозяйстве дешевое средство привязать сельскохозяйственных рабочих к земле и иметь постоянные рабочие руки в капиталистических сельскохозяйственных предприятиях и обещанием этих трех акров с коровой обольщает многих „ходжей“ (батраков). Несмотря, однако, на все это, английские батраки, несомненно, сознательнее своих континентальных товарищей: это показывают и только-что приведенные данные о союзе, и несомненный факт недовольства британских сельскохозяйственных рабочих своим положением. Последнее ярко засвидетельствовано Райдером Хаггардом. Он доказывает в своей книге „Деревенская Англия“, что батраки бегут из деревень в города, несмотря на то, что плата им в деревне, при дешевизне жизни, реально почти равна наемной плате промышленных рабочих. Что же выгоняет батраков из деревни? Жажда свободы и самостоятельности, которых нет в деревне при постоянной опеке со стороны хозяев и священников, и стремление выбиться из однообразных и скучных условий деревенского существования, отнимающего всякую надежду на лучшее будущее [1]). Все это—важные и характерные признаки роста пролетарского классового сознания, создаваемого развитием капитализма.

---

[1]) *Rider Haggard*, Rural England, Lond. 1902.

VII.

Промышленный капитализм в Англии последних десятилетий XIX века.

Из предыдущего отдела, характеризующего относительно скромную роль сельского хозяйства в Англии, уже вытекает первостепенное значение британской индустрии. Великобритания, если оставаться в области производственных отношений, стала в XIX в., особенно во второй его половине, почти чисто индустриальной страной промышленного капитализма. В горной и обрабатывающей промышленности Великобритании и Ирландии в 1881 г. занято было 52,7% всего населения, в торговле и транспорте 7,8% [1]). В 1907 г. считалось 7 милл. рабочих, и все фабричное производство оценивалось в 712 милл. фунтов стерл. в год. Обороты внешней торговли, достигавшие в 1870 г. более 500 милл. ф. ст., дошли в 1902 году до 800 слишком миллионов, а в 1910 г. превысили миллиард 100 миллионов ф. ст. Число крупных фабрик в текстильном производстве увеличилось с 1856 по 1885 г. на 19%, а число станков на них и веретен почти удвоилось [2]). По Брассею, техника промышленности в Англии и интенсивность труда рабочих дошла до того, что английский ткач работал одновременно на четырех станках, и один английский рабочий выделывал в 10 часов столько же, сколько двое русских в 16 часов [3]). Производство каменного угля в Великобритании с 1870 по 1901 г. возросло более, чем вдвое — с 6 миллиардов 848 миллионов п. в 1870 г. до 13 миллиардов

---

[1]) *Янсон*, Статистика народонаселения.
[2]) *Гобсон*, Эволюция соврем. капит., стр. 95.
[3]) *Железнов*, Очерки полит. эк., 4-е изд., М. 1906, стр. 152, 162.

580 милл. п. в 1901 г.[1]). Чугуна выплавлено было в 1870 г. около 370 миллионов пудов, а в 1900 г. около 548 милл. п. [2]), т.-е. больше на 48%. В технике английской железоделательной промышленности особое значение получил способ Сименс-Мартена. Сименс в половине XIX в. изобрел регенеративную печь, дающую возможность повышать температуру путем использования всех выделяемых газов до такой степени, что плавится не только сталь, но и платина; французы отец и сын Мартены применили печь Сименса для получения литого металла, стали и железа. В Англии техника мартеновских печей получила особенно широкое распространение: 2/3 добываемой в Англии стали—мартеновская сталь [3]).

Конечно, британская индустрия и в последние десятилетия XIX в. сильно страдала от обычной болезни капиталистического хозяйства — промышленных кризисов. Надо, однако, заметить, что в большинстве случаев эти кризисы стали принимать форму застоя, депрессии, угнетенного состояния промышленности, приобрели до известной степени притупленную, не столь острую форму. Таковы были длительные депрессии 70-х и начала 80-х годов XIX в. Более острым был лишь кризис самого конца XIX в., но и он довольно скоро перешел в форму депрессии [4]).

Естествен вопрос о причинах таковой перемены. Причины эти многообразны, но в сущности своей сводятся в конце-концов к глубоким изменениям в самом характере английского промышленного капитализма. Первой из этих причин является достижение английским капитализмом высшей стадии развития индустриального капитализма, когда важнейшее значение приобретает производство не предметов потребления, а производство средств производства—машин, орудий, судов, рельсов. Эта отрасль производства в меньшей степени, чем производство средств потребления, подвергается спекуляции: здесь работают главным образом на заказ, т.-е. на рынок, довольно легко поддающийся учету. Затем важ-

---

[1]) *Радциг*, Каменноугольн. промышл. всего света, стр. 3.
[2]) *Ден*, Каменноугольн. и железоделат. промышл., стр. 86.
[3]) Там же, стр. 82, 84.
[4]) *Туган-Барановский*, Пром. кризисы, стр. 139 и след.

ное значение принадлежит союзам предпринимателей и в особенности банкам—развитию финансового капитализма, который организует мировой рынок и более или менее точно учитывает его потребности, оказывая путем кредита соответствующее влияние на индустрию. Расширение мирового рынка и ускорение транспорта уменьшило необходимость товарных запасов и тем также содействовало ослаблению кризисов. Наконец, Англия потеряла прежнюю промышленную монополию с конкуренцией немецкой промышленности, особенно усилившейся с половины 70-х годов XIX в., и это сдержало рост индустрии, сократило промышленную спекуляцию [1]).

На этом последнем обстоятельстве или, вернее, на его ближайших социальных последствиях и приходится остановить внимание, исследуя судьбы английского промышленного капитализма за последние 30 лет XIX в.

Ближайшим образом здесь важно прежде всего изменение социальной природы двух буржуазных партий в Англии и выступление на арену политической борьбы третьей партии—рабочей.

Нам уже известно, что тори издавна стали партией сельскохозяйственной буржуазии. Однако, уже новый торизм Дизраэли-Биконсфильда поставил на первую очередь и некоторые промышленные и торговые интересы, в особенности же интересы финансового, банкового капитала и империалистические тенденции, с ними связанные: крупные землевладельцы в значительной степени стали и банкирами, вошли в ряды финансовой аристократии. Поэтому Биконсфильд настоял на том, чтобы королева Англии была провозглашена императрицей Индии; он же противодействовал ближневосточной политике России и свел почти к нулю результаты русско-турецкой войны 1877—78 годов, вел вообще агрессивную колониальную политику, особенно в Южной Африке, отстаивал план устройства военной и торговой федерации всех колоний Англии во главе с метрополией. В конце 70-х годов Англия вела две войны с Афганистаном.

---

[1]) Ср. *Туган-Барановский,* Пром. кризисы, стр. 152—155; *Железнов,* Оч. пол. эк., стр. 541—543.

Колониальный империализм продолжался и по смерти Биконсфильда. В 1882 г. установлен был протекторат Англии над Египтом. В 1886 г. присоединена была к Англии Бирма. В 1890 г. Сесиль Родс, приехавший в Южную Африку лечиться и ставший там миллионером вследствие разработки алмазных (бриллиантовых) залежей, сделался первым министром в Капской колонии, после того как в предшествующем году им была основана компания для исследования и приобретения территории между португальскими колониями Ангола и Мозамбик. Как глава Капского министерства, Родс присоединил эту территорию, названную по его имени Родезией, к южно-африканским владениям Англии. Вся эта империалистическая агрессивная политика имела своим лозунгом создание „великой Англии" („Great England"), и ее сторонники, примыкавшие главным образом к тори, „грэтинглэндеры" противопоставляли себя „литльинглэндерам"—вигам, противникам чрезмерной империалистической агрессивности. Империализм явился совокупным результатом роста финансового капитализма в Англии и попыток капитализма промышленного, встретившего огромную, могучую конкуренцию Германии, найти себе приложение в новых и старых английских колониях.

Но и империализм, и немецкая конкуренция и еще ирландский вопрос, о котором у нас пойдет речь особо, повели к расколу и в партии вигов. Здесь основной причиной были также связи с финансовым капиталом и особое положение, которое заняла английская металлическая промышленность Бирмингама и Шеффильда. От конкуренции немецкого капитализма пострадала всего более она, тогда как хлопчатобумажная промышленность Ланкашира во главе с Манчестером и вообще английская текстильная индустрия с успехом отражала немецкую конкуренцию. Поэтому, соответствующие круги во главе с Джозефом Чемберлэном усвоили точку зрения протекционизма, отказа от старой позиции свободной торговли, свойственной вигам. Покровительственная таможенная система, по Чемберлэну, должна была закрыть для немецких товаров английский рынок — и не только рынок метрополии, но и колоний. Отсюда вытекала необходимость примкнуть и к плану федерации

всех колоний и метрополии, выдвигавшемуся Биконсфильдом, „грэтингленерство". Наконец, с этим связано было и отрицание ирландского гомруля (самоуправления), проводимого Гладстоном. Отсюда вышел раскол партии вигов, выделение из нее Чемберлэна и его единомышленников и присоединение их к тори под названием „юнионистов". Торизм осложнился новыми социальными элементами и еще меньше, чем прежде, со времени Дизраэли, стал походить на старый британский торизм.

Таковы были перемены в буржуазных партиях, созданные новыми экономическими и социальными условиями последних десятилетий XIX в. Еще более важными и серьезными были изменения под влиянием тех же условий в рабочем движении Англии.

Прежде всего профессиональное и кооперативное движение к началу XX века достигли небывалой прежде широты и мощи. Уже в 1892 г. из 7 милл. рабочих 20% были организованы в союзы, причем текстильщики, кораблестроители и углекопы были организованы все целиком. В 1900 г. число организованных в союзы рабочих дошло до 1 милл. 900 тыс. чел. В 1901 г. на цели страхования труда было истрачено в 100 главных союзах 647 тыс. ф. ст., а на цели борьбы 529½ тыс. ф. ст., в том числе 204½ тыс. на пособия во время стачек и 325 тыс. на помощь безработным [1]. К концу XIX в. в Англии ежегодно стали бастовать 300 тыс. человек [2].

Еще с 1887 г. возник новый трэд-юнионизм: к профессиональной организации стали примыкать не только квалифицированные рабочие, как то было по преимуству раньше, а и чернорабочие, причем эти новые массовые организации начали принимать социалистический оттенок; многое сделали в данном отношении такие люди, как Бернс, Манн и Кейр-Гарди [3]. Еще более грандиозен был рост кооперации: потребительных обществ в начале XX в. считалось около 1.400 с числом членов более 3-х миллионов. Большинство потребитель-

---

[1]) *Железнов*, Очерки пол. эк., стр. 637—641.
[2]) Там же, стр. 684.
[3]) *Зомбарт*, Социализм и социал. движение.

ных обществ было объединено в два огромных союза оптовых закупок. Валовой капитал составлял 40 милл. ф. ст., годовой оборот доходил до 133 милл. ф. ст., прибыль до $13^1/_2$ милл., собственное производство потребительных обществ имело ценность в $25^1/_2$ милл. ф. ст., причем производились главным образом, холст, шелк, шерсть, обувь, кожаные изделия, существовали кооперативные мельницы, но мало выделывалось металлических изделий. Характерно, что собственное производство потребительных обществ было в несколько раз больше производства специально-производительных кооперативов, которые выделывали товаров всего на 4 милл. в год. Наконец, английская кооперация объединилась в один большой национальный союз, в котором участвовало 85% всех кооперативов, и который направлял значительную энергию на культурно-просветительную работу: у него была специальная коллегия из 2.600 чел. пропагандистов, и устроены были постоянные курсы, где было до 20 тысяч слушателей [1]).

Но не только росли внешние размеры рабочего движения,—оно также меняло свой характер: из трэд-юнионизма старого типа, чисто экономического, оно стало превращаться в политическое и социалистическое. Конкуренция Германии лишила английский промышленный капитализм его былого монопольного положения на мировом рынке. Уступки рабочим, прежде столь широко практиковавшиеся предпринимателями, стали для последних невыгодны и потому редки и невелики. Этим создано было в рабочей среде сознание недостаточности экономической борьбы, необходимости борьбы политической, борьбы за власть и за глубокое переустройство всего общества, за социализм. Это выразилось последовательно в целом ряде явлений: в основании в 1881 г. Гайндманом марксистской социал-демократической федерации, в 1883 г. так-называемого Фабианского общества,—общеста интеллигентского, теоретически разрабатывавшего вопросы социализма (Шоу, Сидней и Беатриса, Вебб и пр.), в 1893 г.—независимой рабочей партии во главе с Кейр-Гарди. В 1900 году появились рабочие

[1]) *Фэй*, Кооперация в Европе.

представители в парламенте, и учрежден был комитет рабочего представительства. В 1904 г. 14 рабочих членов палаты общин составили самостоятельную рабочую фракцию. В том же году профессиональные союзы и некоторые кооперативы приняли деятельное участие в избирательной кампании и составили обширную рабочую партию, которая на съезде в Хёлле в 1907 г. приняла впервые социалистическую платформу в качестве конечной цели [1]).

---

[1]) *Замбарт,* Социализм и социальное движение.

VIII.

Финансовый капитал в Англии конца XIX в.

На предшествующих страницах по разным поводам не раз приходилось указывать на все росшую мощь и увеличивавшееся влияние британского финансового капитала. Теперь остается иллюстрировать конкретными фактами этот важный процесс, который должен был развернуться во всю ширь в XX в. и дать финансовому капитализму в Англии господствующее значение, превратить Англию из индустриальной страны в страну финансового капитализма. Интерес, представляемый историей английского финансового капитала в конце XIX в., именно и заключается в том, что в то время можно наблюдать генезис, процесс происхождения последней стадии развития капитализма в самой передовой стране Европы.

Первое, что здесь обращает на себя внимание,—это постепенное, все большее втягивание банков в управление промышленными предприятиями. Банки издавна принимали видное участие в деле организации новых промышленных предприятий, являлись видным элементом в составе их учредителей, при составлении соответствующей акционерной компании. Но в то время они именно только учреждали, первоначально финансировали промышленные предприятия. Поэтому главным для них был тогда выгодный сбыт акций; „flotation", как говорят в Англии и Америке [1]). Однако, роль кредита в индустрии

[1]) *Erwin Steinitzer,* Oekonomische Theorie der Aktiengesellschaft, Leipz. 1908, стр. 91.

росла по мере развития капитализма. Здесь прежде всего влияло то изменение в строении капитала, о котором у нас шла речь в свое время выше: по мере роста промышленного капитализма относительно (не только абсолютно) растет постоянный капитал, затрачиваемый на средства производства — машины и материалы,—и относительно уменьшается (хотя абсолютно и увеличивается) капитал переменный, идущий на заработную плату, постоянный же капитал весь или почти весь основан на кредите [1]). Затем, так как прибыль возникает в производстве, а не в обращении, то кредит стремится весь капитал превратить в производственный, свести бесдеятельность капитала к минимуму [2]), что вынуждает кредитные учреждения принять активное участие в ведении промышленных предприятий, с одной стороны, и, с другой, содействовать замене векселями и чеками обращение денег между предпринимателями и развитию контокоррентных банковых операций [3]). Все это приводит к развитию контроля банков над деятельностью общих собраний акционеров и правлений при помощи так-называемого административного совета или наблюдательного комитета [4]). Этот совет или комитет всегда был, как и правление, в руках учредителей предприятия, олигархия которых играла главную роль и в общих собраниях акционеров: ведь акционерные компании—не демократические учреждения, в них числом акций определяется и число голосов данного лица или учреждения. Теперь олигархия учредителей заменяется олигархией высшей финансовой или банковой аристократии [5]). В конце XIX в. этот процесс только еще слагается, далеко не заканчивается. Ему содействует еще одна потребность развивающегося капитализма: потребность планомерно регулировать рынок с целью ослабить кризисы. Это дело могут взять на себя только крупные банки и их консорциумы.

---

[1]) *Гильфердинг*, Финансовый капитал, М. 1912, стр. 74.

[2]) Там же, стр. 84, 88.

[3]) Там же, стр. 103, 119.

[4]) Там же, стр. 160, 162, 164; *Steinitzer*, Oek. Theorie d. Aktiengesell., стр. 147, 148.

[5]) *Гильфердинг*, Фин. капитал, стр. 164.

Отсюда естественно вытекают второе и третье явления, тесно между собою связанные: второе—специализация банков, третье—их концентрация.

Мы наблюдали первые проявления того и другого уже в предшествующий момент капиталистического развития Англии—для 70-х годов. В последние 30 лет XIX века эти явления оказываются резче выраженными.

Специализация выразилась в том, что на-ряду с депозитными банками разных разрядов сложились, во-первых, банки кредитные и торговые, игравшие виднейшую роль по снабжению английскими капиталами стран отсталых, во-вторых, заграничные и колониальные банки—разновидность торговых и кредитных, финансировавшая предприятия в колониях и особо отсталых странах, часто сопряженные с большим риском. Эти последние банки являются поэтому в Англии главной ареной спекуляции, почти совершенно изгнанной из других разновидностей британского банкового дела. Число этих банков в 1899 г. дошло до 23-х [1]). Сокращение спекуляции, усвоение банками, особенно депозитными, культурной, а не грубохищнической тактики явилось также в значительной мере результатом превосходной дисконтной политики, какую вел Английский банк [2]).

Концентрация банков выразилась прежде всего в консолидации депозитных банков. Так, вест-эндские банки амальгамировались с сити-банками. Затем многие депозитные банки слились с провинциальными или распространили свои действия на провинцию путем устройства там своих филиалов; обычно этому слиянию лондонских и провинциальных банков предшествовало поглощение хорошо организованными провинциальными банками малых акционерных лондонских банков или отдельных банкиров; иногда провинциальные банки переносили в Лондон свои главные конторы [3]). Концентрация банков началась в Англии с половины 50-х годов XIX в., усилилась в 80-х и особенно в 90-х годах в связи с развитием банковых филиальных отделений [4]). Ей, конечно,

---

[1]) *Jaffe*, Das englische Bankwesen, стр. 80—92.

[2]) Там же, стр. 256.

[3]) Там же, стр. 55—56.

[4]) Там же, стр. 277.

содействовала и концентрация промышленных предприятий [1]).

В общем таким образом наметились и были далеко двинуты вперед те новообразования в финансовом капитале Англии, которые в законченном виде будут изображены в XII томе нашего труда, и которые сделали Англию в XX веке страной главным образом финансового капитализма.

---

[1]) Там же, стр. 278; *Гильфердинг*, Финансовый капитал, стр. 121.

IX.

Аграрный вопрос в Ирландии XIX в.

Все, сказанное до сих пор, относится только к Великобритании, т.-е. к Англии и Шотландии. Особо надо повести речь об Ирландии.

В отличие от других частей Соединенного Королевства Ирландия являлась страной почти исключительно сельскохозяйственной, главным образом земледельческой. Поэтому в ней первостепенное значение имел аграрный вопрос, тем более, что она была страной покоренной, и целая четверть Ирландии—провинция Ольстер—населена была англичанами, да и в остальной четверти вся земля была достоянием крупных земельных собственников—англичан, а масса ирландского народа была совершенно обезземелена и арендовала владельческую землю, причем аренда была обычно краткосрочная, и арендная плата зависела от усмотрения землевладельцев. При этом лэндлорды ничего не делали для улучшения земли, сдавали землю, а не фермы. То была грубо-хищническая, приближавшаяся к крепостнической эксплоатация земли и труда. В XVIII в.—в 1797 г.—этим было вызвано восстание в Ирландии, но оно было подавлено с величайшей суровостью, и все осталось по-старому. В 1848 г. произведена была новая попытка восстания, кончившаяся так же безрезультатно, поведшая только к ссылке 118 вожаков движения.

Хищническая эксплоатация земли и населения лэндлордами разрушила производительные силы страны. В Ирландии ясно выразились застой и упадок. Население разорялось и вымирало или бежало целыми массами в Америку. С конца XVIII в. к концу XIX население Ирландии уменьшилось втрое.

Наконец, в 1870 г. английское министерство вигов во главе с Гладстоном провело первый ирландский аграрный закон, по которому на всю Ирландию распространено было действие закона, действовавшего в Ольстере: землевладельцы всей Ирландии обязаны были этим законом вознаграждать фермеров после истечения срока аренды за произведенные улучшения и вновь возведенные постройки.

Конечно, этот закон не успокоил и не удовлетворил ирландцев. Парнелль расширил требования Ирландии, переведя их с аграрной на политическую почву: он выдвинул в английском парламенте проект гомруля, ирландской автономии. Дэвитт в 1878 г. образовал ирландскую земельную лигу, в программе которой значились, во-первых, прочность аренды, т.-е. право арендатора, если он исправно платит арендную плату, возобновить договор после истечения его срока, во-вторых, право арендатора до истечения срока аренды продавать арендованную землю другому арендатору, в третьих, установление справедливой арендной платы. Лига проводила тактику отказа брать в аренду земли тех лэндлордов, которые сгоняли старых арендаторов. Так как эта тактика впервые применена была к капитану Бойкоту, то она и получила с тех пор название бойкота. Наконец, О'Донован Росса встал во главе революционной партии фениев, практиковавшей террор—убийства и поджоги. Фении убили министра по делам Ирландии Кавендиша и его помощника Борка. Гладстон преследовал не только фениев, но и лигистов и Парнелля, которого обвиняли в связях с лигой и фениями и держали в тюрьме. Но затем он понял необходимость уступок, освободил Парнелля из тюрьмы и провел в парламенте второй аграрный закон, по которому судам предоставлено было устанавливать на 15 лет определенную арендную плату за землю в Ирландии и, что еще важнее, образован государственный фонд для выдачи ссуд ирландским фермерам на покупку в собственность арендуемой ими земли с согласия лэндлордов.

Позднее это второе постановление подверглось дальнейшему развитию в нескольких законах, из которых самым замечательным был закон Уиндгэма, проведенный

торийско-юнионистским министерством Бальфура в 1903 г. По этому закону поземельно-устроительная комиссия в Ирландии получила право способствовать заключению между лэндлордами и фермерами договоров о выкупе земли последними у первых и скупать целые имения для перепродажи фермерам. Цена имения при выкупе и покупке определялась комиссией на основе установленной законом 1881 г. „справедливой арендной платы“ с понижением ее на 10—40%; установлены выкупные платежи, рассроченные на $68^1/_2$ лет, по $3^1/_4$% в год с выкупной суммы, включая тут $2^3/_4$% роста на капитал и $^1/_2$% погашения выкупного долга; государство расплачивалось с лэндлордами особыми, выпущенными им, бумагами, приносившими $2^3/_4$% в год; средний надел—не менее 10-ти десятин, стоил 368 ф. ст. и ежегодный платеж за него в среднем простирался до 12 ф. ст. К 1910 г. в Ирландии выкуплено было свыше 116 тыс. ферм стоимостью более 40 милл. 400 тыс. ф. ст.

Аграрная сторона проблемы приведена была таким образом к разрешению этим законодательством. Но с легкой руки Парнелля она осложнилась политической проблемой,—вопросом о гомруле, автономии Ирландии. Гладстон в 1886 г. перешел на позицию гомруля, но это вызвало отделение части вигов во главе с Чемберлэном и присоединение их к тори. В аграрном вопросе тори и юнионисты, как мы только что видели, пошли на уступки. Но гомруль так и остался не осуществленным в XIX в. [1]). Его осуществление относится к XX веку, и о нем пойдет у нас речь позднее в свое время, в XII томе нашей работы.

---

[1]) *Мануилов*, Аренда земли в Ирландии; *Сеньобос*, Полит. ист. совр. Евр., I; *Виппер*, Новая история.

X.

Духовная культура Англии с 30-х годов до конца XIX века.

В литературе имеются попытки характеризовать капитализм с точки зрения его психологии и идеологии. Но попытки эти грешат теми недостатками, что одни исследователи берут определенный конкретный материал и на нем строят все, причем связь явлений нередко изображается ими в обратном сравнительно с действительностью порядке, а другие дают общую характеристику, не разработав сначала конкретных деталей и не различая в достаточной мере эпох и условий местных. Первое случилось с Максом Вебером. Он занялся изучением связи протестантизма, особенно кальвинизма с капитализмом, дал ряд тонких и верных наблюдений и набросал яркую общую картину, но, во-первых, ошибся в том, что связал весь капитализм только с кальвинизмом—и католические и греко-восточные и даже нехристианские страны перешли к капитализму,—а, во-вторых, с ним произошло то, что случилось в свое время с Фюстель-де-Куланжем в его „Гражданской общине древнего мира“ („La cité antique“): конкретные наблюдения и вся картина и там были ярки, но не религия вызвала к жизни материальную культуру древности, а, наоборот, материальная культура приспособила к себе религию и культуру духовную; точно также и кальвинизм был одним из ярких проявлений такого же приспособления в определенный притом лишь момент, — в эпоху первоначального накопления, перехода к торговому капитализму [1]). Зом-

[1]) „Archiv für Socialwissenschaft“ за 1905 г., томы 21 и 22.

барт дал общую картину и, не построив фундамента из деталей места и времени, дал одностороннюю, слишком узкую характеристику так-называемого им капиталистического духа, сводящегося, по его изображению, к высокой оценке денежного имущества, к стремлению приобретать деньги, к появлению экономического рационализма, точного учета всех хозяйственных элементов и условий и неуклонного преследования поставленных целей [1]).

Мы не пойдем по стопам названных исследователей, не отрицая ценности и некоторых их обобщений и особенно отдельных, конкретных замечаний и выводов. Психологию и идеологию эпохи мы будем изучать сначала в условиях места и времени данной страны и данной эпохи, а затем, согласно общему нашему методу, которому мы следуем всегда, попытаемся построить обобщения, которые, не стирая местных и временных особенностей, с одной стороны, давали бы общее обоснованное изображение явления, с другой—научно, не мистически объясняли бы и частности и отклонения.

Вот почему и в истории духовной культуры английского капитализма с 30-х годов XIX в. до самого его конца мы будем различать две эпохи, согласно тому, как слагалась и развивалась в то время, как мы видели, культура материальная: во-первых, эпоху торжества, победы культурного капитализма, во-вторых, последние десятилетия века. И опять мы будем начинать с литературы и искусства, выражающих не только сознание, идеологию, но и подсознательную психологию, причем надо будет отличать психологию и идеологию общественных классов—правящего класса, буржуазии в ее различных ответвлениях и пролетариата, класса подчиненного, также имеющего свои слои и группировки.

В литературе 30—60-х годов XIX в. и психологически, и идеологически очень ярко выразился переход к культурному капитализму, первыми предвестниками которого раньше, как мы видели, являлись в литературе боевые романтики—Байрон и Шелли. Порыв к свободе, к широкому и глубокому культурному пониманию буржуазного

---

[1]) *Sombart*, Der moderne Capitalismus, I, особ. стр. 379 и след. (по первому изд.).

индивидуализма, которое можно выразить изречением „живи и жить давай другим", был ярко представлен в поэзии Байрона и Шелли и представлен был именно романтически,—как стремление, идеал, далекий пока от действительности, рисующийся как бунт, протест. В действительности, в буржуазии тогда еще господствовало грубо-хищническое большинство, которое жадную и неразборчивую, грубую, лишенную культурных форм наживу ставило во главу угла своей деятельности. Так всегда бывает, когда тот или другой класс общества находится еще в начале эпохи своего полного господства: в нем хищнические, элементарно-эгоистические элементы преобладают. Он, можно сказать, перенимает от прежних господ положения их худшие свойства. Но мы видели, что в материальной культуре, в частности в классовой борьбе это приводило к разрушительным конфликтам, вредившим и буржуазии и пролетариату, и выдвигало культурный капитализм в ущерб некультурному, грубо-хищническому.

В центре выражения настроений того времени в художественной литературе, отчасти и в публицистике стоял Диккенс. В публицистике он известен тем, что основал главный орган вигов — газету „Daily News", в художественной литературе—своими романами. В сущности все романы Диккенса—горячее обличение хищнического капитализма, его психологии, идеологии, нравов и учреждений и восхваление, идеализация капитализма культурного, той новой буржуазии, которая и не думает отказываться от эксплоатации чужого труда, но облекает эту эксплоатацию в культурные, приличные формы, в связи с чем идеализируются у Диккенса отношения между „добрыми господами" и „верными и честными слугами". Доказательств этого, сколько угодно. В романе „Жизнь и приключения Николая Никкльби" культурно-капиталистическая буржуазия сочувственно представлена в лице братьев Чириблей, Фрэнка Чирибля, Николая Никкльби, Тима Линкинвотера, а грубо-хищническая буржуазия и темные дельцы ее окружающие,—Ральф Никкльби, Грайд, Сквирс и проч. — беспощадно обличаются. Достается сильно и кутящей и разоряющейся аристократии—тоже наследию прошлого (Мельбери Гок, лорд Фредерик).

В „Оливере Твисте“ и в „Нашем взаимном друге“ Диккенс обрушивается с горячим негодованием на некоторые учреждения старой эпохи буржуазного хищничества—на приюты, работные дома и попечительства о бедных: указывает на жестокость, лицемерие, там господствующие, на недопустимое унижение бедных и в конце-концов голодное их существование и преждевременную смерть в этих якобы благотворительных учреждениях. В „Крошке Доррит“, кроме восхваления нежности и доброты, видим обличение адвокатуры, епископов, министров, мошенничества буржуазии первоначального накопления (Мердль), старой парламентской системы с гнилыми местечками. В „Тяжелых временах“ обличаются грубая эксплоатация рабочих и сухая формальная педагогическая система. Роман „Пустынный дом“—сатира на аристократию и на английские гражданские суды. „Нет того тумана, нет той непролазной грязи, которые могли бы равняться с тем состоянием умов, в котором ощупью ползают и барахтаются чины судебного ведомства“, это „скопище нераскаянных грешников“. „Они толкают друг друга на скользких прецедентах, вязнут по колени в технических терминах, а головами, облеченными в парики из конского волоса и козьей шерсти, стукаются о стены ненужной болтовни“. „Перед стряпчими возвышаются целые горы прошений, встречных исков, отношений, возражений, предписаний, показаний, заключений, справок, заметок и прочего пустословия, стоившего громадных денег“. Гражданские суды—„такое учреждение, которое доставляет возможность денежному тузу до смерти измучить своего правого противника“. Олицетворение старой аристократии, сэр Лейстер Дэдлок, терпящий, по роману, за свою спесь жестокое наказание в своей личной жизни, в отношении к жене, „ничего не имеет против бесконечной тяжбы в гражданском суде. Это нечто такое продолжительное, дорого стоющее, чисто-британское и согласное с конституцией“. Он „величественно наслаждается юридическими околичностями, повторениями и длиннотами, видя в них некоторые оплоты государства“. „Один из предков на стене в натуральную величину и с натуральным выражением тупости на лице смотрит на Дэдлоков во все глаза и ничего не понимает; впрочем, более, чем

вероятно, что таково же было его умственное состояние и при жизни, во времена королевы Елизаветы". Светские дамы и кавалеры „сокрушаются о том, что в простонародье совсем нет веры, что оно заражено скептицизмом; они бы желали, чтобы простой человек верил вопреки очевидности и не сомневался бы, напр., в ценности шиллинга, удостоверившись в том, что он фальшивый. Им бы хотелось в простолюдине видеть побольше живописности и преданности и для этого перевести стрелку времени назад, похерив несколько веков истории". В „Записках Пикквикского клуба", нравоописательно-юмористическом романе, юмористически описывается, как разные слои общества „заботились о поддержании своего достоинства, т. е. об отграничении себя от других, „низших". Юмористически рассказывается о клубных прениях, военном смотре, состязании в игре в крокет между двумя местностями, о находке Пикквиком камня с бесграмотной и разбитой по строкам надписью „Бигля Стумпса Клеймо", которую он принял за древнюю, что прославило его как археолога, о борьбе партий, о выборах в палату общин с подкупом, спаиванием и речами. Везде и всегда господствует гомерическая выпивка. Методистских проповедников Диккенс изображает как пьяниц, шарлатанов, обжор, лицемеров. Идеализирует богатых землевладельцев в лице Уардля, богатых буржуа, наживших деньги торговлей, потом ставших рентьерами, клубмэнами, наконец, землевладельцами (в лице Пикквика), мелкую буржуазию (Уэллер Старший) и верных, преданных слуг (Самюэль Уэллер). В описаниях любви, семейного счастья и английских рождественских обычаев Диккенс впадает в резко выраженный сентиментализм. Но он иронически изображает студентов, видит спесь и глупость английской знати на водах в Бате, осмеивает ученого, принявшего свет от потайного фонаря за электрическое явление, а удар, ему нанесенный, за действие электричества, обличает недобросовестных адвокатов (Додсон и Фогг), медлительность, дороговизну и формализм судов. „Домби и сын" в лице Домби отца изображает переходный тип — богатого и уже наполовину, по крайней мере экономически-культурного буржуа, сохранившего, однако, много наследия

прошлого в своей психологии и духовной культуре. И изображение вышло мастерским и в высшей степени характерным для Диккенса. Для Домби-отца венец мира — фирма „Домби и сын". Он равнодушен к жене и дочери. Кормилице своего сына, наследника фирмы, он ставит суровые условия: не видеться со своей семьей, по окончании срока кормления его сына прервать с ним все сношения, меняет даже ей имя—переименовывает в Ричардс. Для него „достоинство других заключается в том, что они знают его и преклоняются перед ним". У него „невыразимое недоверие ко всякому, кто мог бы встать между ним и его сыном, горделивый страх перед тем, что у него явится соперник или соучастник в уважении и почтении сына". Характерны его слова сыну: „деньги могут сделать что угодно". Здесь видно, что эта черта, вопреки Зомбарту, свойственна только полукультурной, полухищнической буржуазии. Домби-отец из самолюбия скрывает горе по смерти сына, просит оставить его в покое и одиночестве. Грусть „считал слабостью" и потому „скрывал от посторонних". Мисс Токс „уважает", ибо она „оказывала услуги" ему. Домби, судовладелец, крупный негоциант и банкир, уважал майора Багштока, потому что он военный и ему, Домби, нравится сознание, что могущество его простирается и за пределы торгового и промышленного мира; притом же он смотрел на майора „как на приятную новость в своей жизни". „Не особенно любил музыку", но слушал музыку вдовы, миссис Грэнджер, заинтересовавшей его холодной красотой, гордостью и тем, что у нее от первого брака был сын, который случайно утонул. Домби не был скуп, щедро, хорошо платил всем, но был деловит и практичен: если, напр., давал в долг, то под надежное обеспечение. Следует, наконец, указать, что роман Диккенса „Давид Копперфильд" представляет собою художественный дифирамб буржуазному индивидуализму—практичности, находчивости, смелости, инициативе, аккуратности, уменью уважать чужие интересы, имея в виду свои, культурной энергии, предприимчивости и любознательности.

Другой великий романист того времени—Теккерей был, по его биографу Троллопу, по характеру меланхо-

ликом, как и Гогарт, очень добр и щедр в личной жизни, шутил, чудил и делал комические импровизации в дружеском обществе, а в творчестве своем являлся юмористом, насмешкой убивавшим тот же обреченный на гибель некультурный капитализм. И „Ярмарка тщеславия", и „Пенденнис", и „Ньюкомб" и „Эсмонд" — романы, юмористически изображающие именно это отходящее в прошлое явление и вместе рисующие жизнь писателей („Пенденнис") художников, пробивающих себе дорогу („Ньюкомб"), и проч.

И Диккенс, и Теккерей были большими реалистами, пытались изобразить подлинную действительность, художественно выразить жизнь. Этот реализм еще ярче выражен был в творчестве мисс Ивенс, писавшей под псевдонимом Джорж Эллиот. В ее лучшем романе „Феликс Гольт" выведен тип пастора-демократа и реформатора. Культурно-буржуазные тенденции ярко видны и в ее произведениях. Так, в ее повести „Любовь мистера Гильфиля" прославляются и эмоциональность, и порывистость, и гуманность, и доброта, высоко ставится любовь к изящному — к живописи, музыке, пению, архитектуре, идеализируются культурно-буржуазные отношения между господами и слугами.

Деятельность Бульвера—лорда Литтона, писавшего и исторические романы, и исторические драмы, и романы уголовные и юмористические, замечательна главным образом тем, что он дал в своих: „Ночь и утро", „Пельгрэме" и „Отверженных" образцы социального романа, изображающего классовые противоречия, разумеется, с невольным подчинением буржуазной тенденции.

Купер в своих романах и повестях из американской жизни индейцев и белых в сущности пропагандировал также инициативу, находчивость, наблюдательность, индивидуализм.

Реализму в художественной литературе соответствовал такой же реализм или натурализм в искусстве, в живописи: культурная буржуазия желает познать действительность, это ей и практически необходимо,—без этого невозможен культурный капитализм. Два великих художника-реалиста выражают эту тенденцию — Вильки в его жанре и исторической живописи и Констэбль в пейзаже,

тщательно изучавший натуру и изображавший жизнь, драму природы[1]).

Особо от этого и раньше существовавших течений стоял в живописи Тернер, начавший свою деятельность еще в конце XVIII в., но проявивший подлинную оригинальность поздно—в 30-х и 40-х годах XIX столетия. Он начал с очень хорошего подражания французскому классику-пейзажисту Клоду Лоррену: тогда в его пейзажах царили условный стиль, классическое спокойствие, не было индивидуальной передачи природы. Впоследствии, найдя свой оригинальный путь в искусстве, Тернер внес в свое творчество яркий индивидуализм. Главным для него стала передача солнечного света и его эффектов, слияние вдали неба и моря, нежный свет на восходе и при закате солнца, и яркий в полуденный жар. Тернер любил также изображать стихийную борьбу, катастрофы: пожар в море, пароход в бурю, железнодорожный поезд под дождем и ветром. Часто он писал фантастические картины—сказочные пейзажи в золотом свете, писал не солнце, которое видел, а то солнце, о котором грезил[2]). Для своего времени Тернер был великим новатором, отвергался современной ему критикой, умер в бедности, скитаясь по лондонским трущобам, и был понят только позднее, когда его открыл Рёскин. Тернер был предтечей уже нового английского искусства второй половины и конца XIX в., видевшим в живописи искусство краски, считавшим основной ее задачей—красочность, язык цветов и света.

Переходя к истории английской науки с 30-х по 60-ые годы XIX в., мы остановимся прежде всего в обществознании на личности и деятельности Маколея, столько же ученого, сколько и художника. В истории Маколей сыграл такую же роль, какая принадлежала Диккенсу в художественной литературе.

Маколей родился в 1800 г., был сыном богатого купца, культурного буржуа, филантропа, друга Вильберфорса, учился в кэмбриджском университете, где много занимался историей, классиками, писал стихи, но

---

[1]) *Chesnau*, La peinture anglaise, стр. 74 и сл., 143 и сл.
[2]) Там же. стр. 154—162.

не успевал в математике и не любил ее. В 1826 г. он стал заниматься в Лондоне адвокатской практикой, но скоро оставил это дело для литературной профессии, главным образом, для исторических работ. В 1830 г. он выбран был в парламент, как кандидат партии вигов и произнес в палате общин 5 речей в защиту парламентской реформы. Он был выбран и в реформированный в 1832 г. парламент и высказывался там за мягкую политику в ирландском вопросе и за допущение евреев в парламент. Он не был дебатером, не находчив был в быстрых возражениях и в речах был не столько оратором, сколько литератором. Не отличался и политической инициативой и потому не мог быть вождем партии. Но Маколей интересовался Индией и был в министерстве Грея президентом ост-индского контрольного бюро и в 1834 г. уехал в Индию членом индийского верховного совета. В 1838 г. он вернулся оттуда, был снова выбран в парламент и занимал пост военного министра в кабинете лорда Мельбурна. В 1842 г. он выступил против чартистов, доказывая, что всеобщее избирательное право ведет к разделу имуществ, к якобинскому имущественному поравнению, и что оно возможно было бы лишь в том случае, если бы рабочие были образованы, имели бы всегда работу и получали высокую заработную плату. Однако, Маколей не только был за уничтожение хлебных пошлин, но считал необходимой и возможной и дальнейшую парламентскую реформу. Маколей был прекрасным салонным говоруном. В 1857 г. он был возведен в пэры, но ни разу не участвовал в заседаниях палаты лордов. Женат не был. Умер в 1859 г.

Как историк, Маколей известен своими „Опытами“ и „Историей Англии“. В „Опытах“ он набрасывал исторические картины широкими, общими мазками, в „Истории“ у него миниатюра, отделка подробностей. Он имел огромные знания по истории, истории литературы и пластическим искусствам, был знаком с английской и французской философией, но не с немецкой. Глубоко изучал источники, отличался живым даром художественной изобразительности и практическим политическим смыслом, но как художник и как виг идеализировал Кромвеля и Вильгельма III, был не всегда справедлив к тори,

но обладал положительным умом, был снисходителен к слабостям, страстям и увлечениям. Его натура была светлая, спокойная, ясная, уравновешенная, почему гуманное чувство и оптимизм составляли господствующее его настроение. Историк-художник в нем шел рука об руку с историком-ученым, глубоким специалистом, и в этом последнем смысле—как историк-ученый специалист, Маколей был предшественником историков конца XIX в. [1]).

Таким же предшественником специалистов-историков конца XIX и начала XX в. был в Англии знаменитый автор „Истории Греции“ Грот: специальное изучение, критика источников и глубокий политический практический смысл и опыт отличали и его.

Но особенными, характерными фигурами того времени в обществознании являлись Бокль и Спенсер; последний, впрочем, уже не в одном только обществознании.

Бокль был сыном лондонского банкира, не был особенно богат, но состоятелен. Отец его был строгий кальвинист, мать выработала себе свою особую религию, в которой над догматикой преобладали неясные стремления и мечтания. Бокль с детства был серьезен, любил разговоры старших о политике и религии. Натура чисто и глубоко интеллектуальная, он выше всего ставил науку, умственное развитие и мало значения придавал искусству: музыка на него не влияла, он слушал ее с удовольствием только в концерте Листа; природа не производила на него впечатления. Будучи 18-ти лет от роду, Бокль пришел к мысли написать „Историю цивилизации в Англии“ и стал усердно заниматься языками (он знал 18 языков, в том числе и русский), естествознанием, историей, правом и всеобщей литературой. Он отличался огромной, замечательной памятью, превосходно играл в шахматы, был пламенно честолюбив. По политическим убеждениям являлся радикалом. Находился под сильным влиянием Огюста Конта. В течение 14-ти лет Бокль с утра до ночи сидел над книгами, чуждался общества и развлечений. В результате он надорвался, по-

---

[1]) *Вызинский*, Лорд Маколей, „Русский Вестник“ за 1860 г., № 1.

ехал после выхода II тома „Истории цивилизации в Англии" на восток, там заболел и умер [1]).

„История цивилизации в Англии" Бокля — знаменательное явление той эпохи, когда культурная буржуазия только что восторжествовала, одержала решительную победу. Класс - победитель хотел овладеть действительностью, подчинить себе жизнь, в том числе и общественную жизнь, управлять ею, для чего необходимо было возможно скорее и полнее постичь ее тайны, определить движущие силы, установить закономерность жизненных явлений и их развития: прогрессивно-настроенная, оптимистическая в своем торжестве культурная буржуазия не чуждалась идеи развития, признавала и ценила ее. И вот Бокль счел возможным для себя выступить с обобщающим, социологическим построением истории, которую, как науку он ставил справедливо на ту же почву, на которой стояло и развивалось естествознание. Только сообразно своему интеллектуализму Бокль во главу угла всего развития общества и народов положил науку, умственное развитие, отвергая развитие морали, низко ценя влияние и значение искусства и будучи чужд понимания первостепенной важности материальной культуры.

Такую же задачу всеобъемлющего, обобщенного знания и уже не только в общественных науках поставил себе с своей деятельности Герберт Спенсер.

Спенсер родился в 1820 году, был сыном и внуком учителя, сначала сам учительствовал, потом стал железнодорожным инженером, но скоро бросил и эту профессию, ради занятия литературной деятельностью. Получив наследство, он оказался человеком материально обеспеченным и всецело отдался обобщающей работе, его к себе привлекавшей. Он был дружен с Гёксли, Льюисом, Тиндалем и Джорж Эллиот (мисс Ивенс). Характеру Спенсера в особенности свойственно было, по его „Автобиографии", стремление к разнообразию во всем, даже в пище. Поэтому он сильно увлекался Шелли, особенно его „Освобожденным Прометеем", где видел

---

[1]) *Huth*, The life and writings of Henry Thomas Buckle. Lond. 1880, 2 тома.

поразительное разнообразие. Большое влияние на Спенсера имела „Система логики“ Джона Стюарта Милля. Он был прекрасный математик, с любовью занимался механикой, физикой и химией; древние языки ему не давались.

В 1862 году вышел первый том „Синтетической философии“ Спенсера, и затем последовал в течение всей второй половины XIX в. ряд других томов, из которых составился огромный обобщающий труд, система всех наук—естественных, общественных и гуманитарных. По существу философия Спенсера была положительной философией. Автор сознательно исключил из своего построения метафизические вопросы, встав на точку зрения агностицизма, невозможности познать сущность вещей, субстанцию, метафизический субстрат (подкладку) действительности. Спенсер противополагал или по крайней мере различил субъект и объект, дух и материю, но и дух и материю считал знаками лежащей под ними неведомой и непознаваемой реальности. Все явления духа и материи, естественной, общественной и индивидуальной человеческой жизни Спенсер сводил к закону эволюции, развития, сущность которого заключается, по Спенсеру, в процессах дифференциации и интеграции, постепенно усиливавшихся, исходным же пунктом этих процессов в природе, обществе и человеческой личности является первоначальная простота и бессвязность. В социологии Спенсер является основателем и одним из наиболее ярких представителей органической школы, уподобляющей общество организму и на основе этой аналогии объясняющей происхождение социальных различий и противоположностей и всего вообще строя в конце-концов и капиталистических общественных отношений. Спенсер был непримиримым противником социализма, что и выразил в известной своей брошюре „Грядущее рабство“. Капиталистический строй и буржуазный индивидуализм казались ему высшими и вечными достижениями человечества. Он допускал лишь частичное, не принципиальное, не существенное их изменение.

Таким образом если в работе Бокля сделана была характерная для того времени попытка обобщающих выводов в обществознании, то Спенсер попытался дать

обобщения, охватывающие все научное знание—и знание природы, и науку об обществе, и дисциплины, касающиеся человеческой личности.

В естествознании, впрочем, независимо от Спенсера и раньше его происходила уже чрезвычайно важная работа такого же обобщающего характера, типичного для эпохи. В биологии особенно здесь обращает на себя внимание исторический метод, теория развития или эволюции. Первым ее представителем в Англии 40-х годов XIX в. был Чэмберс, но наибольшее здесь значение имели работы Чарльза Дарвина.

В 1859 году вышло сочинение Дарвина „Происхождение видов путем естественного отбора". Здесь Дарвин признает связь организмов со средой, в которой они живут, и различает три основных признака их развития: во-первых, изменчивость организмов, во-вторых, наследственность их свойств, в третьих, быстро возрастающую прогрессию их размножения. Изменчивость организмов дает материал для построения новых форм; наследственность сохраняет и старое и новое; возрастающая прогрессия размножения организмов дает возможность приспособления их к условиям среды. Это приспособление происходит путем борьбы за существование или естественного отбора или, по позднейшему выражению Спенсера, выживанием наиболее приспособленных. Отсюда получаются разновидности, подобно тому, как искусственно создаются породы домашних животных. Разновидности образуются посредством развития в отдельных особях благоприятных в борьбе уклонений, причем у разных особей эти уклонения разные. Происходит расхождение признаков: сохраняются особи, более резко различающиеся между собою, так как для организмов выгодно резко различаться: этим увеличиваются шансы на совместное существование. Чтобы от образования разновидностей перейти к образованию видов, надо принять во внимание явление, параллельное расхождению признаков, т.-е. сохранению резко различающихся между собою особей, — именно вымирание неприспособленных, какими являются типические особи, без уклонений. Когда такая типическая, центральная, промежуточная группа вымирает, тогда между разновидностями

получается перерыв, отсюда из разновидностей и получаются виды [1]).

Позднее Дарвин высказал еще теорию полового подбора, по которой самки выбирают самцов с красивыми цветами. Уоллэс отрицал это: он указывал, что яркость окраски—результат силы организма, самки выбирают сильных, так что теория полового подбора сводится к естественному отбору. Бэтс и Уоллэс основали теорию маскировки, мимитизма или мимикрии, по которой животные усиливают особенности, позволяющие им прятаться, чтобы скрываться от врагов и приближаться к добыче: окраска подходит к цвету пустыни, снега, листьев и проч. [2]).

Чтобы закончить речь о духовной культуре Англии с тридцатых по шестидесятые годы XIX в., в эпоху торжества культурного капитализма, остается сделать некоторые дополнительные замечания по вопросу о существовавших тогда общественных течениях. Выше не раз уже нам приходилось касаться этого вопроса. Мы характеризовали чартизм в его различных разветвлениях и новый торизм Дизраэли, упоминали вскользь и о христианском социализме. Сказанного о чартизме, как идейном течении или точнее, идейных течениях, в нем существовавших, а также о новом торизме достаточно. Здесь уместно только напомнить, как много еще утопического, с одной стороны, бланкистки-бунтарского— с другой, и умеренно-трэд-юнионистского—с третьей— было в чартистских социальных теориях, и как ярко все это отражало условия времени: пролетариат, поскольку он питался культурно-буржуазной уступчивостью, становился умеренным, трэд - юнионистским в своем большинстве; бунтарское меньшинство не могло еще связать органически свои политические требования и свою революционную тактику с экономикой и подчас даже социализмом (даже оно не было проникнуто чисто социалистическими воззрениями); а когда это меньшинство стало понимать необходимость такой связи, оно,

---

[1]) *Тимирязев*, Основные черты развития биологии в XIX стол., М. 1908; *Мензбир*, Введение к изучению зоологии, М. 1887.

[2]) *Мензбир*, Введение в изучение зоологии.

естественно, ударилось в социалистический утопизм: пока ведь рабочее движение еще только организовалось и дисциплинировалось, и научный социализм был еще впереди. Зато новый торизм характерен в другом смысле: он показывает, какую высокую степень приспособляемости, практичности, ловкости, находчивости проявляла торжествующая культурно-капиталистическая буржуазия, как окультуривались и принимали новый облик даже наиболее отсталые, консервативные ее элементы.

Явлением того же порядка был и упоминавшийся уже нами выше христианский социализм. Это по существу, как также было уже указано, был вовсе не социализм, а своего рода защитное средство буржуазии по отношению к начавшемуся рабочему движению, одна из струй, стечение которых породило настоящую культурно-капиталистическую действительность. Надо теперь дополнить сделанные раньше характеристики некоторыми общими замечаниями о вождях христианского социализма — Морисе, Кингсли и Карлейле [1].

Морис (1805 — 1872) был сыном проповедника, сам был священником и профессором истории в оксфордском университете. В 1853 г. он издал „Богословские опыты", проникнутые рационалистически-религиозным духом, и должен был оставить профессуру. Он первый провозгласил принципы христианского социализма и основал рабочий союз на их основе, а затем „колледж рабочего" с целью распространения образования в рабочей среде, в частности и среди женщин. Вместе с Кингсли Морис стал вождем партии „широкой церкви" (broad church). В 1866 г. Морис стал профессором нравственной философии в кембриджском университете. Главные его сочинения „Мировая религия" и „Социальная нравственность". Он стоял за подъем религиозно-нравственных начал при сохранении существующих государственных форм и частной собственности. В сущности то была проповедь не социализма, а культурного капитализма.

Кингсли родился в 1819 г., был сыном сельского священника, учился в кембриджском университете. Чартизм

[1]) См. *Брентано*, История христианского социализма в Англии.

обратил его внимание на социальный вопрос и в 40-х годах, став священником, он примкнул к Морису и стал членом общества христианских социалистов. В 50-х годах он выступил с проповедью кооперации, как панацеи от всех социальных зол и бедствий, в 1859 г. стал капелланом королевы Виктории, в 1860 г. профессором истории в кембриджском университете и воспитателем принца уэльского. Умер в 1875 г. В 40-х и 50 х годах он написал несколько социальных романов против революционеров; герои этих романов—рабочие — разочаровываются в чартизме и становятся христианскими социалистами. По Кингсли необходимо, чтобы буржуазия прониклась духом христианства и улучшила быт рабочих.

Карлейль, сын деревенского каменщика, родился в 1795 г., учился в эдинбургском университете, был учителем, но, женившись, занимался литературным трудом, живя сначала в имении жены, потом в Лондоне. Умер в 1881 г. По словам Спенсера в его автобиографии, Карлейль не доказывал, а догматически изрекал, был крайне раздражителен, ум его был подчинен эмоциям, он ненавидел науку и питал страсть к противоречиям даже самому себе, всегда кого-нибудь порицал, осуждал, осыпал презрением, с детства был груб и деспотичен. Он увлекался немецкой философией и написал книгу „Герои и героическое в истории", в которой все в истории приписывал личности героев, выдающихся людей. Во время чартизма он писал памфлеты против буржуазии, против „механической", „утилитарной" цивилизации, но также и против чартизма и революции. Главным его христианско - социалистическим сочинением является книжка „Прошлое и настоящее". Карлейль идеализировал феодальное средневековое общество, настаивал на том, что бог создал господство и подчинение, что неравенство освящается религией, и требовал, чтобы капиталистическая буржуазия и интеллигенция устроили общество по традициям феодальной опеки: пусть они отечески заботятся о рабочих и тем предотвратят развитие социального вопроса в революционном направлении. Карлейль и его идеи имели очень большой успех среди английской буржуазии с 50-х до 80-х годов XIX в.

Мы знаем, однако, что последние десятилетия XIX в. создали большие перемены в материальной культуре и прежде всего в хозяйстве Англии. Конкуренция немецкого капитализма заострила классовые противоречия и, как мы уже видели, дала новые формы и новое содержание рабочему движению. Эта новая идейная подкладка — политическая и социалистическая — представляет собою важнейшее явление духовной культуры в Англии того времени. Но и в английской буржуазной культуре под влиянием новых условий появились важные и интересные новообразования.

Одной из основных духовно-культурных потребностей английской буржуазии того времени была потребность в технических усовершенствованиях, в углубленной научной специализации, с ними связанной, их обусловливающей. От широких обобщающих попыток Бокля, Спенсера, Дарвина естествен был теперь поэтому переход к кропотливым специальным исследованиям. В их зародышах не было недостатка и раньше. Дэви известен был и тогда своими химическими и физическими исследованиями и положил на-ряду с другими учеными основание научно-практической разработке агрономической химии [1]). Гальтон в 1875 г. первый высказал сомнение в наследственности приобретенных свойств [2]). Гексли, кроме ряда других специальных исследований, дал новейшую классификацию видов, различая коренные, прародителькие формы и группы, от которых пошли позднее обособившиеся виды, и промежуточные формы и группы, только уклоняющиеся, но не имеющие прародительского значения [3]). Хёггингс доказал газообразность туманностей, Дьюар открыл водород. Фарадей и Максвелл сделали гениальные открытия в области изучения электричества и магнетизма и сблизили с электричеством мировой эфир и тепловую энергию. Еще раньше Джаул основал механическую теорию тепла [4]). В медицине Листер ввел антисептику и асеп-

---

[1]) *Тимирязев*, Осн. черты истории развития биологии в XIX стол.

[2]) *Вейсман*, Лекции об эволюционной теории.

[3]) *Мензбир*, Введение в изучение зоологии.

[4]) *Столетов*, Общедоступные лекции и речи.

тику [1]), а Беринг был одним из пионеров серотерапии, лечения прививками столбняка и дифтерита.

Такова была в главных чертах специализация в естествознании и его различных ответвлениях. Той же специализации подверглось и обществознание. Мы не можем и не будем здесь представлять исчерпывающий перечень относящихся сюда трудов, отметим только некоторые характерные явления. Таковы труды Мэна и Тэйлора по первобытной культуре, работы Фримана и Стебса по истории английской конституции, работы Дайси по государственному праву, Сибома и Метлэнда по хозяйству и праву средних веков и т. д. Углубленная специализация и здесь стала очередной проблемой.

И характерно, что и в литературе, и в искусстве наблюдались соответствующие явления. В области теории искусства и литературы—художественной и литературной критики—обращают на себя внимание в особенности труды и идеи Рёскина и Оскара Уайльда. В них ставятся и определенным образом решаются вопросы о специальном значении искусства и литературы. Рёскин решает их в смысле символизма, Уайльд—в смысле импрессионизма.

Джон Рёскин был сыном коммерсанта миллионера, любившего искусство и развивавшего у сына художественный вкус — черта, также характерная для культурной буржуазии. Мать была религиозна и приучала сына преклоняться перед нравственным долгом. Будучи слаб здоровьем, Джон Рёскин, родившийся в 1819 г., вплоть до 40-х годов XIX в. прожил в Италии. Он изучал искусство и естественные науки. С 1835 г. Рёскин начал печатать статьи по геологии, архитектуре и живописи, в 40-х годах писал о Тёрнере, которого понял он первый, а к 1850 г. закончил пятитомный труд „Современные художники". Позднее он, наконец, пропагандировал новую английскую школу живописи—так-называемых прерафаэлитов. Умер Рёскин в 1900 г.

Некоторыми сторонами своей натуры и деятельности Рёскин напоминает христианских социалистов: он был, как и они, религиозен и стремился улучшить

---

[1]) *Тимирязев,* Осн. черты истории развития биологии в XIX стол.

положение рабочих, создать для них более или менее широкую возможность получения эстетических и моральных наслаждений. И практически он не мало сделал в этом направлении. Но он существенно отличался от христианских социалистов по основному мотиву своей деятельности в этом и других отношениях. Рёскин был эстетиком по своей натуре, по душевному своему складу, выше всего ценил красоту и именно как эстетик и по той причине, что был эстетиком, он держался определенной тактики в рабочем вопросе и был религиозен. С точки зрения Рёскина красота выше всего жизни, и она приводит к нравственности и религии. Изучая Тёрнера, Рёскин пришел к выводу, что искусство состоит в отыскивании в природе привлекательного и высокого, изображении его и привлечении к нему общего внимания. В высоком, открываемом искусством, Рёскин видел отражение бога, сходясь в этом отношении с Шеллингом, так что, по Рёскину, настоящее художественное произведение — это молитва богу. Именно поэтому Рёскин не признавал импрессионизма, а ценил символизм: он видел в символизме связь с незримой и вечной основой мира.

Во всей этой теории Рёскин являлся бессознательным выразителем одной первостепенно-важной потребности буржуазно-капиталистического общества его времени — потребности найти идейное, теоретическое, мистическое обоснование прочности, вечности существующих общественных отношений. Но, кроме того, в его теории сказалась и та тенденция к специализации, которая вытекает из машинного производства и разделения труда при капитализме: здесь впервые ясно поставлен был вопрос о специальных задачах искусства, и дан был на этот вопрос известный ответ.

Ответ, однако, мог быть и другой—не символистический, а импрессионистский. И этот другой ответ был дан Уайльдом в его критических статьях. По его мнению, „искусство само по себе есть один из видов преувеличения". „Предметы существуют, потому что мы их видим, а что мы видим и как мы это видим,—зависит от того, как на нас повлияло искусство. Смотреть на предмет—это совсем не то, что видеть его. Предмет

нельзя видеть, пока не увидишь его красоты". Критика, по Уайльду,—передача личного впечатления. „Критика высшего порядка смотрит на искусство вовсе не как на выразителя известной мысли, а только как на силу, производящую известное впечатление". „Просвещенные и обладающие критическим духом умы будут все меньше и меньше интересоваться действительной, повседневной жизнью, а будут стараться черпать впечатления исключительно из всего того, к чему прикасалось искусство". В искусстве можно испытать все страсти и все наслаждения и притом когда угодно и притом не жертвуя ничем, тогда как „жизнь назначает за свои дары слишком высокие цены". Идеал в живописи—импрессионизм, ибо главное, впечатление [1]).

Разумеется, художественная литература и искусство Англии конца XIX в. не всецело представляли собою эти два новых течения—символизм и импрессионизм,—было в них и многое другое—и тенденциозность, и натурализм,—но, во-первых, частично почти каждый писатель поддался новым веяниям, во-вторых, новое было именно в символизме и импрессионизме, в третьих, искусство и литература действительно стали искать специальных целей и устремлений.

Так, Броунинг в своих романах дал лучшие после Шекспира образцы психологии характеров, в балладах усваивая в то же время импрессионистские приемы. Свинбёрн был наибольшим импрессионистом из всех. У Теннисона есть и трагический (в „Энохе Ардене" и „Поле Эльмере") и сентиментально-романтический (в балладах) импрессионизм, в стихотворении „Лотофаг" он идеально сливает форму с сюжетом, давая убаюкивающий ритм, заставляющий чувствовать расслабляющее действие лотоса; и в то же время Теннисон—тенденциозный, патриотический поэт. Квинси дал импрессионистское „Признание одного английского потребителя опиума", Уайльд—импрессионист и фантаст в „Портрете Дориана Грея", но в его драмах много подлинного реализма. Даже тенденциозно-шовинистический Киплинг

---

[1]) *О. Уайльд*, Полн. собр. соч., т. V, М. 1909 г.

не чужд культа формы, проникающего все художественно-литературное творчество эпохи.

Символизм нашел себе яркое выражение в живописи прерафаэлитов—Росетти, Берн-Джонса, Мадокса Брауна. В пейзаже Хука (Hook)—подлинный реализм, нет никаких условностей. Картины деревенской жизни Макаллума отличаются импрессионистским характером, как и живопись Эдвина Эдвардса [1]). И везде вопрос формы выдвигается на первый план: живопись должна быть симфонией красок, как литература—симфонией слов.

Мы можем теперь подвести итоги, сделать некоторые общие выводы относительно психологии производственно-капиталистической буржуазии в отдельные моменты ее господства в Англии.

Производственный капитализм более, чем какая-либо существовавшая до него система хозяйственных отношений, содействовал образованию того экономического человека, о котором говорил еще Адам Смит в своем „Богатстве народов". Экономический человек, — это такой человек, который в своих хозяйственных делах должен исходить из своих экономических интересов непрестанно и неослабно. Производственный капитализм не допускает в этом отношении никаких послаблений и отступлений: при наличности таких послаблений капиталист, как таковой, гибнет от неумолимого и неустранимого действия конкуренции. Если бы он даже хотел, он не может допустить существенных послаблений; в противном случае он разоряется. Итак: классовый, предпринимательский, хозяйский интерес—вот основа психологии производственно-капиталистической буржуазии во все эпохи ее господства.

И первоначально, как только английская буржуазия дорвалась до власти,—вплоть до конца первой трети XIX в.—она понимала этот свой классовый интерес грубо, некультурно, хищнически: она рвала, хищничала, наживалась, обогащалась, копила, жадна была до денег, беспощадно истребляла живые производительные силы страны, грубо пользовалась политической организацией, построенной тоже хищнически, и в духовной культуре

---

[1]) *Chesnau*, La peiutnre anglaise, стр. 182—254.

в лучшем случае лицемерила, сентиментальничала, а в общем не стеснялась отстаивать идеологию, ей свойственную и выгодную.

Но та же выгода, тот же классовый интерес продиктовал необходимость культурности, проведения в жизнь принципа „живи и жить давай другим". Эксплоатация чужого труда не уменьшилась, но она приняла более культурные формы, и это сопровождалось расширением психологии самой производственно-капиталистической буржуазии. Экономический человек в ней остался, сохранился, но изменившиеся условия продиктовали ему новые формы защиты его собственных интересов. И вот, психология буржуазии обогащается эстетическими, моральными, либеральными и радикальными элементами, грубо и элементарно - эгоистические мотивы и моменты перерождаются в культурно-индивидуалистические. Власть ценится уже не только как источник и средство получения материальных выгод, но сама по себе, как таковая. Развивается жажда разнообразия и новизны впечатлений, растут эстетические и интеллектуальные потребности, возникает неутолимое желание познать и понять действительность—и жизнь общества, и жизнь отдельного человека, и жизнь природы,—чтобы овладеть этой действительностью, подчинить ее себе. Жажда наслаждений — не одних чувственных, но и моральных, эстетических, умственных—венчает все эти новые индивидуалистические достижения. И в то же время организуется целесообразно и осмысленно и хозяйство и новое буржуазное государство.

Но вот английскому капитализму становится тесно от иностранной конкуренции, и в то же время возникает опасность от вскормленного этим же самым капитализмом пролетариата. И в духовной культуре и психологии происходят отсюда важные видоизменения: отчасти возрождается некультурный шовинизм, приобретая практически формы нового империализма, а затем призывается на помощь научная и художественная специализация—техническая основа победоносной конкуренции,— и начинаются искания идеологических основ вечности существующего строя в науке, искусстве и литературе. Жажда власти, наслаждений, как и организационные

успехи, не ослабляется, — она получает только новые утонченные, специализированные формы и чрезвычайно обогащается и углубляется, принимая подчас болезненные формы, как это в особенности ясно видно из истории Оскара Уайльда, поплатившегося каторгой за противоестественные пороки, которые свойственны были не ему одному, а большому кругу избранной буржуазно-капиталистической молодежи, в среде которой он вращался и которую наставлял на путь болезненных исканий новых ощущений.

Такова в главных чертах была психология английской производственно-капиталистической буржуазии в отдельные моменты ее развития. Мы не касаемся здесь психологии других классов общества, в частности пролетариата. О ней целесообразнее будет говорить в иной связи,—тогда, когда пойдет речь не только о национальных организациях, но и о международном единении рабочего класса. Отчасти же,—в той мере, в какой это необходимо для понимания истории английского капитализма, — об этом говорилось при обзоре матеральной культуры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Производственный капитализм во Франции.

I.

Французский капитализм в 30-х и 40-х годах XIX века.

Июльской революцией закончился критический период буржуазно-демократической революции во Франции, разрушивший систему старого торгового капитализма и соответствовавшие ей общественные, государственные и культурные формы, и Франция после 1830 года вступила в органическую эпоху полного господства производственного капитализма. Первый момент этого нового периода охватывает время с 1830 по 1848 год. Это—момент господства грубо-хищнического производственного капитализма во Франции.

Несомненно, в то время капиталистическое — и не только сельскохозяйственное, но и индустриальное — производство во Франции расширилось в очень значительной степени: выработка каменного угля увеличилась на 137%, производство железа на 144%, чугуна на 51%; обороты внешней торговли выросли с 1837 по 1846 г. на 48%, причем вывоз тканей увеличился на 50%, а кожаных и металлических изделий страна стала вывозить в 1846 г. вдвое больше, чем в 1837 г. Железных дорог в 1830 г. было всего 38 километров; в 1848 г. французская железнодорожная сеть достигла протяжения в 1.832 километра [1]). Ценность земельной собственности с 1830 по

---

[1]) *Поль Луи*, История социализма во Франции, Спб., 1906, стр 113—114.

1848 г. выросла вдвое — с 50 до 100 миллиардов франков. Капитал в коммерческих и промышленных предприятиях дошел с 30 до 45 миллиардов франков [1]).

Как, однако, ни внушительны все эти цифры, указывающие на несомненный производственно-капиталистический прогресс, — необходимо сейчас же сделать существенную оговорку: французский производственный, в частности промышленный, капитализм 30-х и 40-х годов не идет ни в какое сравнение по широте размаха с капитализмом английским. Чтобы убедиться в этом, достаточно одной конкретной иллюстрации: в 1850 г. во Франции выплавлено было чугуна 24,8 миллиона пудов, а в Англии в то же время 140,1 милл. п. [2]), т.-е. более, чем в $5^1/_2$ раз больше. Следовательно, французский промышленный капитализм был впятеро слабее английского. Причина этого явления понятна и нам известна: в великом конфликте двух этих капитализмов при Наполеоне I французский капитализм потерпел поражение и с тех пор вошел в узкое сравнительно русло: лишь немногие продукты французской индустрии приобрели мировой сбыт. Конечно, этому поражению Франции содействовало и то, что ее почва не была так богата углем и железом, как почва Англии.

Это имело весьма важные последствия для самого типа французского капитализма. Первое из этих последствий заключалось в том, что Франция не сделалась такой индустриальной страной, как Англия: во французском производственном капитализме капитализм сельскохозяйственный имел не меньшее, даже большее значение, чем капитализм промышленный. Второе последствие не менее важно и характерно: именно, вследствие сравнительной узости размаха индустриального капитализма капиталы во Франции рано устремились в значительной степени в русло кредита: во Франции скоро и сильно стал развиваться банковый, финансовый капитализм.

Этот последний процесс характеризуется следующими, между прочим, фактами: во время июльской монархии

---

[1]) *Гримм*, Революция 1848 г. во Франции, ч. I, стр. 107.

[2]) *Ден*, Каменноугольная и железоделательная промышленность. Спб. 1907, стр. 86.

парижские банкиры во главе с Ротшильдом играли уже видную роль на международном финансовом рынке; главы буржуазных партий и министерств „короля-гражданина“ — Лафит, Казимир Перье—сами были банкирами; в 1848 г. был основан один из трех крупнейших французских депозитных банков Comptoir National d'Escompte de Paris [1]); обороты Французского банка, достигавшие в 1826 г. всего 6 миллиардов франков, дошли в 1847 г. до 44 миллиардов [2]), т.-е. увеличились более, чем в семь раз.

Грубо-хищнический характер французского капитализма тридцатых и сороковых годов XIX века нашел себе яркое выражение в целом ряде характерных явлений. Сюда прежде всего относится финансовая политика правительства.

Первая черта этой политики заключалась в том, что главное бремя податной тяготы возлагалось на трудящиеся, малоимущие массы населения, почему косвенные налоги не только преобладали, но и увеличивались гораздо быстрее, чем налоги прямые. В десятилетие с 1835 по 1845 г. прямые налоги увеличились всего на 8%, а косвенные на 44%; в 1835 г. косвенные налоги составляли 67,4% всего налогового обложения, а в 1845 г. уже 73,5% [3]). При этом главное увеличение и прямого обложения производилось опять-таки насчет неимущих масс: в то время как поземельный налог с 1830 по 1848 г. был повышен всего на 15,4%, налог на двери и окна был удвоен, т.-е. увеличен на 100% [4]).

Второй чертой финансовой политики июльской монархии было усиленное покровительство индустрии в ущерб сельскому хозяйству. Это повело к таможенной войне с Англией, чем особенно больно поражено было французское виноделие: вывоз французских вин в Англию сильно сократился; а между тем виноделием заняты были во Франции $2^1/_2$ миллиона человек, преимущественно крестьяне, у них было до 2 милл. гектаров земли под виноградниками, и они производили 43 милл. гекто-

---

[1]) *Eugen Kauffmann*, Das französische Bankwesen, Tübingen, 1911, стр. 5-6, 179.

[2]) *Гримм*, Революция 1848 г. во Франции, ч. I, стр. 108.

[3]) *Поль Луи*, Ист. социализма во Франции, стр. 115.

[4]) *Гримм*, Революция 1848 г., ч. I, стр. 109.

литров вина в год на 700 миллионов франков. Понятно, что в южных департаментах Франции, где особенно важно было виноделие, росло республиканское настроение [1]).

Третьей характерной чертой финансовой политики того времени являлись огромные траты на армию и флот—внешнюю защиту капитализма — и на экономическую его поддержку—общественные работы—и ничтожные расходы на просвещение. На армию и флот в 1830 г. расходовалось 287 милл. фр., на общественные работы 54 милл., а на народное образование только 17 милл.; к 1848 году первый расход возрос до 485 милл., второй—до 75-ти милл., а третий—всего лишь до 19-ти милл. [2]).

Наконец, в четвертых, правительство, тратя непроизводительно народные деньги и имея постоянные дефициты в бюджете, заключало огромные займы и тем платило дань финансовому капиталу: за 15 лет реставрации займов заключено было всего на 1 миллиард 200 миллионов фр.,—то была расплата за наполеоновские войны, а за 18 лет июльской монархии займов было заключено на 2 миллиарда 265 миллионов франков [3]).

Хищнической была — далее — социальная политика. Ремесленники—мастера и рабочие—и кустари страшно страдали и погибали от конкуренции торжествующей капиталистической индустрии, а правительство не принимало никаких мер, чтобы облегчить для них этот кризис, помочь им приспособиться к новым условиям. В то же время эксплоатация промышленных рабочих была до крайности грубой: лионские шелковые ткачи работали по 18 часов в сутки и получали за это 1 франк; жилищные условия были невозможны, потогонная система, расплата товарами была обычным явлением; фабричного законодательства не было: только в 1841 г. законодательно регулирован был труд детей. Стачки преследовались самым суровым образом. Свободы коалиций не было: действовал старый закон Ле-Шапелье; в 1834 году 10 апреля был издан другой, еще более суровый, закон, по которому предварительное разрешение установлено было и для тех обществ, у кото-

[1]) Там же, ч. I, стр. 109.
[2]) Там же, ч. I, стр. 109.
[3]) Там же, ч. I, стр. 109.

рых не только в секциях, но и во всем составе было менее 20-ти человек. Понятно, что рабочие постоянно волновались и часто поднимали открытое восстание: так, под лозунгом установления минимальной заработной платы в 1831 г. восстали рабочие в Лионе, и это было началом массового рабочего движения во Франции; в 1832 г. были восстания рабочих в Гренобле и Париже, в 1834 г. знаменитое пятидневное лионское восстание под лозунгом „жить работая или умереть сражаясь“, нашедшее отклики в Сент-Эгьене, Вьенне, Гренобле, Клермоне, Оксерре, Пуатье, Люневилле и Париже [1]).

В области государственной политики экономически-хищнический режим выразился в целом ряде анти-демократических законов и мероприятий, которые имели одну определенную и нескрываемую цель: сохранить политическую монополию правящей крупно-буржуазной олигархии. Нам уже известно [2]), что конституция 1831 г.— это видоизменение хартии Людовика XVIII — сделала „законной страной“ (pays légal) только крупную буржуазию, обделив избирательными правами не только пролетариат, но и крестьянство, и мелкую и среднюю буржуазию городов. И когда демократия требовала всеобщего избирательного права, Гизо лицемерно отвечал: „обогащайтесь“, — и вы все получите избирательные права, как будто при капитализме это всеобщее обогащение представляется возможным. Конечно, это лицемерие никого не обманывало и не могло обмануть, и Франция покрылась сетью тайных революционных обществ. Таковы были общества „Друзей народа“, „Прав человека“, „Четырех времен года“ и пр. Лионское восстание рабочих в 1831 г. указало буржуазным революционерам-республиканцам на необходимость союза с пролетариатом как главной активной революционной силой,—и вот в 1832 г. во время процесса общества „Друзей народа“, обвиняемого в нарушении закона о собраниях, один из вождей общества Кавеньяк заявил, что оно стремится к организации труда и уничтожению капиталистической эксплоатации, причем, однако, не отвергает частной соб-

[1]) *Louis Blanc*, Historie des dix ans; *Поль Луи*, Ист. социализма во Франции; *Гримм*, Революция 1848 г. во Франции, ч. I.

[2]) См. „Рус. ист. в ср.-ист. осв.“. т. VIII.

ственности, а только имеет в виду ее более равномерное распределение. Общество „Прав человека“ пошло еще дальше: оно стояло за ограничение собственности, организацию труда, прогрессивный подоходный налог, демократическую конституцию и европейскую демократическую федерацию. Общество „Четырех времен года“ еще более пропиталось социалистическими тенденциями и в мае 1839 г. подняло восстание в Париже под руководством Барбеса и Бланки [1]). В течение всего царствования Луи-Филиппа на его жизнь было произведено 14 покушений. Существуя в такой напряженной, заряженной атмосфере, правительство июльской монархии старалось всеми мерами заткнуть все щели, сквозь которые могло пробиться настроение пролетариата и буржуазной демократии. Преступления печати были изъяты из ведения суда присяжных и переданы в верховный суд, т.-е. в палату пэров—непоколебимый устой существующего режима. Запрещено было под угрозой штрафа до 50 тысяч франков восхваление каких-либо государственных форм, кроме тех, которые существовали тогда во Франции, и критика частной собственности. Нарушения законов об обществах и собраниях переданы были из суда присяжных в суд исправительной полиции [2]). Все перемены во внутренней государственной жизни Франции сводились к борьбе двух парламентских крупнобуржуазных групп — левого центра во главе с Тьером, отстаивавшего парламентаризм, зависимость министерства от большинства палат, и правого центра, который под руководством Гизо стоял за сохранение конституционной монархии с разделением властей, т.-е. за зависимость министерства от усмотрения короля. То была маленькая, ничтожная распря внутри самой крупной буржуазии, ничего не дававшая демократии, да и она к 1840 г. кончилась полной победой правого центра и Гизо, который с тех пор и оставался бессменно у власти. Династическая оппозиция во главе с Одилоном Барро потеряла всякое значение. Республиканцев было всего несколько человек в палате; во главе их стоял Гарнье-Пажес.

---

[1]) *Гримм*, Революция 1848 г. во Франции, ч. I, стр. 105—106.

[2]) Там же.

II.

Духовная культура 30-х и 40-х годов.

Политическими идеологами июльской крупно-буржуазной монархии были доктринеры с их вождем и политическим представителем – Гизо. Французские доктринеры — то же, что Берк в Англии, представители исторической школы в Германии (Савиньи, Нибур и пр.) и наши славянофилы: они были консерваторами, стояли за существующие социальные отношения и политический строй, отстаивали монархию с конституцией, но без парламентаризма, избирательное право считали неотъемлемой монополией только крупной буржуазии, единственно способной к власти с их точки зрения, потому что она обеспечена собственностью. И личные свойства Гизо как нельзя лучше соответствовали этой идеологии и политической системе. По книге его дочери, Гизо отличался глубокой религиозностью, упорством, фанатической верой в свои убеждения и вытекавшими отсюда пренебрежением к чужим взглядам, надменностью и самоуверенностью. Гизо был женат два раза, но в его отношениях к обеим женам не было и следа чего-либо романического,—он испытывал к ним только дружбу. Природы Гизо не любил [1]). При всем том, однако, Гизо, как и Тьерри и Минье, является как историк представителем нового научного направления: он, подобно Тьерри и Минье, считал основой нравов и учреждений гражданский быт людей, их имущественные отношения [2]). Буржуазия - победительница реально, научно взглянула

---

[1]) *M-me de Vitt,* M-r Guizot dans sa famille et avec ses amis. P. 1880 г.

[2]) *Бельтов.* К вопросу о разв. монист. взгляда на историю.

в это время на общественную жизнь и силы, в ней действующие. В этом отношении характерным ее представителем в истории был также Токвиль, положивший начало научному изучению истории великой фрацузской революции своей книгой „Старый порядок и революция“.

В художественной литературе представителем крупной буржуазии являлся Казимир Делавинь, начавший классицизмом, а потом ставший литературным эклектиком, застывший где-то на переходном состоянии от классицизма к романтизму [1]). Таким же эклектиком в философии был Виктор Кузен, пытавшийся из разных метафизических учений составить философскую систему, которая укрепляла бы существующий строй. Важной для будущего стороной его деятельности было то, что он в своих лекциях ознакомил французскую интеллигенцию с немецкой философией.

Но и французский, как и английский, хищнический капитализм должен был переродиться в капитализм культурный. И вот в средней и мелкой буржуазии, в интеллигенции, в рабочем классе зарождается во Франции 30-х и 40-х годов целый ряд новых культурных течений, в основе которых лежит протест против хищничества, олигархии, грубого господства капитала. Можно наблюдать различные ступени перерождения представителей старой идеологии и психологии в новую. Уже у Гизо, Тьерри, Токвиля мы это видели отчасти. Весьма характерны в этом отношении два талантливых писателя—Бальзак и Стендаль.

По своим сознательным убеждениям и симпатиям они тяготели к старому порядку, в лучшем случае к наполеоновскому режиму. И тем не менее они были объективно новаторами, предшественниками грядущего культурно-буржуазного натурализма, пытавшегося точно изобразить действитлеьность в художественных образах. Бальзак, как легитимист, ненавидел буржуазию и благодаря своему творческому таланту, наблюдательности, чутью действительности, способности психологического анализа стал ее обличительным бытописателем. Первый из лучших его

---

[1]) *Лансон*, Ист. франц. литер. XIX в., стр. 129, 130; *Брандес*, Литература XIX в. в ее главных течениях. Франц. литература, стр. 98.

романов „Шагреневая кожа“, создавший ему известность, вышел в 1831 году; это—обличение буржуазного общества поклоняющегося успеху, силе и деньгам. Роман „Женщина 30-ти лет“—чуждый всякой идеализации психо-физиологический анализ, „Евгения Гранде“ — обличение алчности и скупости провинциальный буржуазии, „Отец Горио“ — изображение того, как пошлость парижской жизни затягивает молодого человека [1]). Роман „Крестьяне“ обличает крестьянство и идеализирует бонапартистскую буржуазию.

Из Стендаля, действительная фамилия которого была Бэйль, родители хотели сделать католика и роялиста, а вышел бонапартист и свободный мыслитель, атеист, участник походов Наполеона, любитель приключений, самолюбивый и гордый, видевший все счастье в смелых поступках и страстях [2]), совершенно лишенный нравственного чувства, Стендаль ни во что не верил, кроме энергии и силы, и считал справедливым, что мир управляется сильными и презирающими все в жизни людьми. В Жюльене Сореле, герое своего романа „Красное и Черное“, Стендаль воплотил характерные черты своих современников—честолюбие, силу воли и ненависти при полном отсутствии нравственного чутья [3]). Цель Жюльена сделать карьеру, идеал—Наполеон. Он хочет быть священником, потому что это положение дает власть. Испытывает ненависть к аристократии. Соблазнив г-жу де-Реналь, „он исполнил свой долг и долг *геройский*“. Увлекая мадемаузель де-ла Моль, он поставил себе целью „заставить ее бояться его“. При победе „радость его вызывалась скорее гордостью, чем любовью“. Таков же, как Жюльен Сорель, Фабричио, главный герой другого романа Стендаля „La Chartreuse de Parme“. Изображая в сущности себя самого, будучи в высшей степени субъективным писателем, Стендаль, типичный сын своего времени, дал художественное воплощение хищнической буржуазии, совершенно реалистическое с точки зрения литературной техники. От практиков

---

[1]) *Брандес*, Фр. литер., стр. 157—179; *Лансон*, Ист. фр. лит., XIX в., стр. 144—147.

[2]) *Брандес*, Фран литер., стр. 200—215.

[3]) *Фаге*, Политики и моралисты XIX века, т. III.

буржуазного хищничества Стендаля отличал тонкий эстетический вкус и способность художественного творчества, а натурализм это творчества—последствие того, что и сам Стендаль был практиком - хищником и изображал свои собственные, субъективные чувства и настроения, ярко окрашенные в то настроение эгоистического индивидуализма, которое было характерно для господ положения во Франции 30-х и 40-х годов.

Со Стендалем генетически связан Мериме: и он отчасти эгоистический индивидуалист и натуралист, но его индивидуализм становится уже более культурным, а к натурализму примешивается романтизм. Мериме является поэтому переходной ступенью, выражает собою промежуточный момент перерождения хищнической буржуазии в культурную. Мериме свойствен был не только критический скептический ум, но и горячее сердце [1]). Кроме основного романтического настроения—повышенной чувствительности, исканий нового, Мериме дал и одно из технических приобретений романтизма—местный колорит, изображение людей в конкретной обстановке места, времени и национальности. Лучшими его произведениями были драма „Хроника Карла IX“, „Коломба“, „Таманго“, „Маттео Фальконе“ и „Кармен“ [2]).

Полным, наиболее ярким и самым талантливым представителем французского романтизма был Мюссе. Другими виднейшими представителями романтизма были Гюго, его инициатор и доктринер, и Жорж - Занд, творчество которой испытало, впрочем, длинную, и весьма характерную эволюцию, указывающую уже на переход части французской интеллигенции к социалистическим идеалам.

Виктор Гюго не раз менял свои политические убеждения, постепенно левея вплоть до того времени, как стал буржуазно-демократическим республиканцем, но, как писатель, он во все течение своей долгой жизни и деятельности оставался верен себе. В предисловии к первой своей романтической драме „Кромвель“ Гюго теоретически развернул знамя борьбы против классицизма за романтизм—за воспроизведение жизни, местный

---

[1]) *Брандес*, Франц. литер., стр. 236—237.
[2]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XIX век, стр. 154—155

11

колорит, историческую правду, хотя его драмы и романы и были в сущности далеки от реальности, отражали жизнь с огромными преувеличениями, с эффектами и антитезами. Во время первого представления „Эрнани"— этого французского Карла Моора, разбойника - протестанта против существующего строя, между сторонниками старого и нового литературного направления произошло в театре бурное столкновение. В романе новое литературное направление, проникнутое демократическими стремлениями, Гюго выразил не менее ярко: он дал „Собор Парижской Богоматери", „Несчастных" и „93 й год". Наконец, в лирике то же проводилось в его сборниках стихов „Les orientales", куда помимо восточного колорита введено изображение мучительного, безобразного, ужасного, „Осенние листья", где основной темой является семейное счастье, „Сумеречные песни", с их политическими темами [1]).

Альфред де-Мюссе чуждался политики, был певцом любви, печали и разочарования и тем не менее более, чем кто-либо другой, был властителем дум молодежи того времени. Это потому, что его поэзия будила живые, свежие, новые чувства. Недаром Тэн, вспоминая свою молодость, говорил о Мюссе: „он говорил то, что чувствовал, и говорил так, как чувствовал. Он был больше, чем поэт, он был человек. Каждый из нас находил у него отголосок своих самых сокровенных, самых неуловимых чувств. Он увлекался, любил, у него были лучшие наши качества—великодушие и искренность. У него была юность".

Мюссе (1810 — 1857) наследовал от своей матери живое и страстное воображение, повышенную нервную впечатлительность—наследие эпохи великой революции. И это-то наследие столкнулось с общественными условиями эпохи реставрации и июльской монархии, оторвавшими молодежь от дела и жизни. Отсюда и вышли тоска, разочарование и вместе с тем неудержимые порывы.

Первым произведением Мюссе были „Испанские и итальянские сказки". Тут много чувственности, распущенности, воспеваются любовные измены и обманы, но есть и подлинная страсть, глубокая ирония, насмешка,

---

[1]) *Брандес*, стр. 20 след., 83—89; *Лансон*, стр. 136—137

чарующее бесстыдство шаловливой музы, неимоверная интенсивность жизненности, бурно-пенящаяся молодость, искренность радостей и страданий, признание своих слабостей и ошибок. О женщинах Мюссе говорил со страстью, ненавистью, озлоблением и безумием [1]).

В „La coupe et les lèvres" („Кубок и уста") Мюссе рассказывает историю человека, тронутого развратом в первой молодости и жаждущего чистой и великой любви, но не могущего ее достигнуть вследствие влияния ранней развращенности. Это произведение в свое время сильно ударило по сердцам.

Но особенно замечательны произведения, созданные Мюссе под влиянием его любви к Жорж-Занд, начавшейся с 1833 года. Первый период этой любви со сменами настроений—то безграничной любви, то болезненной подозрительности—описан Мюссе в его „Исповеди сына века". Жорж-Занд в сущности только уступила его любви, а относилась к нему, как мать к сыну. Они были разные натуры: у Жорж-Занд было много положительности; она думала об устройстве своих житейских, практических дел, работала регулярно определенное число часов в день; Мюссе любил излишества, разгул и беспорядок [2]). По всем этим причинам связь была непрочна, и в Венеции, куда они уехали вместе, Жорж-Занд во время болезни Мюссе сменила его на красивого, но очень прозаического и ординарного итальянского доктора Паджелло. Мюссе сначала попробовал жить с ними вместе, как друг, но потом не выдержал и уехал в Париж. Затем туда же приехала и Жорж-Занд с Паджелло, который скоро почувствовал себя там совершенно лишним и уехал домой. После этого Мюссе и Жорж-Занд еще два раза сходились и расходились, пока, наконец, 7 марта 1835 г. не разорвали окончательно. С тех пор до конца своей жизни Мюссе старался потопить свою тоску в вине и разврате. Но и расставшись с Жорж-Занд, Мюссе не чувствовал к ней злобы, не обвинял ее ни в чем. Лишь после его смерти его брат Поль Мюссе написал пасквиль на Жорж-Занд под заглавием

---

[1]) *Брандес*, стр. 91—96.

[2]) *W. Karénine.* George-Sand. sa vie et ses oeuvres, P. 1899.

„Он и она“ („Lui et elle“), на что Жорж-Занд отвечала книгой „Она и он“ („Elle et lui“) [1]).

На почве этой любви и созданы были Мюссе лучшие его произведения—поэма „Rolla“ (1833 г.), „Четыре ночи“ (1835—37 г.г.) и стихотворение „Souvenir“ (1841 г.). В „Майской“ и „Декабрьской ночах“ основной мотив—грусть и душевная усталость после разрыва с страстнолюбимой женщиной. „Августовская ночь“—вдохновенный гимн любви. Содержание „Октябрьской ночи“ таково: он ждет неверную и, дождавшись, осыпает упреками. В „Souvenir“ выражено искреннее примирение и прощение; всякое глубокое, искреннее, горячее чувство прекрасно само по себе, несмотря на то, связаны ли с ним радости или печали.

Но и в других произведениях Мюссе видно могучее влияние его чувства к Жорж-Занд. Справедливо указывают [2]), например, что в героях „Причуд Марианны“ видны отражения чувств самого Мюссе: в Октаве—одна сторона Мюссе: верный, самоотверженный друг, в Целио—другая: страстный любовник, готовый умереть от несчастной любви. В „Исповеди сына века“, в романах „Эммелина“, „Фредерик и Бенеретта“ и „Сын Тициана“ видна идеализация любви и женщины под влиянием того же чувства к Жорж-Занд.

Мюссе был весьма оригинальным драматургом. В его пьесах, пьесах настроения, проникнутых тонкой психологией, любовь изображается как ужасающая сила [3]).

Жорж-Занд—Аврора Дюпен в девичестве и Дюдеван по мужу—была по отцу аристократического происхождения, но мать ее была актрисой мелкобуржуазного происхождения и очень свободных нравов. Воспитывалась она у бабушки — свободомыслящей, образованной и властной аристократки XVIII в. Аврора, однако, горячо любила мать, закрывая глаза на ее вульгарность и черствость. У бабушки в городе Ногане Аврора поглотила массу философских книг; любила неустрашимо мчаться по полям и лесам верхом в сопровождении аббата Де-

---

[1]) Там же.

[2]) *Брандес*, Литер. XIX в.; франц. литература, стр. 116—117.

[3]) Там же, стр. 120. См. вообще о Мюссе *Arvède Barine,* A. de Musset.

шартра, воспитывавшего ее как мальчика. В 1822 г., будучи 18-ти лет от роду, она вышла замуж за Дюдевана, грубого, малокультурного землевладельца, занимавшегося сельским хозяйством и женившегося на ней по расчету. Аврора любила его, старалась на него повлиять, но постоянные грубости, наконец, измены мужа повели в 1831 г. к разводу. В замужестве Аврора Дюдеван была хозяйкой, домоседкой, привыкла на всю жизнь вести регулярную работу. После развода она поселилась в Париже, стала заниматься литературой, носить мужской костюм и сделалась подругой писателя Жюля Сандо, от фамилии которого заимствовала и свой литературный псевдоним. Любовные приключения Жорж-Занд (напр., с Мериме) были нередко легкомысленны, связь с Мюссе, три раза возобновлявшаяся и кончившаяся разрывом, была несчастна, но в свои чувства она всегда вносила искренность и душевную красоту. Ей свойственны были ненасытная жажда жизни, светлый ум и железная воля. Под старость в ней возродилась любовь к семейному очагу и сельской жизни. Умерла Жорж-Занд в деревне в 1876 году.

Жорж-Занд была в высшей степени субъективной писательницей, ее романы справедливо называются лирическими. Она всегда была тенденциозна, в своих романах всегда имела в виду доказать какой-нибудь тезис. По ее мнению, люди скованы в жизни и свободны в душе; надо научить их разбивать оковы; нужна борьба, в которой личность побеждает, если она тверда в своем презрении к условностям. Именно в силу своей тенденциозности Жорж-Занд лучше всех других современных ей французских писателей выразила активность, боевой дух своего времени [1]).

Новейший биограф Жорж Занд [2]) старается доказать ее полную оригинальность и цельность ее творчества. Нет, конечно, сомнения, что Жорж-Занд искренне верила в то, что проповедывала в своих романах, передавала глубокие и всегда собственные свои убеждения. Это не исключало, однако, и влияния на нее других пи-

---

[1]) *W. Karénine*, George-Sand, sa vie et ses oeuvres.

[2]) Там же.

сателей и мыслителей, всей социальной среды, сильно менявшейся в течение ее продолжительной жизни и деятельности. Что касается цельности и единства взглядов и убеждений Жорж-Занд, то верно, разумеется, что в зародышах, в элементах ее позднейшие взгляды и тенденции имелись налицо с самого начала, но было бы большой натяжкой утверждать, что они с самого начала оказались вполне сложившимися, тем более господствующими. Таким образом, со всеми этими оговорками остается в силе общепринятое деление литературной деятельности Жорж-Занд на три периода. В первый период Жорж-Занд в особенности интересуют вопросы семейной жизни: здесь сказывается, конечно, неудача ее собственного брачного союза. В это именно время основными темами ее романов были свобода чувства, право женщины не подчиняться тирании семьи, право свободного выбора, пошлость буржуазной морали. Так, „Индиана" написана против мужского эгоизма, в „Лелии" выставлен идеал глубоко чувствующей, но не чувственной женщины, в „Лукреции Флориани" доказывается честность и целомудрие женщины, имеющей детей от трех разных отцов. Родственные этим вопросы ставятся и решаются также в романах „Жак" и „Леопра". В этот период для Жорж-Занд любовь—главное в жизни. Во второй период природная доброта Жорж-Занд вызвала ее сочувствие голодным и раздетым, и она вслед за Ламенне и Пьером Леру стала утопической социалисткой с религиозным оттенком. Это—сороковые годы XIX в., время появления в свет романов „Консуэло", „Мельник в Анжибо", „Грех г-на Антуана": тут—резкий протест против классовых противоречий и предрассудков, мечта о золотом веке, когда сольются все классы общества, причем это слияние изображается в романах в виде любви рабочего или крестьянина к барышне высшего круга. Наконец, третий период—народничество Жорж-Занд, идиллическое изображение ею деревенской, крестьянской жизни в конце 40-х годов: таковы „Чертово болото", „Маленькая Фадетта", „Франсуа ле Шампи" [1].

---

[1]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XIX век, стр. 139—141; *Брандес*, Литерат. XIX в.; франц. лит., стр. 129—153.

Говоря о романтизме, нельзя обойти молчанием его огромное влияние на критику Сент-Бёва. Когда Сент-Бёв выступил в литературе, он уже пережил юношескую религиозность, простился с нею и был чистым эмпириком, сенсуалистом, чувственной натурой, иногда, впрочем, горько и искренне раскаивавшейся в своих проступках. Он обладал тонким, гибким и любознательным умом, способным все понять, ставил себе задачей определить психические типы и установить их связь с социальной средой. В своих статьях о Гюго Сент-Бёв горячо высказался за романтизм, а в „Картине французской поэзии XVI в.“ связал романтизм с Ронсаром и Дюбелле. В „Port Royal“ он дал историю янсенизма. Здесь он был под влиянием Ламенне. С конца 30-х годов—в „Августовских мыслях“ Сент-Бёв переходит к сенсимонистам. Потом, при второй империи, он поддерживал принцессу Матильду—левых бонапартистов—и, наконец, перешел в оппозицию Наполеону III. Умер в 1869 г. Главные его критические труды, кроме вышеупомянутых,—„Causeries de lundi“ и „Nouveaux lundis“, где он и пытался главным образом понять развитие человека в связи с социальной средой. Меняя свои политические убеждения, Сент-Бёв был, однако, всегда искренен, и упреки в угодливости, иногда ему делаемые, совершенно несправедливы [1]).

Романтиком и народником, буржуазным демократом в истории был Мишле. Он исследовал первоисточники, но демократические симпатии и ненависть к королям и попам в связи с эмоциональным темпераментом сделали его в истории не столько исследователем, сколько идейным борцом за демократические идеалы [2]).

Романтизм ярко расцвел и в искусстве, особенно в живописи. Главными представителями романтической живописи во Франции были Жерико и особенно Делакруа. У Делакруа—гармония в красках, манера писать широкими мазками; краски у него отличаются свежестью и силой; он—великий колорист. Рисунок у него не резко

---

[1]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XIX век, стр. 180—183; *Брандес*, Литер. XIX в.; франц. литература, стр. 302—328.

[2]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XIX в., стр. 165—168.

обозначен, а проведен легкими линиями, как бы сливающимися с окружающей средой контурами. Делакруа первый дал впечатление предметов не изолированных, а связанных с окружающим их воздухом. По дневнику Делакруа, надо интерпретировать природу сообразно своему темпераменту. Лучшее произведение Делакруа. „Вступление крестоносцев в Константинополь“. Он писал также превосходные фрески, строго соблюдая согласие между своею работой и архитектурным типом здания, украшаемого фресками, и соответствие в красках, так что его фрески, как и фрески Джотто, являются органически-неразрывной частью архитектурного сооружения, составляют с последним одно художественное целое.

Представителем романтизма во французской скульптуре был Рюд.

Родствен романтизму, но с большим углублением художественной концепции и с высшей технической выработкой импрессионизм и плэнэризм—стремление преломить природу в личном впечатлении и дать открытый воздух, широту и глубину естественного простора и сияние света. Первыми провозвестниками этих новых художественных достижений были во Франции 30-х годов XIX в. так-называемые барбизонцы—группа художников, поселившихся в деревне Барбизон близ леса Фонтенебло и поставивших себе задачей строгое и тщательное изучение природы и яркое ее выражение в живописи, пропущенное сквозь призму личного впечатления и настроения. К числу барбизонцев принадлежали Руссо, Диаз, Дюпре, Добиньи, Франсе, Труайон. К ним скоро примкнул гениальный Коро, который нашел то, что французы называют les valeurs, т.-е. соотношение между интенсивностью красок и их оттенков, благодаря которому получается впечатление полного, ослепительного солнечного света. Пейзажи Коро с первого взгляда кажутся серыми, но потом получается впечатление света и простора. Коро писал также и портреты в стиле импрессионизма.

В сороковых годах к барбизонцам примкнул другой гениальный художник Франсуа Милле (1814—1875). Он боролся с искусственностью и условностью в живописи,

исходя из двух принципов: 1) „нужна правда и простота, прошедшие через глаз и сердце художника“, 2) он хотел, чтобы изображаемые им существа были органически связаны с тем положением, в котором они находятся, т.-е. с их социальной средой и обстановкой. Соответственно этому Милле производит упрощение, устранение всего нехарактерного. Образец его живописи—картина „Вечерний звон (Angelus)“: крестьянин с женой копали в поле картофель и услышали вечерний звон; они прекратили работу и молятся; превосходно изображено поле осенью, масса воздуха, света, простора; вся картина дышит поэзией природы, земледельческого труда и наивной веры и дает типическое изображение французского крестьянства.

Романтизм таким образом через посредство импрессионизма и первых провозвестников импрессионистского реализма привел к серьезному, углубленному изучению природы и вообще действительности. С этим в связи находится развитие французской науки—математики и естествознания в 30-х и 40-х годах XIX в. В математике этого времени особенно замечательны Клэро с его исследованием кривых двойной кривизны и интегрированием дифференциальных уравнений первого порядка, и Фурнье, много сделавший для связи математики с естествознанием [1]). В естествознании замечательны попытки установить теорию развития разновидностей и видов в биологии. Во Франции еще в XVIII в. Бюффон доказывал изменчивость видов в зависимости от физических условий. В 1830 г. произошел знаменитый спор Кювье, сторонника мнения, что все существующие виды—первозданные, и новых видов не образуется, и Жоффруа Сент-Илера, полагавшего, что было большое количество первозданных форм, и что из них и образовались имеющиеся теперь виды. Ламарк пошел дальше и развил целую стройную теорию, по которой условия среды влияют на образ жизни животного, и уже в силу этого изменяются органы, особи и виды; первозданных видов нет: природа теперь, как и прежде, творит низшие ор-

---

[1]) *Шереметевский* в „Очерке истории математики“, приложенном к „Основам высш. мат.“ Лоренца.

ганизмы, которые путем постепенных изменений привели к образованию ныне существующих видов животных и растений [1]). Наконец, в 40-х годах за теорию развития растительного и животного мира высказались Ноден и Лекок [2]).

К сороковым же годам относится развитие положительной философии или позитивизма Огюста Конта.

Конт устранил с поля исследования вопросы метафизические: непознаваемое, недоступное опыту и наблюдению выходит из пределов научного исследования, потому что опыт и наблюдение—основы метода во всех науках, а философия есть не что иное, как обобщение выводов всех наук.

Полагая, что „идеи управляют миром", что „закон интеллектуального развития можно рассматривать как точную меру развития человечества", Конт, идя здесь по стопам Сен-Симона, установил закон трех стадий развития и общества и всех наук: первая стадия—теологическая, вторая—метафизическая, третья—научная или положительная.

Затем Конт дал классификацию наук. Он разделил их на теоретические, изучающие закономерность явлений, и практические или искусства, дающие возможность определенным образом действовать, так как изучение закономерности в теории дает возможность предвидения, откуда вытекает и целесообразное действие. Практические науки или искусства, значит, зависят от теоретических.

Теоретические науки делятся на абстрактные (общие) и конкретные (частные), так что каждой абстрактной науке соответствует конкретная, детально обрабатывающая факты и показывающая, как абстрактная общая закономерность, составляющая содержание абстрактных наук, выражается и подкрепляется конкретными фактами.

Абстрактные науки Конт расположил в таком порядке убывающей общности и возрастающей сложности изучаемых ими явлений: 1) астрономия, 2) физика, 3) химия, 4) социология. Эта классификация важна во многих

---

[1]) *Мензбир*, Введение в изучение зоологии, стр. 119—122.
[2]) *Вейсман*, Лекции по эволюционной теории, ч. I, стр. 52.

отношениях: во-первых, она показывает, как последовательно развивались сначала более общие и менее сложные науки, потом все менее общие и более сложные; во-вторых, она указывает на относительный уровень развития, достигнутый теперь разными науками: чем обще и проще данная наука, тем она развитее; в третьих, она подтверждает закон трех стадий: все науки через него прошли, и чем развитее наука, тем явственнее в ней господство положительной или научной стадии; в четвертых, эта классификация дает основу системы общего образования, которое должно быть построено на изучении общих выводов всех наук. Математику Конт считает методом и основанием всех наук. Затем Конт пытается дать философскую систему, общие выводы всех наук [1]).

Производственный капитализм, как мы видели, создал рабочее движение. Оно нуждалось в идейном обосновании. Часть интеллигенции, настроенная более или менее демократически, чувствующая себя пролетариатом умственного труда, страдавшая от эксплоатации со стороны капиталистов и возмущавшаяся несправедливостью и уродливостью капиталистических общественных отношений с их классовыми противоречиями, пошла в идейном обосновании рабочего движения по пути социализма и анархизма. Мы и должны теперь познакомиться с социалистическими и анархическими учениями во Франции 30-х и 40-х годов XIX века.

При изучении социалистических учений мы встречаемся с целым рядом выдающихся идеологов. Таковы Сен-Симон, Бланки, Фурье, Кабе, Базар, Анфантен, Консидеран, Пьер Леру, Луи Блан. Хронологическая последовательность их деятельности приблизительно соответствует тому порядку, в котором приведены нами эти имена. Но порядок изучения должен быть иной.

Великое потрясение, грандиозная буржуазно-демократическая революция, пережитая Францией в конце XVIII в., разбудила гений Сен-Симона, который многими сторонами своего учения вследствие гениальности своей опе-

---

[1]) *Comte*, Cours de la philosophie positive; *Льюис*, Философия наук Огюста Конта.

редил Бланки, Фурье и Кабе: учение Сен-Симона, окончательно систематизированное его учениками Базаром и Анфантеном, позднее, после многих увлечений бланкизмом и разочарований в нем принявшими сен-симонизм, не было уже в значительной мере утопическим социализмом,—в нем были ясно выражены некоторые элементы, зародыши социализма научного. Вот почему личный гений Сен-Симона дал ему возможность высказать свои идеи, но действенное, практическое значение, общественное влияние они приобрели только гораздо позднее—именно в 30-х и 40-х годах, когда с их пропагандой выступили Базар и Анфантен. Значит, о Сен-Симоне и сен-симонизме следует говорить после знакомства с Бланки, Фурье и Кабе.

Огюст Бланки был пламенным, горячо убежденным социалистом и непримиримым революционером. Участие в ряде восстаний и революций, десятилетия тюрьмы, неукротимая энергия революционного борца—все это достаточно характеризует Бланки. Конечно, правы те исследователи, которые утверждают, что Бланки не отрицал принципиально ни экономической подготовки революции, ни организации и сознательности пролетариата, как необходимых условий успешности и прочности революционного переворота. Но при всем том практически тактика Бланки выдвигала на первый план при всех условиях, даже тогда, когда капитализм был еще примитивен, и когда рабочие массы были неорганизованы и малосознательны, восстание и захват власти пролетариатом. Это и делало Бланки идеологом и вождем повстанчески-настроенной, наиболее революционной по темпераменту части французского рабочего класса. Восстание и захват власти рабочими—вот лозунг бланкизма, и на деле французские рабочие в значительной части ему следовали.

Практическое применение этого лозунга имело, однако, уже свою историю: рабочие восставали не раз и в великую революцию, и в 1830 г., и позднее, в эпоху июльской монархии, и восстания всегда кончались тем, что выгоды от них доставались буржуазии, рабочие же оставались у разбитого корыта. Естественно было искать и иного выхода, который, не требуя таких жертв, как восстание,

сопровождался бы в то же время большими, более плодотворными результатами. Отсюда и вышел утопический социализм.

Самым ярким из великих французских утопистов чистой воды был Шарль Фурье. Он родился в 1772 г. в Безансоне в семье мелкого торговца, имевшего свою лавку. Довольно рано, еще в детстве, он попал за прилавок, помогал отцу в его торговле. По смерти отца его маленькое состояние было потеряно, и Фурье стал зарабатывать себе средства к существованию трудом приказчика, скоро потом странствующего приказчика-комиссионера мануфактурного магазина в Маре, потом в Руане, под конец жизни в Париже Путешествия, связанные с его профессией, несомненно сильно расширили его умственный горизонт, содействовали его развитию и образованию. Будучи очень любознателен, Фурье многого достиг в этом отношении самообразованием: он был типичный самоучка. Профессию свою и вообще торговлю он ненавидел, но выполнял свои обязанности очень добросовестно. Всю жизнь он был беден, зарабатывал 1.000—1.500 франков в год, не более. Фурье навсегда остался холостяком, любившим точность, аккуратность, чистоту. Он был очень добр, много и хорошо, осмысленно помогал из своих скудных средств бедным. В личной жизни был большой чудак: любил кошек, цветы, военные оркестры, маневры, парады, где его прельщали порядок и размеренность движений; был робок, не любил детей с их шумом и беспорядком, ими производимым, отличался манией к симметрии, этикету, классификации, строго-регулированному порядку. Свои дни проводил по строго установленному плану. Отбывая в своей профессии только повинность, особенно тяжкую в грубо-хищнических условиях времени, когда в торговле принцип „не обманешь—не продашь“ имел еще очень много значения, Фурье, добросовестно относившийся к своим обязанностям и стремившийся не без успеха сделать дело, которому он вынужден был служить, более культурным, исключающим обман и грубую спекуляцию, не мог, однако, найти удовлетворения в этом деле. Он находил это удовлетворение только в своих писаниях, которым он регулярно посвящал определенное время ежедневно

после окончания своих обязательных занятий вечером или ранним утром, до службы. Фурье ясно сознавал все недостатки, дурные стороны, несправедливости капиталистического строя и испытывал неутолимую потребность найти средства к их устранению. Этому он и посвящал свои сочинения. За свою жизнь он написал 40 томов. Главными его сочинениями были „Теория четырех движений“ (1808 г.), „Трактат о домашней земледельческой ассоциации“ (1828 г.), „Новый промышленный мир“ (1829 г.) Фурье умер в 1837 году.

В учении Фурье прежде всего важна критика капиталистического общества и средств его преобразования, предлагаемых другими. Он прежде всего предостерегает от иллюзий, будто политика и политическая борьба могут уничтожить зло: политика не в силах устранить бедность, напротив, ее создает, порождая революции, тяжкие потрясения, не сопровождающиеся никакими серьезными результатами; свобода и равенство—химеры, пока не разрешен вопрос об уничтожении бедности. Современное обществознание не в силах дать решение вопроса: оно недостаточно. И политическая экономия то же: экономисты—рабы торговли и потому сторонники вредного принципа laissez faire. От современной цивилизации происходит великое и многообразное зло. Ею созданы огромные города, ажиотаж и гибель земледелия, с этим связанные. При помощи дефицитов и займов, их покрывающих, государство пожирает плоды будущего и является в настоящем банкротом. В сущности конфискациями оно нарушает собственность. Оно несправедливо к бедным: позволяет отдельным лицам награбить миллионы, а за ничтожную кражу, совершенную из нужды бедняком, грозит смертной казнью. Во имя меркантильных интересов оно ведет войны. Рабочие страдают от налогов, нездоровых условий производства, от нищеты и от зависти к богатым. Современное общество создает массу паразитов. Сюда относятся три четверти женщин в городах и половина в деревнях, так как они заняты домашним хозяйством; три четверти детей, три четверти прислуги, все военные и чиновники, половина промышленных рабочих, так как качество продуктов их труда низко; девять десятых купцов, две трети служащих по

транспорту, „софисты и легисты“, люди comme il faut—типичные лентяи, заключенные в тюрьмах. Много труда пропадает непроизводительно в земледелии, потому что каждый обрабатывает только свой особый, отдельный участок. Торговля — организованный обман, связана с банкротством, ажиотажем, ростовщичеством. И моральный режим современного общества никуда не годен: женщина—кухарка и проститутка; современный брак—зло; воспитание—ложно и вредно [1]).

Какие же средства могут повести к устранению всего этого зла? Только одно здесь важно, по Фурье: это—ассоциация, „обобществленная собственность“ („la copropriété sociétaire“). Она—панацея от всех зол [2]). Почему же именно?

Аргументация здесь у Фурье двоится: с одной стороны, она имеет философски-или религиозно-космологический характер, с другой—социально-практический. Фурье—верующий человек; он убежден, что бог устроил все в мире хорошо и целесообразно, что он—основа всего, что от него исходит притяжение, которое все приведет в порядок [3]). Это—с одной стороны. А с другой—цель человеческой жизни счастье, полное удовлетворение всех потребностей, для чего необходимо материальное богатство, все возможности которого даны богом или природой, но превратить возможности в действительность может только правильная организация человеческого труда. Основа человеческого общества—страсти и их притяжения. Нужно, чтобы все страсти функционировали нормально. Средство для этого—приспособление человеческим обществом к себе среды путем ассоциации. Существуют три основных страсти: жажда перемены и разнообразия, соперничество или соревнование и энтузиазм, увлечение. Все они находят себе целесообразное применение именно в ассоциации [4]).

На основании этого Фурье рисует план идеальной ассоциации—фаланги, которая будет жить в особом

---

[1]) *Fourier*, Le socialisme sociétaire. P. 1903—избранные соч. *Фурье* под ред. Bourgin, стр. 11—91; *Фурье*, Избранные сочинения, М. 1918, стр. 54—75.

[2]) *Fourier*, Le socialisme sociétaire, стр. 92—93.

[3]) *Фурье*, Избранные сочинения, стр. 26, 29.

[4]) Там же, стр. 36—37.

здании—фаланстере. Фаланга—общество в $1^1/_2$—2 тыс. человек. Она должна представлять собою ассоциацию самодовлеющую, всем своим потребностям удовлетворяющую целиком. В крайнем случае допустимо известное общение, обмен услуг и продуктов между отдельными фалангами. Частично насаждаемые фаланги будут множиться, так как их процветание докажет целесообразность ассоциации, и таким образом идеальный общественный порядок достигнет всеобщего распространения. Фурье превосходно понимал первостепенную важность организации производства и посвятил этой теме много внимания. Он настаивал на необходимости крупного производства и в сельском хозяйстве и в индустрии, на крайнем, высшем развитии разделения труда, на постоянной, по крайней мере, частой смене отрасли или рода труда каждым членом ассоциации. С этими целями установлены были в фаланге особые группы или серии для воспитания членов в труде, общественных страстях и отдельных специальностях [1]).

Что касается распределения и потребления, то Фурье здесь отрицал, стремился устранить казарменность, единый общий для всех шаблон. Каждый мог устраивать и обставлять свое помещение в фаланстере по личному вкусу, а распределяться продукты должны пропорционально между трудом, капиталом и талантом примерно так, что труду должно отдавать половину продукта, капиталу (пайщикам, давшим на фаланстер средства) $^1/_3$, а таланту $^1/_6$ [2]).

Управление фалангой должно состоять из шефов каждой серии фаланги, из особо уважаемых лиц, специально для того выбранных, и из главных акционеров [3]).

Рисуя свой план идеальной ассоциации, которая должна была дать счастье человечеству, Фурье думал, что осуществление этого плана не останется без влияния и на природу: между обществом и природой есть известная предустановленная гармония, и потому с пре-

---

[1]) *Fourier*, Le socialisme sociétaire, стр. 95—111; *Фурье*, Избран. соч., стр. 60—125.

[2]) *Фурье*, Избр. соч., стр. 126 и след.; *Fourier*, Le soc. sociétairo, стр. 115 и след.

[3]) *Fourier*, Le socialisme sociétatre, стр. 134.

образованием общества не только люди будут совершеннее и долголетнее—будут жить до 140 лет,—но и природа изменится: появятся новые виды животных и растений и т. д.

Фурье был так глубоко убежден в истинности и справедливости своего плана усовершенствования общества, что искренне верил в возможность убедить богатых людей, капиталистов в необходимости дать средства на осуществление его плана. Он даже печатал в газетах объявления, приглашавшие таких капиталистов для переговоров с ним в определенное время на его квартиру, и в назначенные сроки ждал аккуратно посетителей, но, конечно, их не дождался. Однако, уже около 1825 г. около него образовался кружок последователей, фурьеристское ядро из Консидерана, Мюирона, Годена, Клариссы Вигуре и др. В 1832 г. к Фурье примкнули некоторые сен-симонисты. Тогда же сделана была попытка основать первый фаланстер, кончившаяся, однако, неудачей. Позднее делались еще опыты в Алжире и Соединенных Штатах Америки, но все они неизменно кончались неудачей.

Несколько прочнее, как скоро увидим, были общины, основанные по плану другого великого французского утописта Кабе. Этьен Кабе родился в 1788 г. в Дижоне и был сыном сапожника. Он работал в мастерской отца, а с 12-летнего возраста учился у известного педагога Жаккато, который учил читать, писать и правильно говорить, не прибегая к обучению грамматике. Жаккато несомненно внушил своему ученику порывы вперед, искания лучшего. Затем Кабе попробовал было учиться медицине, но скоро сменил ее на право и по окончании курса в 1812 г. сделался адвокатом. Он был адвокатом по преимуществу бедноты, которую защищал бесплатно. Во время ста дней Кабе сделался одним из основателей буржуазно-патриотического общества для защиты независимости Франции от иностранцев и получил должность прокурора. Но Бурбоны лишили его этой должности. Он успешно защищал как адвокат многих обвиняемых по политическим делам, основал в Париже союз республиканцев-карбонариев, был там в верховном венте, участвовал в июльской революпии и после победы ее

получил от правительства Луи-Филиппа назначение прокурором Корсики. Он уничтожил в Корсике бандитизм и ввел суд присяжных. Но его республиканские убеждения повели к увольнению его от должности, и он в 1831 г. был выбран в палату депутатов, где примкнул к оппозиции. Он написал тогда с пропагандистскими целями „Историю июльской революции“ и основал в 1833 г. еженедельную газету „Populaire“. В ней он высказывался против восстаний, неудаче которых приписывал реакционную политику, но вместе с тем настолько в оппозиционном духе, что предан был суду, который приговорил его к двухлетнему тюремному заключению и потере политических прав на четыре года. По совету друзей он бежал заграницу и из Лондона руководил газетой „Populaire“ и издавал там брошюры против Гизо. В Лондоне, под влиянием чтения Томаса Мора, Кабе стал коммунистом и в 1840 г. выпустил сочинение „Путешествие в Икарию“, излагающее его социалистическое учение.

Икар, главный герой утопии Кабе,—ремесленник-колесник; его единственной страстью была любовь к человечеству. В свободное время он занимался философскими знаниями и убедился, что главное зло—от частной собственности, основной причины рабства так-называемых „свободных“ народов. Икар стоял за равенство: если мы, обращаясь к богу, называем его „отче наш“, то, очевидно, все мы – братья. Икар высказывался за организацию общин, за коммунизм и называл коммунистом Христа. За это его подвергали преследованиям. Вспыхнула успешная революция, Икар был выбран диктатором, издал манифест об общности имуществ и установил социалистический строй. Основы этого строя изложены в „Путешествии на остров Икарию“ [1]).

Икария делится на 100 приблизительно равных по пространству провинций. В середине каждой провинции находится город, и к нему тянут восемь деревень и ряд отдельных дворов, равномерно распределенных по территории. Города и деревни построены симметрически, по одной схеме. Одежда, жилище, пища, все точно опре-

---

[1]) *Lux*, „Etienne Cabet“, Stuttgart, 1894, стр. 71—97.

делено, для всякого *фиксировано*. Имущество, труд и пользование его результатами—общее. Работают все мужчины с 18-летнего возраста и все женщины с 17-ти лет. Мужчины с 65-ти лет и женщины с 50-ти могут не работать. Вознаграждение за труд всем равное [1]).

Все эти нормы живо напоминают нам типические старые построения утопического социализма, ничего оригинального тут у Кабе нет, во многом он пошел даже назад по сравнению с Фурье,—особенно в грубом схематизме и казарменности организации, которых Фурье избежал. Не было у Кабе и той резкой и верной критики капиталистического строя, какую дал Фурье. Но были у Кабе и оригинальные черты. Он один из первых понял, что для торжества социализма и его прочности необходимо высокое развитие производительных сил, машинной техники. В его Икарии действуют машины огромной силы, равные силе трех миллиардов человек. Поэтому и работать легко: работают летом 7, зимой 6 часов. Общиной организовано физическое и умственное воспитание, введена всеобщая милиция. Для заключения брака необходимо шестимесячное знакомство и взаимное изучение жениха и невесты [2]).

Другая особенность учения Кабе—демократический строй социалистической общины. В ней господствует и для мужчин и для женщин всеобщее избирательное право—активное и пассивное. Национальное законодательное собрание состоит из 2.000 депутатов, из которых половина ежегодно обновляется. Для более важных законов существует референдум. Во главе исполнительной власти стоит президент и 50 членов совета, половина которых меняется ежегодно. Имеется 100 провинциальных и 1.000 коммунальных должностных лиц. Функции всех этих административных и законодательных учреждений главным образом хозяйственные,—ведение общинного хозяйства [3]).

Наконец, третья оригинальная черта утопии Кабе—ее религиозная основа. Коммунизм Кабе основан на хри-

---

[1]) Там же, стр. 114—121.
[2]) Там же, стр. 121—135.
[3]) Там же, стр. 141—142.

стианстве, очищенном от суеверий. Христианство—основа икарийской социалистической общины [1]).

Участие в двух революциях—великой и июльской—и в восстаниях времен июльской монархии не дало почти ничего рабочему классу Франции. Поэтому на значительное его большинство бланкизм не имел влияния: это большинство, поскольку оно сознавало свое положение и искало из него выхода, изверилось в революционные средства и обратилось к средствам мирным, пропагандировавшимся утопическим социализмом Фурье и в особенности Кабе. Учение Кабе пользовалось даже большим успехом, чем фурьеризм: оно было ближе к мелкобуржуазной психологии, более по плечу многим французским пролетариям. Поэтому практические его результаты были более значительны, чем попытки применения фурьеризма. Икарийских общин в особенности в Америке было больше, чем фаланг и фаланстеров Фурье. Даже накануне февральской революции, за несколько месяцев до нее, в Америку отплыла большая группа рабочих и интеллигентов с целью основать там икарийскую общину. Но и икарийские общины, как и фурьеристские, неизменно терпели неудачу [2]).

Гораздо серьезнее и глубже ставил задачу коренного социального преобразования сен-симонизм.

Граф Анри де Сен-Симон родился 17 октября 1760 г. Он получил хорошее образование: отличные учителя, в числе которых был д'Аламбер, дали ему обширные знания и большое развитие. Рано, в 15 лет, у него возникла уверенность в великом своем назначении. 17-ти лет он стал офицером, участвовал в северо-американской войне против англичан и попал в плен. Но он не имел военного призвания, чувствовал, что создан для мирной деятельности. Сравнивая Америку с Францией, он ясно заметил преимущества первой над второй и встал на сторону свободы экономической и политической, которых Франция не имела. Во время революции Сен-Симон отказался от графского титула; потерял состояние, по-

---

[1]) Там же, стр. 155—158.

[2]) Ср. *Хилквит*, История социализма в Соединенных Штатах, Спб. 1908, стр. 73 и сл., 104 и сл.

лученное им от матери, и носился с планом основания организации, которая совмещала бы в себе хозяйственное предприятие и научную школу для улучшения жребия человечества, но попал в число подозрительных и в эпоху террора сидел в тюрьме в течение одного года. При директории он восстановил свое состояние земельными спекуляциями и щедро его расточал, давая блестящие праздники, собирая вокруг себя массу людей, имея в виду всегда общественные цели—преобразование общества, благо и счастье человечества. Уже в 1802 г. он издал первое свое сочинение „Письма женевца", где высказывался за организацию общества на основе науки; он различал здесь три класса общества: во-первых, ученых и художников, во-вторых, имущих, в третьих, массу; социальную организацию он строил тогда на основе духовной власти ученых и художников и светской власти имущих. Тогда же он женился на дочери своего друга, но неудачно,—супруги разошлись через 10 месяцев после свадьбы. С.-Симон влюбился в г-жу Сталь, но не встретил с ее стороны сочувствия.

Постоянная погоня за недававшимся планом сразу облагодетельствовать человечество и широкая жизнь сделали Сен-Симона совершенным бедняком, ввергли его в крайнюю нужду. Единственным его другом был в это время его бывший слуга, который приютил его, кормил и даже давал средства на издание его сочинений. Справился Сен-Симон с нуждой только после 1814 г. Умер Сен-Симон в 1824 г.[1]).

Сен-Симон был гениальный мыслитель. Его кипучая, вечно беспокойная мысль охватывала и философские проблемы, и социологию, и практические общественные, социальные задачи. И во всех этих отношениях он является уже не чистым утопистом, а во многом предшественником научного социализма.

В своих работах „Введение в научные работы XIX века" (1808 г.) и „Эскиз новой энциклопедии или введение в философию XIX века" Сен-Симон резко высказался против метафизиков, у которых вместо вещей слова, вместо фактов принципы, и объявил, что философия—

[1]) *Muckle*, Henri de Saint-Simon, Jena 1908, стр. 25—47, 115

та же наука, только наука высшего ранга, обобщение всех наук. В этой положительной, научной философии он видел могучее средство организации общества[1]). Без сомнения, в этом отношении Сен-Симон является предшественником Конта.

Еще важнее другая сторона трудов Сен-Симона—социологическая. Здесь он оказывается предшественником не только Конта, но и Маркса. Он изгнал метафизические и религиозные понятия из социологии и, стремясь построить ее научно, понял, что здесь нужен ориентирующий принцип, определяющий направление общественных сил. При этом сначала он таким ориентирующим принципом считал интеллектуальное развитие, из которого выводил и религию, и мораль, и политику, и на котором строил всю историю человечества, начиная от первобытных времен, и определил те три стадии умственного развития—теологическую, метафизическую и научную,—которые потом вслед за ним формулировал Конт. Но в сборнике „L'industrie", вышедшем в 1816 г., Сен-Симон уже признает первенствующее значение за экономическим фактором. Он понял, что в общественной жизни действует в сущности не отдельная личность, а коллектив, что человек—орудие, средство, что великие люди действуют в направлении, данном жизнью. В последних работах Сен-Симона базисом всего общественного развития является хозяйство, „закон собственности", откуда выводятся социальные отношения, и уже из социальной организации, как производное явление, возникает государство. Успехи индустрии Сен-Симон считал основным двигателем новой истории; индустриалы, приобретя общественную мощь, сделали с его точки зрения и положительную науку слугой своих целей; политические их успехи—следствие их успехов экономических. Сама французская революция произошла в интересах гражданской свободы и национальной индустрии. Конституция зависит от социальных условий; банкиры—высшие руководители индустриалов и потому диктуют свою волю правительству. На индустриальной

---

[1]) Там же, стр. 67, 69—70.

же, экономической основе происходит и развитие морали[1]).

На почве этих философских и социологических предпосылок Сен-Симон строил и решение практических социальных задач времени, являясь и здесь предшественником научного социализма.

Исходным пунктом здесь была его знаменитая парабола, стоившая ему судебного процесса и сделавшая его знаменитостью. Она опубликована была им в 1819 г. в „L'Organisateur" и заключалась в заявлении, что если бы Франция потеряла сразу по 3.000 художников, ученых, промышленников, ремесленников и рабочих, то это была бы страшная потеря, а потеря всего дворянства, духовенства, высшей администрации, богатых землевладельцев не имела бы никакого значения[2]). Понятие „индустриалы" сначала толковалось Сен-Симоном очень широко: то были все прикосновенные к промышленности—предприниматели и рабочие одинаково[3]). Но в его сочинении „Du système industriel" классовые противоречия капиталистического общества—антагонизм интересов предпринимателей и рабочих—нашли себе полное и точное выражение[4]). Наука и индустриальная система, с точки зрения Сен-Симона, и разрешают социальный вопрос. Средство для этого—ассоциация. И собственность подлежит изменениям сообразно интересам общества. Частная собственность допустима лишь до тех пор, пока она удовлетворяет общей пользе. В интересах производства и производителей она может и должна быть изменена. Большинство нации должно соединиться в индустриальные ассоциации, которые связываются между собою экономически. Этим будут обеспечены интересы рабочего класса, и тогда именно, по Сен-Симону, сделан будет прыжок из царства необходимости в царство свободы[5]).

Лихорадочная деятельность, повороты судьбы, нужда, все сложные перипетии бурной жизни Сен-Симона не

---

[1]) Там же, стр. 71—80, 86 и след., 112, 139—140, 149—157, 199—203, 232; ср. „L'industrie", т. XIX, стр. 36—37.
[2]) *Muckle*, Henri de Saint-Simon, стр. 113.
[3]) Там же, стр. 183.
[4]) Там же, стр. 113—114.
[5]) Там же, стр. 215—219; L'Organisateur, т. XX, стр. 197.

дали ему надлежащим образом систематизировать свою работу, создать из нее стройное, законченное целое. Под конец жизни он, однако, пытался это сделать в своих сочинениях „Cathechisme des industriels“ и „Nouveau christianisme“. В „Новом христианстве“ Сен-Симон хотел обосновать не новую религию, а новую мораль, резюмирующую общие выводы всего его учения. Эта мораль, по его мысли,—евангелие труда [1]).

Дело систематизации работ Сен-Симона досталось его школе, главным образом, двум его ученикам—Базару и Анфантену.

Анфантен родился в 1798 году в Париже и в молодости занимался торговлей. Сен-симонистом он стал только по смерти Сен-Симона и сначала действовал в качестве ближайшего сотрудника Базара: вместе с Базаром он читал курс сен-симонистского учения, изданный в целом ряде томов под заглавием: „Сен-симонистская доктрина“ („La doctrine saint-simonienne“); Анфантену принадлежала та часть этого курса, которая посвящена была вопросу о положении женщины, специально его интересовавшему. Если не в теоретическом, то в практическом решении этого вопроса Анфантен разошелся с Базаром в 1831 году и поселился вместе со своими сторонниками и сторонницами в усадьбе Менильмонтан близ Парижа, теперь уже включенной в состав города. Анфантен стоял за реабилитацию плоти, вслед за Сен-Симоном настаивал на том, что все запросы физической природы человека, в противоположность христианскому средневековому аскетизму, должны быть удовлетворены полностью. Эту теорию, которая нашла себе законное место в сен-симонистской доктрине, Анфантен решил провести на практике в отношениях между мужчиной и женщиной и с этою целью устроил Менильмонтанскую общину. При этом он придал этой общине религиозные формы, формы сектантской общины, и сам стал играть в ней роль патриарха,—его и звали „отец Анфантен“. Базар и его последователи разошлись по вопросу о такой практике реабилитации плоти с Анфантеном, и в сен-симонизме таким образом произошел раскол. Кон-

---

[1]) *Muckles,* Henri de Saint-Simon, стр. 233, 243.

чилось дело Анфантена тем, что Менильмонтанская община и во главе ее он сам были привлечены к суду по обвинению в безнравственности. Анфантен и его два друга были приговорены к тюремному заключению на один год. Последователи Анфантена рассеялись, община распалась, и по выходе из тюрьмы Анфантен стал заниматься коммерческими делами, а потом поступил на службу в почтовое ведомство и умер в 1864 году.

Базар родился в 1791 году в Париже и в эпоху реставрации был членом революционного тайного общества карбонариев и играл там видную роль, был членом верховной венты. Он был сторонником восстания, принимал участие в одном бунте 1821 года, и только бегство заграницу избавило его от смертной казни, к которой он был приговорен заочно. С 1825 года Базар выступает как сен-симонист, и им прочитана была большая часть тех лекций, которые потом были изданы под названием „Сен-симонистская доктрина". В 1831 году он разошелся с Анфантеном, а в 1832 году умер.

Базару и принадлежит главная заслуга систематизации взглядов Сен-Симона — философских, социологических и практических. Базар формулировал и определение философии как синтеза научных взглядов и различение в социологии последовательной смены органических (реакционных) и критических (революционных) эпох, и, наконец, критику капиталистического общества и построение будущего строя. Особенно важно у Базара исследование экономических кризисов, классового государственного строя и дополнительные к воззрениям Сен-Симона замечания о том, что ассоциация не может быть установлена без вмешательства государства, т.-е. без захвата государственной власти рабочим классом. Базар подчеркнул также мнение Сен-Симона, что следует отменить законы о наследстве, и тогда социалистический строй будет осуществлен скоро [1]).

К числу сен-симонистов, отколовшихся вместе с Базаром от Анфантена, принадлежал Пьер Леру, до 1830 г. бывший либералом, а в 1831 году примкнувший к сен-

---

[1]) См. La doctrine saint-simonienne—все томы, кроме VIII, который написан Анфантеном.

симонистам. Он был автором трех главных сочинений, вышедших в 1838—1840 годах: „О равенстве", „Опровержение эклектизма" и „О человечестве".

Пьер Леру дал прежде всего блестящую критику существовавшего во Франции в эпоху июльской монархии строя. Он показал, что во Франции того времени царила плутократия, и что реально не большинство, а ничтожное меньшинство населения имело собственность: большая часть землевладельцев владела клочками земли величиной с носовой платок; еще ниже их стояли 4 миллиона нищих, 4 миллиона неимущих и 4 миллиона наемных рабочих, не имевших никакой собственности— ни движимой, ни недвижимой. В результате, по Леру, „196 тысяч глав семейств образуют обширный торговый дом, обладающий капиталом, не поддающимся учету; он называется Францией. Этот дом ежегодно дает работу 34 миллионам служащих и рабочих—мужчинам, женщинам и детям. Плодом операций этого дома является минимум 9 миллиардов дохода, за вычетом семян и других издержек производства. Дом этот платит рабочим немного более 5 миллиардов заработной платы. Остается ему в виде чистой прибыли 3 миллиарда 800 миллионов"[1]).

В построении своей системы будущего общества Леру исходит из понятия о триаде, как основе всего существующего в мире. Бог — триада: он, во-первых, существо существ, во-вторых, дух любви, в третьих, всеобщий свет. Человек троичен: для него характерны, во-первых, ощущение, во вторых, чувство, в третьих, сознание. Троичен человек и как существо общественное: ощущению соответствует собственность, чувству—семья, сознанию—отечество. Из этих трех законных, естественных свойств современный капиталистический период сделал зло: из собственности он сделал собственника, из семьи—наследство, из отечества—подданного. Чтобы уничтожить это зло, надо собственность, семью и отечество направить для общения человека с ближними и вселенной. Для этого нужны свобода, братство и равенство, которые одни способны утвердить истинную соб-

---

[1]) *Поль Луи*, История социализма во Франции, стр. 119—120.

ственность, истинную семью и истинное отечество. И в этой последней триаде свобода соответствует ощущению, братство чувству, равенство сознанию. У всех людей есть все три свойства—ощущение, чувство и сознание, но не у всех в равной мере: у одних преобладают ощущения, у других чувства, у третьих сознание. Первые—промышленники, индустриалы, т.-е. предприниматели и рабочие, вторые художники, третьи ученые. Поэтому и организация труда и общества должна покоиться на триаде: в каждом предприятии необходима триада, соединение трех лиц с указанными выше различными свойствами. Этим трем общественным элементам, этой триаде и принадлежит капитал и средства производства, а результаты производства распределяются каждому по его способностям, труду и потребностям [1]).

Под влиянием Сен-Симона и сен-симонизма находился далее Бюшез, основатель кооперативного движения во Франции, придавший ему характер по преимуществу производительный, не потребительный. Недоразвитость французского промышленного капитализма давала некоторый простор мелким предприятиям, питала мелкобуржуазные иллюзии и тем содействовала распространению производительной кооперации.

Наконец, значительным влияниям во Франции 40-х годов XIX в. пользовался Луи Блан, автор „Истории десяти лет“, публицистического сочинения, давшего яркий классовый анализ режима июльской монархии, и „Организации труда“—работы, посвященной защите того способа решения социальной проблемы, который казался Луи Блану наиболее целесообразным, даже единственно целесообразным.

Луи Блан начинает свою „Организацию труда“ с критики конкуренции, господствующей в капиталистическом обществе. Он доказывает, что конкуренция вредна самой буржуазии не только тем, что истребляет мелких и средних предпринимателей, экспроприируя их в пользу крупных капиталистов, но и тем, что создает экономическую

---

[1]) *Сюдр*, История Коммунизма, стр. 378 — 419; цитируем эту старую работу, так как она верна и более полно, чем более новые, поредает содержание учения Пьера Леру, как показывает сравнение подлинных сочинений Леру с их изложением у Сюдра.

анархию и губит тем многих крупных предпринимателей. Трудящиеся массы еще более страдают от конкуренции: от нее происходят падение заработной платы, массовая безработица, нищета, а затем разрушение семьи, истощение и вымирание населения. „В таком обществе уже находится в зародыше гражданская война".

Единственным средством для устранения этого является уничтожение конкуренции посредством организации труда государством. „Правительство должно быть рассматриваемо как высший регулятор производства". Пролетариат, следовательно, должен захватить власть: „овладевайте властью, если не хотите, чтобы она раздавила вас"; „освобождение пролетариата—дело настолько сложное и затрагивает столько предубеждений и чужих интересов, что оно не может быть достигнуто частными усилиями и изолированными попытками".

Путь, каким государство победит конкуренцию и экономическую анархию,—та же конкуренция: правительство сделает заем, учредит на него национальные мастерские, и эти мастерские своей конкуренцией погубят частные капиталистические предприятия. Капиталисты, которые дадут денег на заем, получат на свой капитал определенный процент, но не участие в прибылях национальных мастерских. Параллельно победе национальных мастерских над частными капиталистическими предприятиями Луи Блан проектирует постепенное ограничение права наследования. В результате „эту столь необходимую революцию будет возможно и даже легко выполнить мирным способом" [1]). Луи Блан таким образом согласен с Бланки, что надо захватить власть, но он думает, что захват власти пролетариатом не должен сопровождаться социалистическим переворотом, отменой частной собственности на средства производства, а должен повести лишь к учреждению национальных мастерских и к постепенному ограничению права наследования, и тогда социалистический строй сам собою приложится.

Таковы были многочисленные и разнообразные социалистические искания во Франции 30-х и 40-х годов XIX в. В общем и целом они носили утопический харак-

---

[1]) *Louis Blanc,* L'organisation du travail.

тер: одни из них слишком много надежд возлагали на простой захват власти, другие слишком полагались на мирную пропаганду и напрасно верили в возможность частичного внедрения социалистических общин в капиталистическое общество и на поглощение последнего первыми путем их расширения, третьи, как Блан, пытались найти какой-то компромисс, и только четвертые, как Сен-Симон, дали некоторые зародыши, но именно только зародыши, элементы научного социализма. Причины всего этого понятны: они заключались не только в том, что французский капитализм в то время переживал период хищнического, элементарного своего развития, но и в том, что вообще развитие промышленного капитализма во Франции после кончившейся неудачей грандиозной схватки Наполеона I с английским капитализмом пошло медленно, было худосочно и малокровно. Великие бедствия, сопряженные с капитализмом, для трудящихся масс, диктовали необходимость подумать о выходе из создавшегося положения, но недоразвитость капитализма исключала возможность научно-социалистических построений. Понятно, почему именно веяние эпохи Наполеона, когда открывались перспективы более широкого и интенсивного развития производственного капитализма во Франции, создали почву для более передового, чем позднейшие, учения Сен-Симона.

Изложенными социалистическими учениями, однако, не исчерпывали в то время протест против капиталистического строя. Этот протест отлился еще в две важные и характерные формы—в форму анархизма Прудона и христианского социализма Ламенне.

Пьер Жозеф Прудон родился в Франшконте в 1809 г. и был сыном крестьянина. Его детство прошло в нужде. Он учился в коллеже в Безансоне, но курса не кончил, так как рано, с 12-ти лет, должен был зарабатывать хлеб, 22-х лет стал типографским рабочим и часто страдал от безработицы. Получив стипендию, он в 1838 г. занялся своим образованием, но затем опять впал в нужду и поступил на службу. Когда вспыхнула февральская революция, Прудон отнесся к ней критически и, называя национальное учредительное собрание пандемониумом контр-революционных сил, в то же время относился от-

рицательно и к июньскому восстанию рабочих. Он, однако, резко высказался в печати против президентства Луи Бонапарта, осужден был за это на три года тюрьмы и штраф в 3 тыс. фр., бежал в Бельгию, но, когда попытался проехать через Францию из Бельгии в Швейцарию, был арестован и отбыл тюремное заключение между 1849 и 1852 годами. Выйдя из тюрьмы, он много хлопотал об основании проектируемого им банка и убеждал Наполеона III встать во главе социального движения. Прудон умер в 1865 г. [1]). Главными сочинениями Прудона были: „Что такое собственность?“ (1840 г.), „Система экономических противоречий или философия нищеты“ (1846 г.), „Исповедь революционера“, „Общая идея революции в XIX в.“ и „О федеративном принципе“ (1852 г.).

Наиболее эффектным было изречение Прудона в первой его брошюре „Что такое собственность“, представлявшее собою ответ на поставленный в заглавии брошюры вопрос: ответ гласит, что „собственность есть кража“. Работа, по Прудону, должна вести к равенству собственности, потому что у работника естественное право собственности на произведенную им вещь. Заработная плата должна быть для всех равной, ни талант' ни капитал не должны вознаграждаться особо. Но собственность есть тоже власть, господство, а всякая власть— зло, нужна анархия, индивидуальная независимость и автономия личности, свобода есть равенство и анархия. Поэтому надо уничтожить собственность и сохранить только владение: право оккупации равно для всех и определяется для каждого числом оккупантов. Все должны получить равные средства производства [2]).

Указывая на ряд противоречий в существующем капиталистическом обществе, Прудон выступил с планом учреждения менового народного банка, основанного на мутуализме или взаимопомощи. Этот банк, устанавливающий взаимность услуг или безвозмездный кредит, должен был создать тем самым союз свободных рабочих

---

[1]) *Karl Diehl*, P. J. Proudhon, seine Lehre und sein Leben, III Abteilung, Jena, 1896, стр. 1—105.

[2]) Там же, I Abt., Jena, 1888, стр. 6—89.

ассоциаций—потребительных и производительных кооперативов, касс взаимопомощи, взаимного страхования и т. д. Этим банком Прудон надеялся примирить капитал и труд, буржуазию и пролетариат. После экономического переворота, который совершен будет этим банком, последует переворот политический: исчезнут всякая власть и правительство; место законов займут свободные договоры между отдельными хозяйственными группами. Из этих договоров групп и возникает их свободная федерация [1]).

Теория индивидуализма и мутуализма, взаимных услуг мелких групп, пришлась по вкусу и мелкой буржуазии и части рабочих, проникнутой мелкобуржуазными тенденциями и симпатиями, и Прудон имел значительное влияние во французском рабочем движении. Он, несомненно, проложил дорогу и для влияния Бакунина.

Христианский социализм Ламенне, конечно, является социализмом не в большей степени, чем известный уже нам английский христианский социализм Мориса, Кингсли и Карлейля. Но сам Ламенне интересен как чисто-этическая натура и как образец того перерождения, какому подвержены в капиталистическом мире лучшие люди среди дворянства, духовенства и буржуазии, имеющие моральные запросы. Ламенне родился в Бретани, в Сен-Мало в 1782 г. Отец его был богатый буржуа-судовладелец, получивший в 1788 г. дворянство. Он воспитывался в среде духовенства, аббатов, настроенных традиционно. Революция разорила семью Ламенне и только укрепила его в традиционных взглядах. Он принял монашество, стал аббатом. Он был сторонником ультрамонтанства, великого, неограниченного папского авторитета не только в церковных, религиозных, но и в светских делах. Наиболее ярко это выражено было Ламенне в его вышедшем в 1826 г. сочинении под заглавием „Религия, рассматриваемая в ее отношении к политическому и гражданскому строю“. Здесь он прямо объявил необходимым, чтобы светская власть папы распространилась на все католические страны, чтобы короли были лишь уполномоченными папской власти, а политические

---

[1]) Там же, II Abt., Jena 1890, стр. 18—108, 116—119.

и гражданские законы всех стран являлись конкретным приложением к жизни религиозных законов. Но уже в 1828 г. в книге „Успехи революции и борьба против церкви“ Ламенне ясно обнаруживает демократические тенденции: он начинает чувствовать, что церковь компрометируется ее связью со старым порядком, который вернуть уже нельзя, он боится, что буржуазия заставит церковь служить и своим интересам, и возвеличивает народ, „обновленный под воздействием лучше понятого христианства“; Ламенне проповедует тут связь церкви с народными массами и полную независимость церкви от государства.

Когда произошла июльская революция, Ламенне стал выпускать газету „Будущее“ („L'Avenir“), в которой развернул широкую демократическую программу, требовал свободы совести, отделения церкви от государства, свободы слова, собраний и союзов, расширения избирательного права и местного самоуправления. Но папа в энциклике „Mirari vos“ осудил свободу во всех ее проявлениях, и от Ламенне потребовали отречения от его взглядов. Он дал отречение лишь в том смысле, что отказывается от богословской полемики, но оставляет за собой свободу политической деятельности. По его собственным словам, он не хотел быть чуждым родине и человечеству. Фактически то был разрыв с католицизмом, и он был закреплен Ламенне книгой „Римские дела“, где было прямо заявлено, что католическая церковь не может долго просуществовать, так как во главе ее стоят папа и епископы с их заблуждениями. В книге „О прошлом и будущем народа“ Ламенне высказывается против капитализма, за частную собственность, но с тем, чтобы все были собственниками, чтобы трудящимся был открыт дешевый кредит под залог их рабочей силы; главным средством для достижения всего этого он объявлял морализацию имущих классов. В 1834 г. Ламенне издал „Слова верующего“—нечто вроде вдохновенного пророчества, защищающего его демократические взгляды. Он считал себя в это время уже вне католической церкви и остался равнодушен к папской энциклике „Singulari nos“, осуждавшей его „Слова верующего“. В это время, Ламенне сближается с Беранже и Жорж-Занд, редактирует респу-

бликанскую газету „Le Monde“ и выпускает ряд популярных поучений, обращенных к массам и излагающих его воззрения, под заглавием „Книга народа“. За памфлет против Тьера „Страна и правительство“ Ламенне был осужден на год тюрьмы и 2 тыс. франков штрафа и отбыл это наказание. В февральскую революцию Ламенне был выбран в члены учредительного собрания, был на стороне рабочих в июньские дни. Он умер в 1854 г., завещав похоронить себя как бедняка без памятника и без религиозного обряда [1]).

Мы видим таким образом, что духовная культура Франции 30-х и 40-х годов XIX века обнаруживала неизбежность перехода к культурному капитализму, устарелость и нежизненность тех условий хищнического капитализма, в каких жила Франция в то время.

---

[1]) *Spuller.* Lamennais; *Котляревский,* Ламенне; *Инсаров,* Ламенне и его время: „Мир Божий“ за 1901 г., янв. и февр.

III.

Переход к культурному капитализму в 50-х и 60-х годах XIX века.

Переход к культурному капитализму в Англии сопровождался, как мы видели, революционным движением рабочего класса и отчасти мелкой буржуазии—чартизмом. То же наблюдается во Франции: здесь произошла февральская революция 1848 года [1]).

Эта революция, подобно всем другим, началась на широкой социальной базе, была следствием коалиции средней и мелкой буржуазии и пролетариата против „законной страны" июльской монархии—крупной финансовой и промышленной буржуазии. События первого момента революции ярко выражают образование и господство такой широкой коалиции и вместе классовые интересы ее отдельных частей, из которых каждая по своему вступила в общий союз и сохраняла в нем свое лицо.

Основной вопрос, занимавший конституционные партии в палате депутатов конца июльской монархии, был вопрос о расширении избирательного права. Даже часть крупной буржуазии—левый центр, возглавляемый Тьером,—высказалась за это расширение и вошла по этому вопросу в союз с средней буржуазией—династической левой, вождем которой был Одилон Барро, и с республиканской левой, представлявшей мелкую буржуазию. Только более радикальная часть левой республиканской во главе с Ледрю-Ролленом и социалисты Луи Блан и Флокон (все эти три лица составляли редакцию газеты

---

[1]) Февральская революция изложена по *Эритье,* Ист. рев. 1848 г. во Фр.; 2 тома, *Гримму,* Рев. 1848 г. во Фр., *Полю Луи,* Ист. социализма во Фр. и особенно по *Марксу,* 18 брюмера Луи Бонапарта и Борьба классов в 1849 г.

„La Réforme“) были противниками соглашения республиканцев со средней и крупной буржуазией. Решено было составить петицию в пользу избирательной реформы и повести агитацию за реформу путем устройства банкетов. С начала июля 1847 г. до конца этого года было устроено 70 банкетов. В конце декабря 1847 г. открыты были палаты, и Луи-Филипп произнес тронную речь в том духе, что никакой реформы избирательного права не будет. Большинство палаты депутатов осталось верным правительству. Проект конституционного проведения избирательной реформы потерпел неудачу.

Умеренная оппозиция готова была считать вопрос исчерпанным и помириться с существующим порядком, но республиканцы не могли это сделать и на 19 января 1848 года назначили банкет в XII округе Парижа, уведомив об этом, как требовалось законом, префекта полиции. Но префект запретил банкет, не имея на то права. Это заставило по крайней мере династическую оппозицию Одилона Барро присоединиться к плану осуществления банкета. Умеренные повели переговоры с правительством и сговорились на таком компромиссе: банкет будет открыт, полицейский комиссар его распустит, Одилон Барро выразит в краткой и сдержанной форме протест и заявит, что он вызовет решение судом вопроса о незаконном роспуске банкета. Таким образом, если бы план умеренной оппозиции осуществился, получилась бы невинная мирная демонстрация,—не более.

Но он не осуществился и не мог осуществиться. Плутократический гнет режима июльской монархии был так невыносим для пролетариата и городской мелкой буржуазии, что уже начало банкетной кампании вызвало массовое возбуждение. Теперь, когда ясно стало, что все конституционные пути осуществления избирательной реформы были пресечены, мелкобуржуазные и пролетарские массы населения Парижа, в первую очередь рабочие и студенты, решили 22 февраля, в день, на который теперь назначен был банкет в XII округе, устроить грандиозную массовую демонстрацию. Тогда правительство отказалось от компромисса, префект полиции 21 февраля объявил печатно особым воззванием о запрещении банкета, а на утро 22 февраля на улицы с оружием в ру-

13*

ках выведена была национальная гвардия для противодействия массовой манифестации. После этого умеренная оппозиция постановила отложить банкет.

Но было уже поздно: пожар начался. У Пантеона собралось около тысячи рабочих и студентов и двинулись к церкви Мадлэн, на площадь Согласия, с криками „да здравствует реформа", „долой Гизо". У Бурбонского дворца, места заседания палаты депутатов, драгуны рассеяли их без кровопролития, но участники этого шествия по-одиночке проникли к церкви Мадлэн и соединились с собравшейся там толпой. Начались столкновения толпы с муниципальной полицией на площади Согласия. На авеню Елисейских полей толпа сожгла скамейки и полицейскую будку. Улицы св. Флорентена, Риволи, Дюфо, Сент-Оноре покрылись баррикадами. Национальная гвардия стала явно склоняться на сторону масс, только ее первый легион, состоявший из богатой буржуазии, остался на стороне правительства.

Утром 23 февраля баррикады покрыли все пространство города, ограниченное с севера бульварами, с юга набережной Сены, с востока Монмартром, с запада улицей Тампль. Национальная гвардия окончательно перешла на сторону восставшего народа. Луи-Филипп понял необходимость уступки, но пожертвовал лишь Гизо,— уволил его в отставку, в вопросе же о реформе не уступил ничего. Он поручил составление нового министерства графу Моле: это сводило на нет в сущности и отставку Гизо. Умеренная оппозиция, ободренная народным движением, решила не мириться на Моле и требовать министерства Одилона Барро—Тьера. Тем не менее отставка Гизо вызвала в Париже ликование и иллюминацию: то ведь была первая победа революции. И, конечно, на ней массы, в особенности рабочие, не могли остановиться. Из предместья Сент-Антуан большая толпа рабочих двинулась в центр с требованием реформы, но у министерства иностранных дел она была расстреляна солдатами: было 35 убитых, 47 раненых. Трупы убитых взвалили на телегу и повезли по бульварам. Весь город покрылся баррикадами. Король призвал Тьера вместо Моле, все еще упорствуя в вопросе о реформе. Но в ночь на 24 февраля восстание стало всеобщим, воздвигнута

была масса баррикад, и восставшие днем двинулись ко дворцу. Король сделал последнюю попытку привлечь на свою сторону национальную гвардию, но, потерпев неудачу, отрекся от престола в пользу графа Парижского и бежал. Восставшие заняли Тюльерийский дворец и сожгли престол. Предместья, руководимые Распайлем, требовали республики, и появилось временное правительство, по составу своему соответствовавшее той широкой базе, на какой проходил первый момент революции: тут были и придставители средней буржуазии—члены династической оппозиции, и мелкие буржуа—республиканцы и демократы во главе с Ледрю-Ролленом, и рабочие-социалисты, имевшие своими представителями Луи Блана и Альбера. Революция в начальный момент ее развития, действуя широким социальным фронтом, сокрушила плутократическую, крупнобуржуазную, хищнически-капиталистическую июльскую монархию.

Но как только победа была одержана, начался второй момент революции—самоопределение и расхождение социальных сил.

Самоопределение началось справа, со стороны побежденных и ближайших к ним социальных групп. На другой день после 24 февраля Кузен, встретившись с Ремюза, сказал: „пойдем, бросимся к ногам епископов, они одни могут нас спасти теперь“. Тьер и Одилон Барро—часть крупной и средняя буржуазия, бывшие перед революцией в оппозиции июльской монархии, протянули руку Монталамберу, открытому реакционеру-клерикалу. Но то был союз социальных групп, не представленных в правительстве, не получивших доступа к революционной власти. Социальное расслоение проникло, однако, и в группы, участвовавшие во временном правительстве. Классовые интересы подсказали буржуазии необходимость некоторых уступок рабочему классу—активнейшей силе революции—и вместе определили меру этих уступок, сделав их формальными, внешними и на деле фиктивными, мнимыми. Подчиняясь Луи Блану, правительство 27 февраля опубликовало следующую декларацию: „Временное правительство Французской республики обязуется обеспечить существование всякого рабочего трудом и доставить работу всем гражданам. Оно признает, что все ра-

бочие должны представлять собою союз, чтобы пользоваться благами своего собственного труда". Во исполнение этого обещания режим, возникший после февральской революции, был, по выражению Маркса, „республикой, окруженной социальными учреждениями". Главными из этих учреждений были два: Люксембургская комиссия и Национальные мастерские.

Толчком для учреждения Люксембургской комиссии были требования рабочих, собравшихся 28 февраля на Гревской площади: они потребовали тогда учреждения министерства труда и организации труда правительством. 29 февраля временное правительство учредило „Правительственную комиссию для рабочих со специальной задачей заниматься участью рабочих". Эта комиссия заседала в Люксембургском дворце под председательством Луи Блана и была, по его плану, организована следующим образом: каждая профессиональная группа рабочих выбирала трех делегатов, из которых один заседал в комиссии, а два других руководили общими собраниями группы для подготовки докладов в комиссию. Таким образом Люксембургская комиссия была фактически советом рабочих депутатов.

Чем занимался этот первый в истории совет рабочих депутатов?

Он не имел в виду диктатуры пролетариата, не оспаривал власти у временного правительства и учредительного собрания. Было, повидимому, ясно, что для осуществления этого, если бы кто-либо и мечтал об этом (Бланки, несомненно, мечтал),—пока не было возможности. Работы Люксембургской комиссии распадались по своему содержанию на две группы: к одной принадлежало осуществление ближайших, конкретных, практических задач, выдвигавшихся французским рабочим движением того времени, к другой—разработка общих планов решения рабочего вопроса.

Мероприятия, относящиеся к первой группе, сводились к следующему: во-первых, 3 марта 1848 г. сокращен был рабочий день в Париже до 10 часов, в провинции до 11-ти, и уничтожено посредничество подрядчиков при найме на работы; во-вторых, 24 марта с целью устранения конкуренции наемному труду отменены работы

в тюрьмах, и решено регулировать работы в монастырях; в третьих, 25 марта предложено городскому самоуправлению Парижа открыть биржу труда; в четвертых, 25 марта запрещены были злоупотребления при швейных работах в благотворительных учреждениях, где заработная плата была чрезвычайно низка; в пятых, комиссия своим авторитетом содействовала прекращению нескольких стачек—стачки рабочих по устройству и исправлению мостовых, стачки кондукторов в омнибусах, стачки булочников и т. д.; в шестых, наконец, устроены были производительные кооперативы портных, седельников и ткачей, не имевшие, однако, успеха.

Список практических мероприятий таким образом невелик. Он и не мог быть большим, хотя бы потому уже, что работа комиссии была непродолжительна: торжество контр-революции ее прекратило и уничтожило самую комиссию. Конечно, казалось бы, что улаживание конфликтов, ликвидация стачек — дело профессиональных союзов, а не совета рабочих депутатов, но профессиональных рабочих организаций во Франции того времени не было, да и вообще, как показывают наблюдения над революционной практикой, учреждения, подобные Люксембургской комиссии, не могут отказаться от решения подобных дел.

Что касается дел второй группы—выработки общих норм решения рабочего вопроса,—то здесь все сводилось к осуществлению планов, обоснованных и развитых Луи Бланом в его „Организации труда". Было постановлено, что должны быть учреждены в разных отраслях фабричной промышленности производственно-кооперативные товарищества рабочих, субсидируемые правительством; конкуренция их с частными фабричными предприятиями, как предполагалось, будет победоносной, и эти частные предприятия будут скупаться государством при помощи выпуска облигаций по их стоимости и передаваться рабочим производительным кооперативам; и прибыли этих производительных кооперативов должны были итти на покупку частных предприятий. Таким образом социалистическая индустрия должна была постепенно путем конкуренции поглотить индустрию частную, капиталистическую. В области торговли частных посредников,

купцов, должны были заменить особые конторы для обмена (ateliers d'echange). Затем и в земледелии необходимо насадить кооперацию: в каждом департаменте должна быть учреждена земледельческая колония из ста семейств, которые кооперативно, сообща вели бы земледельческое производство. Наконец, должны быть учреждены государственные земледельческий и коммерческий банки, к которым должны перейти все закладные бумаги в стране, и все налоги должны быть заменены единым прогрессивным подоходным налогом. Само собою разумеется, все эти предположения Люксембургской комиссии остались только на бумаге.

Такова была деятельность одного из учреждений, составлявших социальное окружение республики. Конечно, эта деятельность носила на себе яркую печать своего времени,—иначе и быть не могло. Но самое существование Люксембургской комиссии и то обстоятельство, что Луи Блан вынужден был отдавать ей почти все свое время и силы, входило в планы буржуазии, защищавшей свои интересы: с одной стороны, оно успокаивало на время рабочих, внушало им иллюзию, что для них что-то реально делается республикой, с другой—оно отвлекало Луи Блана от другого учреждения, которое, казалось бы, ближайшим образом было связано с его планом социальной реформы,—от национальных мастерских.

Что здесь был у буржуазии совершенно сознательный план,—это теперь не подлежит никакому сомнению. Луи Блан был занят в Люксембургской комиссии, ему некогда было заниматься учрежденными для парижских безработных национальными мастерскими. Притом же эти мастерские естественно относились к ведомству министра общественных работ, а им был противник планов Луи Блана Мари. Ему и подчинены были мастерские, а непосредственно во главе мастерских был поставлен Эмиль Тома, который потом в следственной комиссии по поводу июньских событий показывал, что он был в открытой вражде с Люксембургской комиссией и явно противодействовал влиянию Луи Блана, а в еще позднее выпущенной им книге о национальных мастерских сделал такое откровенное признание: „Мари

сказал мне, что правительство желает произвести этот опыт, что оно думает этим доказать всю пустоту и несостоятельность неприложимых к жизни теорий Луи Блана, что таким образом рабочие скоро разочаруются и, естественно, потеряют все свое обожание его, что Луи Блан потеряет тогда весь свой престиж и все свое влияние и станет совершенно безопасным". Таким образом руководителями мастерских были поставлены люди, прямо заинтересованные в провале мастерских, со специальным заданием этот провал осуществить. Не будучи нисколько последователем Луи Блана, не разделяя его убеждения в пригодности и целесообразности его плана, следует, однако, признать, что опыт организации национальных мастерских по его плану был бы интересен и поучителен во многих отношениях. В данном случае, однако, опыт, руководимый Мари и Тома, лишен был всякой поучительности: он был произведен не по плану Луи Блана, у которого было взято только название „национальные мастерские", предприятие же было устроено так, чтобы его крах был неминуем. Луи Блан предполагал произвести серьезный опыт, создать из мастерских серьезное, экономически - целесообразное предприятие, исполняющее хозяйственно-полезную работу, и притом поставить каждого рабочего на дело, которое составляет его специальность, его профессию. Мари и Тома не дали мастерским никакого серьезного, общественно - необходимого дела, не применяли труда рабочих по их специальностям, плату давали низкую и в середине марта еще ее сократили, работы давали мало: каждый работал только один день из четырех. Притом же экономический кризис в промышленности создал массу безработных, и потому число рабочих в мастерских непомерно росло: в начале марта их было 17 тыс., 21 марта уже 30 тыс., 9 апреля 49 тыс., 15 мая 100 тыс. человек. По плану Луи Блана мастерские должны были содержаться не на счет государства, а только с его субсидией и представлять собою предприятие, за которое рабочие несли бы сами экономическую ответственность, а Мари и Тома обратили их в пародию на благотворительное учреждение, хотели ими подать милостыню рабочим, всегда не достигающую цели и унизительную.

Но этого мало: крупная и средняя буржуазия, поскольку она была представлена во временном правительстве, поставила себе задачей дискредитировать республику, эту революционную государственную форму, и потому порвала с буржуазией мелкой, возглавляемой Ледрю-Ролленом. Целый ряд фактов ярко иллюстрирует этот разрыв.

Сюда прежде всего относится биржевая игра. Курс пятипроцентной государственной ренты, равный 23 февраля 116 франкам, упал после революции до 89-ти, трехпроцентная рента понизилась с 73-х до 56-ти фр., акции Французского банка упали с 3.200 до 2.400 фр.

Затем буржуазия стала брать свои вклады из сберегательных касс, менять бумажныя деньги и краткосрочные свидетельства казначейства на золото и прятать это золото.

Далее: временное правительство, вопреки возражениям Луи Блана и Ледрю-Роллена, ввело дополнительный к прямым налогам сбор в 45 сантимов и тем восстановило против республики массу крестьянского населения.

Целый ряд разногласий вызван был осуществлением выборов в учредительное собрание. Уже 6 марта 1848 г. готов был закон о выборах; собрание должно было состоять из 900 членов; пассивное и активное избирательное право принадлежало всем гражданам, начиная с 20-ти летнего возраста; депутаты должны были получать диэту в 25 фр. в сутки. Первое столкновение крупной и средней буржуазии, с одной стороны, и мелкой, с другой, произошло здесь из-за циркуляров министра внутренних дел Ледрю-Роллена, предлагавшего поддерживать на выборах кандидатуры старых, испытанных республиканцев и воспитывать избирателей в республиканских чувствах. Пресса крупной и средней буржуазии ополчилась по этому поводу против вождя мелкой буржуазии. Затем мелкая буржуазия и в особенности рабочие и социалисты—Люксембургская комиссия во главе с Луи Бланом, клубы во главе с Бланки—требовали отсрочки выборов в учредительное собрание, а крупная и средняя буржуазия торопились с выборами, не желая дать простор для агитации республиканцев и социали-

стов. Несмотря на все усилия оппозиции, выборы удалось отсрочить в конце-концов только до 23 апреля.

Разрыв между буржуазией и пролетариатом ярче всего был демонстрирован 16 апреля 1848 г., когда рабочие департамента Сены хотели осуществить манифестацию в пользу организации труда путем ассоциации, но правительство—и в том числе Ледрю-Роллен,—несмотря на возражения Луи Блана, воспрепятствовало этой манифестации, выведя на улицу 100 тыс. чел. национальной и подвижной наемной гвардии.

Все это завершилось поражением рабочих и социалистов на выборах в учредительное собрание. Крестьяне послали в собрание противников социализма: инстинкт собственников после приобретения земли в великую революцию сидел в них крепко. В собрание прошло до 200 явных монархистов и много скрытых. В Лилле же и Руане рабочие, потерпев поражение на выборах, подняли восстание, в Руане построены были 37 баррикад; восставшие были усмирены, и центральный комитет парижских клубов, во главе которого стоял Бланки, напрасно требовал суда над усмирителями. По верному определению Токвиля, учредительное собрание 1848 г. было „выбрано с решимостью на гражданскую войну".

Она и не заставила себя ждать. Весь этот второй момент в развитии февральской революции, характеризовавшийся, как мы видели, расхождением революционных сил, закончился первым открытым конфликтом, уличной борьбой 15 мая 1848 г. Поводом к этому послужил провал в учредительном собрании 10 мая предложения Луи Блана учредить министерство труда и прогресса. Тогда центральный комитет клубов (Бланки) устроил манифестацию 15 мая. По предложению Распайля, главным лозунгом этой манифестации было выбрано освобождение Польши и Италии; он надеялся таким способом оторвать мелкую буржуазию от крупной и средней. Но и городская мелкая буржуазия в значительной ее части и в особенности деревенская—крестьянство—были против войны и агрессивной внешней политики. Манифестация 15 мая была грандиозна: в ней участвовало 150 тыс. человек. Решено было или заставить учредительное собрание подчиниться требованиям

манифестантов, или, если это не удастся, разогнать его. Манифестанты проникли в собрание. Там Барбес и Бланки провозгласили требования не только защиты Польши, но и социалистических реформ и специального налога на богатых, а Гюбер объявил собрание распущенным и прочитал список членов нового временного правительства, где значились имена Луи Блана, Бланки, Барбеса, Распайля, Консидерана, Прудона, Леру и др. Но подвижная гвардия наемников и национальные гвардейцы из буржуазии разогнали манифестантов. Мелкая буржуазия окончательно порвала с пролетариатом. Вечером того же дня разогнанное было манифестантами собрание действовало снова. В нем произнесены были зловещие слова: „пора с этим покончить". А Гарнье-Пажес, представитель средней буржуазии, бросил лозунг, объединивший всю буржуазию: „нам нужна республика прочная, благопристойная и умеренная".

Прочность, благопристойность и умеренность чисто-буржуазной республики и начала себя после этого проявлять, подготовляя третий момент февральской революции — полный разгром изолированного, оставшегося одиноким пролетариата. Ламартин и Ледрю-Роллен, кумиры мелкой буржуазии, арестовали в городской думе Барбеса и Альбера, потом арестованы были Бланки и Распайль, закрыты были бланкистские клубы и их центральный комитет. В национальных мастерских, из числа рабочих, которых 14 тысяч участвовали в манифестации 15 мая, заработная плата за неактивные дни (четыре из каждых пяти) уменьшена была вдвое—до одного франка. 17 мая решено всех рабочих национальных мастерских в возрасте от 18-ти до 25 лет взять в армию, а если они туда не пойдут, выслать из Парижа. Наконец, национальные мастерские были закрыты. Этим был вызван окончательный, последний взрыв—восстание парижских рабочих 23, 24 и 25 июня, печальной памяти „июньские дни". Генерал Кавеньяк разбил рабочее восстание, пользуясь точно выработанным военно-тактическим планом. Более 3.200 чел. погибли в восстании, 14.200 чел., в том числе и Луи Блан, непричастный к восстанию, были арестованы. Начались ссылки. Закрыты были 32 газеты, введен залог в 24 тыс. фр. для газет, установлены суро-

вые кары за оскорбление национального учредительного собрания и исполнительной власти, за нападки на всеобщее избирательное право, на собственность и на семью. Правительству дано было право запрещать печатание судебных и парламентских отчетов. Буржуазия торжествовала, пролетариат был окончательно разбит.

Тогда начался четвертый момент—агония революции.

Первым важным событием этого момента были президентские выборы 10 декабря 1848 года. Известен их результат: если не считать ничтожного количества голосов рабочих, поданных за Распайля, то серьезных кандидатов было три: за Ледрю-Роллена голосовала часть городской мелкой буржуазии, за Кавеньяка часть буржуазии средней, но крестьянство, настроенное против социализма, революции и войны, крупная буржуазия, часть средней и мелкой, жаждавшие порядка и охраны собственности, дали победу Луи Бонапарту.

Вторым событием было крушение мелкобуржуазной республиканской левой—„горы", монтаньяров, как называлась она по старым якобинским традициям. Президент призвал к власти Одилона Барро, поставив его во главе министерства. Это значило, что Луи Бонапарт решил опереться на крупную и среднюю буржуазию и на крестьянство против городской мелкой буржуазии. Столкновение произошло по двум вопросам: по вопросу о закрытии всех клубов и о сокрушении Римской республики, руководимой Маццини, с возвращением папе светской власти в Церковной области. Напрасно гора во главе с Ледрю-Ролленом восставала против того и другого, напрасно Ледрю-Роллен требовал в законодательном собрании предания министерства суду, напрасно мелкая буржуазия устроила тридцатитысячную демонстрацию на бульварах, сопровождавшуюся схватками с войсками и рассеянную генералом Шангарнье,—крупная и средняя буржуазия победила, мелкая буржуазия потерпела наказание за разрыв с рабочим классом.

Но победители зарвались. Крупная буржуазия—„партия порядка"—возомнила себя господином положения и выразила свои тенденции в двух характерных для нее законах: в законе Фаллу 15 марта 1850 г. о народном

образовании и в отмене всеобщего избирательного права 31 мая 1850 г.

Еще при обсуждении проекта республиканской конституции 1848 г. Монталамбер произнес откровенную, яркую, характерную речь, знаменательную в смысле обнажения классовых интересов реакции в деле народного образования. „Не начальное образование необходимо народу", говорил он: „это образование увеличивает недовольство народных масс"; „единственное верное средство, которое может спасти общество от красного призрака, это католицизм, который учит воздержанию и уважению"; „по мере того, как во Франции будет ослабевать католицизм, будет ослабевать также собственность,—последняя еще скорее. Ее можно спасти, только распространяя эту веру, простую, полную и народную, которая в течение стольких столетий служила основой обществу"; „да, мы слишком долго старались о том, чтобы народ упустил из виду божественные объяснения земных страданий, неравенства условий жизни и труда, и вот теперь он не хочет больше соглашаться на эти неравенства. Мы научились, наконец, не ожидать больше своей доли в небесном блаженстве, и отсюда вытекает, что он требует счастья на земле и хочет быть счастлив, не забывайте вы этого, в ущерб нам" [1]).

Фаллу, легитимист и клерикал, министр народного просвещения при Луи Бонапарте, внес свой законопроект и провел его с помощью Монталамбера, Дюпанлу, Тьера. При обсуждении проекта Фаллу, Тьер произнес речь, соперничающую по своему откровенному цинизму с только-что цитированной речью Монталамбера. Он предвосхитил тут взгляды реакционеров других времен и народов, сказав между прочим: „народное образование не должно быть обязательно доступно для всех. Я скажу даже, что, по моему мнению, образование есть начало достатка, а достаток припасен не для всех"; „кто умеет читать и писать, тот избегает полевой работы". По закону Фаллу, вместо бывшего совета университета, был учрежден высший совет народного просвещения из 27-ми человек: 4-х епископов, трех представителей некатолических веро-

---

[1]) *Montalembert*, Discours, т. III, P. 1866, стр. 80, 89, 90, 92.

исповеданий, трех представителей частных школ, по три представителя от государственного совета, суда и института и из 8 представителей университета; учреждено было 86 учебных округов (по числу департаментов), в каждом из которых во главе управления стоял ректор, не всегда принадлежавший к числу членов университета, и академический совет, состоявший из префекта департамента, прокурора, епископа, одного католического священника и представителей других вероисповеданий; закон различал два рода школ—общественные и свободные или частные, которыми и воспользовалось духовенство для захвата в свои руки начального народного образования. Священники „морально руководили" всеми школами. Учителями могли быть или светские люди со специальной подготовкой или священники и монахини. И средние частные школы получили такое же положение.

Обеспечив таким образом законом 15 марта 1850 г. реакционный характер начальной и средней школы, крупная буржуазия 31 мая того же года уничтожила всеобщее избирательное право, одним своим голосованием в палате лишив избирательных прав три миллиона граждан.

Бонапарт, стремившийся к цезаризму, понял, что уничтожением всеобщего избирательного права победители уронили себя в общественном мнении страны и ловко воспользовался этим, чтобы возвысить свой авторитет демагогическими заявлениями. Он употребил также всю свою энергию для привлечения на свою сторону армии, 12 января уволил генерала Шангарнье, на которого хотела опереться против него крупная буржуазия, основал „общество 10 декабря", которое открыто агитировало за него и устраивало ему сочувственный прием при его поездках по стране.

Бонапарту грозила потеря президентского положения, так как по конституции переизбрание прежнего президента не допускалось. Он предложил пересмотр конституции. Это было отвергнуто. Тогда он произвел государственный переворот 2 декабря 1851 г., восстановил конституцию первой империи и всеобщее избирательное право, только многостепенное, и получил право законодательной инициативы и ведения внешней политики, 2 декабря 1852 г. новая конституция была утверждена,

а вскоре затем сенат провозгласил Бонапарта императором французов под именем Наполеона III. Так установилась вторая империя во Франции.

Февральская революция была исходным пунктом несравненно более широкого и быстрого развития французского капитализма, дала толчок этому развитию. Несомненно также, что тогда здесь количество стало переходить в качество, французский копитализм начал приобретать культурный характер. Оба эти вывода вытекают из фактов, характеризующих экономическое состояние Франции в 50-х и 60-х годах XIX века.

Железнодорожная сеть Франции за эти два десятилетия выросла более, чем в 9 раз, и достигла к 1870 году протяжения в $17^1/_2$ тысяч километров, производство стали возрасло в 24 раза [1]), производство каменного угля [2]) и выплавка чугуна [3]) увеличились более, чем втрое; то же самое надо сказать о внешней торговле [4]). В 50-х и 60-х годах возникли крупные французские банки: братья Перейры основали в 1852 г. Crédit Mobilier, в том же 1852 г. организован Crédit Foncier с основным капиталом в 30 милл. франков, возникли вприбавок к известному уже нам Comptoir National d'Escompte de Paris два других больших депозитных банка—Лионский кредит в 1863 г. и Société génerale pour favoriser le développement du Commerce et de l'Industrie en France в 1864 г. [5]). Наконец, в 1864 г. законом было признано право стачек [6]).

Однако, все эти факты представляют собою только одну, лицевую сторону медали,—у нее есть также и своя оборотная сторона, показывающая, что переход французского капитализма в культурную стадию развития, хотя и начался, далеко, однако, еще не завершился к 1870 году; его завершение, да и то не полное, было делом последних десятилетий XIX века.

---

[1]) *Поль Луи*, Ист. социализма во Фр., стр. 221.
[2]) *Радиги*, Каменноугол. промышл. всего света, стр. 3
[3]) *Ден*, Каменноугол. и железоделат пром., стр. 86.
[4]) *Поль Луи*, Ист. соц. во Фр., стр. 221.
[5]) *Kaufmann*, Das franzos. Bankwesen, стр. 13, 23, 61 159, 168.
[6]) *Зомбарт*, Социализм и соц. движение.

Чтобы убедиться в этом, надо прежде всего отметить низкий уровень промышленного развития Франции сравнительно с Англией в то же время: каменного угля напр., во Франции 1870 года добывалось в $8^1/_2$ раз меньше, чем в Англии [1]), а чугуна выплавлялось во Франции более, чем впятеро меньше, чем у ее соседки за Ламаншем [2]). Далее: Crédit Mobilier, который по его уставу должен был быть банком эмиссионным, железнодорожным, служить для основания новых предприятий и для снабжения кредитом крупной промышленности, на деле мало занимался регулярными денежными операциями, главным же образом, посвящал себя грюндерству и спекуляции, почему в 1867 году и потерпел крах [3]); Société générale и основанный раньше Comptoir National вели свои операции до 70-х годов слабо, и даже Лионский кредит был только местным банком со смешанной системой и еще в 70-х годах занимался грюндерством и спекуляцией [4]).

Наконец, Франция 60-х и 70-х годов не знала важного, необходимого условия культурного капитализма—свободы коалиций, открывающей простор для профессиональной организации рабочих: 25 марта 1852 г. восстановлено было законодательство о союзах Наполеона I, вернее сказать, старый закон Ле-Шепелье 1791 года, и даже более того, оно распространено было и на собрания, так что для собрания с более, чем двадцатью, участниками требовалось предварительное разрешение администрации.

Понятно, что и политический режим второй империи носил на себе печать наполовину хищнического, некультурного капитализма. Существовало формально всеобщее избирательное право, а реально — деспотизм императора и бюрократическое административное усмотрение.

Во время выборов назначенные правительством мэры бесконтрольно одни, без свидетелей, считали избирательные записки. Префекты выставляли правительствен-

---

[1]) *Рооциг*, Каменноуг. пром. всего света, стр. 3.
[2]) *Ден*, Каменноуг. и железодел. пром., стр. 86.
[3]) *Kaufmann*, Das franz. Bankwesen, стр. 13—16.
[4]) Там же, стр. 159—160, 163, 169, 179.

ных кандидатов и то угрозами, то обещаниями заставляли за них голосовать. Каждые пять лет правительство меняло границы избирательных округов, стараясь устроить так, чтобы его кандидаты всегда побеждали, и чтобы горожане были всегда в каждом округе в меньшинстве, тонули бы в массе консервативного, стоящего за всякое существующее правительство крестьянства.

Печать была подчинена суровому режиму предостережений и запрещений. Став императором, Наполеон III сам стал назначать всех членов высшего совета народного просвещения, отменив все выборы в это учреждение и, уменьшив число учебных округов до 16-ти, дал префектам в департаментах права ректоров в университетах. И в лицеях, и в университете царила реакция. Даже тогда, когда в 60-х годах вторая империя пыталась надеть на себя либеральную личину, и либеральный министр народного просвещения Дюрюи стал отстаивать женское образование, насаждать курсы для взрослых и расширил программу начальных школ,—клерикально-реакционный закон Фаллу остался в прежней силе [1]). Внешняя политика Наполеона III имела такой же смешанный характер: правда, буржуазные Франция и Англия вели крымскую войну против реакционно-дворянской России, слишком запускавшей свои жандармские лапы в западно-европейские дела; правда, Франция на полях Мадженто и Сольферино помогла объединению Италии против реакционной Австрии, но светская власть папы ограждалась Наполеоном III до 1870 г. от той же Италии, а война 1870—71 г. в своем происхождении имела реакционный характер, направлена была против объединения Германии.

Усилия Наполеона III подавить всякую оппозицию оказались, однако, напрасными. Мелкая буржуазия городов оставалась оппозиционной. Рабочий класс снова собрался с силами после июньского разгрома. Организовались и умеренные либералы из крупной и средней буржуазии под предводительством Оливье. Тогда с 1860 г. правительство начало заигрывать с умеренными

---

[1]) *Brouard*, Essai d'histoire critique de l'instruction primaire, Paris, 1901.

либералами. Объявлена была амнистия, расширены бюджетные права законодательного корпуса: он получил право не только утверждать или отвергать бюджет целиком, но и изменять его по частям. Ослаблен был надзор за печатью. Рабочим, как мы уже говорили, дано было право стачек.

В 1869 г. Наполеон III уволил в отставку консервативного министра Руэра и призвал министерство Оливье. Положение печати еще было облегчено, законодательный корпус получил право делать запросы министрам, и установлена была ответственность министров перед законодательным корпусом.

Но всего этого было мало: все более усиливались социалисты и буржуазные республиканцы. Вождь республиканцев Гамбетта, выставив на выборах свою кандидатуру в Париже, в бельвильском округе, опубликовал „бельвильскую программу“ с требованием всех свобод, дарового светского обучения и податной реформы.

IV.

Сельскохозяйственный капитализм во Франции конца XIX века.

Война 1870—71 годов и парижская коммуна 1871 г., о которой у нас пойдет речь особо, в другой связи, привели к окончательному торжеству культурного капитализма во Франции. Мы должны поэтому познакомиться с новой культурно-капиталистической Францией конца XIX века. Начать это знакомство следует с сельскохозяйственного капитализма.

Франция представляла собою в последние десятилетия XIX века страну совершенно иного экономического типа, чем Англия того времени. Мы видели в свое время в Англии резко выраженный, развитой процесс индустриализации, сделавший английский капитализм по преимуществу промышленным и отодвинувший сельское хозяйство на второй план. Франция была, напротив, преимущественно страной сельскохозяйственной и лишь потом уже промышленной. В 1886 году во Франции 36,9% всего населения занято было сельским хозяйством, только 22,9% горной и обрабатывающей промышленностью и 12,3% торговлей и перевозочной промышленностью (остальное население распределялось между свободными профессиями и прислугой) [1]. При важности удельного веса сельского хозяйства тем больший интерес вызывается изучением его положения.

Спрашивается прежде всего: в каком соотношении находились между собою отдельные отрасли сельского хозяйства во Франции конца XIX века?

Здесь обращает на себя внимание важное значение французского зернового хозяйства, производство хлеба.

---

[1]) *Янсон*, Статистика народонаселения

До 1860 года Франция даже вывозила избытки своего хлеба заграницу. С этого времени, по мере развития французской индустрии, для хлебного вывоза не оказывалось уже возможности и, хотя производство пшеницы сильно выросло, составляя в 1830 году 60 миллионов гектолитров, а в 90-х годах уже 108 милл. гектолитров в год, но Франция стала ввозить некоторое количество иностранного хлеба, именно от 8 до 15% годового своего потребления, т.-е. собственным хлебом она питалась десять или одиннадцать месяцев в году, и в течение одного или двух месяцев потребляла хлеб привозный.

При всей важности производства хлеба во Франции конца XIX века оно, однако, далеко не являлось главной отраслью сельскохозяйственного производства в этой стране. По климатическим и почвенным условиям Франции важнее и доходнее зернового хозяйства было виноградарство, связанное с виноделием, и садоводство (плодоводство и цветоводство). И кроме того, во французском земледелии распространены были другие специальные культуры—особенно посевы свекловицы для производства сахара: ими в 1892 г. было занято 272 тысячи гектаров [1]).

Важно было также и увеличивало свое значение скотоводство: в 1862 г. кормовые травы занимали 6% всей торритории Франции, а в 1892 г. уже 9,3%, под лугами и пастбищами в 1862 г. было 9% территории, в 1892 г. 11%, число голов скота за это время увеличилось на 4,2% [2]).

Указанный сейчас рост площади под кормовыми травами свидетельствует о развитии земледельческой техники во Франции. Эта техвика достигла большой высоты: плодосмен и травосеяние в ней господствовали. Количество сельскохозяйственных машин между 1862 и 1892 годами увеличилось втрое. Урожай в 20-х годах был всего 12 гектолитров с гектара, в 80-х он дошел до 16 гектолитров, в 90-х до 18 гектолитров с гектара.

---

[1]) Statistique agricole de la France, Résultats généraux de l'enquête decenale de 1892, P. 1897.

[2]) Там же.

Французское сельское хозяйство, в противоположность английскому, велось преимущественно на собственной, не на арендованной земле: только 30% всех хозяйств существовали на арендованной земле, 70% на собственной.

Принимая во внимание высокую технику производства, французская статистика признает уже хозяйство в 40 и более гектаров крупным. Эти хозяйства составляют высший разряд. Самыми мелкими являются хозяйства менее одного гектара. Остальные три разряда распределяются так: от 1 до 5 гектаров—мелкие, от 5 до 10—средние и от 10 до 40—близкие к крупным. В 1882 г. было всего 5 миллионов 670 тыс. хозяйств, а в 1895 г. 5 милл. 700 тыс. Выражая в процентах количество хозяйств каждого разряда в оба эти года, получим следующую таблицу [1]):

	Менее 1 гект.	От 1 до 5 гект.	От 5 до 10 гект.	От 10 до 40 гект.	Свыше 40 гект.
1882 год . .	38,2%	32,9%	13,5%	12,8%	2,6%
1895 год . .	39,2%	32,1%	13,8%	12,4%	2,5%

Площадь земли, занятой сельским хозяйством, равнялась в 1882 г. 49 милл. 592 тыс. гектаров, а в 1895 г. 50 милл. 374 тыс. гект. Она следующим образом распределялась в процентах между хозяйствами разных разрядов [2]):

	Менее 1 гект.	От 1 до 5 гект.	От 5 до 10 гект.	От 10 до 40 гект.	Свыше 40 гект.
1882 год . .	2,2%	11,3%	11,6%	29,9%	45,0%
1895 год . .	2,6%	10,8%	11,4%	28,4%	46,8%

Сопоставление этих таблиц приводит к очень важным заключениям. Во-первых, число крупных хозяйств несколько убыло, но площадь, ими занимаемая, значительно увеличилась; это значит, что крупные хозяйства сделались еще крупнее,—признак процесса концентрации, характерного для развития капитализма. Во-вторых, число хозяйств от 1 до 5 гектаров и от 10 до

---

[1]) Цифры в гектарах для каждого разряда см. *Каутский*, Аграрный вопрос.

[2]) Там же.

40 гектаров и площадь под теми и другими уменьшилась; число хозяйств от 5 до 10 гектаров несколько выросло, но площадь под хозяйствами этого разряда уменьшилась: ясно, что эти хозяйства стали мельче; в общем, следовательно, средние по размерам хозяйства клонились к упадку. В третьих, самые мелкие по размерам хозяйства (до 1 гектара) увеличились и по числу, и по площади, ими занимаемой. Прежде, чем уяснить истинный смысл этого последнего явления, отметим, что из числа крупных хозяйств уменьшилось число хозяйств, лишь имевших от 40 до 100 гектаров, а число хозяйств свыше 100 гектаров увеличилось [1]).

Для того, чтобы понять смысл увеличения числа и площади хозяйств ниже 1 гектара, надо уяснить себе, что собою представляют эти хозяйства. Тот ошибся бы, кто счел бы их за мелкие крестьянские хозяйства: такими во Франции являются хозяйства от 1 до 5 гектаров. Хозяйства же ниже 1 гектара состоят из усадьбы и огорода и не имеют никакого самостоятельного значения; их обладатели работают по найму чаще всего в соседних крупных экономиях. Это — сельскохозяйственные батраки, мечтающие выбиться в крестьяне, судорожно цепляющиеся поэтому за ничтожные клочки земли, „величиной в носовой платок", как говорил еще Пьер Леру, привязанные этими клочками или парцеллами к месту и очень удобные в качестве постоянных рабочих в капиталистических сельскохозяйственных предприятиях. Очевидно, во Франции конца XIX века наблюдалась та своеобразная форма развития сельскохозяйственного капитализма, которая хорошо подмечена Каутским в его „Аграрном вопросе": капиталисты—сельские хозяева создавали путем продажи карликовых, ничтожных участков, парцелл мельчайшие хозяйства, поставляющих для них постоянных рабочих. Ясно, что эти мельчайшие хозяйства—простой привесок к крупному хозяйству, и их рост может быть признан имеющим самостоятельное значение только теми, кто страдает фетишизмом цифр и не подвергает эти цифры экономи-

---

[1]) *Флур де Сен-Жени*, La propriété rurale en France, P. 1902 г.; *Бельтов*, Критика наших критиков, стр. 295.

ческому анализу; на деле же рост мельчайших хозяйств во Франции служит одним из ярких показателей роста крупного капиталистического сельского хозяйства, обставляющего себя такими удобными для него батраками с парцелльным наделом. Таким образом, рост сельскохозяйственного капитализма во Франции—только в несколько своеобразных формах—не подлежит сомнению.

Этот рост подтверждается еще и следующими данными, приводимыми Флур де Сен Жени [1]: в 1866 г. во Франции считалось 6 милл. 195 тыс. сельскохозяйственных рабочих в 3 милл. 266 тыс. хозяйств, а в 1896 г. 8 милл. 421 тыс. рабочих в 1 милл. 967 тыс. хозяйств, из которых надо еще вычесть 1 милл. 181 тыс. карликовых, парцелльных хозяйств. Ясно, что, принимая во внимание последнее обстоятельство, мы наблюдаем во Франции рост среднего числа рабочих на хозяйство в пять раз к концу века сравнительно с 60-ми годами, и даже если не учитывать этого обстоятельства, получится увеличение вдвое.

Мы знаем, что в сельском хозяйстве Великобритании господствовал также крупный капитал. Однако, французский сельскохозяйственный капитализм существенно отличается от британского: во-первых, в Великобритании сельскохозяйственный капитализм относительно гораздо сильнее развит, чем во Франции: во Франции под крупными имениями находится менее половины всей площади, в Великобритании 70%; во-вторых, сельскохозяйственный капитализм в Великобритании не сопровождался развитием мельчайшего, парцелльного хозяйства, какой наблюдается во Франции. В чем же причины этих отличий?

Причины коренятся в различиях хозяйственного развития Франции и Англии. Прежде всего здесь важно то, что Англия гораздо более индустриальная страна, чем Франция. Затем имеет значение то, что из Франции нет сильного переселенческого движения. Оба эти обстоятельства привлекают к земле и сельскому хозяйству во Франции очень большое число рабочих

---

[1]) La propriété rurale en France.

рук, тем более, что и исходный пункт развития сельскохозяйственного капитализма во Франции был иным, чем в Англии: в последней стране—обезземеление крестьянства, а в первой—снабжение его значительным количеством земли во время великой революции. Притом же техника французского сельского хозяйства ниже английской, что дает во Франции больше возможности держаться мелким хозяйствам. Наконец, заатлантическая конкуренция и сельскохозяйственный кризис, наиболее тяжелые для крупных предприятий, сильнее отразились на французском сельском хозяйстве, чем на английском, потому что первое в большей степени зерновое, чем последнее. Таким образом, французский сельскохозяйственный капитализм конца XIX в. был недоразвит сравнительно с английским, его развитие отличалось сравнительно медленным, затяжным характером.

Сообразно этому и способы классовой борьбы не достигли во Франции столь высокой культурности и организованности, как в Англии. Во Франции не было такой организации сельскохозяйственных рабочих, как в Англии. Классовое сознание сельскохозяйственных рабочих было во Франции слабо, солидарности, единства между ними было мало, многие из них, особенно те, кто владел парцеллами, имели не пролетарские, а крестьянские идеалы. Все это открывало для французских капиталистов в сельском хозяйстве возможность иного, чем в Англии, способа защиты своих классовых интересов. Французская буржуазия старалась развить в сельскохозяйственном рабочем мелкобуржуазные идеалы, стремление к приобретению земли в собственность и тем надеялась превратить его в свое орудие против социалистов и социалистических рабочих. Одним из проявлений такого стремления буржуазии является известное уже нам насаждение парцелльного землевладения, приносящее, как мы видели, крупным сельским хозяевам и непосредственную хозяйственную выгоду тем, что таким путем создается постоянный, привязанный к месту состав сельскохозяйственных рабочих. Другим проявлением усвоенной французскими капиталистами тактики затемнения классового сознания пролетариата

надо считать учреждение и развитие во Франции так-называемых сельскохозяйственных синдикатов. Это вовсе не профессиональные союзы сельскохозяйственных рабочих. Основаны они большею частью союзом аграриев-капиталистов—„Обществом французских сельских хозяев“. Состав их чрезвычайно пестр: тут и крупные сельские хозяева, и мелкие предприниматели, и крестьяне, и фермеры, и даже сельскохозяйственные рабочие, особенно те, которые имеют парцеллы. Задание—организация потребительных лавок, совместная продажа зерна, взаимный кредит, покупка машин вскладчину, реже медицинская помощь и пособия старикам, вдовам и сиротам, совсем редко страхование от несчастных случаев, происшедших при сельскохозяйственных работах. Характерен девиз этих, имеющих, несомненно, серьезное значение для развития буржуазного хозяйства учреждений: „Долой борьбу за жизнь! долой борьбу классов! да здравствует единение для жизни!“ В 1885 г. было 39 таких синдикатов, в 1894 г.—1.200, а в 1899 г. уже 1.676, сгруппированных большею частью в 9 больших областных союзов и насчитывавших до 800 тысяч членов. Крупная сельскохозяйственная буржуазия ценит опору и поддержку, получаемые ею от буржуазии мелкой, дает ей слегка вздохнуть свободнее, милостиво ее опекает при помощи синдикатов, держит в своих руках через их посредство и в то же время прибирает себе помаленьку мелкие самостоятельные хозяйства, концентрирует их и усердно насаждает батраков с карликовыми наделами. Любопытно отметить, что французская буржуазная литература по аграрному вопросу склонна петь восторженные дифирамбы сельскохозяйственным синдикатам, до крайности их идеализировать. Некоторые, напр., не обинуясь заявляют, что эти синдикаты действуют в интересах средней собственности и состоят будто бы только из зажиточных крестьян [1]). Другие, тоже идеализируя синдикаты, признают, однако, что в них участвуют и крупные землевладельцы, и фермеры, и наемные рабочие [2]). Опытное ухо не обманется раз-

---

[1]) *Souchon*, La propriété paysanne, P. 1899.
[2]) *Rocquigny*, Syndicats agricoles et leur oeuvre. P. 1900.

глаголствованиями о „социальном мире“, будто бы насаждаемом синдикатами [1]): известно, что возможность стричь овец без сопротивления с их стороны всегда восхваляется буржуазными идеологами как проявление „социального мира“.

Таков был своеобразный и чрезвычайно интересный ход развития сельскохозяйственного капитализма во Франции в последние десятилетия XIX в.

---

[1]) Там же.

V.

Французский промышленный и финансовый капитализм в последние 30 лет XIX века.

В развитии французского промышленного капитализма конца XIX в. был момент кризиса—во второй половине 80-х гг.,—но, за исключением временной задержки, вызванной этим кризисом, наблюдалось несомненное и довольно быстрое поступательное движение, хотя потеря Эльзаса и Лотарингии с их угольными и рудными богатствами после войны 1870—71 годов и сузила значительно базу индустриального развития страны. Обороты внешней торговли уже в 1882 году достигли $8^1/_2$ миллиардов франков. Производство каменного угля с 1870 по 1900 г. увеличилось на 140% [1]), выплавка чугуна на 190% [2]), производство железа и стали на 175% [3]).

При всем том, однако, надо опять-таки отметить промышленную отсталость Франции того времени сравнительно с Англией и Германией: в 1900 г. во Франции каменного угля добывалось вчетверо меньше, чем в Германии, и вшестеро меньше, чем в Англии, чугуна выплавлялось втрое меньше Германии и в $3^1/_2$ раза меньше Англии, железа и стали производилось вчетверо меньше Германии и в $3^1/_2$ раза меньше Англии. Правда, как показывает сравнение этих цифр с приведенными нами раньше для предшествующего периода, отсталость Франции от Англии стала меньшей, но все же факт отсталости налицо имелся.

Противовесом потере Эльзаса и Лотарингии явилась в это время для французской буржуазии интенсивная

---

[1]) *Радциг*, Каменноуг. пром. всего света, стр. 3.
[2]) *Ден*, Каменноуг. и железодел. пром., стр. 86.
[3]) Там же, стр. 88.

колониальная политика, давшая Франции колониальную империю с 25 миллионами населения, причем главными приобретениями были Тонкин, Мадагаскар, Тунис и Марокко.

Несомненно также, что французский промышленный капитализм принял в общем культурный характер после издания законов 30 июня 1881 г. о свободе собраний и 21 марта 1884 г. о свободе союзов и ассоциаций.

И все-таки именно вследствие отсталости промышленного капитализма главным руслом, в какое направилась капиталистическая энергия во Франции, оказались биржа и банки, французский капитализм уже в конце XIX в., раньше, чем даже в Англии и Германии, стал по преимуществу финансовым—банковым и биржевым. Широкий размах и глубокий захват, проявленные французским финансовым капиталом, характеризуются целым рядом ярких фактов и наблюдений. При этом заметно не только количественное увеличение финансового капитализма, но и качественное его изменение, усвоение им культурных форм и приемов и соответствующее этому сокращение спекуляции.

Во всех этих отношениях прежде всего обращает на себя внимание деятельность центрального банкового учреждения, банка банков,—Французского банка.

Здесь первой важной чертой было то, что Французский банк являлся и является единственным в стране эмиссионным банком: выпуск банкнот и кредитных билетов производится им и только им одним. Во Франции вполне осуществлен идеал централизации эмиссионного дела.

Затем эмиссионные функции Французского банка построены были на началах более здравых, чем где бы то ни было: Французский банк не имел и не имеет установленной законом нормы золотого запаса, и потому вся эмиссионная система Французского банка стала покоиться на теоретически-совершенном принципе, по которому в банковом деле важнее всего не золотой запас, а ликвидитет, т.-е. краткосрочность и легкая реализуемость долгов, сделанных банку его дебиторами.

Далее: Французский банк уже в конце XIX в. составил огромный золотой запас: в 1881 г. его металлический запас равнялся 1 миллиарду 824 милл. фр., а кредитных билетов в обращении было 2 миллиарда 576 мил-

лионов франков, т.-е. они были покрыты на 70,74%. Отсюда проистекали низкий учетный процент и устойчивость этого процента [1]).

Как банк банков, Французский банк, конечно, приходил переучетом на помощь другим банкам в критические моменты, но он также и сам непосредственно вел с сельскохозяйственными, промышленными и торговыми предприятиями операции по дисконту и по приему в залог процентных бумаг. При этом характерными чертами здесь являлись постепенное уменьшение операции дисконта и такой же рост операции приема в залог ценных бумаг: в 1881 г. учет векселей во Французском банке составлял 45,36 милл. фр., а залог процентных бумаг 10,72 милл. фр., или в отношении к учету 23,6%; в 1890 г. на первый род операций приходилось только 21,61 милл., на второй 9,34 милл., т.-е. 43,24% учета; в 1898 году соответствуюше цифры были для учета 18,29 милл., для залога 12,06 милл. или 65,90% учета [2]). Рост залога бумаг во Французском банке свидетельствовал о том, что эта операция носила не спекулятивный характер: ее производили не банки, а производственные предприятия, и именно здесь, в центральном банке, чуждом спекуляции. Сокращение дисконта важно в другом отношении: оно показывает, что эта операция стала переходить в частные банки, чем разгружен был банк центральный, и усилена деятельность по дисконту частных кредитных учреждений, им более, чем центральному банку, свойственная.

Из всего этого следует, что уже деятельность Французского банка отразила в себе рост разделения труда, специализации в банковом деле. Эта специализация является весьма существенным признаком перехода к культурно-финансовому капитализму от капитализма спекулятивно-финансового; спекуляция вводится при этом в скромное русло, обман публики доводится до возможного при капитализме минимума: кто хочет спекулировать, тот идет в специально-спекулятивные банки, кто желает получить умеренный процент от солидных опе-

---

[1]) *Kaufmann*, Das franzôs. Bankwesen, стр. 50, 56, 60.

[2]) Там же, стр. 53.

раций с гарантией целости для своего капитала, тот идет в банки другого рода.

К концу XIX в. во французском финансовом капитализме эта культурно-капиталистическая специализация наметилась достаточно ясно и развернулась довольно широко.

Старый спекулятивный банк—Crédit Mobilier после постигшего его в 1867 году краха был в 1871 г. реорганизован, а в 1902 г. окончательно ликвидирован [1]). Но на смену ему пришли другие грюндерские, в значительной мере спекулятивные банки, так-называемые banques d'affaires или sociétés financières. Главный из них Banque de Paris et des Pays-Bas, основанный в 1872 г. Это был банк, который уже в конце XIX века стал образцовым в своем роде: его обороты выросли с 1872 по 1900 год почти вдвое; спекулятивные операции поглощали у него около 77% оборота в 1872 г. и более 67% в 1900 г.; банком достигнут был хороший ликвидитет, и выдавался в 1872—1899 годах дивиденд в 9% [2]).

Другим специальным разрядом банков стали депозитные банки, во главе которых были три гиганта, известные нам еще по предыдущим периодам: Лионский кредит, Société générale и Comptoir National. Все они подверглись в конце века серьезным преобразованиям. Лионский кредит между 1872 и 1881 г. имел характер спекулятивного банка; в январе 1882 г. банковый кризис потряс его, как и другие банки того же рода; до конца 80-х годов он искал новых путей и испытывал на себе влияние потрясения; в 1890 г. он был преобразован в новый депозитный банк и тогда именно приобрел мировое значение. Соответствующие последней перемены пережиты были и двумя другими крупными банками—Société générale в 1882 г. и особенно 1899 г., а Comptoir National в 1889 г. У всех трех банков, особенно у Лионского кредита, превосходный ликвидитет. Основная операция их—учет векселей, главным образом товарных: она отнимала у них около 54% всех средств [3]).

---

[1]) Там же, стр. 15.
[2]) Там же, стр. 99, 101.
[3]) Там же, стр. 162—166, 173, 176, 186, 209.

VI.

Социальная и политическая история Франции с 1870 по 1900 г.

В социальной и политической истории Франции за последние 30 лет XIX века первое место принадлежит истории парижской коммуны 1871 года.

Предшествующее изложение, осветившее хозяйственную историю Франции за это время, создает почву для понимания происхождения парижской коммуны и причин ее печального исхода. Изложим сначала в сжатом виде относящиеся сюда факты, чтобы потом сделать выводы [1]).

4 сентября 1870 г. пролетариат Парижа, с участием республиканской мелкой буржуазии, уничтожил после поражения при Седане и плена Наполеона III императорский режим и превозгласил республику. Буржуазия — главным образом средняя и мелкая—перехватила инициативу у рабочего класса и, заняв парижскую думу, учредила там временное правительство—так-называемое правительство национальной обороны. В этом правительстве монархисты, именно орлеанисты, играли видную роль, республиканская мелкая буржуазия представлена была только Гамбеттой, который, вылетев на воздушном шаре из осажденного потом Парижа, организовал в стране военное сопротивление германской армии. Даже главнокомандующий парижской обороной генерал Трошю был орлеанист; притом же он не верил в возможность успешной защиты Парижа. Негласным советником правительства был Тьер, отправленный к иностранным правительствам просить помощи для Франции.

---

[1]) *Лиссагаре*, История коммуны; *Маркс*, Гражданская война во Франции; *Лукин*, Парижская коммуна 1871 г

Когда правительство национальной обороны таким образом перехватило власть, не допустив к ней пролетариата, рабочие Парижа, проникнутые республиканским и патриотическим энтузиазмом, не решаясь расстраивать единый фронт, ниспровергший империю, помирились с фактом существования буржуазного временного правительства. Даже вечный повстанец, энтузиаст немедленного захвата власти пролетариатом, Бланки, признал существование этого правительства под условием, что оно поставит себе целью спасти Францию и республику.

Конечно, Гамбетта имел в виду именно эту двойную цель, но его не было в Париже. Но уже министр иностранных дел правительства национальной обороны Жюль Фавр, если и стоял за республику, если и заявлял, что не отдаст ни пяди французской земли, ни камня французских крепостей, то знал, что Трошю, главнокомандующий Парижа, серьезно не думает защищать столицу. Тьер, тайный советник правительства, в лучшем случае мирился с республикой, как с неизбежной необходимостью, а большинство членов правительства мечтало о монархии. А главное: все члены правительства, бывшие в Париже, боялись пролетариата и пролетарской, социалистической республики, хотя и вынуждены были создать в Париже для его защиты в помощь армии национальную гвардию из рабочих.

Все это и прежде всего близость капитуляции Парижа и подготовку ее правительством и главнокомандующим после сдачи Меца маршалом Базеном—почуял старый Бланки и 31 декабря 1870 г. поднял восстание. Он потерпел, однако, неудачу, давшую ему еще один смертный приговор, замененный снова тюремным заключением.

Одно из его опасений оправдалось очень скоро: 28 января 1871 г. Париж был сдан на капитуляцию немецкой армии. Подготовлялся мир, и Тьер и большинство правительства, официальным главой которого стал теперь Тьер, были за него. Война или мир—вот вопрос, который должно было решить национальное собрание. Выборы в собрание были произведены 8 февраля 1871 года. Париж, департаменты, занятые немцами и юго-восточные департаменты высказались за войну. Но остальная часть Франции, главным образом, крестьянство стояли за мир.

И так как республиканские кандидаты во главе с Гамбеттой и социалисты, были противниками мира с огромной контрибуцией и территориальными потерями, то в выбранном всеобщей подачей голосов национальном собрании оказалось до 450 явных и скрытых монархистов.

Грозила опасность республике. Это волновало парижские рабочие массы. Опять так же, как в 1848 г., они почувствовали себя изолированными, одинокими, увидели, что вся буржуазия, в том числе и почти вся буржуазная демократия, особенно крестьянство, против них. Между пролетарскими идеалами и желаниями большинства населения Франции зияла целая пропасть.

Глава правительства—Тьер и его министры—умеренные республиканцы из крупной и средней буржуазии—больше всего боялись социалистической, рабочей республики и поставили себе целью предотвратить ее возможность; с этою целью принят был ряд мер после того, как 1-го марта 1871 г. собрание ратификовало мир с Германией на условиях уступки Эльзаса и Лотарингии и уплаты контрибуции в 5 миллиардов франков. Меры эти были следующие: национальное собрание переехало в Версаль, чтобы избавить себя и правительство от давления парижан; в Париже восстановлено было осадное положение; губернатором Парижа был назначен Винуа, который прекратил тотчас же издание в Париже шести радикальных и социалистических газет; префектом полиции был назначен Валантен, бывший полковник императорской жандармерии; главнокомандующим национальной гвардией стал клерикал д'Орель де Паладин; правительство отказало Парижу в моратории,—в отсрочке уплаты по векселям,—чем вызвало ряд банкротств мелких торговцев—в середине марта протестовано было в Париже 275 тысяч векселей: это бросило парижскую мелкую буржуазию, которой крупная буржуазия не дала отсрочки, в объятия пролетариата; наконец, Тьер, глава правительства, решил разоружить пролетарскую в большей своей части и мелкобуржуазную в меньшей парижскую национальную гвардию и потребовал от нее выдачи ее артиллерии.

Эта последняя мера была завершением всех остальных: она свела бы национальную гвардию к нулю.

Между тем, национальная гвардия Парижа представляла собою организованное целое: она составляла так-называемую „республиканскую федерацию национальной гвардии". К 3 марта был выработан устав этой федерации, и выбрана временная исполнительная комиссия. 15 марта устав был утвержден, и выбран центральный комитет национальной гвардии. И вот, 18 марта Тьер потребовал выдачи артиллерии национальной гвардии, мотивируя свое требование тем, что эта артиллерия—собственность государства, между тем как артиллерия была приобретена на средства, собранные по подписке национальной гвардией, и даже по акту о капитуляции Парижа 28 января была признана частной собственностью, и в качестве таковой не подлежала сдаче победителю.

Понятно, что центральный комитет национальной гвардии отказался выдать артиллерию. Тогда Винуа послал войска под начальством генерала Леконта силой отнять пушки. Но войска Леконта побратались с национальными гвардейцами, и когда он стал за это их ругать, арестовали его и расстреляли. Дело Леконта хотел продолжить другой генерал, Клеман Тома, но и он был арестован и расстрелян. Оба расстрела были произведены без ведома центрального комитета. Власть в Париже перешла к центральному комитету. Тогда же, 18 марта, версальское правительство выпустило воззвание, в котором заявило, что в Париже господствует „инсуррекционный комитет", пропитанный коммунистическими идеями и „обрекающий Париж на разграбление". Жребий был брошен. Гражданская война началась. 22 марта толпа парижских франтов, буржуазной „золотой молодежи" пыталась с револьверами и кинжалами в руках занять главную квартиру национальной гвардии на Вандомской площади, но была рассеяна залпом после отказа ее разойтись.

Инициатива нападения исходила таким образом от версальского правительства, от буржуазии: они, именно—буржуазия и ее правительство—дали повод к революции в Париже, вызвали ее. Но раз революция началась,—она должна была наступать. Революция, только защищающаяся, обороняющаяся или просто медлящая, не торопящаяся с наступательными действиями, тем самым обре-

15*

кает себя на неудачу: она указывает этим на свою слабость и дает противнику время собраться с силами. Маркс справедливо указал на эту ошибку центрального комитета: он не напал немедленно на Версаль, тогда почти беззащитный. Конечно, это указывало, что парижский пролетариат не чувствовал себя достаточно сильным, он ощущал свое социальное одиночество в крестьянской в большинстве стране и при отсутствии широкой и прочной пролетарской организации, подкладкой чего была слабость промышленного капитализма и, главное, его уже известная нам полукультурность во Франции Наполеона III; культурный и организованный пролетариат в индустриальной стране был бы решительнее.

Но те же условия—слабость и недостаточная культурность капитализма, преобладание сельского хозяйства и наличность многочисленного крестьянства, пропитанного буржуазным, собственническим инстинктом, неорганизованность рабочего класса в национальном масштабе—привели и к дальнейшей тактике и программе парижского пролетариата в 1871 году.

Пролетариат Парижа решил выработать такую программу, провести в жизнь такие учреждения, которые дали бы ему возможность осуществить свои идеалы и тем обеспечить полностью свои интересы. Эти учреждения должны были служить образцом для переустройства всего общественного и государственного строя Франции и не одной только Франции. В чем же они заключались?

Они резюмировались словом „коммуна“. Все общины—городские и сельские—должны получить автономию; власть в них должна принадлежать выбранному всеобщим голосованием на короткий срок совету коммуны, члены которого должны получать от избирателей императивные мандаты. Делегаты коммун для общих дел собираются в окружные собрания в главных городах, а для решения дел, касающихся всей страны, должно существовать делегатское собрание в Париже. Советы коммун одновременно и законодательные, и исполнительные органы. Все чиновники и судьи—выборные и ответственные. Постоянная армия уничтожается, ее заменяет вооруженный народ. Обучение бесплатно и свободно от воздей-

ствия и государства, и церкви. Религия—частное дело верующих; их же дело и содержание духовенства.

26 марта 1871 г. произведены были выборы в совет парижской коммуны. Он состоял из 87 человек; из них 20 были членами Интернационала и 20 бланкистами; остальные были большею частью представители мелкой буржуазии с большим или меньшим уклоном к социализму. Тем не менее социалистическое направление Коммуны в целом было несомненно: это признают такие антиподы, как Маркс [1]) и Ганото [2]). Коммуна прямо заявляла об этом в своих воззваниях. И ряд отдельных мероприятий Коммуны отличался социалистическим характером: она запретила ночной труд в пекарнях, запретила штрафование рабочих, установила, что все фабрики и мастерские, оставленные хозяевами, передаются рабочим ассоциациям. При всем том, как говорит Маркс, „рабочие не надеялись, что Коммуна совершит чудеса: они не верят в утопии, которые могут быть введены декретом народа"; „рабочим предстоит не реализовать идеал, а освободить элементы нового общества, которые старое буржуазное общество носит в своем чреве" [3]).

Одной из отличительных черт Коммуны является заявление, что уплата контрибуции должна быть произведена теми, кто являлся действительным виновником войны, т.-е. буржуазией.

Во время Коммуны в Париже прекратились убийства, ночные нападения, грабежи, кражи, исчезла проституция.

Коммуна не взяла в свои руки Французский банк. Она назначила туда своего комиссара, который не вмешивался в деятельность банка, и банк произвел только несколько небольших выдач на неотложные нужды Коммуны.

16 мая была, по постановлению Коммуны, разрушена Вандомская колонна, „как памятник варварства, символ грубой силы и ложной славы, оправдание милитаризма и отрицание международного права".

---

[1]) *Маркс,* Гражданская война во Франции, стр. 30, 32; ср. *Лукин,* Парижская коммуна, стр. 153, 288.

[2]) *Hanotaux,* Histoire de la France contemporaine, т. I, P. 1903, стр. 158.

[3]) *Маркс,* Гражданская война во Франции, стр. 27—28.

В те 70 дней, которые продержалась Коммуна, ее выборные комиссары, заведывавшие отдельными отраслями управления, сделали многое. Народное образование ведал Вайян, труд Франкель, продовольствием заведывал Виар, финансами Журд, юстицией Прото, полицией Риго, ставший потом прокурором Коммуны, внешними сношениями Паскаль Груссе. Главнокомандующими армией Коммуны были сначала Люлье, потом Клюзере, потом, после взятия версальцами форта Исси, Россель, обвиненный в стремлении к военной диктатуре, наконец, Делеклюз, ближайшими помощниками которого были Домбровский и Врублевский. Военное руководство не оказалось стоящим на надлежащей высоте: военное командование Коммуны не имело определенного плана действий; коммунары сражались геройски, но настоящих вождей не имели, за исключением лишь Врублевского и Домбровского, которые приобрели влияние, впрочем, слишком поздно.

Тьер выиграл время: переговорами он оттянул нападение Коммуны на Версаль и тем временем собрал все силы войска и полиции и, главное, выговорил у Бисмарка освобождение из плена части императорской армии.

Тогда, уверенный в победе, тем более, что деревня была против Коммуны, боясь ее социализма, а пролетариат в городах не был единодушен и организован, так что попытки введения коммуны в Лионе, Марселе, Тулоне, Сент-Этьене и Нарбонне кончились неудачей,— Тьер показал зубы и когти. В начале апреля начались истязания и расстрелы пленных коммунаров в Версале. Коммуна вынуждена была 4 апреля взять заложников, но и это повело лишь к временному прекращению версальских неистовств; заложники долго оставались в Париже нетронутыми. Напрасно Клемансо, Флоке, Локруа, Консидеран пытались посредничать. Напрасно депутации и адреса из провинции требовали примирения с Парижем. Министр юстиции Тьера Дюфор, старый орлеанист, предписал прокурорам рассматривать воззвания к примирению, как преступления.

21 мая 1871 г. измена открыла версальцам ворота Парижа, и началась беспримерная по ужасам и свирепости победителей, руководимых генералом Галиффе, кровавая майская неделя. Коммунары защищались с муже-

ством отчаяния. По официальным сведениям было убито $6^1/_2$ тыс. коммунаров, в действительности не меньше 17 тысяч, 13 тыс. 700 чел. подверглись разным наказаниям, в том числе $7^1/_2$ тыс. высланы в Новую Каледонию, арестовано было всего 45 тысяч человек. Свирепость буржуазии-победительницы была совершенно исключительной, беспримерной.

Разгром Коммуны, таким образом, был тесно связан с экономическими и социальными условиями Франции начала 70-х годов, с ее недоразвитым, полукультурным, не столько индустриальным, сколько финансовым и сельскохозяйственным капитализмом. Недоразвитость индустриализма и полукультурность капитализма имели следствием слабость и неорганизованность рабочих, преобладание сельскохозяйственного капитализма повело к силе крестьянства, проникнутого собственническими инстинктами и враждебно настроенного по отношению к рабочим-социалистам, высокое развитие финансового капитализма создало силу высшей финансовой аристократии, менее зависящей от рабочих, чем промышленная буржуазия. В результате получилась изоляция рабочего класса, давшая определенные формы его организации в Коммуне и приведшая к его конечному поражению. Тем не менее Коммуна была знаменательным явлением в развитии мирового рабочего движения: она была первым опытом захвата власти рабочим классом и пролетарского социального и политического строительства. Несомненно также, она показала, что такие опыты захвата и строительства возможны в странах отсталого капитализма, что они даже возможнее там, чем в передовых странах, где достиг полного развития культурный капитализм.

Разгром Коммуны имел огромные последствия не только для рабочего движения во Франции в первой половине семидесятых годов, но и для всего социального и политического развития страны за эти годы. Буржуазной демократии грозила в то время опасность утратить республиканскую форму правления, а административная система третьей республики так и сохранила традиции монархической централизации, в весьма малой степени ослабленные.

В борьбе за республиканскую форму надо различать два момента: президентство Тьера—с 1871 по 1873 год—и президентство Маг-Магона в 1873—79 годах.

В национальном собрании после разгрома Коммуны образовались три главные группы—правая, центр и левая. Каждая из них дробилась еще на подгруппы. Правая состояла из трех подгрупп: 1) крайней правой или легитимистов, сторонников старшей линии Бурбонов, которые хотели возвести на престол графа Шамбора („Генриха V“), внука Карла X, и были клерикалами; то была наиболее реакционная, отсталая часть крупной буржуазии, к которой примыкали и обломки старого дворянства, позолотившие свои гербы брачными союзами с богатой буржуазией; 2) правой—умеренных роялистов, которые тоже стояли за графа Шамбора, но не хотели господства клерикализма—признак разложения и перерождения реакционных социальных групп; 3) бонапартистов, сторонников восстановления империи.

Центр распадался на две подгруппы: 1) правый центр—орлеанисты,—стоявший за парламентскую орлеанскую монархию во главе с внуком Луи-Филиппа, графом Парижским; 2) левый центр, отстаивавший республику с господством крупной буржуазии. Это опять-таки знаменательно: значительная часть крупной буржуазии, под влиянием победы культурного капитализма над хищническим, почувствовала потребность в республиканской форме правления, более соответствовавшей экономической базе культурного капитализма, требующей утонченных форм буржуазной эксплоатации и классового господства буржуазии; личина демократизма и республиканизма являлась культурным прикрытием буржуазно-капиталистических классовых интересов; разложение и перерождение грубо-хищнической крупной буржуазии в культурную делало очевидные и очень крупные успехи.

Левая состояла из: 1) умеренных республиканцев—передовой части крупной и всей почти средней буржуазии, 2) из крайних республиканцев разных оттенков, главным образом из радикалов, сторонников „бельвильской программы“ Гамбетты, приверженцев формальной демократии, но противников социализма; здесь была часть

средней и главным образом мелкая буржуазия, поскольку она была политически сознательна.

Левая была слаба. Напрасно ее глава, Гамбетта, требовал роспуска собрания и новых выборов, указывая на самодержавие народа и на то, что, заключив мир, собрание исполнило волю избирателей и не имеет мандата на иные функции. Собрание осталось глухо к этим требованиям и решило строить само новую французскую государственность.

Обе подгруппы центра заключили между собою союз с целью помешать грозившему торжеству правых и утвердить временно республику. Левая поняла положение и их поддержала. Поэтому 31 августа 1871 г. Тьер, ставший теперь умеренным республиканцем, был провозглашен президентом республики.

Соответственно своим интересам центр и умеренные республиканцы провели и ряд важных мер. Прежде всего буржуазия к выгоде для себя расплатилась с Германией: для уплаты контрибуции в 5 миллиардов франков заключены были два займа, контрибуция была уплачена до срока, и немецкие оккупационные войска ушли из Франции. Выгоды от всего этого для французской буржуазии заключались в следующем: 1) финансовая система, основанная на косвенных налогах и тех прямых, которые падали главным образом на трудящиеся массы, и не знавшая прогрессивного подоходного налога, осталась неприкосновенной, так что тяжесть контрибуции, вопреки требованиям Коммуны, была возложена на трудящиеся малоимущие массы, а не на крупную буржуазию; 2) займы давали выгодное помещение капиталам буржуазии, так что от контрибуции она не только ничего не теряла, но даже наживалась; 3) уход немецких оккупационных войск открывал широкие возможности для развития сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Затем в 1871 г. были приняты муниципальный и департаментский законы, расширившие и формально в умеренной степени демократизировавшие местное самоуправление, давшие таким образом крупной и средней культурной буржуазии власть на местах, но не уничтожившие централизации и сохранившие власть и влияние на

органы местного управления за бюрократией—министрами, префектами и супрефектами. Это было главным признаком того, что Франция стала республикой по форме с сохранением по существу многих монархических традиций, тогда как Англия, оставшись формально монархией, по существу стала республикой; различие здесь объясняется широким и полным развитием культурного и притом индустриального капитализма в Англии и незаконченностью такого развития и преобладанием сельского хозяйства во Франции.

В 1872 г. был принят новый закон об устройстве армии. По этому закону уничтожена была национальная гвардия, которой даже в ее буржуазном составе боялась крупная буржуазия, так как в национальной гвардии естественно преобладала мелкая буржуазия, а также сильны были традиции демократического самоуправления, и была принята прусская система всеобщей воинской повинности, в достаточной мере ограждавшая буржуазную государственность от внешних и внутренних врагов.

Печать не была вполне свободна, так как крупная буржуазия боялась агитации радикалов и социалистов.

Казалось, таким образом, что крупная буржуазия снова победила и, прикрывшись именем республики, сохранила одна то полное господство, каким она пользовалась при Луи-Филиппе и Наполеоне III.

Понятно, что ни слева, ни справа не были довольны таким положением. Мелкая буржуазия сочувственно встречала Гамбетту, разъезжавшего по провинции и произносившего горячие речи против правительства. Правая была недовольна республикой и стремилась восстановить монархию.

Но пока обе подгруппы центра держались вместе,— они оставались господами положения. Однако, орлеанисты (правый центр) только временно и неискренне присоединились к республике и потому тяготели к правым. Они увидели, что Тьер окончательно признал необходимость и неизбежность республики, и в союзе с правой 24 мая 1873 г. провели в собрании большинством 360-ти голосов против 344-х требование „политики строго консервативной“, т.-е. перехода к монархии. Тогда Тьер вышел в отставку.

Формально монархисты как будто победили. Но то была пиррова победа: важнее всего тут было то, что крупная буржуазия окончательно и совершенно раскололась, ее грубо-хищнические элементы окончательно порвали с элементами культурными, а это значило, что одна крупная буржуазия не может более властвовать во Франции.

Наиболее отсталая ее часть пошла за правыми, не желая поступиться ничем в пользу демократии. Но передовая часть—левый центр предпочел сговориться с левыми, уступить им кое в чем, чтобы побольше сохранить для себя. Таким образом, после отставки Тьера друг против друга оказались в конце-концов только два врага—монархисты всех оттенков и республиканцы всех направлений.

Первые сначала были сильнее и достигли выбора в президенты республики маршала Мак-Магона. Он был ставленником коалиции легитимистов, орлеанистов и бонапартистов. Главой этой коалиции стал орлеанист герцог де-Брольи, составивший монархическое министерство. Де-Брольи назначал чиновников из монархистов, избегал слова „республика“ и покровительствовал духовенству: разрешена была постройка церкви Сердца Христова (Sacré-Coeur) на Монмартре в Париже, в армию введены были военные священники. На этой платформе и держалась коалиция правых и правого центра, имевшая в собрании большинство в два или три десятка голосов.

Надо было увенчать здание. Стали мечтать о восстановлении монархии. Орлеанисты и легитимисты окончательно сговорились между собою: королем решено было провозгласить графа Шамбора под именем Генриха V, а наследником его должен был быть граф Парижский, кандидат орлеанистов. Но граф Шамбор и его приверженцы ничему не научились и ничего не забыли: они не захотели сменить белое знамя старого режима на трехцветное и хотели цензовой конституции 1850 года с отменой всеобщего избирательного права. То и другое откололо от них правый центр, понявший неосуществимость грубо-хищнических форм государственности. В то же время и демократия успела собраться с силами и противостать покушениям отживших классов общества.

Левый центр и левая заключили между собою соглашение, и 30 января 1875 года национальное собрание большинством одного голоса приняло республиканскую конституцию. Сущность этой конституции заключается в следующем: 1) президент республики выбирается на семь лет конгрессом, т.-е. общим собранием палаты депутатов и сената; он получает большое содержание и живет в Елисейском дворце; пышность его жизни и этикет напоминают монархию; 2) министры ответственны перед палатой депутатов и сенатом, так что вотума недоверяя одной из палат достаточно для выхода министерства в отставку: Франция—парламентарная республика, причем ни одна из палат не имеет преимущества перед другой; 3) законодательная власть передается двум палатам: палате депутатов, выбираемой на четыре года всеобщим голосованием (женщины не имеют ни активного, ни пассивного избирательного права), и сенату, четвертая часть которого (75 человек) состоит из пожизненных сенаторов, число которых пополняется самим сенатом, а остальные три четверти выбираются на 9 лет особыми коллегиями в департаментах, состоящими из делегатов от муниципальных советов по одному из общины и из членов палаты депутатов от данного избирательного сенатского округа; 4) пересмотр конституции и ее изменение могут быть произведены только конгрессом; 5) сенаторы и депутаты получают жалованье из казны.

В 1876 г. впервые выбраны были сенат и палата депутатов по новой конституции. В палате депутатов республиканцы получили значительное большинство, в сенате небольшое преобладание имели монархисты. Таким образом, президент республики и сенат оказались монархически настроенными, а палата депутатов была республиканской. Конфликт был неизбежен, и он произошел тогда, когда Мак-Магон 16 мая 1877 г. уволил в отставку умеренно-республиканское министерство Жюля Симона и призвал к власти клерикальное министерство Брольи-Фурту. Палата депутатов огромным большинством отказала новому министерству в доверии. Тогда Мак-Магон, с согласия сената, распустил палату депутатов и назначил новые выборы. На выборах президент

республики, министры и префекты департаментов оказывали сильное давление на избирателей, стараясь провести своих, монархических кандидатов. Но все было напрасно: большинство в новой палате депутатов оказалось попрежнему республиканским. Вождь этого большинства Гамбетта верно выразил положение дел, сказав, что Мак-Магону оставалось „подчиниться или уйти" („se soumettre ou se démettre"). Президент сначала подчинился—призвал к власти республиканское министерство,—потом ушел: когда и в сенате оказалось республиканское большинство, Мак-Магон вышел в отставку. В январе 1879 г. президентом республики был выбран умеренный республиканец Греви. Борьба за республику кончилась, либеральная республиканская буржуазия во Франции окончательно победила. Одно из важнейших последствий разгрома Коммуны—монархическая реакция 70-х годов—было ликвидировано.

К тому же времени было ликвидировано и другое важное последствие поражения парижских коммунаров—подавленное, угнетенное состояние рабочего движения во Франции.

Возрождение рабочего движения и рабочих организаций, беспощадно преследовавшихся буржуазной властью после гибели Коммуны, началось еще в первой половине 70-х годов. Первый его момент характеризован был в то самое время Марксом следующим образом: „В разных больших городах Франции основываются синдикаты, друг с другом вступающие во взаимную переписку, но посвятившие себя исключительно профессиональным вопросам. Да ничем другим они заняться и не могли бы, так как в противном случае были бы без дальнейших разговоров раздавлены правительством. В профессиональных же союзах они имеют в своем распоряжении, во-первых, некоторую организацию, а во-вторых, исходный пункт более широкого движения, как только это, конечно, снова станет возможным" [1]). Таким образом, мирный синдикализм, подобие английского трэд-юнионизма, был первой формой воз-

---

[1]) Из письма Маркса к Зорге от 1 апреля 1874 г.: Письма И. Ф. Беккера и др. к Ф. А. Зорге и др. Спб. 1907, стр. 152.

рождения французского рабочего движения после поражения Коммуны. Еще в мае 1872 года 12 рабочих корпораций вошли в соглашение между собою с целью учреждения союза синдикатов. Их попытка, однако, тогда кончилась неудачей: союз, ими основанный, был немедленно распущен правительством [1]). Было ясно, что буржуазная власть не допустит существования даже мирных и консервативных рабочих организаций до тех пор, пока эти организации не покажутся ей наименьшим злом сравнительно с другими более опасными для буржуазии проявлениями рабочего движения.

Эти проявления не заставили себя долго ждать. Старый бланкизм не умирал. Организации Бакунина, имевшие международный характер и опиравшиеся как раз на пролетариат латинских народов, в том числе и на французский, также еще действовали. Вот почему буржуазная власть вынуждена была, скрепя сердце, допустить первый французский всеобщий рабочий съезд, созванный в 1876 г. в Париже в составе 360-ти делегатов от рабочих союзов, в том числе 105 были посланы провинцией. Лозунгом этого съезда была старая прудонистская кооперация. Однако, решено было также проводить рабочих на выборах в палату депутатов не для завоевания власти, правда, а для представления в палате и защиты нужд рабочего класса, т.-е. для той же мирной трэд-юнионистской политики [2]). Как бы то ни было, но предсказание Маркса сбылось: первый шаг был сделан и сделан уверенной поступью.

Второй шаг был сделан на Лионском рабочем съезде 1878 года: там впервые выступили социалисты, собравшие, правда, только 8 голосов. Это выступление подготовлено было лишь отчасти бланкистами, которые еще в 1876 г., в эпоху первого парижского рабочего съезда, издали в Лондоне брошюру „Синдикаты и конгресс“, где доказывали бессилие и бесплодность чистого трэд-юнионизма [3]). Главную подготовку нового социалистического уклона французского рабочего движения дал марксизм,

---

[1]) *Поль Луи,* История социализма во Франции, стр. 280.
[2]) Там же, стр. 280.
[3]) Там же, стр. 284.

возглавляемый Жюлем Гэдом, проявившим блестящий пропагандистский и организаторский талант. Гэд имел большой успех: очевидно, французские рабочие в передовой своей части в достаточной мере испытали на себе организующее и воспитывающее влияние нового французского культурного индустриального капитализма. Поэтому на марсельском рабочем съезде 1879 г. социалисты приобрели уже решительный перевес: 28 октября 1879 г. здесь была принята следующая платформа: „земля, недра земли, орудия труда, сырые материалы должны сделаться достоянием всех и неотчуждаемой собственностью общества“ [1]).

Оставался третий шаг — образование политической рабочей партии. И он был сделан в 1880 году на рабочем съезде в Гавре. Тогда там Гэд основал французскую рабочую партию, а бланкисты организовали партию социалистов-революционеров [2]).

Дальнейший ход развития рабочего движения во Франции XIX века неразрывно связан с общей социальной и политической историей страны за последние 20 лет XIX столетия; к сжатому обзору этой истории мы теперь и переходим.

Политика республиканской буржуазии во Франции за последние 20 лет XIX в. направлена была на установление культурного капитализма и на приспособление к его условиям разных сторон государственной жизни. В то же время, однако, правящей буржуазии приходилось постоянно оглядываться налево, бояться красного призрака социалистической революции.

В первую половину 80-х годов власть принадлежала „республиканскому союзу“ — партии, основателем которой был Гамбетта. Блестящий организатор и талантливый политик, Гамбетта, как мы видели, много сделал для установления республики во Франции. Он достиг в этом отношении успеха, одержал победу. Но вместе с тем, в интересах победы, он должен был ослабить свой былой радикализм, приспособиться к обстоятельствам, — ко вкусам и интересам богатой буржуазии. Он стал оппорту-

---

[1]) Там же, стр. 284.

[2]) Там же, стр. 284; *Зомбарт*, Социализм и социальное движение.

нистом, т. е. приспособляющимся к обстоятельствам. И республиканский союз насквозь был проникнут оппортунизмом. От бельвильской своей программы Гамбетта отказался. Он и его друзья и последователи провели поэтому лишь минимально необходимые реформы.

Сюда относятся прежде всего свобода печати, затем 30 июня 1881 года свобода собраний, 21 марта 1884 г. свобода синдикатов, профессиональных рабочих союзов. Право коалиции, жизненно необходимое рабочему классу и являющееся ярким и неотъемлемым признаком культурного капитализма, стало, таким образом, действительностью в республиканской Франции. В 1882 г. мэры стали выбираться муниципалитетами, а не назначаться правительством, как то было прежде. В 1884 г. заседания муниципальных советов стали публичны. В том же году уничтожены были пожизненные сенаторы.

Согласно лозунгу Гамбетты „клерикализм—вот враг", один из его последователей, Ферри, провел ряд законов, касавшихся народного просвещения. 9 августа 1879 г. издан был закон о нормальных школах, т.-е. школах, подготовлявших учителей: уничтожен был надзор духовенства над ними и расширена программа, причем образование будущих учителей сделано было чисто светским. 27 февраля 1880 г. преобразован высший совет народного просвещения: из него исключены представители духовенства, суда и проч. и оставлены только представители высшего, среднего и начального образования и свободных (частных) школ, последние в числе четырех. В том же духе преобразованы были и академические советы, только в них введены были еще представители муниципалитетов и генеральных департаментских советов и два представителя свободных школ. 16 июня 1881 г. Ферри провел закон о бесплатном начальном образовании, а 28 марта 1882 г. об обязательном обучении всех детей от 6 до 13 лет, причем религиозное образование было исключено из программ и расширено преподавание истории, географии, морали, политической экономии и права и начатков естествознания. Наконец, 30 октября 1886 года установлено, что только светские

люди, не священники и не монахи, могут быть преподавателями общественных школ [1]).

Тот же Ферри, а затем и другие, начали в 80-х годах деятельную колониальную политику, чтобы дать приложение капиталам французской буржуазии в колониях. Францией последовательно были приобретены при этом Тунис, Судан, Конго, Тонкин и Аннам.

С оппортунистами вели упорную борьбу радикалы под предводительством Клемансо. Они отстаивали требования, провозглашенные в бельвильской программе Гамбетты.

Радикалы в борьбе с оппортунистами в 1886 году выдвинули на пост военного министра генерала Буланже, который много раз заявлял о своем демократизме и пользовался большой популярностью. Монархисты, особенно бонапартисты, привлекли Буланже на свою сторону, и он стал вождем реакции, требовавшей сильной исполнительной власти, независящей от парламента и выбираемой самим народом. Таким диктатором, подобием бонапартистского императора, должен был сделаться Буланже. В феврале 1889 г. министерство Тирара-Констана начало процесс против Буланже в сенате. Буланже бежал и кончил жизнь самоубийством в 1890 г.

Буланже был обязан своей временной удачей не столько поддержке монархистов, сколько недовольству рабочих масс буржуазной политикой республиканского правительства. Но относительная слабость развития индустриального капитализма во Франции препятствовала единству французского рабочего движения. Мы видели выше деление этого движения на три струи—синдикализм, бланкизм и гэдизм. На этом дробление не остановилось, а пошло дальше. В 1882 г. на конгрессе в Сен-Этьене от гэдистов отделились поссибилисты во главе с Бруссом и основали особую Fédération des travailleurs socialistes de France, более оппортунистическую, чем гэдистская рабочая партия, упрекавшую Гэда в сектантстве [2]).

---

[1]) *Brouard*, Essai d'histoire critique de l'instruction primaire en France.

[2]) *Зомбарт*, Социализм и соц. движ.; *П. Луи*, Ист. соц. во Фр.

Затем, в 1885 г. Малон основал „Общество социальной экономии“ („Société d'économie sociale“)—нечто подобное английскому фабианскому обществу, интеллигентское по своему преобладающему большинству, отказавшееся от революционной тактики. Это—основа будущей партии или, точнее, группы независимых социалистов, к которой впоследствии примкнули такие люди, как Мильеран, Бриан, Вивиани и пр.

В 1886 г. на конгрессе в Лионе основана была Федерация синдикатов, а в 1887 г. биржа труда в Париже—зародыши организованного синдикализма. В 1893 г. состоялся первый конгресс федерации бирж труда, — первого большого синдикалистского объединения. Оно соперничало с основанной в 1895 г. всеобщей конфедерацией труда, пока обе организации не слились воедино, приняв название всеобщей конфедерации труда.

Наконец, в 1890 г. и окончательно в 1892 г. Аллеман отделился от Брусса и основал особую рабочую социалистическую революционную партию, так как он находил, вслед за Гэдом, что Бруссо и поссибилисты вообще непомерно гонятся за избирательными и парламентскими успехами, пренебрегая массовой агитацией и пропагандой, и главную власть предоставляют партийным комитетам, а не демократической массе партии.

Таким образом, к концу XIX в. французское рабочее движение распалось на следующие отдельные группировки: 1) бланкисты или партия социалистов-революционеров во главе с Вайяном; 2) гэдисты — марксисты во главе с Гэдом и Лафаргом; 3) поссибилисты во главе с Бруссом; 4) аллеманисты—группа промежуточная между гэдизмом и поссибилизмом; 5) независимые социалисты Малона; 6) синдикалисты.

В начале 90-х годов к социализму окончательно примкнул давно уже питавший социалистические симпатии Жан Жорес, высокоталантливый оратор, бывший раньше приват-доцентом философии и происходивший из зажиточной буржуазной семьи, выделившейся из крестьянства. Горячий энтузиаст, натура необыкновенно искренняя, Жорес всю свою энергию направил на объединение рабочего движения во Франции в единую политическую организацию. В 1899 г. ему удалось создать Comité gé-

néral socialiste—организацию, объединяющую всех социалистов во Франции, кроме синдикалистов. Однако, это объединение сразу же дало трещину: от него отошли независимые социалисты. Поводом здесь послужило дело Дрейфуса—офицера-еврея, служившего во французском генеральном штабе и несправедливо обвиненного реакционным генералитетом в измене — в выдаче мобилизациоиных планов германскому военному агенту. Дело это было ликвидировано министерством Вальдека - Руссо, в котором социалист Мильеран участвовал на-ряду с усмирителем Коммуны генералом Галиффе. Жорес поддерживал министерство, Гэд стоял за нейтралитет социалистов в борьбе буржуазных групп; Амстердамский международный рабочий конгресс высказался, вопреки Жоресу, за недопустимость такого участия в буржуазном правительстве, которое практиковал Мильеран. Жорес подчинился этому решению, но независимые социалисты выделились в особую организацию.

Синдикализм держался до конца особо. В нем уже к началу XX века обнаружились два течения — революционный синдикализм, главным теоретиком которого является Жорж Сорель, и синдикализм реформистский.

Революционный синдикализм исходит из положения, что борьба классов, противоположность классовых интересов—непреложный закон капиталистического общества, и что поэтому никакие реформы, даже самые радикальные и демократические, не могут принести пользы рабочему классу, пока не преобразованы самые основы хозяйства и общества. Отсюда вытекает отрицание тактики парламентской борьбы и участия в выборах: парламентаризм солидаризирует рабочий класс с бужуазной государственностью, следовательно, приводит к отрицанию классовой борьбы, к подчинению пролетариата буржуазии. Классовая борьба требует от рабочих непримиримой тактики в отношении к капиталистическому строю. У рабочих есть свои классовые экономические организации—профессиональные союзы, синдикаты. Они—боевая школа рабочего класса. Они внушают тактику „прямого действа“ („action directe“)—демонстраций, бойкота, саботажа, лебеля (контрольной марки рабочих синдикатов на товарах, изготовленных в нормальных, с их точки

16*

зрения, условиях труда), наконец, забастовки—частной и всеобщей. Всеобщая забастовка, с точки зрения синдикалистов, и есть радикальное средство для завоевания идеального строя, для экспроприации в пользу общества всех орудий и средств производства. В идеальном обществе не должно быть принудительной политической власти, хозяйство должны вести производительные ассоциации, охраняющие вместе с тем индивидуальную свободу и инициативу. Основа этих ассоциаций—синдикаты, профессиональные союзы. Все они связываются в единую хозяйственную федерацию [1]).

Реформистский синдикализм близок во многих отношениях к трэд-юнионизму.

В соответствии с общим обликом рабочего движения, во Франции развивалась и французская кооперация. В начале XX в. во Франции считалось до 3.200 кооперативных обществ разного типа с 900 тыс. членов (281 чел. на общество в среднем). Если считать число участников с семьями,—это составит $4^1/_2$ милл. чел. из 39 милл. населения, т.-е. $11,5^0/_0$. Годовой оборот всех кооперативов был 320 милл. франков (около 95 милл. зол. руб., 105 р. на члена). Была национальная федерация кооперативов, и в связи с ней действовало общество оптовых закупок [2]). Относительная скромность развития и успехов здесь обращает на себя внимание и опять-таки свидетельствует о недоразвитости, незаконченности французского культурного капитализма.

Остается сказать несколько слов о внешней политике Франции в конце XIX в. Несомненно, что отторжение Эльзаса и Лотарингии с их богатыми углем и рудой недрами задержало и без того худосочное и малокровное развитие французского промышленного капитализма: даже и для того масштаба в развитии индустрии, какой был свойствен Франции конца XIX в., ей не хватало $50^0/_0$ угля. Поэтому реванш, возврат утраченных провинций был для Франции капиталистической необходимостью. Правда, с изобретением англичанина Томаса,

---

[1]) *Сорель*, Вырождающийся капитализм и социализм, 1907; *Сорель*, Размышления о насилии, Спб. 1907; *Лягарделль*, Революционный синдикализм, Спб. 1906.

[2]) *Фэй*, Кооперация в Европе.

давшим возможность очищать фосфористое железо, руды оставшейся в руках Франции части Лотарингии, отчасти возместили потерю. Другим возмещением были колониальные приобретения. Но Германия, очевидно, имела аппетит и к французским колониям, и к рудным богатствам Лотарингии и французского севера и северо-востока. Необходимо было для французской буржуазии приготовиться к отпору и наступлению.

С другой стороны, Франция, страна в сильной мере финансового капитализма, нуждалась в возможно более выгодном и широком помещении финансового капитала в отсталых странах — в государственных займах их и в основываемых в них промышленных предприятиях.

Во всех этих отношениях — и в отношении военной помощи, и в отношении финансово-экономической эксплоатации — подходящей для союза страной явилась для Франции полудворянская-полубуржуазная старорежимная Россия. Союз с ней, заключенный в президентство Сади-Карно и в царствование Александра III, и явился основной осью французской внешней политики конца XIX в. При этом французское буржуазно-республиканское правительство не постеснилось и содействием полиции самодержавного российского царизма в деле наблюдения и уловления русских революционеров заграницей [4]).

---

[4]) *Hanotaux*, Histoire de la France contemporaine; *Покровский*, Внешняя политика России в „Ист. России XIX в.“, изд. бр. Гранат.

VII.

Духовная культура второй половины XIX века.

Буржуазия во Франции, в эпоху ее перехода к культурному капитализму, не менее, чем английская буржуазия в соответствующий момент, проникнута была стремлением понять подлинную действительность, чтобы окончательно овладеть ею. Реализм, натурализм в художественной литературе и в искусстве был поэтому тем главным, основным течением, которое в то время господствовало, преобладало.

Вождем, руководителем этого направления в романе был, несомненно, Флобер, с конца 50-х годов до начала 80-х: в это, именно, время появились его главные романы и повести — „Г-жа Бовари“, „Сентиментальное воспитание“, „Простое сердце“, „Искушение св. Антония“, „Саламбо“, „Бувар и Пекюше“. Сознательный объективизм, изучение природы и жизни, тонкий эстетизм, тщательная выработка литературной формы—вот его отличительные черты [1]). И характерно, как в Англии для Диккенса и Теккерея, что Флобер все-таки не удержался на объективной высоте бесстрастного наблюдения: в сущности его романы проникнуты ненавистью к буржуазии, буржуазной жизни и морали [2]).

Натурализм Золя также содержит в себе субъективно-сатирические моменты. Его грандиозная серия „Ругон-Маккары“ имеет в виду дать иллюстрацию принципа наследственности в истории одной семьи, но на деле это—картина нравов буржуазии в эпоху второй империи, с обличительным настроением набросанная. В массовых описаниях Золя достигает огромной силы. Превосходны

---

[1]) *Лансон*, История фр. лит., XIX век, стр. 209—213.
[2]) Там же, стр. 210.

„Жерминаль“—эпопея северного рудокопа и „Западня“—эпопея парижского рабочего [1]).

Братья Гонкуры—мелочные наблюдатели — протоколисты, наиболее замечательные в области творчества литературной формы: они создали импрессионистский стиль [2]).

Додэ в сущности не только реалист, но отчасти субъективный юморист („Тартарен из Тараскона“, „Нума Руместан“), описывающий южан, отчасти сентименталист („Фромон младший и Рислер старший“ и др.) [3]).

Самым талантливым и оригинальным из реалистов был Мопассан. Он несомненный натуралист, но, вопреки некоторым исследователям [4]), далеко не чистый натуралист. У него важную роль играет субъективная оценка: он изображает человека преданным животным инстинктам, жаждущим чувственных наслаждений, но на-ряду с этим или, вернее, в органической связи с этим находится жажда чистоты, добра, красоты, знания, отравленная, однако, всеубивающим скептицизмом, неверием в силу человеческих ума, знания и воли. Как художник, Мопассан является создателем сжатого стиля, одним намеком, яркой чертой развертывающим целые картины, а также творцом не только технически-совершенного романа, но и такой же новеллы, рассказа, повести.

Натурализму в художественной литературе соответствовал реализм в живописи Курбэ и в скульптуре Карпо. Курбэ был сын крестьянина, участвовал в революции 1848 года и в Коммуне 1871 г., во время разгрома которой ему удалось бежать в Швейцарию. Превосходны его портреты и картины вроде „Каменотесов“ и „Похорон в Орнансе“ (Орнанс—город во Франшконте, родина Курбэ). На последней мы видим священника, равнодушно, без всякого чувства справляющего обряд, пересмеивающихся между собою мальчишек, нищих, с жадностью и нетерпением ожидающих конца, чтобы получить подаяние, скучающих и занятых разговорами о своих делах буржуа и т. д.

---

[1]) Там же, стр. 214—216.
[2]) Там же, стр. 217.
[3]) Там же, стр. 218.
[4]) Там же, стр. 219.

Рядом с реализмом в литературе и искусстве—отчасти в виде наследства от прошлого, отчасти как выражение новых потребностей и исканий—наблюдались во Франции второй половины XIX в. и другие течения и направления.

Прежде всего здесь обращают на себя внимание парнасцы. Они ведут свое начало еще от поэта предшествующего момента, Теофиля Готье. Готье родствен натурализму, даже превосходит его своим объективизмом. Главное для него—культ формы, внешняя художественная красота. Наиболее ярко это выразилось в его „Эмалях и камеях" и „Симфонии в белом мажорном тоне" [1]). Настоящими парнасцами, возведшими культ формы на недосягаемую высоту, были Леконт де Лиль, Банвиль и Ришпен. В своем творчестве они бессознательно выразили одну из насущных потребностей развивающегося капитализма,—потребность в специализации, в углубленном, специальном проникновении в определенную сферу теории и практики с целью более верного знакомства с действительностью. И поэзия у них специализировалась—стала музыкой слова.

К парнасцам отчасти примыкал также в значительной мере Бодлэр. Но среди них он представлял собою такое же своеобразное явление, как Мопассан среди натуралистов. Бодлэр—поэт смерти. Чувственный, с непомерно развитыми осязанием и обонянием, он воспевал смерть как гниение и по форме особенно близко подошел к символизму [2]). В своем дневнике, озаглавленном „Мое обнаженное сердце" („Mon coeur mis à nu"), Бодлэр жалуется на чувство одиночества с раннего детства и в семье и особенно среди товарищей и в то же время отмечает у себя „горячую жажду жизни и наслаждений". Гордость, муки падения и восторги низменных наслаждений нашли в его поэзии, в особенности в „Цветах зла" („Fleurs du mal") яркое выражение. Флобер очень метко заметил в письме к Бодлэру: „вы воспеваете плоть, не любя ее, в печальной и симпатичной мне форме". Разгул, „культ черной Венеры" (страсть к цвет-

---

[1]) *Линсон*, Ист. фр. лит., XIX век, стр. 110—111.
[2]) Там же, стр. 198—199.

ной женщине, Жанне Дюваль) и дэндизм сочетались в болезненно-индивидуалистической натуре Бодлэра. Не любя буржуазии, Бодлэр с оружием в руках участвовал в революции 1848 года, по собственному сознанию в своем дневнике, „из жажды мести, любви к разрушению и вследствие литературного опьянения—воспоминаний о прочитанном". Он воспевал труп изнасилованной и убитой женщины, падаль, смерть. Сознание порочности было в минуты просветления тем тяжелее для Бодлэра, что раскаяние, по его мнению, не искупает греха: ему противны „развинченные фаты", которые. „входя в молитвенный экстаз, и плачут и твердят, раскаяньем объяты: мы станем добрыми, о, небо, через час". В красоте Бодлэр видел, „как в вине, свет, райскую усладу и преступленья мрачный ад". „Пловцы"—яркий образец буржуазного скептицизма: женщина—„самодовольная и пошлая раба", мужчина—„деспот, раб своей рабыни", власть—опьянелая, народ питает сыновнюю любовь к кнуту; высшие идеалы, достижения науки, искусства, всей культуры—не более, как „опиум свободный и чудесный".

Рассмотренные нами сейчас литературные течения и их отдельные представители хотя в общем и целом и стояли на почве буржуазной психологии индивидуализма и отражали потребности капиталистической буржуазии, однако, сознательно все писатели в той или иной мере критически относились к окружающей действительности, отрицали господствующие вкусы и ходячую мораль. Но мы наблюдали уже появление политического оппортунизма, заражавшего своим влиянием и некоторые ветви рабочего движения. Этому соответствовал и оппортунизм литературный. Он выразился в комедиях Скриба, Ожье, Дюма и Сарду, в водевилях Лабиша и в оперетках Оффенбаха. Эти проявления литературного творчества прямо имели в виду угодить вкусам буржуазии, приспособиться к ним; их авторы пришлись по своему настроению и психологии как раз под стать буржуазному обществу и не одному только французскому, а, можно сказать, международному.

Скриб писал очень много и очень долго—с 1811 по 1862 год. Сценичность — вот основная его задача,

вполне и удачно им разрешавшаяся. Типы и характеры у него отсутствуют, господствуют шаблоны и манекены. Мораль—вульгарна, буржуазна в самом грубом смысле этого слова: он прославляет и идеализирует богатство, положение в обществе, карьеру, удачу, успех, материальное довольство. „Каждый акт честности, доброты, преданности неизбежно оплачивается деньгами, крупным приданым или хорошим наследством“ [1]). Ожье, Дюма-сын и Сарду в своих комедиях и драмах отличаются от Скриба только некоторой примесью романтизма и натурализма [2]). Водевили Лабиша были несколько содержательнее и важнее в общественном смысле: они фантастичны, экстравагантны, но полны здравого смысла и внушают буржуазному обществу, забавляющемуся ими, тревожную мысль, что чудаки и глупцы, в водевилях изображаемые,—плоть от плоти и кость от костей этого самого общества [3]). Оперетты Оффенбаха характерны отрицанием всех традиций в морали, политике, искусстве, и признанием, что единственно важное в жизни—погоня за удовольствиями [4]).

К концу века красный призрак, социальная революция, крушение всех устоев капиталистического, буржуазного общества стали рисоваться перед умственным взором буржуазии все с большей определенностью и грозной близостью. Начались судорожные и спешные поиски за укреплением традиций. Наиболее яркое выражение они получили в романе Бурже „Ученик“, где автор пытается обличить науку и знание и вытекающие из них неверие и аморализм и дать торжество религии, вере. Мистические, религиозные настроения возрождаются и крепнут в буржуазном обществе: мистика, религия и метафизика должны были укрепить начинавшие шататься общественные устои. В ряде других романов Бурже старается идеализировать высшее светское общество, новую буржуазную аристократию. Как писатель, техник художественно-литературного творчества, Бурже является

---

[1]) Там же, стр. 130—132.
[2]) Там же, стр. 204—208.
[3]) Там же, стр. 203—204.
[4]) Там же, стр. 204.

учеником Стендаля, культивирует главным образом психологический роман [1]).

Под влиянием тех же общественных условий оказался, но пошел по иному пути, чем Бурже,—по пути прямо противоположному—Анатоль Франс. Он был сыном праказчика в книжной торговле, но получил хорошее образование, углубленное самообразованием. Начал он свою литературную деятельность, будучи уже 37-ми лет, в 1881 г., и сначала весь проникнут был вольтеровской иронией,—испытывал чувство сострадательного превосходства при виде той борьбы, которою занята человеческая масса. Но потом в нем совершился переворот. Глубокий психолог, тонкий наблюдатель, Франс подметил жизненность новых общественных тенденций и течений и стал идейным борцом, сохранившим иронию, но проникнутым верой в здоровый инстинкт народа, в прогресс, в демократию, в социализм. Как писатель, Франс обладает искренностью, ясностью, чувством меры и такта, тонким изяществом, глубокой психологией. „В конечном итоге он больше мастер и мыслитель. чем поэт" [2]). Но именно поэтому его произведения богаты мыслями и отличаются тонким и глубоким психологическим анализом. Превосходен его роман—воспоминания солдата якобинской армии великой французской революции—„Боги жаждут". Хороши „На белом камне", „Сад Эпикура", „Книга моего друга", „Таис" и мн. др. Вот несколько глубоких замечаний из „Сада Эпикура": „признак горделивой глупости—предполагать, что создал самодовлеющее произведение; самое высокое произведение имеет цену только в своей связи с жизнью"; „мы называем опасными тех, ум которых создан иначе, чем наш, и аморальными тех, кто не обладает нашей моралью; мы называем скептиками тех, кто не разделяет наших иллюзий, не беспокоясь даже о том, есть ли у них другие иллюзии"; „жить, значит действовать"; „должно дать человеческой жизни свидетелем и судьею Иронию и Сострадание; Ирония и Сострадание—хорошие советницы; одна, улыбаясь, делает нам жизнь при-

---

[1]) Там же, стр. 222.
[2]) *Брандес,* Анатоль Франс.

ятной, другая, плача, освящает ее; Ирония, которую я призываю, вовсе не жестока: она не насмехается ни над любовью, ни над красотой, она нежна и доброжелательна, ее смех смягчает гнев, и она учит нас смеяться над злыми и глупцами, которых без нее мы могли бы по слабости ненавидеть“; „этот человек будет всегда иметь за собой толпу: он уверен в себе, как во вселенной; это-то и нравится толпе: она требует утверждений, а не доказательств“.

Богатству и разнообразию настроений и течений в художественной литературе соответствовали подобные же явления во французском искусстве второй половины XIX и начала XX века. Нам уже известен натурализм Курбэ в живописи. Ближе всего к натурализму стоит направление, выше всего ценящее внешнее изящество изображения, усвоившее и натуралистический пошиб. Это направление, начавшись в XVIII в., особенно проявившись тогда в живописи Прюдона, имело в первой половине XIX в. своим представителем полуромантика Делароша, а потом в исторической живописи Мейссонье, Розу Бонёр в пейзаже, Бонна и Каролюса Дюрана в живописи портретной, наконец, Бугро в изображении обнаженного тела. Мейссонье—мастер миниатюры из истории и быта средневековья и из наполеоновской эпохи. Бонна, Каролюс Дюран и Бугро напоминают Веронезе и ван-Дейка, изображая с артистической законченностью, блеском и верностью роскошную обстановку, великолепные одежды и украшения, человеческое тело. Роза Бонёр невольно сближается с малыми фламандцами: она—живописец животных. Образцом ее творчества может служить картина „Плуговые быки в Нивернэ“: чинно шествуют попарно быки по взрытому плугом полю; головы их опущены под тяжестью ига; слева лес, справа за полем холмы; голубое небо и голубой воздух.

Настоящим ярким импрессионистом в живописи был Манэ, который писал и пейзажи, проникнутые музыкальной гармонией, цельностью и яркостью настроения, жизнерадостные и ясные, и портреты (напр., портрет своих родителей), и жанры (напр., „Гитарист“). Замечателен также ряд его последователей: Сизле, Ренуар, Роль, Бенар, Жервекс, Даньян-Буврэ: у всех их живут и природа, и

лица, все они достигают огромной силы художественной выразительности. Замечательна, напр., картина Бенара „Конский рынок в окрестностях Алжира“, где превосходно выражен характер горячих африканских лошадей.

Глава французской символической живописи—Пювис-де-Шаванн (умер в 1898 г.). Ему особенно удавались фрески, так же, как у Джотто и Делакруа, составляющие единое художественное целое с украшаемыми ими зданиями. Таковы, напр., его фрески в парижском Пантеоне—история св. Женевьевы,—символическое изображение великих пастырей народа, или фрески в Сорбонне, изображающие человечество, достигшее счастья посредством познания. Замечательна его „Поэзия“, написанная для музея в американском городе Бостоне: перед Эсхилом разыгрывается его „Прометей“; Вергилий прогуливается утром в саду и ищет вдохновения в пении птиц и в зелени деревьев; к Гомеру приближаются две женские фигуры,—„Илиада“ и „Одиссея“,—чтобы увенчать его лаврами. Или вот „Философия“ в изображении Пювис-де-Шаванна: молодой грек слушает Платона. Оригинальность Пювис-де-Шаванна заключается в том, что он, будучи символистом и мечтателем, вовсе не является мистиком и пессимистом: у него мечта сочетается с жизнью и служит жизни.

Но немало было среди французских художников и мистических символистов, каковы в особенности Жан Аман и Редон. Последний изображал, напр., Христа в виде некрасивого худого юноши с огромными глазами, в которых выражена мучительная боль.

Общая черта новейших французских художников—необыкновенное совершенство техники. Некоторые из них старались и здесь найти нечто совершенно новое. Так, Мартен практиковал пуантилизм, т.-е. живопись разноцветными точками: при изображении света он, напр., разлагал смешанные цвета на первичные, и оттого его картины светятся. Таков его триптих (тройная картина): молодость (весна и юная влюбленная пара), зрелый возраст (рабочий июльский день в поле) и старость (близость ночи осенью).

В 60-х годах XIX в. переворот в скульптуре был произведен Родэном. Выразительность, углубление идеи

сюжета—вот основная задача Родэна. Соответственно этому он технически подчеркивает ту часть слепка, которая выражает основную идею, главное движение или положение. Вот, напр., группа „Буржуа города Калэ“, изображающая шестерых граждан, которые идут на смерть для спасения осажденного англичанами города; на лицах их, каждое из которых, как и поза, индивидуально, сообразно характеру, возрасту и положению, видны и скорбь, и самоотречение, и мужество, и презрение к смерти; это—памятник всем безвременно и самоотверженно погибшим. Или „Врата Ада“: толпа перед ними в паническом ужасе; на нее глубоким взором смотрит мыслитель. В статуе „Бальзак“ Родэн изобразил великого писателя в свободной, широкой, бесформенной одежде, подобной плащу или рясе, в которую одевался Бальзак, работая. Это заставляет сосредоточивать внимание на главном—на голове и лице: голова высоко поднята, взгляд орлиный, губы сложились в сатирическую усмешку; это—олицетворение творческого гения Бальзака.

Наконец, и французская музыка в своем развитии проявила выразительность, изящество, вдохновение и оригинальность, яркий и блестящий индивидуализм. Это легко признать, назвав имена гениального романтика Берлиоза, Гуно, Делиба, Амбруаза Тома, Сен-Санса, Массенэ, Бизе с его вдохновенной „Кармен“, наконец, такого музыкального новатора, как Дебюсси.

В высшей степени характерно для культурно-капиталистического общества в разные моменты его существования развитие науки во Франции второй половины XIX века и начала XX. Здесь прежде всего обращают на себя внимание две крупные и яркие фигуры—Эрнест Ренан и Ипполит Тэн.

Ренан до 1875 года хотел наукой заменить религию: это ведь было время, когда буржуазия чувствовала себя прочно, буржуазная культура не подвергалась опасностям и безбоязненно обращалась поэтому к научному орудию, чтобы вскрыть истину, понять действительность, не затуманивая ее мистицизмом и метафизикой. Но Кант, Фихте, особенно же Гердер и Шопенгауер в идейном отношении, угроза социализма и господство формальной демократии в материальной жизни произвели в Ренане

переворот. В 1876 г. он выпустил в свет свои „Философские диалоги“: тут и вера в прогресс до бесконечности, как выражение воли мира, и идея о „великом обманщике“—богатстве, которое обманывает нас во имя таинственных целей, непонятных нашему разумению; эта мировая воля и таинственная цель приводит скептика Ренана к вере в Провидение [1]). Впрочем, скептицизм Ренана—улыбающийся и примиряющий: в своем отсутствии веры Ренан готов был верить всему, учил не быть сектантами и не злобствовать друг на друга из-за различия в убеждениях. Верность долгу, любовь к труду, истина и честь—вот главное для Ренана [2]).

Тэна считают теоретиком натурализма в литературе и искусстве, старавшимся с точки зрения научной психологии, из условий расы, среды и момента объяснить явления литературного и художественного творчества [3]). Блестящий стилист, тонкий художественный ценитель, давший ряд ярких характеристик, Тэн, однако, не довел своего научного метода до конца. Ему справедливо возражали, что раса—нечто смешанное и изменчивое во времени [4]), что его определения (напр., „ораторства“ писателей) не всегда точны и изменчивы [5]). Можно к этому прибавить, что расплывчатое понятие „среды“ Тэн не свел к экономическому монизму. Тем не менее работы Тэна о Лафонтене, Тите Ливии, по истории английской литературы и по философии искусства были в свое время важными научными трудами, проникнутыми живым стремлением к широким обобщениям. Все эти работы написаны Тэном большею частью еще тогда, когда он проникнут был энтузиазмом к науке и верой в нее. Но с 1865 г. у него начинается перелом, кризис, завершившийся окончательно после 1870—71 годов; Тэн изверился в науке и знании и проникся ненавистью к демократии. Свидетельством первого является его книга „Об уме и познании“ („De l'intelligence“), второго—его „Происхождение современной Франции“. Тэн при-

---

[1]) *Париго*, Ренан.
[2]) *Фагэ*, Политики и моралисты XIX в., т. III.
[3]) *Лансон*, История фр. лит
[4]) *Hennequin*, La critique scientifique, P. 1888 г
[5]) *Ив. Иванов*, в его статьях о Тэне.

шел к убеждению, что сущность, вещей непознаваема; отсюда, из сознания бессилия человеческого ума, у него вытекает нравственная угнетенность. Личное достоинство предписывает ему, однако, стоицизм: необходима энергия и спокойствие в отчаянии, уменье жить с достоинством и терпением, отдаваясь труду, который есть медленное и разумное самоубийство [1]). Все это делает Тэна типичной интеллигентски-буржуазной фигурой особенно в связи с тем памфлетом против демократии, революции и якобинизма, который представляет собою его многотомный труд „Происхождение современной Франции“. На надлежащей научной высоте стоит только первый том этого труда, посвященный старому порядку, хотя, конечно, и в других томах много отдельных замечаний и сближений, обращающих на себя внимание и заслуживающих учета.

Научный анализ литературных явлений пытались производить во Франции второй половины XIX века также Брюнетьер и Геннекен. Брюнетьер в своем сочинении „L'évolution des genres“ („Развитие видов литературы“), появившемся в 1890 г., старается изобразить эволюцию видов в литературе по принципам эволюции видов Дарвина. Основное его положение заключается в том, что чем культурнее общество, тем сильнее в нем потребность в чистых и напряженных эстетическик эмоциях. При Людовике XIV господствовали два вида наиболее консервативные и морализирующие—трагедия и церковная проповедь, далекие от чистого эстетизма. В XIX в. все захватил и пропитал вечный бунтарь—лиризм. История французской литературы XIX в., по Брюнетьеру, есть история лиризма, причем следует различать две эпохи: первая—романтизм, лиризм, индивидуализм, вторая—натурализм, объективизм, позитивизм, вершина чего в Леконте де Лиле и парнасцах. Но в сущности это—не эволюция видов, а эволюция литературных мнений и направлений. И второе направление, натурализм, следует по тому же руслу, принадлежит к основному виду литературы в данное время. Лирика и была в XIX в. таким основным видом: она проникала собою и эпос (роман) и драму.

---

[1]) *Фагэ*, Политики и моралисты XIX в., т. III.

Геннекен, ученик Тэна, желал основать научную литературную критику. Он выдвинул эсто-психологическую точку зрения: степень отзывчивости народной массы на деятельность писателя. Успех венчает эту деятельность лишь тогда, когда в публике много одинаково настроенных, одинаково чувствующих с автором масс. Три анализа применял Геннекен: 1) эстетический—разбор приемов мастерства, 2) психологический—разбор душевной организации писателя, 3) эсто-психологический или социологический—изучение приверженцев и почитателей писателя, читающей его публики. Из этих анализов и их результатов слагается синтез, общий вывод, в котором, по Геннекену, необходимо подчеркнуть ту самую эмоцию, которую стремился вызвать в читателях автор своим произведением.

Мы видим таким образом, что стремление к широким обобщениям, к грандиозным научным построениям было не менее свойственно эпохе перехода к культурному капитализму во Франции, чем соответствующему времени в Англии. Но, как и там, и здесь скоро обострилась потребность в специализации. Представителем ее во французской исторической науке второй половины XIX века был Фюстель-де-Куланж, за которым последовала целая плеяда специалистов в разных ветвях истории и других отраслей обществознания. Таковы, напр., в истории первобытной культуры отец и сын Мортилье, в средневековой истории Гастон Парис, Люшер и многие другие, в истории новой Олар. Мы вкратце характеризуем только Фюстель-де-Куланжа.

Это был ум с большой обобщающей способностью и потребностью, энтузиаст точного понимания текста источников, монистически (но не экономически, как и подобает буржуазному ученому) настроенный. Во всем этом и сильная и слабая сторона Фюстель-де-Куланжа. Сильная заключалась в цельности изображения, в уменье уловить тот монизм, который действительно свойствен историческому процессу, и в ряде детальных точных, верных и важных наблюдений и выводов. Слабость была в том, что точность понимания текста источника иногда превращалась в буквоедство: напр., villa как хозяйственное целое действительно господству-

ющий термин и в раннем средневековье и в Римской империи, но смысл этого термина в действительности иной: это в средние века—уже часто не имение, а деревня. И это-то различие по существу Фюстель-де-Куланж, опираясь на термин, форму выражения, отрицал. Еще более слабая сторона проявлялась здесь в том, что Фюстель-де-Куланж, ярко монистически изображая исторические явления и процессы, принимал за причины то, что было следствием и наоборот; так случилось с его „Гражданской общиной древнего мира" („La cité antique"): религия греков и римлян действительно была неразрывною частью единого целого, но не она была причиной этого единства и цельности,—она являлась лишь одним из последних культурных наслоений, надстроек над определенным материальным базисом.

В заключение отметим блестящие успехи ряда французских ученых в разных сферах естествознания. Лучи Беккереля и радиоактивность, открытая Кюри и Складовской-Кюри, представляют собою яркие свидетельства об этих успехах в области физики. Бертело в химии дал синтез одного из органических веществ—именно жиров. Дютроше, Сенебье, Соссюр, Буссенго работали весьма плодотворно в области агрономической химии и ботаники и теоретически и практически—в ее применении к земледелию. Сабатье и Ле-Дантек работали над сведением явлений жизни живого организма к обычным физико-химическим процессам. Пастер основал бактериологию и применил к медицине серотерапию—лечение прививками, что делали также Ру и Дюкло. Делаж содействовал разработке теории наследственности.

Та общая характеристика перемен в психологии буржуазно-капиталистического общества, которая сделана была нами выше, на английском материале, как видит теперь читатель, подтверждается и целым рядом фактов и наблюдений, касающихся духовной культуры капиталистической Франции во второй половине XIX века. Ничто, может быть, так ярко не характеризует окончательный результат совершавшегося в этом отношении процесса, как философия Бергсона—этого действительного главы современной буржуазной философской мысли.

Здесь не место излагать подробно и критиковать философию Бергсона: это требует специального большого труда. Но своевременно и уместно отметить основную черту бергсоновского мировоззрения, типичную для заката буржуазии. Когда-то верившая в науку, опиравшаяся на научный метод опыта и наблюдения, буржуазия теперь ищет опоры в мистике. Не познание, а постижение путем интуиции, особой умственной симпатии, дает, по Бергсону, понимание сущности вещей, недоступной научным методам исследования. И в соответствии с этим мистика и метафизика неовитализма, утверждение, что все живое по существу отличается от неживого в природе, занимают в философии Бергсона видное, почетное место.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Производственный капитализм в Германии.

I.

Немецкий капитализм шестидесятых и семидесятых годов XIX века.

Германия вступила в полосу производственно-капиталистического развития позже не только Англии, но и Франции. Это случилось только в шестидесятых годах XIX в., преимущественно даже к концу их. Тогда и начался период хищнического капитализма в Германии, хранивший множество традиций эпохи первоначального накопления, торгового капитализма. Он пройден был Германией, однако, необычайно быстро и длился в сущности только до половины 70-х годов. Первая половина 70-х годов была настоящей эпохой грюндерства в Германии. Германия не знала тогда ни профессиональных объединений рабочих в национальном масштабе,—они не разрешались,—ни настоящего права коалиций; даже собрания в большей части немецких государств могли осуществляться не свободно и не путем простого заявления администрации, а после предварительного ее разрешения. Фабричного законодательства совершенно не было. Социал-демократия была еще слаба и имела лишь единичных представителей в составлявшемся на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права в рейхстаге. Картина хищнического, элементарного капитализма, была таким образом, типичная, характерная, ничем почти по существу не отличавшаяся от известных уже нам соответствующих явле-

ний производственно-капиталистического развития Англии и Франции.

Единственное важное здесь отличие заключалось в темпе развития немецкого капитализма 60-х и 70-х годов: темп этот был необычайно скорый, быстрый, стремительный. Германия обладала необычайно богатыми рессурсами и предпосылками для развития производственного капитализма. Они долго задерживались в естественном движении вперед. И теперь, когда сдержки исчезли, когда всеобщее избирательное право и объединение Германии освободили связанные силы, они прорвались широким потоком. Германия быстро наверстывала потерянное время и делала поразительные успехи.

По количеству добываемого каменного угля Германия еще в 1850 г. далеко—на 52%—превосходила Францию; к 1880 году она стала добывать угля в восемь раз больше, чем в 1850 г.—свыше 3 миллиардов 600 миллионов пудов, что превышало добычу Франции в тот же год более, чем втрое [1]). Чугуна выплавлено было в Германии в 1850 году всего около 13 миллионов пудов, почти вдвое менее, чем во Франции в то же время; в 1870 г. выплавка чугуна в Германии дала уже около 85 милл. пудов,—на 18% больше французской, а в 1880 г. в Германии было выплавлено чугуна почти 133 милл. пудов,—больше, чем во Франции, на целых 43% [2]). В 1871—72 годах сахара было выработано в Германии 182½ тысячи тонн, спирта 1,7 миллиона гектолитров [3]). В 1870—73 годах основано было 958 новых акционерных предприятий с капиталом в 3 миллиарда 600 миллионов марок. В то же время железнодорожная сеть составляла уже около 21½ тысячи километров, а пароходов считалось 147 с 82 тысячами тонн вместимости [4]). Мастерских золотых и серебряных изделий в Берлине в 1849 г. считалось всего семь, а в 1863 г. уже 23 [5]). В 50-х

---

[1]) *Радциг*, Каменноугол. промышл. всего света, стр. 3.

[2]) *Ден*, Каменноуг. и железодел. пром., стр. 86.

[3]) *Бернштейн*,—статья о промышл. развитии Германии в „Энц. Словаре", изд. бр. Гранат, 7-е изд.

[4]) Там же.

[5]) *Зомбарт*. Соврем. капитализм, т. II.

годах в Германии большое еще значение имели отдельные банкиры, банков было немного—в 1856 г. всего 14,—и большинство их вело спекулятивную деятельность. В 1853—56 годах Дармштадтский банк был единственным торгово-промышленным банком, сознательно стремившимся не к усилению ажиотажа, а к производительному и солидному приложению капиталов. Но в 1856 г. берлинское Disconto-Gessellschaft, основанное в 1851 г., преобразуется в такое же солидное культурно-капиталистическое финансовое предприятие. Еще до 1870 г. оба эти банка развивали текущие кредитные операции: депозиты у Дармштадтского банка возросли с 1852 по 1869 г. в 20 раз, у Disconto-Geselleschaft вдвое, а контокоррентные операции увеличились у первого в 10 раз, у второго в 25 раз. В 1871 г. основан был Немецкий банк. В 1875 г. банк банков—Имперский банк. В эти же годы началось планомерное развитие депозитных операций, индустриально-экспортной политики кредитных банков. Наконец, стала энергично и быстро проводиться и концентрация банков [1]).

После пира, как всегда бывает, наступило похмелье. Огромный порыв вперед, лихорадочный подъем грюндерства и спекуляции сменился около половины 70-х годов грандиозным кризисом и последовавшей затем депрессией, длившейся до конца 70-х годов. В промышленности это была обычная болезнь капиталистического хозяйства, в сельском хозяйстве следствие заокеанской конкуренции, понизившей цены на хлеб и ренту в Германии на 50%.

Германия после этого кризиса, который смел отсталые предприятия, вышла на дорогу культурно-капиталистического развития. Этому содействовало и введение золотого имперского денежного обращения в 1873 году.

---

[1]) *Riesser*, Die deutshcen Grossbanken und ihre Konzentration, 4 Aufl., Iena 1912, стр. 36, 43—44, 61—62, 73.

II.

Сельскохозяйственный капитализм в Германии.

Война 1870—71 годов, объединение Германии, введение всеобщего избирательного права по плану Бисмарка при выборах в германский рейхстаг заменили собою то революционное потрясение, которое обыкновенно предшествует переходу от хищнического капитализма к культурному. Бисмарк проявил здесь действительно гениальную прозорливость и предупредил революцию, подобную английскому чартизму или февральской революции во Франции, и позднейшие его консервативные, точнее реакционные, критики, находившие, что он напрасно настоял на всеобщем избирательном праве, доказывают только свою политическую близорукость с точки зрения защиты интересов господствующих классов. Бисмарк оказался лучшим, более умным и глубоким, чем они, защитником этих интересов, о чем, впрочем, не раз еще придется говорить по поводу его рабочей и внешней политики.

Итак, с восьмидесятых годов XIX в. в Германии начался период культурно-производственного капитализма. Посмотрим прежде всего, как он выразился в немецком сельском хозяйстве.

С точки зрения соотношения разных отраслей хозяйства Германия второй половины XIX века представляет собою нечто среднее между Великобританией и Францией: с Великобританией она сходна по чрезвычайно-высокому развитию индустрии, фабрично-заводской промышленности, развертывавшейся и шедшей вперед притом же с необычайной быстротою; с Францией ее сближает более важная, чем в Англии, роль сельского хозяйства. Сельским хозяйством в Германии в конце XIX века была занята относительно меньшая часть населения, чем

во Франции,—36%. И, однакоже, оно все более и более отступало на второй план перед индустрией. Не надо притом забывать, что часть этих 36-ти процентов занята была виноградарством и садоводством в западной и южной Германии, так что на долю зернового, хлебного хозяйства и скотоводства приходилось меньше—немногим более 34% [1]). Всего нагляднее (хотя и далеко не точно) обрисуется перед нами относительное значение сельского хозяйства в Великобритании, Франции и Германии, если мы сравним между собою площади земель, эксплоатировавшихся в сельском хозяйстве всех этих трех стран в 1895 году: в Великобритании такая площадь простиралась до 13 миллионов 40 тыс. гектаров, во Франции до 50 миллионов 374 тыс. гект., а в Германии—до 32 милл. 518 тыс. гектаров. Понятно, что население Германии в гораздо большей мере, чем население Франции, нуждалось в привозном из-за границы хлебе: в конце XIX в. $^{1}/_{10}$ потребляемой в Германии ржи и почти треть пшеницы были иностранными [2]).

И это несмотря на то, что техника германского сельского хозяйства очень высока. Очень быстро увеличивалось в Германии за последние десятилетия XIX в. число и производительность сельскохозяйственных машин,—быстрее, чем шло даже развитие машинной техники в немецкой индустрии того времени: с 1879 по 1897 г. число машин в сельском хозяйстве Германии выросло на 470%, а количество лошадиных сил в них на 546%, тогда как для горного дела и индустрии соответствующие цифры были 209% и 320% [3]). В 1895 г. в Германии свыше 94% всех крупных хозяйств, почти 79% близких к крупным и около 46% средних хозяйств имели машины [4]). Пространство под паром сильно сокращалось и в 1900 г. составляло лишь $^{1}/_{20}$ всей пашни [5]). Площадь под кормовыми травами выросла с 1878 г. по 1900 г. на 8%, а под корнеплодами почти на 70%, так что много-

---

1) *Ден*, Очерки по экономической географии, ч. 1, Спб. 1908, стр. 260.

2) Там же, стр. 256, 257.

3) *Каутский*, Аграрный вопрос.

4) *Ден*, Очерки по экон. геогр., стр. 267.

5) Там же, стр. 266.

полье и плодосмен, в худшем случае улучшенная зерновая система стали господствовать[1]). Интенсификация проникла и в скотоводство: тучные пастбища выросли почти на 30%, скотоводство в Германии с 1873 по 1905 г. увеличилось на 24,1%, число голов рогатого скота с 1883 по 1892 г. увеличилось на 11,2%, а живой их вес возрос на 18,3%, ценность же на 15,4%[2]).

Немецкое сельское хозяйство в половине 70-х годов сильно пострадало от заокеанской конкуренции: рента упала в то время на 50%[3]). Тогда приняты были усиленные меры покровительства немецкому сельскому хозяйству: в 1879 г. введены были таможенные пошлины на ввозимый в Германию иностранный хлеб; в 1885 и 1887 годах они были повышены. В результате оказалось, что цены на хлеб и, следовательно, рента понизилась не на 50, а только на 25%[4]).

Сельское хозяйство Германии в одном еще отношении сходно с сельским хозяйством Франции и несходно с сельским хозяйством Англии: в Германии подавляющее большинство хозяйств—около 88% в 1895 г.—велось на собственной, а не на арендованной земле.

Относительно изменений, какие происходили с течением времени в размерах немецких сельскохозяйственных предприятий, существуют в литературе два главные мнения: одно принадлежит Булгакову, другое Каутскому.

Булгаков доказывает, что в промежуток времени между 1882 и 1895 годами крупное хозяйство вытеснялось мелким; основанием служит ему сравнение данных об относительном числе хозяйств и площади их до 20 гектаров и выше 20 гектаров[5]). Ясно, что такое основание совершенно не выдерживает критики: во-первых, хозяйства ниже 20-ти гектаров нельзя назвать все сплошь мелкими: немецкая статистика подразделяет их на три разряда—до 2-х гектаров, от 2-х до 5-ти и от 5 до 20 гектаров, так что последний разряд представляет собою

---

[1]) Там же, стр. 262.

[2]) Там же, стр. 262, 265, 271.

[3]) *Каутский*, Аграрный вопрос.

[4]) *Ден*, Очерки по экон. геогр., ч. I, стр. 260.

[5]) *Булгаков*, Капитализм и земледелие, т. II, стр. 119 и след.

уже не мелкие, а средние хозяйства, применяющие наемный труд; во-вторых, нельзя причислить сплошь к крупным и хозяйства выше 20 гектаров: они делятся на два разряда от 20 до 100 гект. и свыше 100,—и только последние и может быть еще часть первых (с 75—80 гектаров) можно отнести к крупным. Булгаков таким образом просто произвольно группирует цифры, чтобы получить желательный для него вывод.

Каутский находит, что за этот же период—с 1882 по 1895 год—в Германии наблюдался рост средних хозяйств—от 5 до 20 гектаров—на-ряду с уменьшением мелких и крупных[1]). На первый взгляд кажется, что он прав, как, повидимому, показывают следующие данные, вычисленные по приводимой им таблице:

Распределение по разрядам числа хозяйств:

	Менее 2-х гект.	От 2 до 5 гект.	От 5 до 20 гект.	От 20 до 100 гект.	Свыше 100 гект.
1882 год . . .	58,0%	18,5%	17,5%	5,3%	0,7%
1895 „ . . .	58,3%	18,2%	18,0%	5,0%	0,2%

Распределение по разрядам хозяйств площади:

	Менее 2-х гект.	От 2 до 5 гект.	От 5 до 20 гект.	От 20 до 100 гект.	Свыше 100 гект
1882 год . . .	5,7%	10,0%	29,8%	31,2%	23,3%
1895 „ . . .	5,6%	10,1%	29,9%	30,3%	24,1%

Итак: 1) мельчайшие хозяйства несколько увеличиваются по числу, но уменьшаются по площади, ими занимаемой; 2) хозяйства от 20 до 100 гектаров—близкие к крупным—уменьшаются в обоих отношениях; 3) хозяйства крупные—свыше 100 гектаров—несколько уменьшаются по относительному числу, но растут по площади, т.-е. становятся крупнее; 4) средние хозяйства—от 5 до 20 гектаров—одни только растут в обоих отношениях.

Повторяем: как будто приходится согласиться с Каутским. Но именно только как будто. Ближайшее, дополнительное исследование приводит к несколько иным выводам.

---

[1]) *Каутский*, Аграрный вопрос, изд. Петровс. библиот., стр. 118.

Надо строго различать, несмотря на хозяйственное и политическое объединение Германии, с одной стороны, западную и южную Германию, с другой, восточную, заэльбскую. И в той и в другой действуют те же причины, те же силы и, как сейчас убедимся, в одинаковом направлении, но исходные пункты сельскохозяйственного развития обеих этих частей страны, как нам уже известно из VII и VIII томов нашего труда, были различны, и по тому наблюдаются важные различия в подробностях. Эти различия сглаживаются и затемняются, когда все данные сводятся в общую таблицу по всей стране, и отсюда получается неточная общая картина, мешающая рассмотреть и понять подлинную действительность.

В Пруссии, к востоку от Эльбы, мы наблюдаем следующие явления: 1) средние хозяйства—от 5 до 20 гектаров—растут, как и во всей Германии, и по числу и по площади; 2) хозяйства от 20 до 100 гектаров—близкие к крупным—и по числу и по площади уменьшаются, опять-таки как и во всей Германии; 3) в противоположность тому, что наблюдается во всей Германии, растет самое мелкое хозяйство—до 2-х гектаров; 4) самое крупное хозяйство—свыше 100 гектаров—сокращается незначительно по числу и гораздо сильнее по площади: явление опять-таки противоположное общегерманскому [1]).

Посмотрим прежде всего, что означают наиболее оригинальные явления, отличающие заэльбскую Пруссию от остальной Германии. Мы видим здесь, в заэльбской Пруссии, сокращение крупнейшего хозяйства и одновременный рост мельчайшего. Это явление нам уже знакомо по истории сельского хозяйства во Франции XIX века. Мы знаем и его смысл: крупные хозяйства, нуждаясь в постоянных рабочих, насаждают карликовые хозяйства, лишенные всякой самостоятельности, превращающие их владельцев в покорных, уступчивых и привязанных к месту батраков с наделом. Что это в данном случае именно так,—видно из того, что более 21% всех мельчайших хозяйств Германии—690 тысяч из 3 миллионов 236 тысяч—принадлежало в 1895 г. сельскохозяйственным рабочим, самостоятельных хозяйств без посторон-

---

[1]) Основано на данных *Бумакова*, Капит. и землед., II, стр. 121, 125.

него заработка было всего 13% числа всех мельчайших хозяйств, остальные 66% принадлежали промышленным рабочим, ремесленникам, кустарям и т. д. [1]). Эти последние цифры показывают, что не все мельчайшие хозяйства, не только во всей Германии, но даже и в Пруссии, были насаждены крупным сельскохозяйственным капиталом. В разряд мельчайших хозяйств переходила, дробясь, также и некоторая часть настоящих мелких крестьянских хозяйств от 2 до 5 гектаров размером: недаром последние уменьшались по числу и площади. А затем промышленные рабочие, ремесленники, кустари, мелкие торговцы также насаждали для себя карликовые владения, земли с носовой платок, пользуясь своими скудными сбережениями. Здесь развитие индустриализма способствовало также росту карликового владения и хозяйства.

Но это—замечание в сторону, имеющее лишь дополнительное значение. Сейчас для нас важнее то, что в Пруссии мы наблюдаем рост парцелльного, карликового хозяйства, создаваемый в значительной степени интересами крупного сельскохозяйственного производства; этим важным явлением, да еще отчасти интенсификацией, капитализацией сельского хозяйства, для чего слишком крупные хозяйства дробятся, и часть их продается для выручки необходимого капитала, объясняется и некоторое уменьшение крупного хозяйства, не противоречащее, следовательно, процессу развития сельскохозяйственного капитализма.

Другую особенность Пруссии, как и всей Германии, составляет рост крепкого крестьянства, Grossbauer'ов, богатых крестьян, эксплоатирующих наемный труд. Эта особенность требует своего объяснения. О ней—ниже.

Теперь же, путем сравнения данных о Пруссии с данными о всей Германии, легко вывести весьма важные заключения о переменах в размерах хозяйств в южной и западной Германии. Во всей Германии, как мы видели, мельчайшие хозяйства слабо увеличивались по числу, но уменьшались по площади, ими занимаемой; в Пруссии они росли в обоих отношениях; несомненен, следова-

---

[1]) *Каутский*, Аграрный вопрос.

тельно, и очень интересен первый вывод: в западной и южной Германии в обоих отношениях — по числу и по площади—мельчайшее хозяйство падало, т.-е. или превращалось в более крупное или совсем исчезало, так что владельцы его пролетаризировались. В том и другом случае бесспорно движение к более крупному хозяйству.

Затем: во всей Германии число крупных хозяйств (свыше 100 гектаров) несколько уменьшилось, но площадь под ними выросла; в Пруссии и число, и площадь уменьшились; очевидно, в западной и южной Германии крупные хозяйства и по числу и по площади увеличились. Опять мы видим движение к крупному хозяйству, к сельскохозяйственному капитализму.

Таким образом, ближайшее изучение статистического материала, касающегося двух различных частей Германии, приводит к твердому убеждению, что и здесь и там—и к востоку и к западу от Эльбы—в Германии развивался сельскохозяйственный капитализм, только это развитие совершалось в различных формах, сообразно различию исходных его пунктов в той и другой части страны: в восточной Германии развитие пошло от крестьянского безземелья или малоземелья, созданного условиями уничтожения здесь крепостного права,—и потому пришлось привязать часть крестьян к земле карликовыми участками, чтобы приобрести постоянных рабочих; в западной Германии развитие исходило из преобладания крестьянского мелкого хозяйства и мелкого землевладения,—потому там и обнаружилась наклонность к их укрупнению, к увеличению размеров хозяйства.

Но Каутский, как мы видели, подметил крупный и важный факт, совершенно оригинальный для Германии сравнительно с Англией и Францией: это—рост богатого крестьянского хозяйства размерами от 5 до 20 гектаров. Этот рост одинаково наблюдается во всей Германии—восточной и западной. Чрезвычайно знаменательно также, что во всей Германии в соответствии с этим самостоятельное крестьянское хозяйство, обходящееся без наемного труда, обнаруживает наклонность стать крупнее, превратиться в хозяйство богатых крестьян: число таких хозяйств (2—5 гект.) уменьшается, как мы видели, а площадь под ними увеличивается, т.-е. они

становятся крупнее. Очевидно, у этих явлений должны быть общие для всей страны причины. В чем же они заключаются?

Каутский дает нам нить к их пониманию, указывая на рост индустрии и на отлив значительной части деревенского населения в города, что само по себе дает возможность оставшимся в деревне крестьянам располагать достаточными участками земли и, следовательно, держаться. Если говорить об отливе избытков деревенского населения, то к этому можно прибавить еще и колонизацию: немцы переселяются, напр., в Америку в несравненно большем количестве, чем англичане и французы. Но дело не только в этом: развитие индустрии действительно важно тем, что отвлекает от деревни массу рабочих сил и голодных ртов, этим косвенно поддерживает крестьянство и несколько задерживает процесс роста крупного сельского хозяйства; но не менее важно здесь развитие индустрии еще и потому, что промышленные рабочие, выходя по преимуществу из крестьянства и сохраняя довольно долго связи со своими семьями в деревне, при быстром и сильном развитии индустрии в Германии имели возможность посылать часть своего заработка в деревню и тем содействовать округлению крестьянских земельных участков и превращению их потом в сельскохозяйственные предприятия с наемным трудом.

В заключение необходимо остановиться на вопросе об организации сельскохозяйственных предпринимателей, крестьян и батраков в Германии в союзы.

В Германии, как и во Франции, возник и укрепился весьма влиятельный и сильный союз крупных землевладельцев, сельских хозяев, аграриев. Он руководил целой политической партией, старался—и не без успеха—подчинить своей опеке зажиточное крестьянство и, пользуясь влиянием в правящих кругах—в правительствах, рейхстаге и ландтагах,—усердно и успешно защищал интересы сельскохозяйственных предпринимателей, аграрной буржуазии.

Мы видели, как во Франции крупный сельскохозяйственный капитал взял под свою опеку мелких сельских хозяев, крестьян и даже сельскохозяйственных рабочих,

приманивая их учреждением сельскохозяйственных синдикатов и ассоциаций. Подобное же явление наблюдалось и в Германии, где крупные сельские хозяева учреждали ссудные товарищества для покупки и сбыта. Однако, крупный сельскохозяйственный капитал в западной и южной Германии не достиг еще такого преобладания, как во Франции, и потому там возникло немало самостоятельных крестьянских союзов для производства молочных изделий, для совместной закупки машин и удобрения и т. д. Понятно, подобные союзы укрепляют именно зажиточное крестьянство и содействуют его росту. Всех сельскохозяйственных товариществ в Германии, считая в том числе и ссудные товарищества для покупки и сбыта, было в конце 90-х годов более 8.400, а в 1910 г. число их дошло до 20 тысяч.

Сельскохозяйственные рабочие в Германии были в конце XIX в. столь же недостаточно организованы в профессиональный союз, как и во Франции. В этом отношении французские и немецкие сельскохозяйственные рабочие далеко уступали английским. Причина понятна: сельскохозяйственный капитализм Англии был более передовым, чем французский и немецкий аграрный капитализм.

III.

Немецкий промышленный и финансовый капитализм в последние двадцать лет XIX века.

История немецкого промышленного и финансового капитализма за последние два десятилетия XIX в.—типичная история культурно-капиталистической эволюции, совершавшейся только очень быстро, можно сказать с головокружительной скоростью.

Ярко проявилась в этой истории прежде всего периодичность хозяйственной эволюции капиталистического общества, смена подъемов кризисами и депрессией. Мы отметили уже выше большой кризис 1873 года и последовавшую затем хозяйственную депрессию, длившуюся с 1874 по 1878 год. Затем в 1879—1882 годах последовал хозяйственный подъем. Он сменился кризисом и депрессией 1883—1887 годов. Годы с 1887 по 1890 включительно отмечены снова благоприятной экономической конъюнктурой. В 1891—1894 годах наблюдаются опять кризис и депрессия, сопровождавшиеся в 1891 г. крахом многих банковых предприятий. Трехлетие с 1895 по 1897 год отличается большим подъемом. Подъем этот стал стремительно снижаться в 1898 и 1899 годах: чувствовалось губительное дыхание надвигавшегося кризиса, заставившее сильно поднять дисконтный процент. И кризис действительно последовал в 1900 и 1901 годах, притом с огромной силой, погубившей ряд банков и промышленных предприятий и опровергнувшей старое мнение, что острые кризисы сменились притупленными и длительными депрессиями [1]).

Несмотря, однако, на эту периодичность, а отчасти и вследствие этой периодичности, потому что кризисы сметали отсталые и мелкие предприятия и расчищали

---

[1]) *Riesser*, Die deutschen Grossbanken, стр 73—75.

дорогу для передовых и крупных, применявших новые технические изобретения и усовершенствования, немецкий индустриальный и финансовый капитализм являл собою яркий пример необычайно быстрого и сильного роста.

Производство готового платья сильно и быстро шло вперед в Берлине, Штеттине, Эрфурте, Франкфурте на Майне, Бреславле. В Бреславле в начале XX в. этим было занято 30 тыс. чел., в Берлине 88 тысяч. Всего в Германии выделывалось готового платья на 400 милл. марок в год. С 80-х годов XIX в. стало особенно развиваться сапожное и вообще кожевенное производство в Германии: в начале XX в. в Германии насчитывалось до тысячи кожевенных фабрик; в местечке Пирмазенс на Рейне таких фабрик в 1889 году было всего 19, в 1890 г.—48, а в 1895 г. уже 98 [1]). Скорняжное производство особенно расцвело в Лейпциге. В производстве красок, особенно анилиновых, Германия не знала соперников. Огромные железоделательные и сталелитейные заводы Круппа и Штумма являлись едва ли не лучшими в мире. Выплавка чугуна в Германии с 1880 по 1901 г. возрасла бо ее, чем в $3^1/_2$ раза, достигнув 478 миллионов пудов [2]). Производство литого металла—железа и стали—с 1882 по 1902 год увеличилось почти всемеро [3]). Угля в 1901 г. было добыто почти на 160%,—более, чем в $2^1/_2$ раза,—больше, чем в 1880 г. [4]). Собственные капиталы немецких банков с 1872 по 1902 год увеличились в $2^1/_3$ раза. В той же пропорции, а часто и больше возросли их операции за это время [5]). Железнодорожная сеть с 1871 по 1900 год возросла в $2^1/_4$ раза, число пароходов в 9 раз, а их вместимость в 14 раз. Производство сахара за то же время увеличилось в 10 раз, а спирта почти в $2^1/_2$ раза [6]). Положение Германии в отношении ее хозяйственного развития в ряду других стран существенно изменилось. Это лучше всего видно из цифр, показывающих, какое место заняла Германия

---

[1]) *Зомбарт,* Современный капитализм, т. II.
[2]) *Ден,* Каменноугол. и железодел. пром., стр. 86.
[3]) Там же, стр. 88.
[4]) Там же, стр. 24.
[5]) *Riesser,* Die deutschen Grossbanken.
[6]) *Бернштейн,*—в XIV томе „Словаря“ изд. бр. Гранат.

в производстве каменного угля и выплавке чугуна в 1901 г., если вычислить то и другое на одного жителя: оказывается, что в Великобритании в 1901 г. было добыто угля $327^{1}/_{2}$ милл. пудов на жителя, в Соединенных Штатах Америки 209 милл. пуд., в Германии почти 164 милл. пуд., а во Франции менее 51 милл. п.; чугуна в том же году было выплавлено на одного жителя в Соединенных Штатах Америки 12,7 милл. пуд., в Великобритании 11,6 милл. пуд., в Германии 8,4 милл. пуд., а во Франции всего лишь 3,8 милл. пудов [1]). Германия, следовательно, стала третьей после Соединенных Штатов и Англии передовой капиталистической страной в мире.

Как всегда бывает в развивающемся капиталистическом хозяйстве, в Германии происходила усиленная концентрация промышленных и банковых предприятий. В 1907 г. в Германии было 478 предприятий, на каждом из которых работало свыше 1.000 рабочих, в 945 предприятиях считалось от 500 до 1.000 рабочих, свыше 100 рабочих насчитывало 11.827 предприятий [2]). Усиление банковой концентрации особенно наблюдалось в 1897 и 1900—1901 годах, во время кризисов [3]). Банковая концентрация имела целый ряд важных причин, которые ее ускоряли и усиливали: концентрация увеличивала прибыли банков, давала индустрии большие средства кредита, уменьшала риск [4]). Концентрация банков в Германии XIX в. далеко еще не достигла законченности: к 1897 г. вполне централизовались и составили свои финансовые группы только два крупных банка—Disconto Gesellschaft и Берлинский—Торговый. Притом и они применяли еще не все способы концентрации: они, правда, увеличивали свои капиталы, основывали зависящие от них коммандитные товарищества, филиалы, агентуры и депозитные кассы, но еще не присоединяли других банков и не создавали длительной общности интересов основанием дочерних и финансирующих банков, приобретением акций, договорами и обменом акций [5]).

---

[1]) *Ден,* Каменноугол. и железодел. пром., стр. 24, 86.
[2]) *Бернштейн*—в „Словаре“, бр. Гранат, т. XIV.
[3]) *Riesser,* Die deutschen Grossbanken, стр. 74, 75.
[4]) Там же, стр. 492—493.
[5]) Там же, стр. 526—527, 530.

Немецкий капитализм, как и всякий другой, содействовал неравномерному распределению капиталов и доходов. В начале XX века в Германии огромная масса населения имела доход ниже 6-ти тыс. марок в год: это в лучшем случае давало возможность едва сводить концы с концами. Зажиточных людей, имевших годовой доход от 6 тыс. до $30^1/_2$ тысяч марок, считалось всего около 212 тысяч человек. Далее начинались богачи: 20 тысяч 128 человек имели доход от $30^1/_2$ тыс. до 100 тысяч марок в год, 4.150 чел. обладали годовым доходом от 100 тысяч до миллиона марок и, наконец, 93 чел. доходом свыше миллиона в год.

Чтобы закончить характеристику развития промышленного и банкового капитализма в Германии конца XIX века, остается иллюстрировать конкретными фактами то важное, основное явление, что этот капитализм принял действительно культурный, не грубо-хищнический характер.

В фабричной промышленности здесь имеет первостепенное значение ряд фактов: рост техники, фабричное законодательство, развитие профессиональных союзов, рост кооперации. Все эти факты и заслуживают в первую очередь нашего внимания.

О росте промышленной техники мы не будем говорить долго. Отметим здесь только два явления: во-первых, не раз уже упомянутый выше факт, что в немецкой индустрии между 1879 и 1897 годами число машин выросло на $209^0/_0$, а количество лошадиных сил в них на 320%; во-вторых, рост в Германии за два последних десятилетия прошлого века машиностроения, производства средств производства, всегда, как известно, отличающий передовые капиталистические страны от отсталых.

Фабричное законодательство представляет собою второй очень важный признак перехода Германии к культурному капитализму. Конечно, нет никаких оснований приходить в восторг от этого законодательства, испытывать по поводу его какие бы то ни было иллюзии о возможности социального мира в капиталистическом обществе. Германская социал-демократия в свое время, при внесении соответствующих законопроектов Бисмар-

18*

ком по достоинству их оценила, в особенности устами Бебеля, как подачки рабочему классу, имевшие в виду совершенно консервативные и буржуазные цели—успокоение рабочих и охрану существующего строя от красного призрака социализма. Не будь социал-демократии и ее успехов, не существуй в Германии рабочее движение,—не было бы и фабричного законодательства. Несомненно, что в этом смысле фабричное законодательство, дававшее хоть несколько вздохнуть пролетариату, служило интересам не столько рабочих, сколько предпринимателей. Однако, самый факт развитого фабричного законодательства, в особенности страхования рабочих в Германии все же, несомненно, служит признаком перехода к культурному капитализму с его уже не грубыми, элементарными, а утонченными способами эксплоатации труда. И Бисмарк с его ближайшими помощниками в этом отношении обнаружил, проводя это законодательство, несомненно, большое и глубокое понимание объективных задач времени, решению которых он и придал, естественно, наиболее консервативные смысл и направление, не лишая в то же время этого решения солидности и серьезности, без которых оно не имело бы никакого значения с точки зрения интересов буржуазии, потому что не достигало бы поставленных целей.

Первые элементы сколько-нибудь серьезного фабричного законодательства в Германии относятся к 1853 году, когда был издан закон, запрещавший совершенно фабричную работу детям до 12-ти летнего возраста и устанавливавший для подростков от 12-ти до 14 лет шестичасовой рабочий день с обязательным обучением в школе в течение трех часов в день. Этот закон имел некоторую реальную силу не в пример раньше—в 1839 г.—изданному закону о детском труде по той причине, что одновременно с его изданием учреждена была фабричная инспекция, обязанная следить за его выполнением. В 1891 году издан был новый закон, которым запрещена фабричная работа детям до 13-ти лет, и установлено, что подростки от 14 до 16 лет работают меньше взрослых, запрещен ночной (от 8 ч. вечера до $5^1/_2$ ч. утра) труд женщин, роженицам предоставлен ше-

стинедельный отдых, и для женщин старше 16-ти лет максимальный рабочий день ограничен 11-ю часами.

Восьмидесятые и девяностые годы дали законодательство о государственном страховании рабочих. 15 июня 1883 г. появился закон о страховании от болезней, дополненный и измененный в 1892, 1900 и 1903 годах, 6 июля 1884 г.—о страховании от несчастных случаев, дополнения и изменения к которому сделаны в 1885, 1886, 1897 и 1900 годах, и 22 июля 1889 г. закон о страховании инвалидности и старости, развитый в 1899 г.

Страхование от болезней распространено на всех лиц, занятых в промышленности, горном деле, ремесле, торговле, отчасти и в сельском хозяйстве, причем техники, мастера, приказчики и конторщики страхуются только в том случае, если получают жалованье меньше 2 тыс. марок в год. В 1901 г. от болезней застраховано было свыше 10 милл. 300 тыс. чел., из которых немногим более 8 милл. мужчин, остальные женщины.

Страхование от несчастных случаев обнимает все крупные производства, опасные ремесла (каменщиков, плотников и кузнецов), извозный промысел, торговлю, почту, телеграф, морские и сухопутные военные управления, рабочих сельскохозяйственных, строительных, лесных и служащих с заработком ниже 3-х тысяч марок. В 1902 г. от несчастных случаев было застраховано около 17 милл. 600 тыс. чел., из них около 4 милл. 900 тыс. женщин, остальные мужчины.

От инвалидности и старости застрахованы все рабочие, мастеровые, прислуга в возрасте свыше 16 лет, служащие, техники и учителя с заработком ниже 2 тыс. марок. В 1902 г. застраховано было свыше 13 мил. 380 тыс. чел., из них около 8 милл. 860 тыс. мужчин, остальные женщины.

Так как в больничные кассы рабочие вносят $^2/_3$ расходов, а предприниматели $^1/_3$, то $^2/_3$ лиц, стоящих во главе управления кассами, выбираются рабочими, а $^1/_3$ предпринимателями. В страховании от несчастных случаев все расходы падают на хозяев, поэтому ими одними выбирается и управление. На пособия при инвалидности и старости взносы делаются поровну хозяевами и рабочими, поровну теми и другими выбирается и упра-

вление. Государство вносит только особую сумму в фонд для инвалидов и престарелых.

Для разрешения споров установлены особые третейские суды, а во главе всех страховых учреждений стоит имперское страховое управление, состоящее из президента и двух директоров, начначенных имперским правительством, четырех членов от союзного совета, 97 постоянных членов, 59 членов судебного ведомства и еще представителей предпринимателей и рабочих. Имперское страховое управление толкует законы, наблюдает за действиями страховых учреждений, решает все дела, нерешенные третейскими судами.

Застрахованные от болезни получают даровое лечение в течение 26 недель, если же болезнь длится дольше, то больной передается в ведение инвалидных учреждений; кроме того, застрахованный получает в течение болезни половину заработка; роженицы получают половину заработка в течение шести недель; в случае смерти семье выдается сумма, равная 20-дневному заработку.

При увечье—даровое лечение и рента—при полном увечье—$^{3}/_{4}$ заработка; при смерти семье—50 марок и более единовременно и рента в зависимости от состава семьи, но не более 60% заработка.

При инвалидности и старости рента из трех частей: из 50-ти марок в год от правительства, из вклада от 60 до 100 марок в год (смотря по заработку) и из доплаты от 3 до 12 пфенигов в год за каждую неделю, в которую рабочий был застрахован; в общем пенсия от 110 до 230 марок в год.

С 1885 по 1901 г. всего страховыми учреждениями уплачено было свыше 4-х миллиардов марок, из которых хозяева внесли 2 миллиарда 136 миллионов и рабочие 2 миллиарда 46 милл. марок [1]).

Несомненно, что к профессиональному движению рабочих правительство относилось как к неизбежному и меньшему злу сравнительно с политической партией рабочего класса, но все-таки оно его вынуждено было признать и легализировать. Известно, что существуют

---

[1]) *Герценштейн*, Государственное страхование рабочих в Германии, „Рус. Мысль“ за 1905 г., кн. V, стр. 153—169.

три главных группы профессиональных союзов в Германии—либеральные-гирш-дункеровские, названные так по имени их основателей Гирша и Дункера, католические, организованные католическим духовенством, и так-называемые „свободные“, т.-е. социал демократические. Гирш-дункеровское и католическое объединения рабочих союзов ведут свое началю еще от 1869 г., происхождение объединения свободных союзов—более позднее, первый их конгресс состоялся в Гальберштадте только в 1892 г. Тем не менее свободные союзы были уже в конце XIX в. гораздо сильнее либеральных и католических. Свободные союзы в 1900 г. имели 680½ тыс. членов, тогда как гирш-дункеровские лишь 92 тыс., а католические 160 тыс. членов. Свободные профессиональные союзы вели все время упорную и организованную стачечную борьбу; в 1900 г. в стачках участвовало до 134 тыс. рабочих [1]).

Что касается, наконец, немецкой потребительной кооперации, то в начале XX в. в Германии насчитывалось 2.300 потребительных обществ с 2½ милл. членов (с семьями это составит на 70 милл. всего населения 12½ милл. или 18%); оборот их простирался до 700 милл. марок в год, паевой капитал составлял 80 милл. марок, прибыль равнялась 62½ милл. в год. Собственное производство кооперативов оценивалось в 250 милл. марок в год. Потребительные общества в Германии группировались в три союза: 1) центральный союз потребительных обществ, социалистический по своему преобладающему составу, насчитывавший в себе до 69% всех потребительных обществ страны; 2) союз товариществ, основанных еще в 1850 г. Шульце-Деличем: это—либеральная потребительная организация, объединявшая большинство остальных обществ; 3) католический главный союз промышленных товариществ, где группировалось лишь небольшое число обществ [2]).

Мы видим, таким образом, что культурный характер немецкого капитализма в конце XIX в. не подлежит сомнению. Можно прибавить к сказанному, что в Пруссии

---

[1]) *Кулеман*, Профессиональные союзы в Германии; *Зомбарт*, Социализм и соц. движение; *Бернштейн* в XIV т. „Словаря“ Гранат.

[2]) *Фэй*, Кооперация в Европе.

существовал к тому же, как и в Англии, прогрессивный подоходный налог—необходимый финансовый признак культурного капитализма.

Но сейчас же приходится делать и оговорки: не говоря уже о том, что прусский подоходный налог в точности уступал английскому [1]), что в общеимперском масштабе подоходное обложение не имело значения, тогда как в Англии оно играет доминирующую роль в системе государственного хозяйства,—Германия не знала в XIX в. одного из существенных признаков настоящего развитого культурного капитализма—системы свободной торговли, царившей в Англии. В Германии, напротив, преобладал протекционизм; в XX веке пошлины на ввозимые в Германию иностранные товары составляли в среднем 14,3% цен этих товаров, тогда как даже во Франции они не превышали $8^1/_2$% этих цен, а в Англии они были ниже 5%. Под влиянием протекционизма, под его крылышком угрелись и размножились в Германии многочисленные союзы предпринимателей, которые преследовали далеко не одни культурные цели регулирования производства, борьбы с экономической анархией, свойственной капиталистическому хозяйству, но сплошь и рядом имели в виду повышение цен на товары, повышенную прибыль, наживу, для которой иногда не пренебрегали и искусственным сужением производства, т.-е. не содействовали, а противодействовали развитию производительных сил. Уже в 1885 г. в Германии было 90 союзов предпринимателей, а в 1900 г. число их дошло до 350 [2]).

Наконец, в банковом деле Германии хотя также заметны были некоторые признаки перехода к культурному капитализму, но переход этот в XIX в. так и остался незавершенным, во всяком случае отставшим от соответствующих явлений в развитии финансового капитала в Англии и Франции. Только к 1895 г. относится начало планомерной индустриальной политики немецких банков; лишь в 1897 г. усиливается их связь с индустрией. Депозитные операции немецких банков

---

[1]) *Янжул,* Основы финансовой науки.

[2]) *Бернштейн,* в XIV томе „Словаря“ Гранат.

были недостаточно развиты: с 1870 по 1890 г. 92 банка собрали депозитов всего только на 408 милл. марок и даже к концу века—к 1900 г.—118 банков увеличили эту цифру лишь немногим больше, чем вдвое,—до 997$^1/_3$ милл. марок, тогда как уровень депозитов в английских банках был гораздо—более, чем впятеро,—выше. Притом грюндерские и эмиссионные операции, часто спекулятивные, преобладали в немецких банках: с 1 января 1895 г. по 1 апреля 1900 г. при промышленных эмиссиях, совершавшихся немецкими банками, спекулятивные цели преследовались при выпуске бумаг на 1 миллиард марок, а на серьезные индустриальные цели направлены были только 419$^1/_2$ милл. марок [1]). В Германии все вообще банки не пренебрегали широко развитой спекуляцией. Вот почему онкольные счета, репорт и ломбард (ссуды под залог бумаг и товаров)—те виды кредитных операций, которые особенно распространены в немецких банках: эти виды открывают широкую возможность самой беззастенчивой спекуляции. Между тем, в крупнейших французских банках на эти спекулятивные операции по приблизительному расчету, нами произведенному, падает относительно вдвое меньшая часть банковых рессурсов, а в английских депозитных банках они совсем ничтожны.

---

[1]) *Riesser*, Die deutschen Grossbanken, стр. 74, 75, 172, 173, 310.

IV.

Социальная и политическая история Германии с 70-х годов до конца XIX века.

Деятели германской революции 1848 г., либералы и радикалы франкфуртского парламента, мечтали о демократическом объединении Германии. Радикалы думали о республике и во имя ее учреждения поднимали восстание, но они, при малосознательности, примитивности масс, равнодушных к политике, потерпели поражение. Либералы франкфуртского парламента хотели парламентарной монархии и предложили императорскую корону прусскому королю. Но прусский король был традиционным представителем классовых интересов землевладельческого дворянства, юнкерства и стать парламентарным монархом волею народа он не мог и не хотел. Либералы также потерпели поражение.

Объединение Германии, как мы видели в VIII томе, совершилось не по радикальным и либеральным мечтаниям: оно было совершено железом и кровью под руководством консервативной части новой сельскохозяйственной, промышленной, финансовой и торговой буржуазии, главным образом прусской, после двух войн—австрийской, давшей Северо-Германский союз, и французской, закончившейся провозглашением Германской империи.

Консервативная буржуазия, устанавливая Северо-Германский союз и Германскую империю, не имела в виду парламентаризма: она хотела объективно-необходимого минимума уступок и отступлений от старого порядка. Наиболее правые ее группы—консерваторы разных оттенков хотели бы даже не допустить всеобщего избирательного права, но это значило оттолкнуть национал-либералов, руководимых Беннигсеном. Это значило так-

же—заградить для Германии возможность безболезненного, без потрясений перехода к культурному капитализму. Бисмарк, руководитель политики того времени, понимал позицию национал-либералов и, не рисуя себе сознательно необходимости перехода к культурному капитализму и не сознавая неизбежности потрясения при таком переходе при недостаточности конституционных уступок, ясно видел, что укрепить немецкое политическое единство можно только основав рейхстаг на всеобщем избирательном праве. И он настоял на этом, несмотря на опасения и сомнения Вильгельма I и недовольство правых юнкеров. Этим он бессознательно предотвратил новое потрясение при переходе к культурному капитализму и тем проявил большое политическое чутье и проложил дорогу к союзу правительства с национал-либеральной буржуазией, давшей ему индемнитет за незаконное проведение прусского военного бюджета в течение ряда лет только через палату господ, без утверждения нижней палаты.

Но во всем прочем конституция Северо-Германского союза сохранила облик старого порядка. Рейхстагу были, правда, даны законодательные и бюджетные права, но и то не всецело: союзный совет имел фактически функции второй палаты, так как без его согласия ни один закон не мог иметь силы, и законодательная инициатива рейхстага, если бы она и объединила в нем большинство, была бесплодна без согласия союзного совета, состоявшего из бюрократов-послов отдельных германских государств.

Но главное—объединенная Германия не стала парламентарным государством, она сделалась конституционной монархией с полным разделением властей, с совершенной независимостью исполнительной власти от законодательной, с канцлером, зависевшим только от императора, а не от рейхстага, с императорской властью, обладавшею огромными прерогативами: император имел право созывать и распускать рейхстаг, утверждать или отвергать законы, принятые рейхстагом,—в этом отношении ему принадлежало абсолютное вето,—назначать всех имперских должностных лиц, вести дипломатические сношения, объявлять войну и заключать мир и союзные

договоры, начальствовать над армией и флотом и назначать всех военачальников. Уступки были действительно доведены лишь до самого необходимого минимума.

Конституция была, конечно, не только формальным, но отчасти также и реальным объединением Германии. Но реальное объединение не было еще ею закончено. Необходимо было провести целый ряд важных законодательных мер, которые завершили бы объединительную работу, сделали бы возможным широкое капиталистическое развитие и победили бы партикуляристские стремления, существовавшие особенно в среде мелкой буржуазии городов и крестьянства отдельных частей Германии. Все это и составляло главную задачу деятельности Бисмарка в 1871—1877 годах. Естественной опорой для него в этой деятельности была национал-либеральная буржуазия. В ее интересах и при поддержке национал-либеральной партии он и работал в эти годы.

Так проведены были утверждение рейхстагом контингента армии на семь лет, объединение заведывания внешней политикой Германии, золотая валюта, устройство имперского банка, объединение судебных учреждений и процессуального права, закон о печати 1874 года, передавший суду решение всех дел печати (в Баварии, Бадене и Вюртемберге—суду присяжных), наконец, законы 1872 и 1875 годов в Пруссии, по которым в местном сельском управлении старосты стали выборными, а кандидаты в старосты стали намечаться не помещиками, а окружными собраниями [1]).

Тот же смысл борьбы с сепаратизмом имел так-называемый „культуркампф“, „борьба за культуру“, как выразился в свое время один из вождей буржуазных радикалов или свободомыслящих Вирхов. То была борьба Бисмарка и национал-либералов при частичной поддержке свободомыслящих против католической, в значительной степени мелкобуржуазной по составу и сепаратистской по тенденциям партии центра, вождем которой был бывший министр поглощенного Пруссией после войны 1866 г. Ганноверского королевства Виндгорст.

---

[1]) *Дживелегов*, История современной Германии.

Поводом к конфликту послужило требование центра в рейхстаге, чтобы удалены были из университетов те католические профессора богословия (во главе их проф. Деллингер) и из гимназий те учителя католики, которые не признавали только что принятого на соборе в Риме догмата папской непогрешимости. Правительство, при поддержке национал-либералов и свободомыслящих, отказало в этом и затем в ходе борьбы провело ряд важных законов—о гражданском браке, о государственной школьной инспекции, о судебном преследовании священников за политические проповеди, о контроле администрации за замещением священнических вакансий и т. д. Бисмарк дошел до отмены свободы совести и до полицейских преследований, которые встретили отпор уже и у либеральной буржуазии [1]).

Как бы то ни было, к концу 70-х годов неотложно-необходимые для объединения меры были все проведены. В то же время, как нам уже известно, произошел грандиозный экономический кризис в промышленности, банковом деле и сельском хозяйстве; наконец, усиливалось и грозило большими опасностями рабочее движение.

Мы уже освещали в VIII томе первые моменты этого движения в 60-х годах, вплоть до распадения союза Лассаля и до образования социал-демократической партии в Эйзенахе, во главе с Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом.

Дальнейшая история германской социал-демократии в XIX веке вся пошла под знаком могучего влияния идей Маркса. И это вполне понятно. Бебель был, конечно, исключительной, выдающейся, из ряда вон выходящей личностью среди немецких рабочих, но, когда он говорит, что он стоял на пути к марксизму под влиянием чтения сочинений Лассаля и наблюдений над действиями немецких либералов и что Либкнехт, бывший старше его на 14 лет и научно его образованнее, только помог ему стать социалистом и марксистом [2]),—мы имеем

---

[1]) Там же; *Сеньобос,* Пол. ист. совр. Евр., II; *Кареев,* Ист. Зап. Евр. в новое время, т. VI, в. 1.

[2]) *August Bebel,* Aus meinem Leben, I, Stuttg. 1910, стр. 129—130.

перед собой только наиболее яркое выражение того, что марксизм носился в воздухе, которым дышали рабочие Германии, вследствие того, что никто лучше Маркса не формулировал классовые задачи пролетариата и его роль в капиталистическом обществе.

Настоящая сила германской социал-демократии ведет начало свое с 1875 г., когда лассальянцы и эйзенахцы на съезде в Готе объединились в социал-демократическую рабочую партию Германии. С тех пор опасность слева стала особенно грозной, и Бисмарк решил предотвратить ее своей новой политикой.

Теперь правительство Бисмарка стало ориентироваться на консерваторов и центр. Покровительственный сельскому хозяйству таможенный тариф—обложение иностранного хлеба пошлиной—удовлетворил сельских хозяев и зажиточное крестьянство. Поддержка крупной промышленности привлекла индустриальную и банковую буржуазию. Исключительный закон против социалистов в 1878 г. загнал в подполье социал-демократию, заставил ее перенести свой центральный орган в Цюрих и прикрыть легальными формами свои партийные организации и в то же время объединил вокруг правительства Бисмарка все буржуазные силы страны. Но Бисмарк понимал, что одних репрессий мало, и потому развил в 80-х годах фабричное законодательство и в особенности страхование рабочих. С его точки зрения, согласно его сознательному плану, это было средством борьбы с социал-демократией, отвлечения от нее рабочих масс, но объективно это оказалось одним из наиболее ярких проявлений перехода Германии к культурному капитализму.

Нет никакого сомнения в том, что исключительный закон против социалистов укрепил немецкую социал-демократию, сделал ее более революционной и очистил ее по составу. Это ярко проявилось в последнее десятилетие XIX века, когда в 1890 г. исключительный закон более не был возобновлен: в 1891 г. на съезде в Эрфурте принята была так-называемая Эрфуртская программа, и анархические элементы откололись от партии; в 1893 г. на выборах в рейхстаг социал-демократия собрала около 1 миллиона 800 тысяч голосов; а в 1899 г. даже 2 мил-

лиона 100 тысяч голосов; в 1899 году, наконец, на съезде в Ганновере Каутский и ортодоксальный революционный марксизм одержали победу над Бернштейном и ревизионизмом [1]).

Все это произошло уже тогда, когда Бисмарк при новом императоре Вильгельме II удалился с политической сцены, ушел в отставку. Ближайшим поводом к этой отставке послужило, как известно, разногласие между канцлером, бывшим в то же время прусским министром-президентом, и императором по вопросу о праве отдельных министров делать доклады императору помимо министра-президента и не в его присутствии: Бисмарк был против таких докладов, Вильгельм за них. Но причина была, конечно, глубже этого повода. Она коренилась в общей постановке внешней политики Германии, тесно связанной с ее новым внутренним положением.

Бисмарк превосходно понимал всю необходимость реванша для французской буржуазии. Поэтому он составил тройственный союз из Германии, Австрии (с 1880 года) и Италии (с 1882 г.). Союз был не только по форме, но и по существу оборонительным. Для полной безопасности Бисмарк в 1884 году заключил также тайный договор с Россией, по которому обе державы—Германия и Россия—обязались, в случае нападения на них третьей державы, помогать друг другу. Этот договор обыкновенно называют перестраховкой австрийской дружбы, но его гораздо правильнее было бы назвать страховкой от опасности союза России с Францией. После отставки Бисмарка, в канцлерство Каприви, договор этот возобновлен не был, и союз России и Франции скоро стал фактом.

Конечно, и этот отказ от договора с Россией не был случайностью. Здесь, как и в отставке Бисмарка, сказались глубокие перемены во внутреннем и внешнем положении Германии. Немецкий капитализм к концу XIX в. достиг небывалого полнокровия, оказался в силах конкурировать с капитализмом английским даже в самой Англии. Ему, как и всякому широкому, могучему капитализму, нужны стали обширные и богатые колонии.

---

[1]) *Меринг*, История германской социал-демократии.

Империализм стал для него необходимостью. Политика Бисмарка, охранявшая лишь старые приобретения, избегавшая риска, оказалась устарелой. Ее сменила политика мирового империализма, руководителем которой сделался в Германии император Вильгельм II. Но эта политика во всей своей широте развернулась только в XX веке и знаменовала собою последний момент в развитии германского—и не одного только германского—капитализма; этому моменту уделено будет специальное внимание в XII томе нашей работы.

V.

Духовная культура.

Психология немецкой буржуазии и ее идеологическое выражение в последние десятилетия XIX века, ясно отразились в тех перипетиях, которые пережила философская мысль Ницше. С нее удобнее всего и начать характеристику немецкой духовной культуры 70-х, 80-х и 90-х годов.

В развитии мировоззрения Ницше исследователи [1]) различают три основных момента, причем, однако, все они связаны между собою тремя общими принципами: во-первых, проблемой культуры, как самой важной в философии, во-вторых, принципом освобождения личности — яркого, крайнего индивидуализма, в третьих, признанием, что воля—основная психическая сила. Нетрудно понять, как тесно эти принципы связаны с материальными условиями существования и развития современного Ницше, немецкого капиталистического общества: высокая оценка культуры вытекает из культурного капитализма, индивидуализм — основная черта психологии капиталистической буржуазии; сильная воля—необходимый психический признак развитого и чистого индивидуализма.

В первый период своего философского развития Ницше находился под влиянием Шопенгауера. По Шопенгауеру сущность мировой жизни—воля, которая никогда не может быть удовлетворена, откуда мир и его жизнь—вечное, непреходящее страдание; избавиться от этого страдания можно только погружением мира в нир-

---

[1]) Здесь и позднее при изложении учения Ницше, кроме его собственных сочинений, мы имеем в виду главным образом два труда: *Ziegler*, Friedrich Nietzsche и *Drews*, Nietzsches Philosophie.

вану, в небытие, попросту говоря—уничтожением мира; облегчить, ослабить страдание можно только занимаясь искусством или морально сострадая, так как и искусство, и сострадание уничтожают феноменальный мир и приближают человечество к мировой воле, к сущности мировой жизни. Ницше принял всю эту философию, но вместо практического вывода Шопенгауера о необходимости покориться, сделал другой вывод — об обязательности героизма, торжества воли к жизни. Средство для этого— искусство, создающее через посредство гениальных художников (например, подобных Вагнеру), новую культуру—культуру трагического познания. В этот момент Ницше еще ощупью ищет освобождения от шопенгауеровского пессимизма, но ищет малоуспешно.

Во второй период Ницше порвал с шопенгауеровской метафизикой. Он воспринял реализм и эмпиризм торжествующей буржуазии. Он и теперь выше всего ставит волю, но не мировую волю, а эмпирическую, волю сильной личности. В согласии с этим и метод его другой: он теперь опирается не на искусство, а на науку. Наука победит все предрассудки и традиции. Научное изучение истории дает возможность предвидеть будущее, следовательно, и создать новую культуру. В этот период Ницше ближевсего к Конту, он—позитивист.

В конце 70-х годов Ницше постигает душевная болезнь, после которой в мировоззрении его совершается полный переворот. Он отказывается от научного метода, разочаровывается в возможности плодотворных результатов его применения. Объективной истины нет. Ничего нет, кроме сверхчеловека, вернее, все существует только для его выработки. Поэтому, истина—субъективна, это— воля сверхчеловека. Сверхчеловек освободит себя от всего, что создано не им самим. Истину нельзя поэтому доказать, ее надо вещать, пророчествовать. Воля к жизни у сверхчеловека превращается в волю к власти. Существующая мораль—мораль рабов—должна быть заменена новой моралью, моралью абсолютно свободной личности, моралью сверхчеловека, моралью сильных. Жестокость, эксплоатация—ее основной, непреложный закон. „Падающего толкни“, долой слабых! Власть принадлежит высшим, сильным духом и дарованиями. Кто

силен мускульной, физической силой,—те им помогают. А остальные, обыкновенные люди трудятся и повинуются, являются простым материалом в руках высших людей. Но и среди высших выделяется один—сверхчеловек. Он—абсолютно свободное существо, знающее, что нет никакой истины, кроме одной,—что мир не имеет никакого смысла, ни начала, ни конца, что все в нем повторяется; поэтому, сверхчеловек ставит себе целью сделать свое личное существование интересным, чтобы не страшно было его повторение. Равенство, демократия и социализм—не нужны, вредны.

И последний момент развития миросозерцания Ницше характерен для капиталистической буржуазии: это—психология болезненного индивидуализма, изверившегося во всем, кроме себя самого, и с мужеством отчаяния отмахивающегося от красного призрака. Это — психология последнего момента в развитии капиталистической буржуазии. Здесь Ницше выразил не столько свое время—в его время были только зародыши того, что он вещал,—но и будущее, XX век с его ужасами мировой бойни, не знающей никаких моральных сдержек и препятствий. Конечно, эта крайность—уже извращение, болезнь, признак гибели буржуазного общества. В этом смысле символическое значение имеет и душевная болезнь Ницше.

Два последние момента в развитии миросозерцания Ницше типичны, показательны, характерны и для всего развития немецкой буржуазной культуры последних десятилетий XIX века. Они намечают вехи этого развития.

В самом деле: возьмем художественную литературу. Что мы в ней видим?

Прежде всего натурализм. Его проповедывали Генрих и Юлий Гарты. За ними последовали Конрад, Блейбтрей, Конради. Гольц и Шляф довели натурализм в художественной литературе до величайшего развития,—точно передавали все, что видели, взяли у Золя, который вместе с Ибсеном и Толстым был художественным наставником немецких натуралистов, понятие социальной среды. Высшим проявлением натуралистической драмы в Германии явились „Ткачи“ Гауптмана.

Но перед индивидуалистической буржуазией возник вопрос: неужели человеческая личность не имеет значения перед лицом вселенной? Отсюда пошли различные художественные решения этой задачи—в новом литературном направлении—неоромантизме.

Одним из ярких представителей ницшеанского неоромантизма в художественной литературе был Ведекинд; его герои—красивы и дики, это—моральные чудовища; в произведениях Ведекинда царит эротика. А затем—особенно у Момберта в его стихах, у Демеля, у Марии-Маделены Путткамер—этот неоромантизм осложнился мистицизмом, а у Петера Альтенберга вылился в форму импрессионистского эскиза[1]).

Таковы были главные, основные пути развития художественной литературы в Германии в последние десятилетия XIX в. Ни один писатель не миновал их влияния. Зудерман, напр., на-ряду с тенденциями старого либерализма, в своих драмах заплатил дань и реализму, и импрессионизму. Омптеда — живописатель землевладельческого дворянства, Поленц—изобразитель крестьянства, Фонтан, описывающий быстрый рост берлинской буржуази, ее цинизм, ловкость, беспринципность, ироническое отношение к вопросам совести и морали,—типичные натуралисты. То же надо сказать о Томасе и Генрихе Маннах, Стере и Вассермане. Гауптман в „Потонувшем колоколе“, „Бедном Генрихе“ и др. драмах дал образец перехода от натурализма к неоромантизму.

И в немецкой живописи изучаемого нами времени наблюдается сначала господство натурализма, потом переход к неоромантизму. Виднейшим представителем натурализма был Менцель (1815—1905), автор превосходных иллюстраций немецкой придворной жизни XVIII в., писавший вообще много картин из истории Гогенцоллернов. Лучшие его работы относятся к 40-м и 50-м годам. Такова, напр., картина похоронной процессии, устроенной городом Берлином жертвам революции 1848 года. Характерна картина „Концерт Фридриха Великого в Сан-Суси“: Фридрих играет на флейте соло;

---

[1]) *Люблинский*. Итоги современного искусства, М. 1905, стр. 64—202.

оркестр из придворных (клавикорды, виолончель, три скрипки) ждет своей очереди вступления с аккомпанементом, придворные дамы и кавалеры слушают, одни со скучающим, другие с официальным, третьи с кокетливым видом, четвертые с упоением, не чуждым подчас деланности, хорошо написана обстановка: костюмы, пол, мебель, стены, отражение люстры в зеркале, огонь свечей; вообще это—характерная сцена придворной жизни XVIII века. Из позднейших картин Менцеля замечательна картина из жизни новой, капиталистической Германии—„Железопрокатный завод".

Еще дальше Менцеля по дороге натурализма, чуждого всякой идеализации, пошел Либерман с его изображениями баб, ощипывающих гусей или копающих репу.

Блестящим представителем неоромантизма был немецкий швейцарец Бёклин (1827—1901). Это был такой же колорист, мастер краски, как Тициан, Рубенс, Веласкес и Делакруа, причем он испытал прямое влияние двух последних художников. Он чрезвычайно выразителен и достигает этого упрощенностью линий, сгущенностью колорита, обобщенностью образов, невиданностью оттенков, небывалыми цветами. Изображаемая им природа населена сказочными существами—фавнами, сатирами, нимфами, дриадами, кентаврами, наядами, символизирующими природу, выражающими радость бытия. В картине „Игра волн" наяды, олицетворяющие и радость бытия, и вечное движение моря, и коварство этой стихии в поблескивающем недобрым огнем взоре, весело плещутся в синих волнах; за ними бросается смеющийся, похотливый кентавр. Превосходен „Остров мертвых": узкие отвесные скалы среди моря; входы, высеченные в граните; темные, печальные кипарисы; сумерки; по темной гладкой воде, в лодке женщина в белой одежде и гребец привозят труп; торжественная, грустная, таинственная тишина и меланхолия проникают всю картину. Человеческую жизнь Бёклин изображает только в грустных тонах. Таковы „Битва кимвров", „Нападение морских разбойников" и т. д.: везде тут человек—зверь.

К школе Бёклина принадлежали Штук и Клингер. Штук так же, как и Бёклин, одушевляет свои пейзажи

мифическими существами, чтобы подчеркнуть настроение, внушаемое природой, но природа эта у Штука не фантастическая, а реальная, северная природа. Весьма удачны его символические картины. Напр., „Грех": изображены женщина и змея, но у них одна душа, просвечивающая в нечистом взгляде. В картине „Сфинкс", где сфинкс дает смертельный поцелуй человеку, не разгадавшему загадки,—страшная энергия композиции. У „Медузы" голова уже мертвая, но глаза еще живут. Превосходно „Распятие": темно вследствие солнечного затмения; ярко освещено только белое тело Христа и содрогающееся в агонии темное тело разбойника; в смутно видной толпе чувствуется ужас: совершается страшное преступление.

Клингер замечателен не столько картинами, сколько офортами (напр., „Красоте"), гравюрами и статуей Бетховена из разноцветного камня.

Немецкая музыка замечательна особенно деятельностью двух гигантов этого искусства Франца Листа и Рихарда Вагнера.

Лист был превосходно образован в области философии, богословия, социальных наук, литературы и искусства. В конце 30-х годов он увлекался христианским социализмом Ламенне. Но до половины XIX века он был известен только как гениальный пианист. Творчество новой музыки началось в его жизни только после 1848 года. Он писал симфонические поэмы, симфонии, сюиты, фуги, оратории, мессы, псалмы. Исходил он от музыки Бетховена, особенно от его „Эгмонта", 6-й и 9-й симфоний и имел предшественником Берлиоза. Лист был родоначальником программной музыки: музыкальная символика эмоций, человеческих чувствований — главная задача Листа, но он ее выполняет в форме программы, известного поэтического произведения; музыкальный замысел Листа был почти всегда вызван определенными поэтическими идеями: таковы, напр., его симфонии на темы „Фауста" Гёте и „Божественной камедии" Данте. Лист отверг старую музыкальную сонатную форму с симметричным построением, с обязательными возвращениями и повторениями тем. Он создал симфоническую поэму свободную и бесконечно изменяющуюся. Музыка Листа—

музыка романтическая с сильной окраской ее ядовитым сарказмом, иронией, уничтожающим отрицанием [1]).

Вагнер начал деятельностью дирижера и композиторским творчеством в стиле Мейербера. Самостоятельная его творчески-музыкальная деятельность начинается в 40-х годах, когда появляются „Летучий Голландец", „Тангейзер" и „Лоэнгрин". Но во весь рост он выпрямляется позднее, когда создает „Кольцо Нибелунгов", „Нюренбергских Мейстерзингеров", „Парсифаля" и „Тристана". В молодости, чувствуя себя одиноким и музыкально-непризнанным, Вагнер сблизился с революционерами—Рекелем и Бакуниным и косвенно содействовал восстанию 1849 г. В личной жизни Вагнер долго скитался, жил то в разных городах Германии, то в Вене, то в Англии, то в Париже, то в Цюрихе, пока, наконец, не устроился в Байрейте у баварского короля Людвига II, который его материально обеспечил; раньше Вагнер постоянно нуждался, страдал от кредиторов, часто пользовался поддержкой друзей, тем более, что болезненно, до страсти, любил роскошь. Он пользовался большими успехами у женщин. Но реальная жизнь и любовь для Вагнера были только материалом для творчества, действительно он жил только в творческой музыкальной работе [2]). Вагнер, несомненно, произвел целый переворот в опере. Считая этот вид музыкального искусства наиболее приспособленным для фантастических, сказочных сюжетов, он выбирал соответственные сюжеты и певцам дал второстепенное значение, а центр тяжести перенес в оркестр, в инструментовку, которая достигла у него необычайного богатства, роскоши и блеска. Вагнер ввел также музыкальные лейтмотивы для характеристики действующих лиц, что, впрочем, в значительной степени подготовлено было Листом. Несомненно, что и Вагнер был ярым музыкальным неоромантиком и индивидуалистом в музыке, как и в жизни.

Развитие немецкой нации в конце XIX века представляет собою картину и положительных, и отрицательных

---

[1]) *Тимофеев,* Франц Лист: „Вестник Европы" за 1911 г., окт.
[2]) *Вольтер,* Новое из жизни Вагнера: „Совр. Мир" за 1911 г., № 7.

сторон знания в буржуазном, капиталистическом обществе. Конечно, встречаются ученые, которые совершенно сознательно извращают истину, подчиняясь своим социальным и политическим симпатиям. Наиболее ярким примером такого ученого в Германии был историк Трейчке, который, при всей основательности изучения материала и блеске изложения, являлся в своей новейшей истории Германии идеологом и идеализатором Бисмарка и вообще политики Гогенцоллернов, прусского консерватизма и юнкерства. Но Трейчке все же был одним из довольно редких исключений. Большинство исследователей и в естествознании, и в общественных науках сознательно ставили себе целью достижение объективной истины и в значительной мере эту цель осуществили: капиталистическое общество не могло бы существовать и развиваться без этих объективно-научных достижений. Результаты здесь получались тем большие, что научная специализация, углубленное изучение каждым исследователем определенной сферы жизненных явлений стала характерным признаком организации научного труда. Целый ряд новых приобретений сделан был поэтому Кохом в бактериологии, Вирховом в целлюлярной патологии, Гофмейстером в физиологии, Менделем в теории развития, Либихом и Гельригелем в агрономической химии, Бухнером в изучении и открытии ферментов; Фишер произвел синтез углеводов в органической химии, а Рентген в физике открыл знаменитые икс-лучи. В истории достаточно назвать имена Моммсена, Эдуарда Мейера, Белоха, Лампрехта, Белова, чтобы дать представление об огромных успехах этой науки в Германии. Адольф Вагнер, Брентано, Шмоллер и Зомбарт внесли ценный вклад в политическую экономию,— первые трое являясь представителями исторической школы или так-называемого профессорского социализма или катедер-социализма, третий восприняв частично теоретические вкусы и интересы от школы Маркса. В области уголовного права Лист и государственного—Иеллинек и Лабанд также характеризуют своей деятельностью главным образом положительную сторону развития буржуазной науки. Само собою разумеется, перечень имен, сейчас приведенный,— частичен, неполон. Он имеет лишь значение примерного.

Но, констатируя эти положительные достижения, так тесно связанные с природой капиталистического общества, нельзя не отметить и отрицательных явлений, также не случайных, а органически свойственных капитализму и капиталистической буржуазии.

Главное из этих отрицательных явлений—это робость мысли, самоограничение науки и знания. Здесь сказываются больше всего вольные или невольные отрыжки философии Канта, столь характерной для буржуазии, дерзающей на разоблачение тайн только до известного предела и страшащейся перейти заветную черту, где разрушаются все традиции и верования, и грозит опасностью зияющий провал в неизвестное будущее, которое даже провидеть ей страшно и опасно.

Это сказывается уже и в естествознании. В свое время сильно нашумела речь физиолога Дюбуа-Реймона, который в ответ на попытки проникнуть в тайну жизни произнес самоограничивающее слово „ignorabimus"—„мы не будем знать этого". Сюда же относится так-называемый неовитализм—различные предположения особых носителей жизненных начал, недалеко ушедшие от блаженной памяти флогистона, разрушенного еще Лявуазье в химии; неовиталистами являются, напр., такие ученые, как Гертвиг, Дриш, Негели, даже отчасти Вейсман.

Еще ярче это проявляется в более отсталом, чем науки о природе, обществознании. Лампрехт принадлежит к числу немногих немецких историков, которые сознательно и с уверенностью в правильности принятого направления ищут закономерности общественных явлений и полагают, что научное изучение истории может эту закономерность утвердить. Но большинство отрицает это, и характерно, что к этому большинству принадлежит такой исследователь, как Эдуард Мейер, который в своей „Истории древности" постоянно дает поучительные, тонкие и меткие исторические параллели и, сам того не замечая и даже отрицая это, формулирует некоторые законы развития человеческих обществ.

Но этого мало: в лице Виндельбанда и в особенности его ученика Риккерта мы встречаем теоретических отрицателей научного метода в истории и вообще в общественных науках. Риккерт рассуждает следующим обра-

зом: он полагает, что между обществознанием и естествознанием лежит целая пропасть в методологическом отношении. Естествознание изучает повторяющиеся явления, подлежащие поэтому закону причинности, который и раскрывается исследованием сходных или одинаковых явлений. Обществознание, в частности история, имеет в виду главным образом единичное, неповторяющееся, индивидуальное, создание новых ценностей, и потому здесь исследуется не причинность, а целесообразность, тенденция, которая ведет к высшим достижениям или целям. Это возрождение телеологии и отрицание закономерности в общественных науках, в частности в истории, в высшей степени характерно именно для буржуазной психологии и невольно наводит на сближение Риккерта с Ницше в последний момент философской эволюции последнего. Большинство буржуазных историков—и не одних только немецких — исповедуют риккертианство, как символ веры.

Риккертианство—отпрыск, ветвь неокантианства, которое являлось в конце XIX в. господствующим мировоззрением немецких буржуазных философов. Но были в Германии того времени и попытки построить философию на научных основах, считаясь с данными естествознания. Всего важнее здесь две попытки—эмпириокритицизм Авенариуса и Маха и имманентная школа, возглавляемая Шуппе.

Авенариус и Мах исходят из так-называемого чистого опыта и приходят к выводу, что в этом опыте все, совершающееся в действительности, сводится к энергии. Чистый опыт дает нам познание различия в энергии, в работе, в движении, к чему в сущности и сводится все наше знание. И не только знание явлений физических, но и психических, духовных, потому что явления физические и психические суть только два ряда элементов опыта, ничем по существу между собой не различающиеся: оба ряда в сущности только различные проявления единой энергии. Весь процесс познания сводится, следовательно, к различению напряженности энергии.

Этим выводом заполняется та пропасть, которая в кантианстве существует между познающим субъектом и познаваемым объектом. Того же самого достигает и

имманентная школа, по которой мышление имманентно бытию: где есть бытие, там есть и мышление.

Можно и должно критически относиться к эмпириокритицизму и имманентной философии, но нельзя отрицать, что оба эти направления философской мысли сильно критикуют кантианство, подрывают одну из его основ и представляют собою попытку построить философию на научных основаниях. Слабый пункт эмпириокритицизма заключается в том, что энергия признается в нем не за реальность, а за простое методологическое допущение, „эвристическую конструкцию“, „символ, систематизирующий познание“. Таким образом, эмпирикритический монизм является не действительным, не реальным, а только предполагаемым.

Изучая духовную культуру Германии в XIX в., мы подошли теперь к деятельности великих основателей научного социализма—Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Мы не имеем в виду дать здесь, конечно, сколько-нибудь полную, исчерпывающую характеристику их учения и деятельности—для этого потребовалось бы целое особое большое специальное исследование,—наша задача иная: дать общую сжатую характеристику и указать те условия социальной среды, которыми был создан марксизм, установить его связь с материальной культурой, современной его происхождению [1]).

Исходным пунктом марксизма является его социология, собственно так-называемый исторический материализм. Основное его положение заключается в том, что хозяйство—базис, что общественные, ближайшим образом классовые, отношения тесно с ним связаны и вместе с политическим строем и духовной культурой, выражающими определенное классовое господство, являются надстройками над этим базисом. Это выражено с большой ясностью и в „Манифесте Коммунистической партии“, и в „Нищете философии“, и в „Святом семействе“, и в „18 брюмера Луи-Бонапарта“, и в предисловии к „Криктие политической экономии“ и т. д. Вот, напр.,

---

[1]) При этом изложении мы пользовались подлинными сочинениями Маркса и Энгельса. Имелись также в виду работы Каутского, Меринга и Рязанова.

место из „18 брюмера“: „всякая историческая борьба, совершается ли она в политической, религиозной, философской или иной идеологической области, в действительности служит лишь выражением взаимной борьбы общественных классов; а жизнь этих классов, а следовательно и конфликты их между собой, в свою очередь, определяются степенью развития экономического строя, характером их роли в производстве и обмене, обусловленном производством“. Здесь сжато, но ясно дана основная формула исторического материализма, причем в хозяйстве отмечен примат производства над обменом и, следовательно, распределением и потреблением. Не приводя других цитат, которых для данного основного положения можно подобрать много, отметим, как особо важное, то, что часто не выдвигается на первый план в изложениях теории исторического материализма, как ее понимали Маркс и Энгельс: именно—объективные причины господства того или иного класса в известный исторический момент. В известном своем предисловии к „Критике политической экономии“, выражая ту же мысль об экономическом базисе, классовой, политической и духовно-культурной на нем надстройке, и заявляя, что „не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание“, Маркс утверждает, что господство определенного класса продолжается до тех пор, пока оно содействует развитию производительных сил общества, и падает тогда, когда это господство начинает этому развитию производительных сил противодействовать. Или вот место из другой работы Маркса: Политическая революция основывается „на том, что часть гражданского общества эмансипирует себя и достигает всеобщего господства; на том, что определенный класс принимает всеобщую эмансипацию общества, исходя при этом из своего особенного положения. Этот класс освобождает все общество, но только в том предположении, что все общество находится в положении этого класса,-следовательно, владеет, напр., деньгами и образованием или может приобрести их, когда пожелает. Ни один класс гражданского общества не может играть эту роль, не вызывая на один момент в себе самом энтузиазма и не заражая этим энту-

зиазмом массы; в этот момент данный класс братается и сливается с обществом, становится на его место, чувствует себя и признается всеми общим представителем общества; в этот момент притязания и права класса являются на самом деле правами и притязаниями общества; в этот момент он действительно голова и сердце всего общества“. Но этого мало. „Для того, чтобы революция народа и эмансипация особенного класса гражданского общества совпали, для того, чтобы одно сословие встало на место всего общества, необходимо, с другой стороны, чтобы все недостатки общества концентрировались в каком-либо другом классе, чтобы определенное сословие стало сословием всеобщего отвращения, воплощением всеобщего ограничения“. Для того, чтобы одно сословие стало сословием освобождения par excellence, необходимо, чтобы другое стало, наоборот, явно и очевидно сословием порабощения“.

Обосновав таким образом, теоретически исторический материализм, Маркс и Энгельс в своих работах, начиная с „Манифеста“, дают и схему исторического развития на основе этой теории. Они показывают, как феодальная аристократия сменилась в силу хозяйственных условий дворянством, как на том же базисе буржуазия овладела властью, и, формулируя классовые интересы пролетариата, отмечают те объективные и субъективные предпосылки социализма, которые создаются капиталистическим обществом в собственных недрах, самим процессом его хозяйственного развития.

К этому и сводится социологическое обоснование научного социализма: социалистический идеал перестал быть отвлеченной мечтой, химерой утопистов, он был связан с жизнью, с эволюцией капиталистического хозяйства и общества, с созданным и развитым ими классом наемных рабочих, социалистическое самосознание которого формировалось реальными условиями развития капитализма.

Таков был прочный фундамент всего здания научного социализма. На этом фундаменте была затем построена философия марксизма, причем главная работа в этой сфере выпала на долю Энгельса.

Общественная жизнь была понята и выражена в формуле исторического материализма. Надо было эту формулу связать с общим миросозерцанием, санкционировать ее философски. Выбор здесь давался тем же историческим материализмом, той же классовой теорией. Религия, религиозная философия или богословие были миросозерцанием старого порядка, господства дворянства. Метафизика—этот идейный залог вечности капиталистического строя, которая составляет заветную мечту буржуазии,—составляет основу миросозерцания капиталистической буржуазии. Но буржуазное общество быстро развивается, и это развитие создает философию Гегеля, содержащую в себе ряд революционных элементов: сюда относятся монизм и диалектический метод. Левые гегельянцы, главным образом, Фейербах, сохранили эти революционные элементы гегелевой философии, но отвергли ее идеализм, заменив его, в согласии с современным им естествознанием, материализмом. Материализм Фейербаха и стал философией Маркса и Энгельса, связывавшей исторический материализм с общим миросозерцанием. В „Нищете философии“, в „Антидюринге“, в брошюре Энгельса „Людвиг Фейербах“ это проведено с полною ясностью и обосновано прочно. Значит ли это, однако, что Маркс и Энгельс навсегда обрекли марксистскую философию сохранять то состояние, в каком она вышла из головы Фейербаха и была ими принята? Конечно, нет. И это лучше всего видно из брошюры о Фейербахе: там Энгельс прямо и отчетливо заявляет, что марксистская философия есть философия научная и что необходимо в дальнейших ее построениях считаться с состоянием науки, главным образом, с новейшими выводами естествознания. Глубина и широта этой мысли составляет одну из важнейших заслуг Энгельса. Чрезвычайно важно также замечание о критерии достоверности научного (а следовательно и научно-философского) познания: таким критерием является практика, приложение к жизни научной теории, оказывающееся целесообразным, практически оправдываемым.

Итак, Маркс и Энгельс обосновали научную социологию и научную философию. Если бы они сделали только эти два дела, они обеспечили бы себе бессмертие, так как

научный социализм тем самым был бы уже прочно обоснован. Но Маркс разрешил еще третью задачу первостепенной важности: в своем „Капитале“ он дал исследование экономики капиталистического общества настолько глубокое и серьезное, что после того ни один экономический труд не только не мог превзойти эту работу, но даже и с ней сравняться. Мы можем наметить здесь в главных чертах только некоторые основные экономические выводы Маркса.

Среди них центральное положение занимает, конечно, теория ценности и прибавочной ценности. Никто отчетливее и полнее Маркса не формулировал трудовую теорию ценности, зависимость ценности от общественно-необходимого количества живого труда, вложенного в производство. Здесь стояла перед Марксом задача величайшей трудности и важности: решить вопрос о том, как ценность превращается в цену. Его введение в „Критику политической экономии“, не напечатанное в 1859 г., когда появилась эта книга, и опубликованное лишь недавно, показывает, что Маркс уже в то время понимал все великое значение этой задачи и все затруднения, связанные с ее решением. В „Капитале“, исследуя строение капитала, процесс круговращения капитала в целом (во II томе), норму прибыли и норму прибавочной ценности, Маркс много сделал для разрешения этой проблемы. Особенно важно положение, гласящее, что в чистом виде трудовая ценность находит свое выражение в цене только в тех товарах, в производстве которых строение капитала (отношение постоянного капитала, затрачиваемого на машины и материалы, и переменного, идущего на заработную плату) подходит к общей, средней норме строения капитала в промышленности данной страны в данный момент. Несомненно, что, не успев сам докончить свой великий труд, II и III томы которого обработаны были по его материалам, наброскам и черновым уже Энгельсом, Маркс завещал экономистам-марксистам необходимость пополнить и окончательно довершить его работу прежде всего именно в этом пункте.

Логическим выводом из трудовой теории ценности Маркса была его теория прибавочной ценности: живой труд и только он один создает новую ценность; машины

только увеличивают производительность живого труда; и этот живой труд не только возмещает содержание его носителя, рабочего, и истраченной в производстве части машин и материалов, но создает еще прибавок, прибавочную ценность, которая в капиталистическом обществе присваивается представителями капитала и буржуазным государством.

Кроме теории ценности, в „Капитале“ особенно важно изображение хода развития капиталистического хозяйства—периода первоначального накопления, хищнического капитализма, капитализма культурного. Замечательны по глубине построение процесса обращения капитала в целом, теория ренты, закон падения нормы прибыли, учение о заработной плате с опровержением таких теорий, как теория фонда заработной платы и так-называемый железный закон заработной платы, взгляд на национализацию земли, как реформу еще капиталистическую, способную содействовать более быстрому развитию аграрного—и не одного только аграрного—капитализма, и т. д.

Но Маркс и Энгельс, великие теоретики научного социализма, не были только теоретиками: они были также практическими деятелями мирового социалистического, рабочего движения. Эта сторона их деятельности нашла себе наиболее полное и яркое выражение в истории Первого Интернационала.

Интернационал был основан 28 сентября 1864 г. в Лондоне. Он имел своих предшественников, о которых мы здесь говорить не будем [1]), но по существу он был первой широкой международной рабочей организацией, в которой сошлись лицом к лицу представители разных ветвей и течений мирового рабочего движения. Интерес истории Первого Интернационала и заключается в освещении двух вопросов: во-первых, в уяснении его роли и значения в практических задачах, возникавших во время его существования в разных странах, во-вторых, в тех столкновениях и распрях, которые возникали между отдельными течениями в рабочем движении. Само собою разумеется, что оба вопроса тесно связаны между собою:

---

[1]) См. об этом *Ротштейн*, Очерки из ист. раб. движ. в Англии.

разногласия и распри были следствием различного отношения к задачам, возникавшим в жизни.

Учредительный адрес Интернационала был написан Марксом. Выражая в общем и целом те идеи, которые были дороги его автору, адрес, по собственному признанию Маркса в его переписке, носил на себе печать компромисса: pour la bonne bouche французских прудонистов в него включено было, как одна из целей вновь возникающей организации,— осуществление высших начал нравственности и права. Марксу с самого начала выпала важная роль в Интернационале, членом генерального совета которого он был сразу же избран. Интернационал, как мы уже говорили в свое время выше, оказал большое влияние на проведение в Англии избирательной реформы 1867 года, поддерживал с успехом большие стачечные движения того времени в разных странах, определенно занял общую социалистическую позицию. Но на базельском конгрессе Интернационала—третьем по счету, впервые появился Бакунин, и его влияние, особенно сильное среди социалистов романских стран, стало скрещиваться с влиянием Маркса в особенности тогда, когда с 1869 года в деятельности Интернационала и в рабочем движении разных стран политические вопросы заняли первенствующее место сравнительно с экономическими. Соперничество Бакунина с Марксом началось с требования Бакунина, чтобы Интернационал настаивал на отмене права наследования, как на средстве перехода к социализму; Маркс назвал это требование „сен-симонистским старьем“. Затем Бакунин основал Юрскую федерацию, которая, по его внушениям, заняла резко враждебную позицию по отношению к генеральному совету Интернационала. Юрская федерация требовала созыва нового конгресса и выступила с планом превращения генерального совета в простое бюро для взаимных сношений между секциями, без каких бы то ни было административных полномочий. Бакунин прямо обвинял Маркса в том, что он „навязывает Интернационалу свою собственную программу, свое личное учение“. Бакунин был в это время уже анархистом, отрицал государство и больше всего был недоволен тем положением Маркса, которое гласило, что для победы социализма необходимо

завоевание политической власти рабочим классом. Сторонники Бакунина особенно сильны были в Испании и Италии, отчасти в южной Франции и Бельгии. Борьбу Бакунин вел главным образом на организационной почве, требуя превращения всех комитетов в простые бюро для сношений, лишения их всяких аттрибутов власти. На конгрессе в Гааге в 1872 г. победил Маркс, присутствовавший на нем лично: генеральному совету оставлены были здесь его прежние функции, союзом бланкистов (Вайян) и марксистов проведена была и резолюция о необходимости завоевания власти рабочим классом; Бакунин и Гильом были исключены из Интернационала; но, по предложению Энгельса, поддержанному Марксом, генеральный совет был перенесен из Лондона в Нью-Иорк. Целый ряд обстоятельств вынудил Маркса и Энгельса провести это решение: Маркс недомогал и хотел посвятить свои силы научной работе, чего хотел для него и Энгельс; с перенесением генерального совета в Нью-Иорк Маркс фактически из него выходил и думал этим уходом обезоружить Бакунина; наконец, он хотел более твердого в отношении к бакунизму состава генерального совета, а лондонский совет его в этом отношении не удовлетворял [1]).

Но то был сигнал к развалу: уж с конгресса после резолюции о перенесении генерального совета в Нью-Иорк ушли бланкисты; бывшие английские члены генерального совета во главе с Хэльсом откололи часть британской федерации Интернационала. Нью-Иоркский генеральный совет исключил из Интернационала юрскую федерацию, а также федерации испанскую и бельгийскую. Исключенные составили свою организацию под руководством Бакунина. Скоро потом британская федерация Интернационала совершенно распалась и перешла к трэдюнионизму. Наконец, в 1876 году Первый Интернационал был совершенно распущен и по форме.

Причины гибели Первого Интернационала заключались в глубоких, органических разногласиях между марксистами и бакунистами: научный социализм и анархизм

---

[1]) История Первого Интернационала изложена по *Иекку*, Интернационал.

были непримиримы, и, конечно, Маркс и Энгельс были правы, не затушевывая этих разногласий, а обнажая их. Международное рабочее движение должно было развиваться под знаменем научного социализма. Способствовало разложению Первого Интернационала и то обстоятельство, что как раз с половины 70-х годов стали развиваться политические организации рабочего класса в рамках отдельных национальностей, и им необходимо было объединиться и окрепнуть раньше, чем мог бы создаться Второй Интернационал. История этого последнего сейчас не может быть предметом нашего внимания: о ней удобнее говорить в другой связи—при изложении рабочего движения в XX веке. Теперь же следует отметить, что Марксу и Энгельсу, как практикам рабочего движения, принадлежит честь и заслуга основания и развития первой большой международной ассоциации рабочих, и проведения в ней начал научного социализма, которые должны были в будущем стать залогом и идейным основанием дальнейших международных рабочих организаций.

Как же можно и должно объяснить происхождение теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса в связи с материальной культурой, с хозяйственными и классовыми условиями?

Маркс и Энгельс не были рабочими, пролетариями физического труда. Оба они, особенно Энгельс, вышли из зажиточных буржуазных кругов. Они были представителями буржуазной интеллигенции, рано почувствовавшими тяготение к науке, точному и углубленному научному исследованию. Сама по себе интеллигенция, если она не имеет специально капиталистического материального обеспечения, как это и было у Маркса, вечно, всю свою жизнь нуждавшегося, ближе всего подходит по своему положению к квалифицированным, обученным рабочим. Ее правильно поэтому называют технической интеллигенцией. Обыкновенно наиболее передовые, выдающиеся представители технической интеллигенции отличаются высоко-развитым чувством собственного достоинства, не мирящимся с положением прислужников капиталистической буржуазии, которая снабжает их подачками от щедрот своих. Таким образом, демо-

20*

кратический дух и настроение протеста вытекали уже из самой принадлежности к определенной социальной группе.

Но этого мало: надо далее принять во внимание условия, в каких находилась Германия, когда началась в ней пока еще далекая от социализма деятельность Маркса. То было время, непосредственно предшествовавшее буржуазно-демократической революции. Старый порядок уже изжил себя, находился на краю гибели, и одним из признаков его близившегося крушения являлось реакционное безумие, охватившее его представителей и не дававшее дышать всему живому и сколько-нибудь самостоятельному. От этого реакционного безумия пострадал и Маркс: это безумие закрыло перед ним путь к профессорской кафедре. Все это только укрепляло демократические симпатии и чувства протеста, что и нашло себе выражение в редактировавшейся молодым Марксом радикальной „Рейнской Газете".

Но и этого было мало: то же безумие реакции выкинуло Маркса заграницу — в Париж, потом в Лондон — и столкнуло его там с неудовлетворенным давно своим буржуазным положением Энгельсом, уже автором „Положения рабочих классов в Англии", и с целым рядом революционеров и, главное, социалистов. Но еще важнее были живые впечатления развитой английской капиталистической действительности. Ничего подобного Маркс и Энгельс не приобрели бы на родине. Здесь подлинно не бывать бы счастью перехода Маркса и Энгельса к идеям научного социализма, да несчастье высылки, изгнания, эмиграции помогло этому.

Оба они в революцию 1848 года были уже социалистами нового, научного склада и авторами „Манифеста Коммунистической партии". Но немецкая действительность,—поражение революции, торжество и неистовство реакции—скоро снова выгнала их на почву капиталистической Англии, и здесь углубленное научное исследование капиталистической действительности на основе непосредственных наблюдений над нею окончательно определило их позицию и как теоретиков, и как практиков. Маркс и Энгельс созданы были, следовательно, материальными условиями не только немецкой, но и английской жизни.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Производственный капитализм в Соединенных Штатах Америки.

I.

Исходные пункты капиталистического развития Соединенных Штатов Америки.

Ядро Соединенных Штатов Америки составилось, как известно, из колоний, объявивших себя в 1776 г. самостоятельным государством. То были Виргиния, Новый Плимут, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гемпшир, Нью-Иорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Делавер, Мэриленд, Каролина и Георгия.

Их хозяйственное положение было неодинаково. Вергиния, Мэриленд, Каролина и Георгия основывали свое хозяйственное благосостояние на возделывании плантаций табака, риса и сахарного тростника. В остальных колониях население занималось зерновым земледелием и скотоводством. Табак, рис и сахар были товарами, расчитанными на мировой рынок, и притом требовавшими значительных денежных затрат для своего производства. Поэтому в колониях, где табачные, рисовые и сахарные плантации играли основную хозяйственную роль, существовало крупное землевладение, а также вследствие недостатка рабочих рук и рабовладение— формы хозяйства и владение землей, типичные для эпохи торгового капитализма. Так, в Виргинии, самой ранней из американских колоний Англии, возникшей еще в начале XVII в.,—в 1607 г.—были плантаторы-землевладельцы, владевшие землей по принципу майората, рабы-негры и временные рабы из бедных колонистов; когда при Якове II произошло неудачное восстание

Монмута в Англии, пленные, участники этого восстания, были сосланы в Виргинию и обращены там в рабство. Мэриленд основан был при Карле I и весь считался собственностью одного богатого землевладельца, лорда Балтимора. Каролина была собственностью восьми лиц, у которых отдельные плантаторы брали землю в аренду и обрабатывали ее трудом невольников. Такое же невольничество и крупное землевладение существовали и в Георгии, возникшей поздно,—в XVIII в.

Совсем иными были хозяйственные отношения в остальных девяти колониях, основанных пуританами и квакерами до и особенно после английской революции XVII века. Там существовало мелкое землевладение зажиточных крестьян и некрупных предпринимателей, подобных йоменам и джентри метрополии. Труд здесь был свободный, наемный. Существовали и попытки насаждения промышленности: вообще преобладало кустарное производство и ремесло, но были опыты фабричного производства шляп и добывания и переработки железа.

Естественно, что два намеченных выше разряда колоний и управлялись неодинаково. В Виргинии во главе управления стоял губернатор, назначавшийся сначала компанией, основавшей колонию, а с 1624 г., когда Виргиния стала королевской колонией, назначавшийся королем. При губернаторе был совет, им назначавшийся, и палата депутатов, выбиравшихся одними только плантаторами-землевладельцами. Виргиния делилась на графства. Так же управлялись Мэриленд и Георгия. Что касается Каролины, то правительство в ней состояло из тех восьми лиц, которые были ее собственниками, и власть ими передавалась по наследству. Крупным ее областным делением было тоже графство; графства делились на баронии, а баронии на лены.

Управление остальных девяти колоний было демократическим. В Новом Плимуте при основании колонии всем ведало вече колонистов, а когда это с ростом населения стало невозможно, выборные от колонистов губернатор, совет и палата депутатов. Так же управляться стали в конце-концов и все другие колонии этого разряда, хотя в некоторых из них, которые, как Нью-Иорк

и Нью-Джерси, были королевскими, губернатор и совет сначала назначались королем и лишь потом стали выборными, а в других колониях собственников, как Пенсильвания и Делавер, губернатор и совет сначала некоторое время назначались этими собственниками. В Пенсильвании для решения важнейших вопросов существовал референдум.

Англия, как и всякая метрополия, преследовала в своей политике по отношению к колониям свои собственные интересы, интересы правивших в ней классов. Поэтому она применяла запретительные меры в отношении к промышленности американских колоний и облагала колонии большими налогами. Так, в 60-х годах XVIII века введена была пошлина на сахар, в 1765 г. гербовый сбор на содержание английских войск в колониях, в 1770 г. пошлина на чай. В 1774 г. английский парламент принял закон, по которому совет и судьи в Массачусетсе стали назначаться английским правительством.

Действия правительства метрополии направлены были ближайшим образом против демократических колоний, но налоги и пошлины касались всех колоний и потому способствовали их единодушному протесту. Еще в 1765 г. состоялся конгресс сначала только девяти колоний в Нью-Иорке. Этот конгресс принял постановление, что английский парламент не имеет права облагать колонии налогами, так как в нем нет представителей колоний. В 1774 г. состоялся конгресс 12-ти колоний (кроме Георгии): здесь принята была декларация прав колонистов, и решено было отстаивать самоуправление колоний. В 1775 г. собрался конгресс уже всех 13-ти колоний, а в 1776 г. конгресс провозгласил независимость. Тогда началась война колоний с Англией, причем колонии нашли поддержку во Франции. В 1783 г. по версальскому миру независимость Соединенных Штатов Америки была признана Англией. К 1787 г. была закончена конституция Соединенных Штатов [1]).

Демократические штаты преобладали в новом государстве, и потому конституция его в основных чертах

---

[1]) *Мижуев*, История великой американской демократии; *Фортунатов*, История Соединенных Штатов.

усвоила демократическую окраску. Мало того: и управление в четырех невольничьих штатах значительно демократизировалось. Во всех штатах были теперь выборные губернаторы, сенаты и палаты депутатов, и судьи получили право признавать недействительными законы, несогласные с конституцией. Джефферсон провел в Виргинии отмену майората. Конституция всего союзного, федеративного государства был построена следующим образом: президент выбирался на четыре года особыми выборщиками от всех избирателей и имел очень обширную власть: он по своему усмотрению назначал министерство, вел дипломатические сношения, объявлял войну и заключал мир. Законодательная власть принадлежала конгрессу, состоявшему из сената, в котором были в одинаковом числе—по два—представлены все штаты, выбиравшие сенаторов на 6 лет, и палаты депутатов, в которой представительство от каждого штата зависело от числа избирателей в нем.

Депутаты выбирались на два года. Таким образом, Соединенные Штаты сразу стали государством не парламентарным, а конституционным с разделением властей. Это еще более усиливается тем, что верховному суду предоставляется право признавать недействительными законы, несогласные с конституцией [1]).

Положение существенно изменилось тогда, когда в союзное государство вошли новые южные рабовладельческие плантаторские штаты, особенно, бывшие испанские (Флорида) и французские (Луизиана) колонии. Тогда силы разделились почти поровну, а хозяйственные и, следовательно, социальные различия стали больше, потому что южные штаты так и остались рабовладельческими и плантаторскими, застыли в своем прежнем состоянии и, следовательно, оказались отсталыми, тогда как северные штаты далеко ушли вперед, особенно вследствие развития в них промышленности. В начале XIX века и в северных штатах преобладало кустарное и ремесленное производство, и, например, хлопчатобумажных фабрик было только четыре. Но в 30-х и 40-годах фабричная индустрия сделала в них крупные успехи: уже в 1850 г.

---

[1]) *Брайс*, Американская республика.

в Соединенных Штатах было добыто 496 милл. пудов каменного угля, а в 1860 г. 942 милл. пудов—почти вдвое более, чем во Франции в те же годы и почти столько же, как в Германии [1]); чугуна выплавлено было в 1830 г. свыше 10 милл. пудов, а в 1850 г. более 34 милл. пудов, что далеко превзошло выплавку чугуна и в Германии и во Франции [2]). Северные штаты становились производственно-капиталистическими, нуждались и в массовом потребителе, обладающем покупательной способностью, и в свободных юридически рабочих руках. В обоих отношениях поперек дороги стояло у них здесь крепостническое, рабовладельческое хозяйство южных штатов. Уже в 30-х годах образовались поэтому в Штатах две партии—республиканская, стоявшая за уничтожение невольничества, во главе с Гаррисоном, и рабовладельческая, плантаторская, получившая потом название демократической, вождем которой был Калгун. Решительный момент наступил тогда, когда в 1861 г. президентом был выбран кандидат республиканской партии Линкольн, горячий, непримиримый сторонник уничтожения невольничества. Тогда началась междоусобная война между северными и южными штатами, кончившаяся в 1865 г. уже после смерти Линкольна, павшего от руки убийцы [3]). Южные штаты были побеждены и принуждены были отменить невольничество, почему и хозяйство их стало перестраиваться с крепостнической основы на капиталистическую, и землевладение в них стало дробиться, возникло много хозяйств, подобных северным.

В XIX в. начали заселяться с востока земли к западу от Миссисипи. Заселение сначала шло медленно. Тогда в 1862 г. был издан так-называемый Homstead law—закон о наделении землей в собственность. По этому закону каждому поселенцу предоставлено было право первой заимки свободной земли в размере не более 160 акров (несколько более 50-ти десятин), причем, в случае, если он обрабатывал эту землю личным, а не наемным тру-

---

[1]) *Радциг*, Каменноугол. пром. всего света, стр. 3.

[2]) *Дэн*, Каменноугол. и железодел. пром., стр. 86.

[3]) *Чаннинг*, История Соединенных Штатов; *Лабулэ*, История Соед. Штатов; *Мижуев*, История великой амер. демократии; *Фортунатов*, Ист. Соед. Шт.

дом, он получал землю через пять лет после заявления о заимке даром, с уплатой только на межевые и разные другие государственные расходы, связанные с наделением землей, пяти долларов (10 руб. зол.) с каждых 80-ти акров; земля эта считается необходимым средством производства и потому, как и все необходимые орудия, не подлежит продаже за невзнос податей и долги, если только она не заложена специально; отчуждается она только в том случае, если владалец оказался неисправным плательщиком долга, специально сделанного под залог этой земли; продавать ее иначе, как в этом именно случае, нельзя. Это не помешало, конечно, отчуждению этих участков впоследствии, их концентрации. Но во всяком случае и здесь, на западе, дело пошло от зажиточного крестьянского хозяйства и землевладения.

Таким образом, можно сказать, что в общем и целом исходным пунктом развития производственного капитализма почти на всей территории Соединенных Штатов Америки было хозяйство и землевладение зажиточных крестьян и мелких предпринимателей. Фундамент для развития капитализма здесь был заложен приблизительно так, как он заложен был бы в России, если бы при отмене крепостного права произведен был черный передел, раздел земли между мелкими производителями приблизительно равными участками.

II.

Сельскохозяйственный капитализм в Соединенных Штатах второй половины XIX века.

Огромная и богатая территория, постепенно все увеличивавшаяся, и свободные условия жизни привлекали очень большое количество разноплеменных поселенцев в Соединенные Штаты. И прирост наличного населения, без поселенцев, был велик и быстр. В результате получился колоссальный и стремительный по быстроте рост населения в великой американской республике: в 1790 г. населения было менее 4-х милл. человек, в 1840 г. уже свыше 17 милл., в 1890 г. более $62^1/_2$ милл., в 1900 г. $76^1/_3$ милл. чел. Значит, за 110 лет население увеличилось более, чем в 19 раз и даже с 1840 г. по 1900 г., всего за 60 лет, почти в $4^1/_2$ раза.

Соответственно этому весьма быстро и сильно развивалось сельское хозяйство: с 1866 г. по 1900 г. посевная площадь разных хлебов, картофеля, трав и хлопка увеличилась в $2^1/_2$ раза, причем посевы пшеницы выросли в $2^3/_4$ раза, овса втрое, ячменя почти вшестеро, хлопка в $3^3/_4$ раза. В то же время количество всего скота увеличилось более, чем втрое [1]). При этом приблизительно треть всей производимой пшеницы, а в последние годы XIX в. и более, Соединенные Штаты вывозили заграницу, главным образом в Европу.

Сельское хозяйство играет видную роль в экономической жизни всех частей страны. В восточной ее части, наиболее промышленной и густо населенной, преобладает огородничество и скотоводство, в средней и западной полосе — зерновое хозяйство, на западе, особенно,

---

[1]) *Blum*, Die Entwickelung der Vereinigten Staaten von Nord-America, Gotha, 1903.

производство пшеницы (знаменитые „пшеничные фабрики“, где на тучной, часто девственной почве работают в огромном количестве мощные сельскохозяйственные машины разных видов), на юге преобладают плодоводство, посевы хлопка и табака, на крайнем западе зерновое хозяйство соперничает с хлопководством и табаководством [1]).

Несомненна также интенсификация земледелия: посевы кормовых трав выросли с 1866 г. по 1880 год почти на 45%, а с 1880 г. по 1900 г.—на $51\frac{1}{2}$% [2]).

Зомбарт в своей книге „Социализм и социальное движение“ утверждает, что американское сельское хозяйство не проявляло наклонности к росту по размерам, а скорее, напротив, мельчало. И в доказательство он приводит цифры среднего количества акров, приходившегося на каждого отдельного хозяина (фермера).

Это один из примеров того, как исследователь, увлеченный определенной предвзятой идеей, произвольно подбирает данные для него удобные, отбрасывая как раз те данные, которыми он должен был бы руководиться, только потому, что они ему неудобны. В самом деле: определяя изменения средних размеров хозяйств (ферм), можно ли брать средние количества земли, приходившиеся на каждого отдельного сельского хозяина (фермера)? Не очевидно ли, что тут надо брать средние количества земли, приходившиеся на хозяйство (ферму)? Ведь дело в том, что у одного хозяйства часто бывает несколько совладельцев, что, однако, не мешает этому хозяйству представлять собою единое экономическое целое, одно предприятие, подобное акционерному промышленному предприятию.

Поступая таким образом, мы получаем следующую таблицу изменения средних размеров американских хозяйств за вторую половину XIX века:

1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.
203 акра.	199 акров.	153 акра.	134 акра.	136,5 акра.	146,2 акра [3])

---

[1]) *Скворцов*, Основы экономики земледелия.

[2]) *Blum*, Die Entwickel. d. Ver. St. von Nord-Amer.

[3]) По данным Statistical Abstract of the United States за соответствующие годы.

Ясно, что в первые три десятилетия—по 1880 г.—средние размеры хозяйств падали, а в последние два десятилетия стали расти. При ближайшем рассмотрении оказывается, что этот рост приходится большею частью на средние и восточные штаты, где техника достигла уже очень большой высоты, и потому наступило время сменить старую капитализацию, выражающуюся в уменьшении внешних размеров хозяйств и в большей интенсивности техники, — новой концентрацией хозяйств [1]). Все это с наглядностью и несомненностью свидетельствует о том, что американский сельскохозяйственный капитализм очень быстро и сильно развивается.

---

[1]) *Рожков*, К аграрному вопросу, М., 1906; в этой брошюре я высказал убеждение, что ценз 1910 года покажет еще большие средние размеры ферм; предположение это вполне подтвердилось.

III.

Промышленный капитализм в Соединенных Штатах.

Беспримерное развитие сельскохозяйственного капитализма в Соединенных Штатах сопровождалось не менее сильным и быстрым развитием капитализма промышленного. И здесь мы имеем перед собою цифры, указывающие на поразительный, небывало быстрый и сильный рост.

В 1860 г. в Соединенных Штатах было добыто всего 1 миллиард 35 миллионов пудов каменного угля. В 1901 г. его было добыто там уже 16 миллиардов 235 миллионов пудов [1]), т.-е в 15,7 раз больше. По абсолютному количеству добытого каменного угля Соединенные Штаты в начале XX века стояли на первом месте в мире, опередили даже Англию, хотя, если взять отношение количества добытого угля к количеству населения, то окажется, что Соединенные Штаты в этом отношении стояли только на втором месте, уступая Англии на 50% и превосходя Германию почти на 30%: в Англии в 1901 г. добыто было угля на жителя почти 328 милл. пудов, в Соединенных Штатах 209 милл. пудов, в Германии около 164 милл. пудов [2]).

Чугуна в Соединенных Штатах выплавлено было в 1850 г. немногим больше 34 миллионов пудов, а в 1901 г. почти 985 милл. пудов — это производство дало более чем вдвое большие результаты в Америке, чем в Англии и Германии; здесь Соединенные Штаты занимали первое место в мире не только по абсолютной цифре производства, но и по относительной—по выплавке чугуна на одного жителя: в них эта последняя цифра рав-

---

[1]) *Дэн*, Каменноуг. и железоделат. пром., стр. 24.
[2]) Там же.

нялась 12,7 милл. пудов, тогда как в Англии 11,6 милл. пудов, а в Германии только 8,4 милл. пудов [1]). Как быстро шло развитие чугунолитейной промышленности в Штатах, видно из того, что с 1850 г. выплавка чугуна возросла здесь в 29 раз.

В производстве литого металла — железа и стали — Соединенные Штаты догнали Англию уже в 1890 году и далеко опередили и ее и Германию в 1901 г. Здесь они были в 1901 г. уже первой страной в мире и относительно: в 1901 г. в них на жителя производилось литого металла 10,8 милл. пудов, тогда как в Англии только 7,5 милл., а в Германии 6,9 милл. пудов [2]).

В 1850 г. национальное богатство Штатов немногим превышало 7 миллиардов золотом, а в 1890 г. оно было гораздо больше 65 миллиардов, причем больше половины его сосредоточено было в руках всего лишь 40 тысяч семейств или $^1/_8$% всего населения. В 1850 г. 55% всего богатства Соединенных Штатов состояло из ферм. В 1890 году фермы составляли несколько менее 24% богатства страны. В 1860 г. весь капитал, вложенный в промышленность Соединенных Штатов, несколько превышал один миллиард долларов, через тридцать лет он возрос более, чем вшестеро [3]).

И техника промышленного производства возросла чрезвычайно: по Карролю Райту, ежегодное производство одного французского рабочего равнялось 445 долларам при заработной плате в 175 долларов в год; соответствующие цифры для немецкого рабочего 545 и 155 долларов, для английского 760 и 204 доллара, и для американского 1.888 и 437 [4]), т.-е. американский рабочий производил в год на 161,6% (в $2^2/_3$ раза) больше английского, не говоря уже о других, а зарабатывал на 114% больше его. Это может быть результатом лишь чрезвычайно высоко развитой промышленной техники.

---

[1]) Там же, стр. 86.

[2]) Там же, стр. 88.

[3]) *Хилквит*, История социализма в Соединенных Штатах. Спб. 1908, стр. 125—126.

[4]) *Железнов*, Очерки политич. экономии, 4-е изд., стр. 160.

IV

Социальные и политические отношения в Соединенных Штатах второй половины XIX века.

Таким образом небывало высокая и быстро достигнутая степень капиталистического развития—сельскохозяйственного и промышленного,—производственного капитализма составляет отличительную черту народного хозяйства Соединенных Штатов Америки во второй половине XIX в. При этом на обширной территории Штатов, вследствие различия во времени заселения отдельных ее частей и под влиянием экономических особенностей отдельных районов, существует различная степень развития капиталистических отношений, особенный их характер. На востоке капитализм довольно давно стал культурным в главных чертах своих, по мере приближения к югу, с одной стороны, и к западу, с другой, наблюдается все больше остатков грубо-хищнического капитализма, на крайнем западе и на северо-западе, на Аляске с ее золотыми россыпями (Клондайк) грубое хищничество развертывается уже во всю ширь. Все это придает американскому производственному капитализму большую пестроту.

Хищнические приемы тем крепче держатся в американском капиталистическом хозяйстве, что имеется постоянно множащийся, нарастающий слой серых, необученных и неорганизованных рабочих из числа эмигрантов.

Наличность быстрого и сильного развития капитализма и его пестрота породили целый ряд весьма важных социальных и политических последствий.

Главное из этих последствий—сильное обострение классовых противоречий. Оно прежде всего сказалось в среде буржуазии.

Крупная американская буржуазия составила республиканскую партию. Эта партия имела в виду и проводила в жизнь ряд мер для развития капитализма в интересах крупной буржуазии. Она требовала и провела учреждение центрального государственного банка—банка банков; она в 1879 г. установила в Штатах золотую валюту и свободный размен кредитных билетов на золото; она, по инициативе вождя партии Мак-Кинли, установила покровительственный таможенный тариф в 1890 году; она отстаивала проведение центральным правительством железных дорог и каналов; она требовала, чтобы государство оказывало особое покровительство трестам,—обширным союзам предпринимателей,—возникшим под крылышком покровительственного тарифа; она, наконец, настаивала на необходимости империализма и колоний для американского капитализма.

Средняя и мелкая буржуазия была заинтересована в том, чтобы не отдавать себя—и как производителя, и как потребителя—в жертву крупному капиталу. Поэтому общая ее политика была не централистской, как у крупной буржуазии, расширявшей и центральным банком, и, экономической активностью центра, и империализмом-круг действий центрального правительства, а федералистской. Она стала таким образом под знамя демократической партии, которая была против золотой валюты—за биметаллизм, признание двойной валюты, золотой и серебряной, против усиленного протекционизма, за ограничение трестов, против колониальной политики и империализма.

Федералистский характер демократической партии связывает ее с ее историческим прошлым, с эпохой рабовладения: и тогда республиканская партия, настаивая на отмене рабства, действовала по принципу централизма, а федералисты защищали рабовладение во имя автономии отдельных штатов.

Перевес фактически все же оказывался большею частью за крупной буржуазией, хотя временами проходили на выборах в президенты и кандидаты демократической партии. Вследствие этого все чаяния крупной биржуазии осуществились постепенно, хотя и не без задержек и ограничений, в американской действитель-

ности. Учрежден был и центральный банк, введена золотая валюта в 1879 г., прошел покровительственный тариф Мак-Кинли в 1890 году. Тресты достигли широкого развития. К концу XIX века слились в несколько трестов 8.664 самостоятельных предприятия, капитал которых равнялся 20 миллиардам долларов; в семь более крупных трестов вошло 1.528 предприятий с 2 миллиардами 663 миллионами долларов капитала; средства шести крупных железнодорожных компаний состояли из 9 миллиардов 17 миллионов долларов Особенно замечательны были тресты нефтяной, и стальной, во главе с миллиардерами Рокфеллером и Морганом. Тресты были одной из высших форм концентрации капиталистического производства в индустрии. Они сплошь и рядом объединяли не только производство в данной отрасли промышленности, но имели и собственный транспорт—пароходы речные и морские, железные дороги—и известным образом организовали для себя также кредит. Иногда они простирали свое организующее влияние и на заграничное производство и всегда сильно влияли не только на внутренний американский, но и на европейский и вообще мировой рынок. Иногда их влияние сказывалось в большей планомерности производства и обмена, но чаще всего здесь преследовались цели сужения производства с целью повышения цен, так что слагались уже и экономически регрессивные тенденции черезчур своекорыстных, зарвавшихся в своей жадности королей капитала.

Американский империализм ведет свое начаао от такназываемой „доктрины Монрое". Монрое, будучи президентом Штатов между 1817 и 1825 годами, провозгласил принцип „Америка для американцев", принцип невмешательства Европы в дела Америки, предполагающий также и невмешательство Америки в европейские дела. Монрое был федералист, т.-е. принадлежал к партии, бывшей предшественницей демократической партии. Он сознательно не имел империалистских целей. И тем не менее его доктрина явилась зерном американского империализма, так как делала Соединенные Штаты, как самую сильную американскую державу распорядительницей на материке и островах Америки.

Но, конечно, империализм в собственном смысле этого слова развился в Соединенных Штатах только в конце XIX в. и проявился всего сильнее тогда в войне с Испанией, после победы над которой Штаты приобрели свои первые колонии—Филиппинские острова и Порто-Рико. Впоследствии сюда присоединились еще Гуам и Самоа.

Наконец, как и всегда бывает в развитом капиталистическом обществе, в Америке стало развиваться рабочее движение.

До конца 60-х годов в Америке существовал только утопический социализм: последователи Оэуна, Фурье, Кабе основывали свои общины в разных местах Соединенных Штатов, и обыкновенно после довольно непродолжительного времени эти общины распадались; потом среди немецких эмигрантов пользовался большим весом и влиянием Вейтлинг с его учением. Вейтлинг сам жил в Америке и создал там свои организации [1]).

Новое рабочее движение начинается в 60-х годах.

После окончания междоусобной войны в 1865 г. в Соединенных Штатах началось оживленное профессиональное, трэд-юнионистское движение рабочих: надвигалось быстрое и сильное развитие капитализма, и прежде всего требовали защиты экономические интересы рабочего класса. Почти в каждой отрасли промышленности стали составляться профессиональные рабочие союзы. Первым единым рабочим съездом всех отраслей промышленности в Соединенных Штатах был съезд в Балтиморе в августе 1866 г. На этом съезде агитацию за образование особой, независимой рабочей партии начал лассальянец Эдуард Шлегель. Съезд образовал Национальный союз труда и основной своей задачей выставил борьбу за закон о восьмичасовом рабочем дне. Предложение Шлегеля пока не имело практических последствий.

На втором съезде Национального союза труда—в Чикаго в 1867 году—видную роль сыграл председатель союза литейщиков Сильвис. Но и ему не удалось склонить съезд ни к организации рабочей партии, ни к при-

---

[1]) *Хилквит*, История социализма в Соед. Штатах, стр. 45—122, 131—140.

21*

соединению к Первому Интернационалу: съезд выразил только свои симпатии Интернационалу.

Только на третьем съезде союза, состоявшемся в Нью-Йорке в 1868 году, Сильвису удалось основать первую рабочую партию в Америке под названием Национальная партия реформ. Эта партия была в связях с Интернационалом.

В то же время с Интернационалом вступил в связь и союз немецких профессиональных организаций Америки, составившийся в 1866 г. под именем „Рабочего союза". В 1869 г. этот союз вошел в состав Национального союза труда.

Сильвис умер в 1869 г., не дождавшись вступления американских рабочих организаций в Интернационал. Они так туда и не вступили и после его смерти, а скоро затем, в начале 70-х годов, и сами прекратили свое существование.

Американскими секциями Интернационала были сначала небольшие общества в Нью-Йорке, Чикаго и Сан-Франциско, состоявшие главным образом из немецких рабочих. Главным из них была первая марксистская организация в Соединенных Штатах—Всеобщий немецкий рабочий союз, который в 1869 г. вступил в Национальный союз труда и в то же время присоединился к Интернационалу. Поддержка, оказанная Интернационалом стачкам американских рабочих в 1871 году, увеличила число местных секций Интернационала в Америке в этом году с шести до тридцати. В 1872 г. состоялся в Нью-Йорке первый съезд американских секций Интернационала, и была образована Северо американская федерация Интернационала.

С переходом после съезда в Гааге генерального совета Интернационала в Нью-Йорк и с выбором в секретари генерального совета Зорге, начинается влияние Зорге на американское рабочее движение. Особенно сильно это влияние выразилось в 1873 г., во время кризиса в Соединенных Штатах, когда Интернационал выступил с целой программой помощи безработным и организовал ряд демонстраций.

На втором съезде американской федерации Интернационала в Филадельфии в 1874 г. обнаружились вну-

тренние несогласия, поведшие к образованию двух отдельных от Интернационала партий: в Чикаго образовалась рабочая партия Иллинойса, а в Нью-Иорке социал-демократическая рабочая партия Северной Америки.

В 1876 г. первый Интернационал, как известно, прекратил свое существование. В том же году все социалистические рабочие организации Америки объединились в рабочую партию Соединенных Штатов, переименованную в 1877 году в социалистическую рабочую партию Северной Америки. Этот факт считается весьма знаменательным: им закончился организационный период политического рабочего движения в Соединенных Штатах [1]).

К тому времени профессиональное рабочее движение сделало в Штатах огромные успехи, объединило сотни тысяч рабочих. Во главе профессиональных организаций стояли два объединения—Рыцари труда с 1878 г. и Федерация профессиональных и рабочих союзов, образовавшаяся в 1881 году и потом превратившаяся в Американскую федерацию труда. Социалистическая рабочая партия Северной Америки пыталась приобрести влияние в профессиональных союзах и их объединениях, но большею частью влияние ее оставалось слабым.

Этому способствовали и внутренние несогласия в партии, где боролись два течения — непримиримое, классовое, революционное, отстаивавшее политику, независимую от буржуазных партий, и оппортунистическое, склонявшееся к компромиссам с той или другой из этих партий.

К тому же постоянный прилив большого числа серых рабочих из Европы, часто из ее отсталых стран, содействовал успеху противников социализма — анархистов.

Социалистическая партия начала свою агитацию во время огромных стачек и беспорядков 1877 г., вспыхнувших под влиянием экономического, главным образом, железнодорожного кризиса. Она устроила тогда ряд митингов и стала выпускать несколько социалистических газет. Этим она усилила свое влияние и увеличила свой

---

[1]) *Хилквит*, Ист. соц. в Соед. Шт., стр. 149—169.

численный состав. Вследствие этого партия, прежде имевшая в виду исключительно экономическую борьбу, стала выдвигать на первый план непосредственное участие рабочих в борьбе политической. Но кризис миновал, наступил промышленный подъем, и влияние партии сильно уменьшилось, сжался, сократился в числе и ее состав.

В 1882 и 1883 годах анархическое движение в Америке усилилось и приобрело талантливого вождя, в лице Моста. В 1883 г. в Питтсбурге основана была анархистская Международная ассоциация рабочего народа, выпустившая питтсбургское воззвание—декларацию своих принципов. Эта организация еще более ослабила социалистическую партию. Но партия нашла в себе все же достаточно силы, чтобы отгородиться, по собственному ее выраженвю, от „безумия людей, которые видят в динамитных бомбах лучшее средство агитации“.

Борьба с анархизмом оказалась полезной для социалистической партии: она оживила ее деятельность и привлекла к ней новых членов.

Анархисты, однако, были гораздо сильнее, и экономический кризис 1884—86 годов способствовал их успехам среди серых масс, доведенных до отчаяния безработицей и голодом.

Профессиональные союзы начали с большим успехом вести агитацию за восьмичасовой рабочий день, чтобы дать работу возможно большему числу безработных. В Чикаго, на заводе Мак-Кормика возникла забастовка под лозунгом восьмичасового рабочего дня. Хозяева ответили локаутом и набрали на завод штрйекбрехеров. После митинга произошло столкновение рабочих, подвергнутых локауту, с штрейкбрехерами, причем полиция стреляла в рабочих и убила шестерых и многих ранила. Анархисты выпустили прокламацию с призывом к мщению. Во время другого митинга в полицию была брошена неизвестно кем динамитная бомба, и это было приписано анархистам. Вожди чикагских анархистов были приговорены судом к смертной казни, и приговор был исполнен.

Этот процесс был исходным пунктом падения анархистского движения в Соединенных Штатах не потому,

что анархисты бросили бомбу в Чикаго, а потому, что их агитация вполне соответствовала этому акту. За то выиграла социалистическая партия: она приобрела теперь много новых членов и к концу века достигла зенита своего могущества.

Ее деятельность за это время привлекает к себе внимание в двух отношениях: во-первых, в ее тактике в профессиональном движении, во-вторых, в ее политической тактике.

В отношении к профессиональному движению социалистическая партия порвала с тактикой нейтрализма и выступила против обеих, существовавших тогда центральных организаций профессиональных рабочих союзов: и против Рыцарей труда, и против Американской Федерации труда. Партия образовала свой собственный Социалистический профессиональный и рабочий союз и призывала все профессиональные союзы войти в него.

Уже в 1877 и 1878 годах социалистическая рабочая партия в разных частях страны и иногда не без успеха стала принимать участие в коммунальных и государственных выборах—местных и центральных. За ее кандидатов во всей стране поданы были десятки тысяч голосов. В 1892 г. партия впервые приняла самостоятельное участие в президентских выборах, выставив своих кандидатов в президенты и вице-президенты, и собрала $21^{1}/_{2}$ тыс. голосов; на президентских выборах 1896 г. это число возросло до 36.275 голосов.

В 1897 г. составилась новая политическая социалистическая партия—социал-демократия Америки, виднейшую роль в которой стал играть Евгений Дебс. Она объединилась в одну организацию с оппозиционным крылом Социалистической рабочей партии в 1900 году, под названием Социалистической партии, и таким образом политическое рабочее движение в Соединенных Штатах вступило в XX век, имея два различных и отдельных организационных центра—Социалистическую рабочую партию и Социалистическую партию [1]).

---

[1]) Там же, стр. 173—269.

V.

Духовная культура.

Капиталистическая материальная культура Соединенных Штатов Америки—культура новая, недавняя, но необыкновенно быстро и мощно развивавшаяся. Она перерабатывает в своих недрах весьма разноплеменный этнический материал, но при всем том является разновидностью англосаксонской культуры, так как англосаксонская раса в ней господствует и все подчиняет своему материальному и духовному влиянию. Все эти обстоятельства необходимо помнить, имея в виду понять общий ход развития духовной культуры великой американской республики.

Возьмем здесь прежде всего художественную литературу. Из предшествующего изложения нам известно, какое большое значение имел для капиталистической буржуазии, в эпоху ее развития и особенно при переходе к культурному капитализму, литературно-художественный натурализм. И это на американской почве выразилось прежде всего в чрезвычайной популярности здесь Диккенса, а затем в натуралистическом творчестве американских писателей. Знаменитый роман Бичер-Стоу „Хижина дяди Тома“, художественная проповедь аболиционизма, уничтожения невольничества, двойник по общественному своему влиянию „Записок охотника“ Тургенева и в особенности „Антона Горемыки“ Григоровича, весь проникнут духом Диккенса: в нем силен натуралистический элемент, свойственный великому английскому писателю; он отличается и сентиментализмом, столь ярко отличающим романы и повести Диккенса, трогающим и волнующим глубоко. Сильны в нем, как и в произведениях Диккенса, и обличительные моменты.

Романтическое или неоромантическое направление нашло себе выражение в стихах и поэмах Лонгфелло и в повестях и рассказах Эдгара По. Обоим долго пришлось бороться с вкусами и равнодушием американской буржуазной публики, прежде чем завоевать себе известность, но за то эта известность теперь является мировой. Лонгфелло—лирик с яркой, горячей фантазией даже в своем эпосе. Эдгар По всю силу своего воображения, богатого, неистощимого, направил на возбуждение чувства ужаса. Творчество По—не бессознательное, а точно рассчитанное, опирающееся на литературную технику, в которой этот писатель является великим мастером. Тут у По очень тонкие приемы: он чуждается выдумок, небывальщины, сказочности и открывает страшное и чудесное в обыденных вещах, предметах и событиях, в обычной, окружающей нас действительности, в обыкновенных, повседневных чувствах. У него все обставлено точно, фактически, почти научно. Подкупив этой обыденностью, фактичностью, реализмом читателя, По незаметно для него делает скачек в область фантастического, чудесного, страшного, открывает это страшное в обыденности как ее закон, как нечто, органически с ней связанное. Искусство Эдгара По, таким образом, носит на себе признаки обдуманности, культуры, ума. Но оно не заражало бы, если бы По не была свойственна такая же стихийная, горячая фантазия, какая свойственна была Лонгфелло. А творчество По отличается именно чрезвычайно сильной заражаемостью.

Естествен вопрос: почему эпоха развития американского капитализма дала такого гения в изображении или внушении именно чувства непреоборимого ужаса? Чтобы понять это, следует припомнить, что и английская, и французская литературы имеют талантливых представителей изображения и внушения того же ужаса, в лице Стевенсона и Вилье де Лиль Адана. Значит, здесь влияют условия, свойственные всем капиталистическим странам в той или иной мере. И сразу же следует заметить, что мера тут иная, чем в Америке: дело не в том здесь, что Стевенсон и Вилье де Лиль Адан, при всей их талантливости, не достигают гениальной виртуозности Эдгара По—и они, как и он, изображают с большим искус-

ством страшное в обыденном,—а в том, что у них нет-нет да и обнаруживается сатирическое отношение к собственным вымыслам, они как будто просто обличают темные стороны буржуазной жизни; этого у По совершенно нет.

Психология ужаса создается капиталистической житейской обыденностью, очевидно, именно потому, что капитализм, при всех своих индивидуалистических тенденциях,—не царство свободы, а царство необходимости, арена торжества стихии, которой человеческая личность при всех своих порывах к свободе и самостоятельности вынуждена невольно подчиняться, в силу неотвратимых экономических и социальных условий. И если везде эта стихийность чувствуется остро, то нигде это чувство не достигает такой высоты и остроты, как именно в Америке с ее колоссально быстрым и мощным порывом вперед, с переработкой различных национальных элементов, с колоссальной территорией и различными природными особенностями ее отдельных частей. Преодолеть и переработать, подчинить своему сознанию и воле этот колоссальный и разнообразный экономический, этнический, социальный и природный, естественно-исторический материал в Америке было труднее, чем где-нибудь. Его стихийная мощь чувствовалась здесь сильнее. Она и нашла себе здесь высшее художественное выражение.

Характерное во многих отношениях явление представляет собою американский юморист Марк Твэн. Он именно юморист, а не сатирик, как и англичанин Джером-Джером. Его дело не смеяться сквозь слезы, не обличать или бичевать, не скорбеть над пороками, злом и пошлостью, а чаще всего смеяться и смешить, увеселять буржуазную публику смешным. Это, конечно, отвечает потребностям пресыщенной богатой буржуазии. В то же время Твэн, как детский писатель, воспитывает детей для инициативы, предприимчивости, индивидуализма; лучший тому пример—его повесть для детей „Приключения Тома Сойера“.

Конец XIX и начало XX века дали ряд новых талантливых американских художников слова. Достаточно назвать Маркгэма, Джека Лондона, Уота Уитмена, Син-

клера. Все это—представители социальной художественной литературы.

Маркгэм прославился своим замечательным стихотворением, навеянным картиной Милле „Человек с мотыгой“. Он, „согбенный под тяжестью веков, опирается на свою мотыгу и смотрит в землю. На его лице—отсутствие мысли, на его спине—бремя всего мира. Кто сделал его недоступным горю и радости, существом без надежды и без чувства, тупым, придавленным вьючным животным“? „На всем пространстве недр самого ада нельзя встретить более ужасного образа, более яркого протеста против человеческой жадности, более вещего предвестника грядущих бед, более грозного предостережения всему миру“. „Что значат для него, раба бесконечной работы, мысли самого Платона и прелести Плеяд? Ему недоступны ни обаяние песни, ни прелесть рассвета, ни красота цветов“. „О, правители, господа и хозяева всех стран! Как расчитается будущее с этим человеком? Какой ответ оно даст, когда он воспрянет, наконец, и потребует отчета“?

Джек Лондон — живописатель Клондайка со всем его сложным разнообразием и во всей его реальности. Но он — романтик-реалист: он—певец силы, предприимчивости, смелости, гордого вызова стихии на борьбу; и он—демократ, друг трудящихся до мозга костей.

Уот Уитмен—пролетарский поэт, поэт-социалист, пишущий свободным стихом, очень оригинальный. Можно спорить о том, первоклассный ли он поэт, способен ли он заражать и увлекать, как гиганты поэтического творчества, но нельзя отрицать его оригинальность, по известному французскому выражению, его стакан, может быть и не очень велик, но он пьет из своего стакана.

Наконец, Синклер — социальный романист, талантливый обличитель буржуазии и изобразитель пробуждающегося сознания рабочего класса и социалистической интеллигенции. Его романы „Царь промышленности“, „Царь—уголь“, „Джунгли“, „Джимми Хиггинс“ — яркие тому доказательства.

Сила и широта социального художественного творчества в Америке показывает, что эта страна, столь быстро и мощно прошедшая все этапы развития мате-

риальной капиталистической культуры, с такой же быстротой достигает последних этапов социалистического сознания. Замедленность развития в ней социализма является временной и скоро будет преодолена.

Скороспелая американская капиталистическая культура дала, таким образом, обильные, сочные и разнообразные плоды в области художественной литературы. Она проявила себя оригинальным творчеством и в живописи. В этом отношении особенно замечателен американский художник Уистлер. Он стремился только к гармонии красок, для него живопись — искусство сочетания света и цветов. Сюжет, независимый от световых и цветовых гармонических сочетаний, — ничто для Уистлера: он пишет именно только свет и цвета, считая это как бы специальным назначением живописи как искусства и тем удовлетворяя одной из важных потребностей капиталистического общества—потребности в углубленной специализациии.

В науке Соединенные Штаты Америки замечательны прежде всего изобретениями в области технической практики, особенно в машиностроении. Не задаваясь здесь, как и везде, целью дать сколько-нибудь исчерпывающее изложение фактов, совершенно невозможное в рамках нашей работы, отметим только в качестве наиболее ярких иллюстраций изобретение парохода Фультоном в начале XIX века и многочисленные электротехнические изобретения Эдиссона в конце его.

Но тот, кто отсюда сделал бы заключение, которое часто и неосновательно повторяется,—что Америка ничего нового не дала в научной теории,—глубоко ошибся бы. Отмечая опять-таки наиболее крупные явления, укажем на блестящие и глубокие открытия Резерфорда в физике: он—один из основателей электронной теории физических явлений; ему же принадлежит окончательное доказательство реальности атомов; он много сделал и для электронной теории строения вещества. Джемс в психологии создал новую теорию эмоций в связи с законами ассоциации идей. Новейшая американская школа в социологии, несмотря на всю незаконченность ее выводов и на ряд недоговоренностей, столь характерных вообще для буржуазной науки, стоит, несомненно, все-таки на

пути исследования научной закономерности общественных явлений.

Тот же Джемс—характерный представитель одного из направлений современной буржуазной философской мысли—так-называемого прагматизма, где процесс познания сводится к воле и практике. Это двойник бергсоновского интуитивизма, дающий так же, как и он, не познание в собственном смысле слова, а постижение: истина, по Джемсу, то, что подходит к жизни; в методе Джемса эмпиризм—не научный, а практический, обыденный, повседневный; и он сочетается с религиозной верой. Поэтому прагматизм так же, как и интуитивизм, свидетельствует об отказе буржуазии от научного метода исследования в философии, о том,что буржуазия строит свое миросозерцание на сверхопытных, мистических основах, лишенных научной достоверности. Характерно, что и в Америке такая философия имеет выдающегося представителя: это показывает, что и американский капитализм дошел до той степени развития, когда он начинает предчувствовать грядущие опасности. И отличие прагматизма от интуитивизма не случайно: философия практической буржуазии Америки все же ближе к жизни, чем философия европейской буржуазии.

Мы видели выше, что современное американское рабочее движение идет, как и во всех странах развитого капитализма, под знаменем научного социализма, марксизма. Вместе с тем Соединенные Штаты не только были ареной разного рода социалистически-утопических опытов, но и дали довольно яркого представителя аграрного утопизма в лице Генри Джорджа, автора книги „Прогресс и бедность", появившейся в конце 70-х годов XIX века. Воззрения Генри Джорджа довольно близко подходят к взглядам немецких сторонников земельной реформы (Bodenreformer). По Генри Джорджу низкая заработная плата, вообще низкий уровень благосостояния трудящихся масс, все их бедствия — следствие не конкуренции и капитализма, а отлучения труда от основного материала производства—земли. Он стоит за сохранение капитализма, роста на капитал и процента на капитал. Для прекращения зла, по его мнению, необходимы справедливость и свобода действий. Под спра-

ведливостью он разумеет национализацию земли путем установления единого налога на землю с уничтожением всех других налогов. Основанием для этого с точки зрения моральной или юридической служит, по мнению Генри Джорджа, положение, что люди имеют право частной собственности на все предметы, создаваемые их трудом; земля не создана трудом, следовательно, она и не может составить частную собственность. То, что Маркс называл абсолютной земельной рентой, — доход, получаемый землевладельцами в силу монополии, им принадлежащей,—не может составлять частную собственность и должно быть отчуждено у землевладельцев в виде налога в пользу государства. Но при этом вся земля должна остаться в частном, индивидуальном владении с полной свободой ее продавать, дарить и передавать по наследству. Это и есть „свобода действий".

Генри Джордж одно время достиг большой популярности в рабочих кругах Нью-Иорка и в местных социалистических группах и организациях. Но нетрудно понять, что ничего социалистического его план собою не представляет, и Генри Джордж впоследствии как типичный мелкобуржуазный утопист примкнул к мелкобуржуазной партии в Соединенных Штатах — именно демократической.

Одной из отличительных черт американского капитализма являются большие государственные и частные затраты на народное просвещение. В конце XIX в. в Соединенных Штатах на народное образование тратилось в год 465 коп. на жителя, в Англии 300 к., во Франции 200 к., в России 17 коп.[1]). Не только государство — центральное и особенно местные правительства, правительства отдельных штатов, не жалели денег на это дело, но и частные лица, особенно миллиардеры, ставили себе задачей проявить здесь возможно большую инициативу и щедрость. Особенно замечательны были пожертвования милиардера Карнеги. Конечно, до некоторой степени здесь сказывалось уважение к знанию и науке, сознание пользы от них для капиталистического общества; но главным побуждением здесь являлось, не-

---

[1]) *Железнов*, Очерки полит. экон., стр. 173.

сомненно, тщеславие; быть может иногда действовали тут также и те элементарно-моральные побуждения, которые заставляли старозаветных русских купцов после удачных коммерческих операций ставить пудовые свечи в церкви.

Все это наглядно показывает, что в быстро и сильно развившемся американском производственном капитализме именно вследствие крайней быстроты процесса смешиваются в чрезвычайной пестроте разные элементы—отсталые и передовые, хищнические, культурные и упадочные. Колоссальная и скорая нажива, небывало-широкий размах инициативы, предприимчивости, энергии, изобретательности, жадность и щедрость, реализм, романтизм, мистицизм, мелкобуржуазная оппозиция капитализму и пролетарский решительный протест против него—вот те разнообразные, глубокие противоречия, которые жили в американском капитализме, бок-о-бок, одновременно в конце XIX века. С ними он вступил и в XX столетие.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Общая характеристика производственного капитализма.

Изучая производственный (сельскохозяйственный и промышленный) капитализм в Западной Европе и внеевропейских странах, мы выбрали для детального исследования четыре страны: Англию, Францию, Германию и Соединенные Штаты Америки. Выбор этот сделан не без причины и не сразу,—лишь после знакомства с процессом развития производственного капитализма в целом ряде других стран европейских и внеевропейских. После того как ознакомление с относящимися сюда в высокой степени важными и любопытными явлениями было закончено, оказалось, что четыре названные выше страны представляют собою каждая—отчасти в частях своих—особый тип капиталистического развития. Нам теперь в первую очередь предстоит характеризовать типы аграрного развития, а потом индустриального и распределить по этим типам разные капиталистические страны, классифицировать их. При этом конкретный материал, изложенный на предшествующих страницах, будет соответственно пополнен в подходящих местах материалом, касающимся развития капитализма в других странах, не подвергавшихся нами до сих пор подробному исследованию.

Итак: чем характеризуются четыре изученных нами страны прежде всего в качестве типических представителей аграрного развития?

Здесь прежде всего отпадает один вопрос, который предварительно напрашивался и как будто вытекал из теоретических сомнений и соображений Давида и его последователей: нельзя ли различить страны, в которых сельскохозяйственный капитализм развивался, и такие страны, в которых это развитие было незаметно или

даже наоборот—наблюдалось движение вспять, упадок капитализма в сельском хозяйстве? Окидывая общим взглядом сельскохозяйственное развитие Великобритании, Франции, Германии и Соединенных Штатов после уничтожения во всех этих странах крепостного хозяйства и права, мы убеждаемся, что везде, во всех исследованных странах совершался процесс развития сельскохозяйственного капитализма. Вот первый важдый вывод, вытекающий из предшествующего исследования. Теоретически выведенные и обоснованные нами в пятом отделе тридцатой главы после критики воззрений Давида преимущества крупного, капиталистического сельского хозяйства над мелким, крестьянским оказываются таким образом не простыми отвлеченными положениями, не умствованиями, висящими в воздухе и лишенными реального значения: они подтверждаются самой действительностью, наблюдениями над жизнью, над ходом развития сельского хозяйства.

Различия наблюдаются не в общей тенденции сельскохозяйственного развития—эта тенденция везде капиталистическая,—а в быстроте этого развития или—точнее—в том, как далеко оно ушло вперед, и в формах, какие оно принимает. Быстрее всего шло и дальше всего вперед ушло развитие сельскохозяйственного капитализма в Англии и в Соединенных Штатах, потом во Франции, затем в восточной Германии и, наконец, меньше всего оно подвинулось вперед в южной и западной Германии. Вот еще важный общий вывод: установлены, следовательно, четыре различных степени развития сельскохозяйственного капитализма, достигнутые разными странами. Сейчас же оговариваемся: это не значит, что каждая страна переживала или должна пережить в точности и последовательно все эти степени развития. Такой вывод был бы совершенно неправилен уже прежде всего потому, что общее экономическое развитие одних стран шло гораздо быстрее, чем развитие других, так что они быстро и легко миновали и преодолели те препятствия, которые загораживали дорогу другим странам. Но он был бы неправилен не только поэтому, а также и потому, что формы развития сельскохозяйственного капитализма различны в разных странах.

Различия в формах сводятся к следующему: 1) в Великобритании и Соединенных Штатах растет главным образом крупное, капиталистическое сельскохозяйственное производство, и падает самое мелкое, какое в них существует; 2) во Франции растет крупное и мельчайшее хозяйство, и падает среднее—хозяйство самостоятельных крестьян как эксплоатирующих наемный труд, так и обходящихся без него; 3) в восточной Германии растут богатые крестьянские хозяйства, эксплоатирующие наемный труд, а также мельчайшие, парцелльные хозяйства при небольшом сокращении крупных капиталистических хозяйств; 4) в западной и южной Германии развиваются богатое крестьянское и крупное капиталистическое производства, и падает мельчайшее, парцелльное хозяйство.

Сопоставление этого третьего общего вывода со вторым показывает, что классификация типов аграрного развития по степени развития капитализма и классификация их по формам развития совпадают. Это внушает мысль о том, что то и другое объясняется общими причинами. Причины эти также исследованы в предыдущем изложении по отношению к каждой стране. Сводя их воедино, мы получаем ряд новых выводов, значительно углубляющих для нас смысл изучаемых нами в высокой степени интересных явлений и вместе с тем подтверждающих факт зависимости форм и размеров землевладения и хозяйства от условий производства.

Говоря вообще, и различные степени, и разные формы развития сельскохозяйственного капитализма были созданы в разных странах четырьмя рядами причин: 1) условиями техники сельскохозяйственного производства или иначе степенью интенсивности хозяйства, его капитализации; 2) влиянием сельскохозяйственного рынка: спроса на продукты сельского хозяйства и конкуренции при их сбыте; 3) степенью развития индустрии в стране и колонизации, переселения из страны; 4) исходным пунктом развития, т.-е. условиями, на каких произошло уничтожение крепостного хозяйства.

Припомним, как сложились эти основные влияния в Великобритании. Капитализация сельского хозяйства достигла там значительной высоты уже к половине XIX столетия, тем более позднее: к 70-м годам техника

земледеляя и скотоводства была здесь развита так, как нигде. В то же время внутренний рынок сельскохозяйственных продуктов настолько расширился и окреп, что сельскохозяйственное производство Великобритании не могло покрыть его потребности даже в значительной только части; заатлантическая конкуренция и сельскохозяйственный кризис 80-х и 90-х годов сказались только в том, что уменьшилось относительное значение великобританского земледелия сравнительно со скотоводством; скотоводство же продолжало развиваться, и в общем сельское хозяйство Великобритании таким образом не пострадало. Огромное развитие английской индустрии и сильное колонизационное течение также содействовали росту крупного хозяйства: индустрия создавала и укрепляла рынок для сельскохозяйственных продуктов и—вместе с колонизацией—отвлекала от земли и от тяги к земле народные массы. Это тем более легко достигалось, что исходным пунктом развития было образовавшееся в результате разрушения и уничтожения крестьянского хозяйства и на основе крупной земельной собственности капиталистическое фермерское хозяйство: чисто крестьянские традиции и привычки отмирали уже в XVIII веке и почти совершенно исчезли в XIX в.

В Соединенных Штатах мы наблюдали также быстрое и сильное развитие техники, рост внутреннего и внешнего сельскохозяйственного рынка, расцвет индустрии и усиленную колонизацию свободных земель на западе—все те же условия, что и в Великобритании; но исходный пункт другой—богатое крестьянское хозяйство.

Таким образом, высшая степень или, что то же, наибольшая быстрота развития сельскохозяйственного капитализма и первая, наиболее чистая его форма—с ясно выраженным развитием крупного хозяйства и падением мелкого—проистекает из высокой степени капитализации (развитой техники) сельского хозяйства, обширного и прочного рынка и сильного роста индустрии и колонизации; причем исходным пунктом всего процесса является или уже крупное хозяйство капиталистов-фермеров или хозяйство богатых крестьян.

Движущие силы французского развития в очень значительной степени отличались от английских и амери-

22*

канских: капитализация или техника сельскохозяйственного производства была высока, но уступала английской и американской; сельскохозяйственный рынок вследствие преобладания земледелия над скотоводством более, чем в Англии, пострадал от сельскохозяйственного кризиса; индустрия была развита гораздо менее, чем в Великобритании и Соединенных Штатах; колонизационное течение было слабо; наконец, исходным пунктом развития было одновременное существование и довольно крупных предприятий и многочисленных самостоятельных крестьянских хозяйств, для основания которых от крестьянства потребовались некоторые денежные пожертвования, хотя все-таки земля продавалась крестьянам во время великой революции по несколько пониженным ценам, чем те, которые существовали до того времени.

Значит, менее высокая, вторая степень развития сельскохозяйственного капитализма и вторая его форма— рост крупного и парцелльного хозяйства при упадке хозяйства среднего и мелкого — слагается под влиянием несомненного, но не первостепенно быстрого и не особенно сильного роста капитализации, при несколько стесненных условиях сбыта, не очень высокой степени развития индустрии и слабости колонизационного потока, причем исходным пунктом всего процесса является существование и образование мелких хозяйств на основе покупки земли по несколько пониженной цене при существовании в то же время и значительного количества крупных и средних сельскохозяйственных предприятий.

В Германии, западной и восточной одинаково, мы наблюдали капитализацию не выше французской, но более недавнего происхождения; сельскохозяйственный рынок во всей Германии так же, как и во Франции, сильно пострадал от заатлантической конкуренции и кризиса; но индустрия развилась больше и быстрее, чем во Франции, а колонизационное течение было несравненно напряженнее, чем в этой последней стране; и, наконец, исходным пунктом развития в восточной Германии было крупное землевладение при резко выраженном крестьянском малоземелье, а в западной небольшое число несобенно крупных владений при массе мелких самостоятельных крестьянских хозяйств. В результате мы полу-

чаем два вывода, касающиеся третьего и четвертого типов аграрного развития.

Один вывод гласит: третья форма развития сельскохозяйственного капитализма — рост богатого крестьянского хозяйства с наемным трудом, а также хозяйства парцелльного при небольшом сокращении крупнейшего хозяйства—является следствием довольно высокой, но недавней и потому быстрой капитализации, несколько стесненных условий сбыта, сильного и быстрого развития индустрии и колонизации, при исходном пункте всего процесса, характеризуемом преобладанием крупного землевладения и хозяйства и большим крестьянским малоземельем.

А вот другой вывод: четвертая форма развития сельскохозяйственного капитализма—рост богатого крестьянского хозяйства и крупного капиталистического при упадке парцелльного хозяйства— проистекает из довольно высокой, но недавней капитализации, несколько стесненных условий сбыта, сильного и быстрого развития индустрии и колонизации, причем исходным пунктом процесса является небольшое число неособенно крупных владений при массе мелких самостоятельных крестьянских хозяйств.

Процесс развития всякого капитализма, в том числе и сельскохозяйственного, всегда очень болезнен для народных масс. Но существуют различные степени болезненности капиталистического развития в зависимости от особых условий, в каких он протекает. Мы свели развитие сельскохозяйственного капитализма к четырем типам и характеризовали определенным образом каждый из них. Спрашивается, нельзя ли дополнить эту характеристику еще одной чертой—определением того, в каком порядке располагаются эти типы по степени болезненности их для народных масс? Попытаемся это сделать.

Первый тип в обеих его разновидностях, английской и американской, особенно в последней, отличается чрезвычайной напряженностью и быстротой процесса и по тому острыми, но сравнительно не очень продолжительными болезненными для масс явлениями. Отношения тут ясны и прозрачны, как хрусталь, классовые противоречия резко выражены; классовое сознание развивается по-

этому быстрее и успешнее, чем в других типах. Ясно, что этот тип в общем и целом наименее болезнен: болезненность сильная, но недолгая,—как при хирургической операции. Это—тип экономической революции.

Следующим за ним в этом отношении надо признать четвертый тип—западно-германский; развитие тут идет медленно, длительно, но зато в каждый данный его момент жертв и страданий сравнительно немного. Сумма болезненности все же больше, чем в первом типе, именно потому, что болезненность эта затяжная. Это—характерный тип мирной эволюции.

Несколько еще более болезнен второй, французский, тип, потому что движение здесь быстрее, чем в четвертом, но эта быстрота не велика и не может выдержать никакого сравнения с той, какая наблюдается в первом типе: сравнительно с нею это—затяжной процесс, и некоторое его ускорение сравнительно с четвертым типом не настолько велико, чтобы искупить сопровождающий его избыток болезненности.

Но самый болезненный для масс—это, несомненно, восточно-германский, третий тип развития сельскохозяйственного капитализма; здесь в утрированном, преувеличенном виде выступают все невыгоды второго, французского, типа,—и острота болезненности при экономической революции и ее длительность при эволюции соединяются тут вместе.

Указанными четырьмя типами исчерпываются все основные виды развития сельскохозяйственного капитализма. Это доказывается обзором сельскохозяйственного развития других стран, к которому теперь и переходим.

Исходный пункт развития сельскохозяйственного капитализма первого типа, притом в его американской разновидности, имеется в Австралии и Новой Зеландии [1]). Здесь повторилось в первой половине XIX века то, что случилось с некоторыми английскими колониями в Северной Америке в XVII веке: огромные пространства земли были захвачены немногими крупными хищниками из Англии; эти скуотеры, захватчики земли без формального на то правового основания, развели здесь овец и

[1]) См. об этом книги Метэна и др.

повели было характерное экстенсивное, хищническое хозяйство. Открытие австралийского золота и прилив большого числа переселенцев с половины века, причем переселенцы эти принесли с собою также, как в северо-американские колонии Англии, культурные предания и навыки из метрополии, повели к знакомым уже нам по истории аграрного развития Соединенных Штатов результатам: поселенцы захотели избавиться от паразитического, хищнического землевладения, и оно стало разрушаться законодательством австралийских колоний и Новой Зеландии. Первой мерой в этом направлении было обложение ренты, получаемой с крупнейших имений, налогом, доходящим до 28% ее. Затем правительство получило средства для покупки крупных имений, даже для принудительного их отчуждения. Купленные им земли и вообще земли государственные стали раздаваться в аренду мелким хозяевам, пользующимся, однако, большею частью и наемным трудом, в сущности богатым крестьянам и мелким сельскохозяйственным предпринимателям. Арендаторы получили право при производстве ими улучшений, подъеме техники, по истечении известного срока приобретать арендуемую землю в собственность. Так уничтожалось хищническое хозяйство и землевладение в Австралии и Новой Зеландии, и насаждались условия сельскохозяйственного производства, характерные для исходного пункта развития сельскохозяйственного капитализма в странах, подобных Соединенным Штатам. Совершенно неверны все утверждения о том, что в Австралии и Новой Зеландии происходила и происходит социализация или национализация земли. Развитие сельскохозяйственного капитализма там только еще началось в конце XIX в., но, несомненно, оно пойдет так же, как в Соединенных Штатах. Это видно из того, что имеются налицо все соответственные движущие силы: вводится быстро машинное производство в сельском хозяйстве, развивается рынок, растет индустрия, быстро идет вперед заселение новых земель, с поразительной скоростью увеличивается производство хлеба: в 1874 г. под хлебом было всего 622 тыс. гектаров, десять лет спустя $1^1/_2$ миллиона гектаров, причем вывоз хлеба дошел в 90-х годах до 3-х миллионов гектолитров в год.

К странам того же американского типа надо отнести еще Канаду с ее капиталистическим сельским хозяйством и развитой индустрией, а также Аргентину, капиталистическое развитие которой, особенно индустриальное, главным образом еще в будущем.

Второй, французский, тип развития аграрного капитализма представлен Бельгией и Данией.

В Бельгии гораздо еще резче, чем во Франции, выражена крайняя парцелляция землевладения и сельского хозяйства. Это понятно: индустрия в Бельгии относительно была уже в конце XIX в. гораздо важнее сельского хозяйства: последним занято было уже тогда всего 27% населения; поэтому для обеспечения себя постоянным составом сельскохозяйственных рабочих крупным предпринимателям оставалось только одно—всячески насаждать карликовое хозяйство. Понятно, что вследствие этого относительное число крупных хозяйств долго падало, что, однако, не означает развития, обратного капиталистическому, так как карликовые хозяйства простые придатки к крупным. Господство сельскохозяйственнюго капитализма в Бельгии тем более несомненно, что, с одной стороны, земледельческая техника достигла чрезвычайной высоты, почти равнятся английской,—урожайность превышает 30 гектолитров с гектара, с другой—крестьянское самостоятельное хозяйство падает. Все это подтверждается следующей таблицей [1]):

	Менее 2-х гект.	От 2 до 5 гект.	От 5 до 20 гект.	От 20 до 50 гект.	Свыше 50 гект.
1846 г.	66,9%	14,6%	12,1%	2,6%	0,8%
1866 г.	71,1%	15,1%	11,1%	2,0%	0,7%
1880 г.	78,1%	12,0%	8,2%	1,3%	0,4%

Позднее, в конце XIX в., наблюдается значительный рост не только абсолютного, но и относительного числа крупных (выше 50 гект.) хозяйств в Бельгии, а также и земельной площади, ими занятой; в 1895 г. их было уже более 0,4%, площадь под крупными и близкими к крупным имениями дошла до 31,2%, а парцелльные хозяйства сократились по числу до 76,6% [2]).

---

[1]) *Каутский*, Аграрный вопрос.

[2]) *Вандервельде*, Промышленное развитие и общественный строй.

Как во Франции сельскохозяйственные синдикаты организовались аграриями, так в Бельгии католическая партия, объединяющая крупнейших предпринимателей в индустрии и особенно в сельском хозяйстве, усердно развивала деревенские кооперативы, в которых крупный капитал ворочал всеми делами и посредством выдачи дивидендов на паи поддерживал в бедневшем крестьянстве инстинкты буржуазного приобретательства, низводя в то же время массу крестьян в зависимое от себя состояние батраков с карликовым наделом.

Данию ревизионистские исследователи типа Давида давно прославили как типическую страну мелкого сельскохозяйственного производства, в которой будто бы процесс развития сельскохозяйственного капитализма не наблюдается. Все это совершенно неверно, как то превосходно доказано Вл. Ильиным [1]). Вот процентное соотношение числа хозяйств разных размеров по данным датской статистики [2]):

	Без земли и менее 2½ гект.	От 2½ до 10 гект.	От 10 до 40 гект.	От 40 до 120 гект.	Более 120 гект.
1873 г.	41,2%	27,9%	17,7%	12,5%	0,7%
1885 г.	45,4%	26,2%	16,9%	10,8%	0,7%
1895 г.	47,2%	25,0%	16,8%	10,3%	0,7%

А вот данные о площади под хозяйствами разных размеров [3]):

	Без земли и менее 2½ гект.	От 2½ до 10 гект.	От 10 до 40 гект.	От 40 до 120 гект.	Более 120 гект.
1873 г.	1,5%	9,1%	25,5%	49,6%	14,3%
1885 г.	1,7%	9,5%	26,5%	47,1%	15,2%
1895 г.	1,8%	9,4%	26,8%	46,4%	15,6%

К этому надо прибавить, что в Дании, как и в Англии, огромное значение имеет скотоводство и происходит

---

[1]) *Вл. Ильин*—в сборнике „Текущая Жизнь“, Спб. 1908; перепечатано в его же „Аграрном вопросе“ и в новейшем издании сочинений Ленина.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

расцвет крупного капиталистического скотоводства: оказывается, что более трети всех сельских хозяев Дании в конце XIX в. уже совсем не имеют скота, хозяйства же свыше 40 гектаров владели почти половиною всего скота в стране [1]).

К третьему установленному нами типу аграрного развития—восточно-германскому или прусскому—относятся Швеция, Австро-Венгрия и южная Италия, расположенные нами здесь в порядке убывающей прогрессивности их хозяйства. Впереди всех их по хозяйственному развитию стояла в конце XIX в. Швеция. Техника сельского хозяйства здесь была высока: сборы хлеба доходили до 24,7 гектолитра с гектара. Хорошо развитая индустрия и горное дело создавали рынок для сельскохозяйственных продуктов и отвлекали от земли массы населения. Крупное сельское хозяйство эксплоатировало владельцев парцелл: в 1890 г. число хозяйств ниже 5 гектаров составляло 57,6% всех хозяйств страны [2]). Но в то же время, как и в Пруссии, значительно было относительное количество крепких, самостоятельных, зажиточных крестьянских хозяйств: они составляли 36,2% общего числа хозяйств в Швеции [3]). Были в Швеции и остатки крепостнического хозяйства в виде некоторого количества торпарей—крестьян-арендаторов чужой земли, плативших за аренду отработками или натурой, долей урожая.

В Австро-Венгрии и южной Италии освобождение крестьян состоялось на условии их малоземелья, чисто почти полного их обезземеления; только зажиточные, „крепкие“ крестьяне, как и в Пруссии, получили землю в собственность за выкуп. Значительны остатки крепостнического хозяйства. Типично распределение хозяйств в Венгрии в конце XIX в.:

	Крупные.	Средние.	Мелкие.	Мельчайшие.
Процент владений . .	0,1%	1,3%	29,0%	69,6%
Процент площади под ними	33,0%	21,0%	42,7%	3,3 %

---

[1]) Там же.
[2]) *Герц*, Аграрные вопросы.
[3]) Там же.

В Австрии в начале XX века число хозяйств распределялось так:

Мельчайшие.	Мелкие.	Средние.	Близки к крупным.	Крупные.
(до 2 гект.).	(от 2 до 5 г.).	(от 5 до 20 г.).	(от 20 до 100 г.).	(свыше 100 г.).
43,6%	28,2%	22,3%	5,2%	0,7%

Наконец, к четвертому типу—южно-и западно-германскому—относятся северная Италия, Голландия, Швейцария и, повидимому, также Япония. Везде тут идет медленная концентрация сельского хозяйства, и в то же время сильно „крепкое“ крестьянство. Так, в Голландии крестьянских хозяйств в 1893 г. было 67% [1]). Голландия и Швейцария—страны по преимуществу скотоводственные. В северной Италии значительно развита индустрия. Северная Италия, Голландия и Швейцария, подобно южной и западной Германии, изобиловали сельскохозяйственными кооперативами, в которых нередко принимали участие и крупные сельские хозяева, фактически себе их подчинявшие. Особенно много таких кооперативов было в северной Италии: так-называемых „народных банков“ во всей Италии считалось в конце прошлого века 720, из которых большая часть сосредоточивалась именно на севере.

В Японии крепостное право и барщина, вообще крепостническое хозяйство было уничтожено в 1867 году, причем крестьяне получили в собственность обрабатывавшиеся ими прежде на себя земли. Мелкое крестьянское хозяйство здесь преобладало в конце XIX и начале XX в. Техника весьма высокая, с искусственным удобрением и интенсивной обработкой почвы. Принимая во внимание эту высоту техники, а также и то, что в Японии ведется собственно не зерновое хозяйство, а хозяйство специальных культур, главным образом, разведение риса, можно признать японское хозяйство не парцелльным, а по преимуществу мелким крестьянским.

---

[1]) *Герц*, Аграрные вопросы.

Вот распределение японских хозяйств по разрядам в 1910 году:

	Крупные. (свыше 50 дес.).	Средние. (10—50 дес).	Мелкие. (1/2 дес.— 10 дес.).	Мельчайшие. (менее 1/2 д).
Число хозяйств . .	0,06%	0,81%	52,99%	46,14%

Когда у нас шла речь об Англии,—была особо выделена Ирландия, бывшая долго типичной страной крепостнического хозяйства, с полным обезземелением сельскохозяйственных производителей, но с эксплоатацией их лэндлордами на условиях краткосрочной крепостнической аренды. Мы видели, что эти отношения там в XIX и XX веках постепенно ликвидировались в смысле создания мелкого хозяйства и землевладения, приближения к американской разновидности первого типа аграрного развития. Испания представляла собою в конце XIX в. почти полную параллель дореформенной Ирландии: в ней почти всецело господствовало крепостническое хозяйство в разных его формах. 11 тысяч крупнейших и знатнейших дворян и 200 тыс. чел. духовных лиц владели здесь двумя третями всей земли и эксплоатировали ее крепостнически—в Андалузии, например, путем грубой, хищнической эксплоатации безземельных батраков, а в Валенсии путем сдачи в аренду земли за высокую цену. Только треть земли находится—и то в других провинциях—в руках мелких собственников и крестьян.

Мы различали выше степень и формы развития сельскохозяйственного капитализма в разных странах. Это различение было необходимо для того, чтобы быть ближе к конкретной действительности, чтобы не стереть некоторых ее местных, индивидуальных черт. Но теперь уместно и своевременно связать степень (или быстроту) развития с его формами. В самом деле: ведь различия в формах в конце-концов сводятся к тому, что в одних странах, как в Англии, Соединенных Штатах, совершается прямой, простой и ясный процесс капитализации и концентрации сельского хозяйства, а в других, как во Франции и Германии, этот процесс осложняется насаждением парцелляции или преуспеянием крепкого крестьянства. Какой же, спрашивается, смысл имеют эти осложнения?

Нетрудно понять, что по существу это—проявления некоторой задержки, недоразвитости процесса капиталистического развития, вынужденного в зависимости от местных условий принимать защитный цвет, формы своего рода мимитизма, мимикрии в интересах самосохранения. Следовательно, и формы сельскохозяйственного развития в конечном счете сводятся к его степеням: первая степень—английская и американская, вторая—французская, третья—восточно германская, четвертая—южно- и западно-германская; ниже линии капитализма стояла долго Ирландия и до сих пор стоит Испания.

Этот последний общий вывод законченной нами сейчас обобщающей работы, касающейся сельскохозяйственного капитализма, имеет большое практическое значение для нас в решении дальнейшей задачи, перед нами стоящей,—в обобщающей работе по отношению к капитализму промышленному.

В самом деле: предшествующее изложение истории промышленного капитализма в Англии, Франции, Германии и Соединенных Штатах также как будто наметило степени и формы развития этой ветви капиталистического производства. Но сразу же можно будет легко показать, что и здесь формы развития соответствуют его степеням. Присмотримся ближе к фактам, изложенным в предыдущих главах настоящего тома нашего труда.

Вот Англия: здесь—высшая степень развития индустриального капитализма и в то же время наиболее культурная его форма.

Соединенные Штаты по степени развития близки к Англии; но эта близость далась им необычайной быстротой развития; и вследствие этой быстроты процесса остались не вполне сметенными довольно значительные особенно по численности, а отчасти и по размерам хищнические остатки. Это значит, что американское развитие—опять-таки разновидность первого типа, первой степени развития, объясняемая только темпом эволюционного процесса. Качество, следовательно, и здесь переходит в количество.

Вторая степень развития индустриального капитализма—это северная Германия—и западная и восточная, так как и в той и в другой имелись в конце XIX в.

районы, достигшие английской и американской высоты индустриального развития, — рейнско-вестфальский на западе и саксонский на востоке. И по культурности соответственно этому немецкий индустриальный капитализм приближается к английскому и соперничает—иногда даже успешно—с американским.

Французская капиталистическая индустрия занимает третью степень развития, отстает от северо-немецкой; она и в культурном отношении занимает то же место.

И, наконец, ниже всех индустрия южно-немецкая—баденская, вюртембергская, баварская. Она слабее французской, и если не менее, а подчас и более культурна, чем последняя, то лишь вследствие политического единства Германии, дающего общий высокий социальный удельный вес немецкому пролетариату в целом и через это целое и отдельным его частям даже в отсталых областях страны.

Классификация степеней и (теперь мы знаем это) зависящих от них форм промышленного капитализма таким образом у нас имеется. Но надо принять еще во внимание разные комбинации сельского хозяйства и индустрии в отдельных странах, чтобы составить цельную обобщающую картину результатов всего капиталистического развития в производственном отношении.

В Англии индустрия подавляет очень скромное по его удельному весу сельское хозяйство. В Америке такой степени подавления нет, и быстрота капиталистического развития Соединенных Штатов в XIX веке в значительной мере была создана именно взаимным равновесием индустрии и сельского хозяйства, богатыми предпосылками и возможностями, скоро развившимися и здесь и там. Так естественно объясняется и американская быстрота развития с осадками прошлого, делающая Соединенные Штаты особой разновидностью первой степени развития производственного капитализма.

В северной Германии тут много сходного с Америкой: и сельское хозяйство в ней сильно; но есть и различие: оно относительно слабее американского; отсюда—быстрота и сила индустриального развития; но обе—меньше, чем в Соединенных Штатах.

Во Франции и в южной Германии—явное преобладание сельского хозяйства над индустрией, в южной Германии еще больше, чем во Франции. Отсюда третья и четвертая степень развития промышленного капитализма. Почему же в этих странах сельское хозяйство приобрело такое преобладающее значение? Здесь, конечно, дело уже в природных условиях—в тучной почве и благодатном климате.

Итак, известная взаимозависимость между развитием сельского хозяйства и индустрии в данной стране существует. Это и понятно: с одной стороны, широкое распространение сельского хозяйства и высокое его развитие создают внутренний рынок для фабрикантов, с другой, такие сельскохозяйственные продукты, как хлопок, сахарный тростник, свекловица, табак, лен, конопля, отчасти даже хлеб и картофель, перерабатываемые в спирт и крахмал, дают сырье для индустрии. При всем том, однако, мы ошиблись бы, если бы сочли главным, основным влиянием, определяющим развитие индустрии, широту и высоту развития сельского хозяйства: тогда Англия, в которой сельскохозяйственный капитализм развит, хотя и высоко, но не широко, не была бы первой или второй индустриально-капиталистической страной в мире; Франция и в индустрии стояла бы в таком случае выше; в Германии не оказалось бы того несовпадения индустриального и сельскохозяйственного деления страны, которое мы наблюдали: в сельскохозяйственном отношении северо-западная Германия сходна с южной, а в индустриальном она примыкает к восточной Германии. Очевидно, развитие сельскохозяйственного капитализма только дополнительное, ускоряющее условие для развития капитализма индустриального, а не главное, не основное. Им объясняется отчасти то, например, что Соединенные Штаты и Германия могли совершать свое индустриальное капиталистическое развитие с такой быстротой, но не здесь лежит ключ к пониманию причин развития капиталистической индустрии вообще.

В последнем счете этот ключ лежит опять-таки в природных условиях—в богатстве территории данной страны минеральным топливом—каменным углем и нефтью,—этой пищей промышленности, и разного рода рудами,

в особенности железными, дающими важнейший материал для индустрии. Здесь секрет индустриального первенства Англии, индустриальных успехов Соединенных Штатов и Германии и сравнительной отсталости Франции и южной Германии.

Теперь понятно, почему и другие страны распределяются по типам своего индустриального развития не всегда так, как они распределялись по типам развития аграрного: главное—в угле и железе. Вот почему богатая и железом и углем Бельгия, в сельскохозяйственном отношении принадлежащая или долго принадлежавшая к французскому типу, в отношении промышленности ближе к Англии; в ней и индустрия преобладает все более и более над сельским хозяйством; характерно поэтому, что индустрия, задавая основной тон всей хозяйственной жизни Бельгии, под конец XIX в. и в сельскохозяйственном отношении стала приближать эту страну от французского типа к английскому: в ней парцелльное владение перестало расти, стало сокращаться [1]), а крупные владения стали увеличиваться по числу и по площади сами прямо, непосредственно, не прибегая к парцелльному прикрытию. Точно также из стран сельскохозяйственно-близких восточной Германии богатая дровами, если не углем, и особенно изобилующая железом Швеция в индустриальном отношении близка к Англии—в Швеции в 1901 г. было выплавлено чугуна на одного жителя почти столько же, сколько в Бельгии [2]). Наконец, к английско-американскому индустриальному типу принадлежит по тем же причинам и Япония, в сельскохозяйственном отношении близкая к южной Германии. Но за приведенными только что исключениями все остальные классифицированные нами страны и в сельскохозяйственном и в индустриальном отношениях принадлежат к одному типу: они не так богаты углем и железом, чтобы отодвинуть на второй план влияние сельского хозяйства, и потому это влияние в них выступает явствен-

---

[1]) Мы видели это выше в цитате из книги Вандервельде: парцелльные владения в 1880 г. составляли 78% всех владений, а в 1895 г.—только 76,6%.

[2]) 6,2 милл. п., тогда как в Бельгии 6,9 милл. п.: *Ден*, Камен. и железодел пром., стр. 86.

нее и создается совпадение типов или степеней развития сельскохозяйственного и промышленного.

Можно формулировать далее еще два важных чисто экономических вывода, вытекающих из произведенного в предыдущих главах исследования: один из них касается двух моментов развития капитализма во всех странах, другой—обстоятельства, сопровождающие переход от одного момента к другому.

Капитализм всюду и всегда переживал, как мы видели, сначала грубо-хищнический период своего роста, затем этот период сменился другим—периодом культурного капитализма.

Но мы ошиблись бы, если бы сочли, что второй период безболезненно и самопроизвольно возник из первого. Нет, и здесь не обошлось без борьбы, без тяжкого столкновения социальных сил. Таковы были революции в Англии и Франции—чартизм и февральская революция 1848 года. В Германии революцию заменили войны—австрийская 1866 г. и французская 1870—71 годов. В Соединенных Штатах—междоусобная война 60-х годов. Так и в других странах: в Бельгии—война за независимость от Голландии, в Австро-Венгрии поражение 1866 г., в Италии освободительные войны с Австрией, особенно войны 1859 и 1866 годов. Потрясение в том или ином роде всегда знаменовало собою таким образом переход от хищнического капитализма к культурному.

В социальном отношении, в устройстве общества основными чертами эпохи производственного капитализма являются две, тесно между собою связанные: первая из них—это юридическое равенство, равенство перед законом, уничтожение сословий; вторая—экономическое неравенство, развитие классового строя, классовых противоречий и классовой борьбы.

Уничтожение сословий, юридического, правового неравенства в производственно-капиталистическом обществе совершилось не сразу: это был целый процесс, развитие которого неразрывно связано с изменением экономического строя. Пока господствовал хищнический капитализм, существовало только гражданское равноправие, равенство в гражданском, частном праве—лич-

ном, имущественном, наследственном, обязательственном, потому что без наличности такого гражданского равноправия немыслимо развитие производственно-капиталистических отношений даже в их грубо-хищнической форме. С переходом к культурному капитализму делает все большие успехи и политическое равноправие, равенство в государственном праве. Характерно и важно, однако, что в производственно-капиталистическую эпоху процесс этого политического уравнения нигде не достиг полного завершения: например, даже там, где всеобщее избирательное право было формально признано, женщины его не получили.

С другой стороны, в производственно-капиталистическом обществе непрерывно совершался и развивался процесс развития классовых противоречий и классовой борьбы, получивший наиболее яркое выражение в рабочем движении—экономическом и политическом. При этом характерно, что лишь в странах первого типа или первой степени развития капитализма, подобных Англии и Соединенным Штатам, рабочее движение долго сохраняло преимущественно экономический, не политический характер, характер трэд-юнионизма: быстрота и широта развития создавала здесь возможность для буржуазии частичных и временных уступок. Однако, и в этих странах наступил момент, когда индустриальная конкуренция отсталых раньше стран сделала невозможной дальнейшую уступчивость и придала рабочему движению тот явно политический характер, который сразу, с начала развития капиталистической индустрии, стал отмечать собою рабочее движение стран других типов или степеней индустриального развития. По мере перехода к культурному капитализму и рабочее движение, в начале чисто разрушительное, малосознательное, слабо организованное и даже совершенно неорганизованное, приобретало культурность, организованность и сознательность. Проявились и первые признаки и попытки связать рабочее движение отдельных стран в международное целое.

Большая или меньшая степень развития культурно-производственного капитализма и развития рабочего движения создала политический строй изучаемой эпохи. Несмотря на формальное отсутствие всеобщего избира-

тельного права в Англии и на формальное сохранение в ней монархии,—эта передовая капиталистическая страна по существу уже в конце XIX в. приближалась к типу демократической парламентарной республики. В этом отношении даже Соединенные Штаты с их независимостью исполнительной власти от законодательной и с широкими полномочиями президента несколько отставали от Англии. Следующую ступень занимала Франция, и минимум политических уступок духу культурного капитализма являла собою Германия. Вся эта классификация и характеристика покоятся не только на организации высшего и центрального, но и областного, местного управления, всего чувствительнее и непосредственнее в политическом аппарате, отражающего экономические и социальные влияния. Только в странах первого типа существует настоящее демократическое местное управление.

Это одинаково можно сказать об Англии, Соединенных Штатах, Австралии, Новой Зеландии, Канаде, в которых все местное управление всецело находится в руках выборных людей. Во всех других странах производственного капитализма местное самоуправление, как во Франции, замкнуто в довольно узкий круг местных, главным образом, местно-хозяйственных дел, и поставлено в большую или меньшую зависимость от бюрократии. И суд демократичен только в странах первого типа, где присяжные ведают и гражданские и уголовные дела все без исключения и участвуют в предварительном следствии.

Парламентарный тип конституции господствует в большинстве производственно-капиталистических стран, в Англии, Франции, Бельгии, Швеции, Дании, Италии, Испании и пр. Исключение представляли собою только Германия, Австро-Венгрия, Япония и Соединенные Штаты—все страны, позднее других вступившие на путь капиталистического развития. Из них Соединенные Штаты занимали особое положение, потому что в них носитель независимой исключительной власти выбирался демократически и на срок.

Все эти политические порядки и отношения с их особенностями являются отражением большей или меньшей высоты развития культурного капитализма.

23*

Особыми отличительными чертами эпохи производственного капитализма в политическом отношении являются протекционизм и колониальная политика. Из четырех основных, типичных стран, нами детально изучавшихся, только Англия осталась верна системе свободной торговли, введенной в ней во время торжества культурного капитализма. Все остальные страны пошли по пути протекционизма—Франция меньше всех, Соединенные Штаты всех больше. Несомненно, протекционизм — черта, свойственная более хищническому, чем культурному, капитализму. Его наличность и развитие той внутриклассовой борьбы между буржуазией разных стран, которая под именем конкуренции составляет один из непреложных законов существования и развития капиталистического общества, показывает, что вполне культурным производственный капитализм быть не может, что отрыжки и пережитки грубого хищничества остаются навсегда ему свойственными.

Интенсивная колониальная политика—тоже вид грубого капиталистического хищничества. Только у Англии в более культурных частях ее колоний, в так-называемых доминионах (Канаде, Австралии, Южной Африке и пр.), наблюдается и здесь переход к культурности, проведение принципа самоуправления. То же и у Соединенных Штатов. Огромная территория английских колоний помогла Англии сохранить свободную торговлю, вообще достигнуть максимума культурности в производственном капитализме.

Соответственно хозяйству, обществу и государству развивались, наконец, и психология и духовная культура производственно-капиталистического общества. И здесь опять нельзя обойтись без характеристики типов или степеней развития.

Первый тип, высшая степень—Англия. Ранняя демократическая революция в Англии не смела целиком, без остатка дворянских традиций. Процесс перерождения дворянства в буржуазию заканчивался еще долго и после нее, что нашло себе духовно-культурное выражение в искусстве Рена, в художественной литературе Тика, Стиля и Аддисона. В других капиталистических странах, как Франция и Германия, это имело место социологически

раньше, в эпоху более или менее запоздалых революций. Эта оригинальность духовной культуры начального английского производственного капитализма объясняется таким образом тем, что Англия была пионером буржуазно-капиталистической культуры.

После того как эта культура вымела последний сор прошлого, началось новое буржуазное культурное строительство. Первоначально победитель буржуа был хищник, жадный приобретатель, он усвоил худшие психические черты своего исторического предшественника и противника—дворянина. Но хотя нет—нет, да и показывал себя, прорывался „экономический человек" буржуазного общества во всей своей достаточно неприглядной наготе,—приличия требовали фигового листка, лицемерия, взамен недостающего искреннего чувства хотя бы деланной чувствительности. Отсюда вышла идеализация буржуазии в литературно-художественном сентиментализме и в сентиментальной живописи: в литературе это сделали Лилло, Ричардсон, Фильдинг, Гольдсмит, Стерн, лэкисты, в живописи Рейнольдс и Лауренс. Уже в этом сентиментализме чувствовалась, однако, неудовлетворенность действительностью, искание чего-то нового. Материальная культура эпохи хищнического капитализма ведь не стояла на месте, двигалась, шла вперед, обнаруживала тенденции к капитализму культурному. Такие же тенденции проявили себя и в культуре духовной, усиливаясь с течением времени. Начались они литературной сатирой Свифта, Дефо, Смоллета, Шеридана и сатирической живописью Гогарта, продолжались деизмом Коллинза, Лайонса, Толанда, эстетизмом Шефтсбери, стремлением к научной объективной истине у Петти, Норта, Давенанта, особенно у Ньютона, а завершились боевым романтизмом Байрона, Шелли и Гэнсборо, непосредственных предшественников и провозвестников эры культурного капитализма, у которых буржуазный индивидуализм очищается от хищнических, элементарно-эгоистических примесей, как очищен он и в фолософии Юма и Локка, и в политической экономии Смита и его школы.

Далее, с победой культурного капитализма в сфере материальных отношений, торжествует и культурный индивидуализм с его широким розмахом и высоким взлетом,

с жаждой всесторонних не только чувственных, но и моральных, эстетических и интеллекуальных наслаждений, понимания и овладения действительностью. Отсюда именно проистекает великое натуралистическое движение в литературе: Диккенс, Теккерей, Джорж Эллиот, Бульвер-Литтон, Купер, живописи — Вильни, Констэбль, науке — Маколей, Бокль, Спенсер, Дарвин с их широкими, обобщающими попытками охватить целиком всю действительность. Надо, впрочем, заметить, что в научно-обобщающей работе того времени был, несомненно, элемент романтизма, боевого и скорого стремления вперед, к конечным выводам, несмотря на некоторые еще слишком значительные недочеты в специальном исследовании; при этом Бокль и Спенсер, при всей своей оригинальности, не избегли французского влияния. И вообще эти попытки широких обобщений пришли позднее французских как хронологически или исторически, так и социологически, по внутренней связи явлений: повидимому, англичане, как пионеры капитализма, собственным оригинальным трудом пробивавшие себе дорогу, были практичнее, больше ценили факты и их специальное, углубленное исследование. Образец этого дал ведь еще Ньютон. Поэтому и утопизм Оуэна у них скоро и рано нашел себе противовес в элементах научного социализма Томпсона.

Потом развитие буржуазной науки в культурно-капиталистической Англии пережило момент именно углубленной специализации: в естествознании—у Гёксли, Дьюара, Фарадея, Максвела, Джаула, Листера, Беринга и др. и в обществознании у Фримана, Стебса, Мэна, Тэйлора, Дайси, Сибома, Мэтлэнда и т. д. Эта специализация сказалась и в искусстве—у Тернера в его понимании живописи как искусства краски, отчасти в символизме прерафаэлитов и Рёскина и в импрессионизме Уайльда, в поэзии Теннисона, как искусстве словесной формы.

Но тут же—у прерафаэлитов, Рёскина, в болезненном, извращенном индивидуализме Уайльда—выразился и последний момент развития буржуазной психологии эпохи производственного капитализма: бессознательное чаяние вечности существующего строя, мистицизм, наконец, моральный декаданс.

Такова закономерность развития буржуазной духовной культуры в Англии. Другой тип того же развития представляет собою Франция. В сущности особенности этого типа попутно, при обзоре английского процесса развития, были уже отмечены. Сейчас придется только их повторить.

И во Франции дело началось с перерождения остатков дворянства и хищнической буржуазии в буржуазию культурную—в поэзии Казимира Делавиня, в философии Кузена, в исторических работах Гизо, Тьерри, Минье и Токвиля. Вторым этапом этого перерождения явился романтический натурализм Бальзака, Стендаля и Мериме. Третьим был романтизм Гюго, Мюссе, Жорж - Занд, Сент-Бева, Мишле, Делакруа, Рюда с примыкающими сюда же импрессионизмом и плэнэризмом барбизонцев, Коро и Лилле. Эта блестящая плеяда провозвестников культурного капитализма показывает, как трудно было во Франции преодолеть хищнически-буржуазные традиции. И этому соответствует социалистический романтизм великих утопистов—Фурье, Кабе, с зародышами научного социализма у Сен-Симона и Луи Блана. Анархизм Прудона и христианский социализм Ламенне имеют ту же романтическую окраску. Как было уже указано, попытки широкого обобщения, сделанные Контом и Ламарком, относятся также к этой эпохе, более ранней, чем соответствующие попытки в Англии. Научной работе XVIII и первый половины XIX в. в Англии соответствуют вполне труды Клэро и Фурнье, не считая уже упомянутых выше работ французских историков этого времени.

Франция запоздала сравнительно с Англией в достижении культурного капитализма и так и не осуществила полноты этого достижения. Но когда та степень его, какая была возможна для Франции, оказалась осуществленной в действительности, тогда блестяще проявился натурализм в литературе у Флобера, Золя, Гонкуров, Додэ, Мопассана, в искусстве у Курбэ и Карпо. И в то же время сказалась научная специализация (Ренан, Тэн, Брюнетьер, Геннекен, Фюстель-де-Куланж, Мортилье, Олар, Кюри, Пастер и пр.), специализация в литературе, понимаемой как выражение красоты слова—у Готье, парнасцев, Бодлэра, и специализация в живописи и скульп-

турс—у символистов (Пювис-де-Шаванн) и импрессионистов (Манэ и др., Родэн).

Наконец, и во Франции стал близиться последний час производственного капитализма. И вот мистические, упадочные настроения начинают преобладать—в литературе у Бурже, в искусстве у мистических символистов Ж. Амана и Редона, в науке—в идейной эволюции Ренана и Тэна, в философии у Бергсона, властителя дум всей почти культурной европейской буржуазии. И оппозиция буржуазии к созданному; ею строю находит блестящего и высоко-культурного представителя в лице Анатоля Франса. Наконец, рос и развивался в то же время, как и в Англии, рабочий протест против капиталистических отношений.

Многочисленные остатки хищнического капитализма во Франции на-ряду с развитием капитализма культурного воспитали в этой стране широкую струю угодничающей буржуазным вкусам литературы, иногда для большей пряности приправляющей это угодничество известной дозой иронии и насмешки: комедии Скриба, Ожье, пьесы Дюма-сына, водевили Лабиша, оперетки Оффенбаха—вот эта литература.

Духовная культура и психология буржуазии производственно-капиталистического характера стран, позднее вступивших на путь капитализма, каковы Германия и Соединенные Штаты, в своем развитии проще, чем у пионеров капитализма, и в то же время отчасти, в силу культурного преемства и международных связей, она резюмирует некоторые достижения и этих пионеров.

В обеих странах дело началось с натурализма или реализма: таков был позитивизм Ницше, как только Ницше встал на свои собственные ноги, освободился от влияния Шопенгауера, таков же бы натурализм немецкой художественной литературы от Гартов до Гольца, Шляфа и „Ткачей“ Гауптмана; сюда относились также реализм живописи Менцеля и Либермана и натурализм Бичер-Стоу. Вся почти немецкая и американская наука, глубоко специализированная, носила тот же отпечаток реализма.

Неоромантизм и импрессионизм сменили под конец эту реалистическую эпоху. У Ницше они выразились в его философии сверхчеловека, в болезненном индивидуа-

лизме, изверившемся во всем, кроме себя самого, и с мужеством отчаяния отмахивавшемся от красного призрака. В живописи они нашли себе представителей в лице Бёклина, Штука и Клингера в Германии и Уистлера в Америке, в музыке—в лице Листа и Вагнера; в литературе немецкой Ведекинд вторил Ницше последнего периода, Демель и Путткамер ударились в мистицизм, Альтенберг был импрессионистом, а в американской литературе неоромантиком являлся Лонгфелло, а импрессионистским психологом ужаса, происходящего от стихийности буржуазной обыденщины, был Эдгар По. В науке и философии мистические или вообще ненаучные элементы ясно сказались в прагматизме Джемса в Америке, в неокантианстве, риккертианстве, агностицизме и витализме в Германии.

Но культурное преемство и международные связи, усвоение вследствие этого и влияния стран пионеров капитализма создали и в Германии и в Соединенных Штатах небывало сильные и глубокие новые культурные достижения. Таковы были в Германии теория научного социализма Маркса и Энгельса, отчасти также новые попытки построения научной философии, выразившиеся в эмпириокритицизме и имманентной школе; в Соединенных Штатах новые течения всего ярче проявились в художественном творчестве Маркгэма, Джека Лондона, Уота Уитмэна и Уптона Синклера.

Схема духовно-культурного развития других стран в общем и целом совпадает с немецкой и американской. Возьмем для первого примера итальянскую духовную культуру последних 30-ти лет XIX в.

Известно, какое важное место занимал в художественной литературе Италии 70-х и 80-х годов веризм—итальянский натурализм. Веристом в значительной мере был полуромантик, впрочем, еще Стеккетти, но особенно Граф и Верга.

Вслед за веристами пошли неоромантики и символисты, певцы и эпикурейских наслаждений, и империализма, возглавляемые д'Аннунцио. Затем религиозные мистики типа Фогаццаро [1]).

---

[1]) *Jean Dornis*, La poesie italienne contemporaine, P. 1900.

Параллель литературному веризму и неоромантизму в Италии в искусстве представляет собою Сегантини. Он превосходно изображал жизнь альпийских крестьян и был здесь подлинным реалистом с импрессионистским оттенком, являлся некоторым подобием итальянского Милле. А вот его импрессионистски-романтическая картина „Облако": изображена лужайка, на которой работают несколько крестьянских девушек; на заднем плане крутые зубчатые горы, а над ними в холодном, ясном небе облако цвета слоновой кости, которое только что крутил и трепал ветер, почему его масса—скрученная и спутанная; вот-вот оно поднимется и медленно уплывет вдаль.

И, наконец, в литературе проявился и демократический и социалистический процесс—у Ады Негри, Луиджи Капуано, Чены, Амичиса, Пасколе, Раписарди. Особенно сильно выразилось в Италии и синдикалистское течение—у Лабриолы, ди Леоне и др. [1]).

Или вот, например, литература в Австрии: реализм Анценгрубера, Эбнера—Эшенбаха и Розепсра сменился здесь изящным импрессионизмом скептика и пессимиста Шницлера, который ярко изображал пляску на вулкане, пир во время чумы буржуазии, чуящей уже смутно свою близкую гибель. Характерной чертой австрийской духовной культуры является и школа экономистов—противников марксизма, пытающихся оспорить теорию ценности и капитала Маркса и выставляющих в противовес ей субъективную по своему характеру теорию ценности—так-называемую теорию предельной полезности. Авторы этой теории—австрийские экономисты Менгер, Визер и Бём-Баверк. Сущность ее, выраженная в немногих словах, заключается в том, что необходимые и полезные вещи ценятся не по количеству, в каком они находятся в природе или производятся в хозяйстве, а по тому количеству, в котором нуждается данное общество. Эта потребность общества в разных вещах и составляет предел полезности их, а таким пределом определяется и ценность вещей. Теория предельной полезности—хитро-

---

[1]) См. о нем *Плеханов*, Критика наших критиков.

умное измышление, заставляющее ученых австрийской школы делать сложные математические вычисления, определяя ценность всяких предметов с целью тем опровергнуть трудовую теорию ценности, развитую Марксом.

Любопытны также перемены, пережитые духовной культурой Бельгии и также подтверждающих общую схему. Бельгия дала талантливых писателей натуралистического направления. Важнейший из них—Камилл Лемонье. Но ярко представлен был там и неоромантизм и символизм—мистический у Роденбаха и полный часто глубокого, нового содержания, протестующего против буржуазного общества у Метерлинка. Его „Чудо св. Антония“, „Аглавена и Селизета“, „Мона Ванна“ — превосходные образцы этого протеста. „Синяя птица“— фантастическая сказка о грядущем обществе, греза о будущем счастье. Настоящим поэтом грядущего освобождения человечества являлся также в Бельгии Верхарн.

Импрессионистом-скульптором в Бельгии и вместе вдохновенным художником труда был Константин Менье. Замечательны его статуи „Углекоп на работе“, „Крючник“, „Июнь“—косец, утирающий пот со лба. Фигуры и лица в его произведениях—единое целое; в них видны и физическая сила, и страдания, и следы голода и нужды: изможденные морщинистые лица, опущенные книзу углы ртов, угрюмый, строгий взор, в котором просвечивает чуть-чуть, на-ряду с трудом, страданиями и борьбой, ожидание грядущей великой победы.

Хотя скандинавскую литературу,—литературу Дании, Швеции и Норвегии,—не все считают единой, но каждая из этих стран дала выдающихся представителей разных периодов культурного развития буржуазии. Швед Стриндберг — несомненный талантливый натуралист, перед которым бледнеют чистые натуралисты Дании и Норвегии. Норвегия дала мирового гиганта протестующего боевого неоромантизма и символизма в лице Ибсена. Утонченным натуралистом новейшего пошиба с оттенком импрессионизма является датчанин Якобсен. Мы остановимся на минуту на Ибсене, который приобрел мировое влияние и типичен для всей буржуазной культуры, как представитель индивидуалистического

анархического протеста против капитализма и капиталистического общества.

Генрих Ибсен родился в 1828 г. в маленьком норвежском городке и был сыном буржуазного неудачника, разорившегося купца. Он учился в начальной школе, служил на посылках в аптеке, но стал готовиться к университету и под влиянием чтения Саллюстия и Цицерона написал драму „Катилина“ и лирические стихи, в которых приветствовал революцию 1848 года. Литературная работа, сразу принявшая протестующее направление, сблизила Ибсена с литературной молодежью, и хотя он выдержал экзамен, но в университет не пошел и после неудачной попытки издавать газету уехал в Берлин, где поступил в театр заведующим репертуаром и главным режиссером с обязательством раз в год давать свою новую пьесу. В то время—в 50-х годах—в скандинавской литературе сильны были романтическое и национально-патриотическое течения. Общему настроению поддавался и Ибсен в драмах этого периода—„Северные богатыри“, „Претенденты на корону“ и т. д. Но уже здесь протест против буржуазной пошлости и мелочности сказывался очень ясно. В „Комедии любви“ (1862 г.) Ибсен решительно выступил за красоту и свободу чувства, против ходячих взглядов на брак и любовь. Эта пьеса вызвала обвинение Ибсена в безнравственности и заставила его бросить службу. С тех пор он странствовал по Италии и Германии вперемежку с редкими наездами на родину и в Христиании поселился только в 1884 году и прожил там до смерти. Ряд превосходных драм делает Ибсена мировой знаменитостью. Первой из них был „Бранд“, где выведен тип идейного утописта, ради своего идеала не примирившегося с матерью перед ее смертью, погубившего жену и детей, обрекшего на самоотречение массы и побитого ими в конце-концов камнями; перед смертью Бранд спрашивает: „скажи, боже, достаточно ли силы воли для спасения“ и в ответ таинственный голос говорит ему: „бог есть милосердие“. Пьер Гинт, именем которого названа другая драма Ибсена,—молодой крестьянин, не удовлетворенный средой, в которой он жил, полюбивший, увлекший и бросивший потом девушку Сольвейг

и уехавший ради наслаждений и наживы в Америку; там он разбогател, потом потерял состояние, скитался по свету и вернулся домой жалким стариком, с сознанием, что не понял смысла жизни; здесь его ждала и приняла попрежнему любящая Сольвейг, уверенная в его возвращении. В „Императоре и Галилеянине“ Ибсен в лице Юлиана дал тип этического индивидуалиста—человека, ищущего смысла жизни и вместе с тем стремящегося к ее полноте и красоте. В „Союзе молодежи“ и „Столпах общества“—яркое обличение буржуазной пошлости, гнилости устоев буржуазного общества, политиканства и изображение брожения умов среди молодежи. „Нора“ ставит вопрос о положении женщины в семье. „Привидения“—драма, обличающая самопожертвование ради чувства долга: г-жа Альвинг из чувства долга пожертвовала любовью и личной жизнью для больного сифилисом и развратного мужа, и воспитала такого же больного и развратного вследствие наследственности сына. „Доктор Штокман“—индивидуалистический, моральный и анархический протест отдельной личности против своекорыстия и обмана буржуазного общества. „Дикая утка“—пьеса, утверждающая ценность иллюзий в обыденной жизни для обыкновенных средних людей, и отрицающая практическую пользу для них правды, раскрытия подлинной действительности. „Росмерсгольм“—одна из драм, вызвавших много разноречивых толкований. Повидимому, здесь противопоставлены два женских чувства—чувство преданной простой любви, свойственное Беате, и любовь, основанная на идейном единении,—любовь Ребекки; первому чувству отдается предпочтение: оно—настоящая любовь, второе должно быть только дружбой. В „Женщине с моря“ простой семейной любви, не связанной принудительностью, основанной на свободе выбора и чувства, отдано предпочтение перед фантастической любовью, экзальтированным увлечением. В „Эдде Габлер“ создан тип эгоистической индивидуалистки, женщины - хищницы. „Строитель Сольнес“—драма противоречия между моралью и высшими достижениями новатора: ради этих достижений Сольнесу приходится извращать мораль, преступить ее правила, но под конец она мстит за себя, и

совесть, ее угрызения губят Сольнеса, близкого уже к осуществлению своей цели.

Таковы главные драмы Ибсена,—мы опускаем некоторые менее важные и менее характерные. Символизм, импрессионизм, неоромантизм здесь в разных сочетаниях, несомненно господствуют и свидетельствуют о новых порывах вперед. Но порывы эти—типичны именно для мелкобуржуазной, хотя и демократически и протестующе настроенной, интеллигенции: протест Ибсена по своему существу глубоко-индивидуалистичен, не выходит из сферы психологических проблем и противоречий, не задается задачей перестройки основ общества. Единственный практический вывод у него — необходимость сильной воли и единения сильного мужчины-викинга и поддерживающей его, готовой на все женщины-валькирии. Из сферы исключительно-личной морали этот вывод не выходит и свидетельствует лишь о том, что равновесие и спокойствие в буржуазном обществе нарушено, что началось уже в XIX веке то разложение существующей культуры—материальной и духовной, — которое обычно всегда предшествует наступлению новой критической эпохи, новой революции.

Нам остается теперь свести все предшествующее изложение истории производственного капитализма к общим тезисам.

1. Основные черты хозяйства всех вообще стран, переживавших на западе Европы и в других частях света органический период развития производственного (сельскохозяйственного и промышленного) капитализма, заключаются в развитии машинной техники, вообще в капитализации производства в сельском хозяйстве и индустрии, затем в концентрации производства и всех его средств, начиная с земли, в руках небольшого сравнительно числа крупных предпринимателей и их союзов, в огромном росте производительности труда, в смене хозяйственных подъемов экономическими кризисами, в колониальной политике, в подготовке банков к роли руководителей промышленного развития и в крайне неравномерном распределении хозяйственных благ между разными группами населения—в чрезвычайном обогаще-

нии крупных капиталистов сравнительно с огромной массой остального населения.

2. Все капиталистические страны прошли через два основных периода своего хозяйственного развития—период грубо-хищнического капитализма и период капитализма культурного. Первый из них характеризуется грюндерством, спекуляцией, беспощадным истощением и растратой живой производительной силы, живого человеческого труда, прямой и массовой пролетаризацией и пауперизацией, преследованием или недопущением экономических и политических организаций труда. Второй период—культурный капитализм—отличается не меньшей, но более утонченной эксплоатацией труда, сокращением грубой спекуляции путем перенесения ее приемов в колонии, появлением и ростом централизованных профессиональных, кооперативных и политических организаций труда, развитием фабричного законодательства.

3. Во всех капиталистических странах переход от хищнического к культурному капитализму совершался при помощи революционного или военного потрясения.

4. В социальном отношении основная черта производственно-капиталистического общества заключается в резком делении его на классы, в росте классовых противоречий и классовой борьбы, в развитии классовой сознательности и организованности, приводящих пролетариат к роли борца за новое, социалистическое общество, необходимость которого вытекает из классового положения и классовых интересов пролетариата. Уничтожение сословных, юридических различий везде сначала, в эпоху хищнического капитализма, существует только в области гражданского, частного права и захватывает—и то не вполне—право публичное, государственное только в период культурного капитализма.

5. В государственном строе производственно-капиталистическое общество характеризуется участием выборных представителей населения в верховной власти и отчасти также в местном управлении и суде. При этом представительство демократизируется с переходом к периоду культурного капитализма.

6. В психологии капиталистической буржуазии грубое хищничество, жадное приобретательство, эгоистический

индивидуализм сменялись везде культурным индивидуализмом—жаждой всесторонних наслаждений, познания действительности и овладения ею, подчинения ее человеческой воле; под конец культурный индивидуализм стал вырождаться, принимать болезненные формы, осложняться стремлением обезопасить себя от грядущих грозных возможностей мистикой как идейным основанием вечности существующего строя.

7. Соответственно этому романтизм как порыв к лучшему будущему составляет общую новую черту передовых элементов буржуазной духовной культуры в период хищнического капитализма, натурализм и специальное, углубленное изучение действительности составляют духовную сущность культурного капитализма; неоромантизм в двух его струях—реакционно-мистической и оппозиционно—или даже революционно-протестующей окрашивает собою духовную культуру последнего момента развития производственного капитализма.

8. Вся эта общая закономерность, действительная, реальная для всех производственно-капиталистических стран, преломляется и видоизменяется в отдельных странах сообразно типам или степеням их капиталистического развития. Первое отклонение в хозяйстве заключается в том, что бывают страны индустриальные по преимуществу и страны главным образом сельскохозяйственные. Основная причина этого различия заключается в природных условиях: в богатстве минеральным топливом и рудами, особенно железной, и в тучной почве и благодатном климате.

9. Существует четыре типа или степени развития сельскохозяйственного капитализма: англо-американский, высший и наиболее чистый, где капитализация и концентрация выражаются прямо и непосредственно, второй—французский, в котором они прикрываются в особенности созданием парцелльных хозяйств, третий—восточно-немецкий, где кроме парцелльного прикрытия есть еще рост крепкого крестьянского хозяйства, и четвертый—западно- и южно-немецкий, в котором при росте крепкого хозяйства богатых крестьян медленно осуществляется и обычная капитализация и концентрация без процесса парцелляции.

10. С другой стороны, наблюдаются и четыре типа или степени индустриального развития: первый, высший— англо-американский, второй по высоте—северо-германский, третий—французский, четвертый южно-германский.

11. Несовпадение типов или степеней индустриального и сельскохозяйственного развития объясняется различными природными предпосылками того и другого (см. тезис 8-й). Но в тех странах, в которых, как во Франции, было мало природных предпосылок для развития индустрии или, как в южной Германии, их почти совсем не было, темп, размеры, а, следовательно, и степень или тип развития индустрии в первую очередь зависели от развития сельскохозяйственного капитализма. Наоборот, в индустриальных странах индустрия в конце-концов сильно влияла на направление и тип развития сельскохозяйственного капитализма.

12. Первый тип аграрного развития явился результатом быстрого и сильного развития индустриального капитализма и первоначального обезземеления крестьянства или, наоборот, начального равенства крестьянских участков как исходного пункта всего процесса. Во втором типе исходным пунктом было одновременное существование и довольно крупных предприятий, и многочисленных самостоятельных крестьянских хозяйств, а индустриальное развитие было сравнительно не особенно сильно. Третий тип произошел из обезземеления массы крестьян при сохранении земли за крестьянами зажиточными и из высокого развития индустрии. Четвертый имел исходным пунктом мелкое крестьянское хозяйство и небольшое число хозяйств предпринимательских при слабом развитии индустрии.

13. В социальном отношении страны высшей степени развития производственного капитализма имели ту особенность, что в них рабочее движение долго имело не политический, а только экономический характер, пролетариат довольствовался частичными экономическими уступками. Причина этого заключалась в возможности для буржуазии таких уступок вследствие быстроты и широты капиталистического развития в странах этого типа.

14. Максимум политического демократизма, поскольку он возможен в производственно-капиталистическом об-

ществе, оказывается достигнутым лишь в странах первой, высшей степени развития капитализма,—признак наибольшей культурности, капитализмом здесь достигнутой.

15. Страны старого капитализма все парламентарные; в странах капитализма недавнего господствовал конституционный строй с полным разделением властей, с самостоятельностью исполнительной власти по отношению к законодательной.

16. Единственной производственно-капиталистической страной, чуждой протекционизма, была с половины XIX в. Англия; причины этого заключались в недавней промышленной монополии Англии и в мощи ее индустриальной техники.

17. Ранняя демократическая революция в Англии создала ее первую особенность в духовной культуре—остатки культурного перерождения дворянства в буржуазию и, как следствие этого, лицемерный сентиментализм, с одной стороны, и бич новой буржуазной сатиры—с другой. Эти явления в других странах, запоздавших с буржуазно-демократической революцией, наблюдались раньше, до наступления этой революции.

18. Другая особенность английской духовной культуры—некоторая запоздалость попыток широких научных обобщений, опережающих углубленное, специальное исследование, сравнительно с такими же попытками во Франции. Причина здесь заключается в практицизме англичан как пионеров буржуазной культуры, в высокой и ранней оценке ими научной специализации.

19. Научный социализм Маркса и Энгельса является результатом культурного преемства и международных связей и влияний, а также силы и высоты рабочего движения в передовых капиталистических странах и приобретения им в известной мере международного значения.

200-00

